

Министерство образования и науки РФ
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА:

**проблематика, методология, аспекты
исследования и перспективы развития
научного направления**

Материалы
Международной научной конференции

27 ноября 2015 года

Екатеринбург 2015

УДК 409.34
ББК Ш107
П50

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: ПРОБЛЕМАТИКА, МЕТОДОЛОГИЯ, АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ: материалы Международ. науч. конф. (Екатеринбург, 27.11.2015) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2015. — 248 с.
ISBN 978-5-7186-0712-3

Представлены материалы выступлений на Международной научной конференции «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления» (Екатеринбург, 27.11.2015).

Материалы предназначены для филологов и всех, кто интересуется проблемами политической коммуникации; публикуются в авторском варианте, редакция не несет ответственности за их содержание и оформление.

УДК 409.34
ББК Ш107

Рекомендовано Ученым Советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве научного издания (Решение № 427 от 17.11.2015).

Издание выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

Подписано в печать 17.11.2015. Формат 60x84/8.
Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.
Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. – 28,82. Тираж 500 экз. Заказ 4584.
Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
E-mail: uspu@uspu.ru

ISBN 978-5-7186-0712-3

© ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСЕЕВА А. А. ОЦЕНОЧНОСТЬ ПРЕДВЫБОРНЫХ ТЕКСТОВ В ВОСПРИЯТИИ ИЗБИРАТЕЛЕЙ (ПО ДАННЫМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА).....	6
АЛЕКСЕЕВА Л. М., МИШЛАНОВА С. Л. ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ....	11
АЛФЕРОВ А. В., КУСТОВА Е. Ю., ЧЕРВОНЫЙ А. М. ПРАГМА-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕДУКЦИИ СУБЪЕКТА ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОМ ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ.....	15
БАБИКОВА М. Р. «ПРАВОСЛАВИЕ» КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ: НА ПРИМЕРЕ ГРУППЫ «АНСАМБЛЬ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ И МАТЬ СЫРА ЗЕМЛЯ».....	19
БЕКАСОВА Е. Н. ПОЛИТИЧЕСКИЙ «ОКРАС» УРБАНОНИМИИ ОБЛАСТНОГО ГОРОДА ОРЕНБУРГА.....	23
БЕКОВА И. Д. ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ Л.Х.ТИБИЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ 2014 г.).....	26
БОРИСОВА Е. Г. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА ИЛИ ЛИНГВОПОЛИТОЛОГИЯ?.....	29
БУДАЕВ Э. В. UKRAINE VS. THE UKRAINE: ОПРЕДЕЛЕННЫЙ АРТИКЛЬ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАРКЕР.....	31
БУШЕВ А. Б. МЕДИАДИСКУРС МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА.....	37
ВАСИЛЬЕВ А. Д. ДОМИНАНТНЫЕ КОНЦЕПТЫ ОДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА.....	43
ВОРКАЧЕВ С. Г. ЛИНГВОИДЕОЛОГЕМА «НАРОД» КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИДЕИ ПАТРИОТИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ).....	47
ВОРОШИЛОВА М. Б., ДРОЗДЕЦКАЯ А. Г. ПУТИН, АННА КАРЕНИНА, КАТЫНЬ: СТЕРЕОТИПНЫЙ ОБРАЗ РУССКОГО В СОЗНАНИИ ПОЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ.....	51
ГОРСКАЯ М. Д. ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА УЧЕНОГО В РУССКОЯЗЫЧНЫХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ ИТАР-ТАСС И ВВС).....	60
ГРИБАН И. В. «ОН СНОВА ЗДЕСЬ?» САТИРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ГИТЛЕРА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЦЕВ.....	67
ГУРОВА Н. В. АНТРОПОМОРФНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВОЙНЫ В ЛИВИИ 2011 г. (НА ПРИМЕРЕ ИСПАНОЯЗЫЧНЫХ СМИ).....	71
ДЖИОЕВА В. П. ЯЗЫК ЮГООСЕТИНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО ДИСКУРСА).....	76
ДЗЮБА Е. В. ОБРАЗ ПОЛИТИКА В БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Р. А. МЕДВЕДЕВА: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ.....	79
ЕНИНА Л. В., ГРАМАТЧИКОВА Н. Б. КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В БИОГРАФИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: ВЕЩНЫЙ МИР КАК ОСНОВА ИДЕНТИФИКАЦИИ.....	83

ЗАВАРЗИНА Г. А. К ВОПРОСУ О ДИНАМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА.....	87
ЗОТОВА А. С. КОНВЕРГЕНЦИЯ КАК ВИД КОНТЕКСТУАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭЛОКУТИВНЫХ СРЕДСТВ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ.....	92
ИВАНОВА С. В. ВОПРОС КАК КОММУНИКАТИВНОЕ ОРУЖИЕ В ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ.....	95
ИЛЬИНА О. В., КОМАРОВ Д. А. КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПОЛИТИКА В МЕДИАТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ МЭРА ЕКАТЕРИНБУРГА 2013 Г.).....	99
КАБЛУКОВ Е. В. К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ РЕАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ.....	105
КАЗАКОВ А. А. СРАВНЕНИЕ ФРЕЙМОВ И ПОВЕСТОК ДНЯ ВТОРОГО УРОВНЯ «РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ», «НОВОЙ ГАЗЕТЫ» И «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС» (НА ПРИМЕРЕ ОСВЕЩЕНИЯ СОБЫТИЙ НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ).....	110
КАЛИНИН С. С. СИМВОЛ СВЕТА ИЛИ СИМВОЛ МРАКА? ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СИМВОЛА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА.....	114
КИШИНА Е. В. КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ В СФЕРЕ ОБЫДЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	119
КЛИМОВА Т. Н. КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМНОГО ОБРАЩЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ.....	124
КОВАЛЕВА К. А. МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА НА УКРАИНЕ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ЮЛИИ ТИМОШЕНКО...	129
КОНДРАТЬЕВА О. Н. МЕТАФОРЫ СТРОИТЕЛЬСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОФИЦИАЛЬНОГО САЙТА ЮЛИИ ТИМОШЕНКО.....	134
КОПЦЕВА В. А. ЖАНР АНЕКДОТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Г. А. ЗЮГАНОВА.....	139
КОШКАРОВА Н. Н., ТОМБЕРГ О. В. ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ РОССИИ И США В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПРЕЗИДЕНТОВ С ТРИБУНЫ ГЕНАССАМБЛЕИ ООН.....	143
КРАСОВСКАЯ О. В. О «ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИГЛОССИИ» СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН.....	146
КРАССА С. И. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЭКСПЛИЦИРОВАНИЕ НЕИСКРЕННОСТИ.....	150
КРИЖАНОВСКАЯ Е. М. СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОПОЗИЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ В ИНТЕРВЬЮ ИЗВЕСТНОГО ЖУРНАЛИСТА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОФИЦИАЛЬНОГО САЙТА РАДИОСТАНЦИИ «ЭХО МОСКВЫ»).....	153
КУЗИНА Ю. В. SCARECROVAMA – ОБРАЗ Б. ОБАМЫ В ГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ СЕТИ ИНТЕРНЕТ.....	158

КУЛТЫШЕВА И. В. ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПОЗДРАВЛЕНИЯХ ГУБЕРНАТОРОВ (НА ПРИМЕРЕ ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ С 20-ЛЕТИЕМ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ).....	162
МАНАЕНКО Г. Н. ПРОБЛЕМА ФАКТА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ.....	166
МИХАЙЛЕНКО В. В. THE SPEAKER'S STRATEGY IN THE FRAMEWORK OF ARISTOTLE'S MODE (О СТРАТЕГИИ ГОВОРЯЩЕГО В РАМКАХ МОДУСОВ АРИСТОТЕЛЯ).....	170
МУХОРТОВ Д. С. МЕТАФОРА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩНОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК АНГЛО-САКСОНСКИХ ПОЛИТИКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ Б. ОБАМЫ, Д. КЭМЕРОНА, Т. ЭББОТТА И С. ХАРПЕРА В 2014-2015 ГГ.).....	175
НЕСТЕРЕНКО К. В. ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ» В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА.....	182
ПЕНТИНА А. Ю., ЧЕРНЯК В.Д. АГНОНИМИЧНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ТЕЗАУРУСЕ МОЛОДЕЖИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДИАЛОГА.....	188
ПЕТРОВ М. В. КОМПЛЕКСНАЯ ПОШАГОВАЯ МЕТОДИКА ИДЕНТИФИКАЦИИ И АНАЛИЗА МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУРСА ПУБЛИЧНЫХ ОБРАЩЕНИЙ Б. ОБАМЫ).....	192
ПЛАХОТНАЯ Ю. И. СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПОЛИТИКОВ РОССИИ И США В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ.....	196
ПЛОТНИКОВА А. М. ПРОПАГАНДА: КОЛЛИЗИИ ЮРИДИЧЕСКОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ.....	201
САДУОВ Р. Т. МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПОСТОЯННЫХ ЧЛЕНОВ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН.....	205
СЕГАЛ Н. А. МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СМИ.....	209
СЕРГЕЕВА Е. В. ИНФЛЮЭНС-ПОТЕНЦИАЛ НЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ.....	213
СМИРНОВА А. Г., МАРКИН А. Р. ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСИКО-КОМПОЗИЦИОННЫХ ПРИЁМОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЧАХ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ ПОЛИТИКОВ.....	219
ЧУДАКОВА Н. М. СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – это ЗДАНИЕ НА ГРАНИ ОБРУШЕНИЯ.....	225
ШУСТРОВА Е. В. ОТРАЖЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ В АМЕРИКАНСКОЙ КАРИКАТУРЕ.....	231
ЭНС Е. С. ВЛИЯНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ АВТОРА В ИНАУГУРАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ИНАУГУРАЦИОННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ П. А. ПОРОШЕНКО И В. В. ПУТИНА).....	235
ЯНУШ О. Б. ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА И ГЛОБАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ИЕРАРХИЯ.....	237
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	245

АЛЕКСЕЕВА А. А.

Новосибирск

**ОЦЕНОЧНОСТЬ ПРЕДВЫБОРНЫХ ТЕКСТОВ В ВОСПРИЯТИИ ИЗБИРАТЕЛЕЙ
(ПО ДАННЫМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию восприятия политического дискурса. В ней описывается разработанный автором лингвистический эксперимент, в рамках которого респондентам предлагалось самостоятельно выявить языковые единицы, которые, на их взгляд, выражают оценку. Анализ результатов проведенного эксперимента позволил сделать вывод о том, что респонденты в целом довольно хорошо видят языковые единицы как с ингерентной, так и с адгерентной оценкой, однако показывают тенденцию к выделению скорее не самого аксиологически нагруженного слова или выражения, а микроконтекста, в котором оно функционирует. Кроме того, была выявлена склонность респондентов к переходу от автор- и текстоцентрического модуса восприятия текста к эгоцентрическому.

Ключевые слова: политический дискурс, лингвистический эксперимент, оценка, восприятие текста

ALEKSEEVA A. A.

Novosibirsk

**APPRAISAL IN ELECTION TEXTS: VOTERS' PERCEPTION
(LINGUISTIC EXPERIMENT DATA)**

Abstract. The article deals with the research of political discourse perception. It contains the description of the linguistic experiment elaborated by the author, in the framework of which respondents were asked to highlight language units which, according to them, express appraisal. The analysis of the results enabled to conclude that the respondents could see units with inherent and adherent appraisal rather clearly, yet tend to highlight not the axiological word or expression itself, but the micro-context in which it functions. Also, as it was found, the respondents tended to change author- and text-centred modes of text perception to the self-centred mode.

Keywords: political discourse, linguistic experiment, appraisal, text perception

Политический дискурс, его суггестивная функция и манипулятивная природа уже не одно десятилетие являются объектом исследования различных областей знания. В лингвистике политический дискурс изучается с точки зрения тех языковых средств, с помощью которых реализуется его функция воздействия: «Описание аксиологической структуры текста связано с решением круга задач медиалингвистики, политической и аксиологической лингвистики. Для науки и медиапрактики остается актуальным поиск инструментов речевого воздействия на аудиторию и выявления авторских интенций» [Марьянчик 2013: 1].

Наиболее часто исследуется такое средство суггестии, как метафора. Одной из известнейших работ в этой научной парадигме является статья Дж. Лакоффа об использовании метафор в американской прессе во время «войны в заливе» в 1991 г. – «An open letter to the Internet from George Lakoff». Однако в зарубежной лингвистике этой статье предшествовало немало других работ, например, J. W. Bowers & M. M. Osborn [1966], J. Bosman [1987], N. Howe [1988], A. C. Graesser, J. C. Mio, K. Millis [1989] и т.д.

В отечественной лингвистике метафоры в политическом дискурсе начали очень активно изучаться в последнюю четверть века на материале как российского дискурса (А. Н. Баранов [1991, 1994], Ю. Н. Караулов [1994], А. П. Чудинов [2000–2004], и др.), так и зарубежного, в основном британского и американского (О. Г. Орлова [2002, 2004, 2006], Н. А. Красильникова [2007, 2008], К. И. Белоусов [2007, 2010], О. В. Антипина [2008] и др.), а также немецкого (Р. Д. Керимов, Л. И. Федянина [2014], В. Ф. Белова [2015] и т.д.), французского (Р. И. Зарипов [2015] и т.д.); сопоставительный характер носят работы А. А. Касловой [2002, 2003], А. А. Пшенкина [2003, 2006], Т. В. Моисеевой [2007], Э. В. Будаева [2007, 2009] и др., выполненные на материале двух языков. Кроме того, суще-

ствуется большое количество работ, посвященных иным средствам суггестии, которые используются в политическом дискурсе: фразеологизмам (Пронин [2014]), парцелированным конструкциям (Ю. В. Богоявленская [2013]), прецедентным феноменам (Н. Н. Воропаев [2011]) и многим другим.

Однако, по нашим наблюдениям, намного менее многочисленны работы, в которых исследуется то, как воспринимают тексты политического дискурса их адресаты, действительно ли разнообразные языковые средства воздействия, намеренно используемые авторами, воспринимаются читателями и оказывают на них влияние. При этом вопросы «обыденной интерпретации текста» приобретают в настоящее время особую актуальность, поскольку интерпретация такого типа «является, с одной стороны, наименее изученной, а с другой стороны, принципиально важной для понимания механизмов функционирования естественного языка» [Тваржинская 2012: 227].

Одной из работ, в которых анализируется восприятие политического текста его читателями, является диссертационное исследование Е. А. Репиной, целью которой было «выявление качества и степени воздействия на реципиента заложенных в политических текстах базовых эмоциональных состояний»¹. В рамках эксперимента респондентам предлагалось оценить 35 политических текстов по 28 шкалам, соответствующим различным эмоциональным состояниям, в баллах от 0 до 6. Е. А. Репина применяла методику семантического дифференциала, разработанную Ч. Осгудом и предполагающую оценку какого-либо объекта действительности в рамках нескольких биполярных шкал с семью делениями [Osgood 1964: 172-173]. Результаты данного эксперимента позволили Е. А. Репиной прийти к выводу о том, что «политический текст обладает способностью эмоционального воздействия на реципиентов и формирования у них эмоционального психического состояния».

Настоящее исследование посвящено изучению оценочности политического текста. Однако если обычно «в стилистике и теории текста оценочность / оценка исследуется как текстообразующая категория, как функция, как дискурсивная доминанта, как свойство и конструктивный принцип языка газеты, как стилеобразующий фактор, как функциональная семантико-стилистическая категория» [Марьянчик 2013: 4], то в нашей работе объектом исследования является рецепция оценочности. Его цель состояла в том, чтобы определить, способны ли читатели – потенциальные избиратели – выявить средства выражения оценки в текстах политического дискурса, т.е. насколько им легко или трудно отличить чисто фактуальную информацию от оценочных «напластований». Для реализации этой цели был разработан лингвистический эксперимент, в котором принял участие 21 человек в возрасте от 18 лет до 61 года. Столь небольшое число его участников было обусловлено желанием провести для начала пилотное исследование, чтобы на его основе отработать технологию проведения подобных экспериментов и выработать схему анализа полученных результатов, которая в дальнейшем может быть применена к анализу большего массива данных.

В ходе эксперимента респондентам было предложено прочитать фрагменты предвыборных текстов двух кандидатов в депутаты Совета депутатов г. Новосибирска (выборы проходили в конце сентября 2015 г.) – С. Лаврюшева (текст №1) и Н. Пинус (текст №2) – и выполнить следующее задание: «Выделите любым удобным способом те слова/фразы/предложения, в которых, на ваш взгляд, выражается оценка чего-либо по шкале «плохо/хорошо». Рядом с выделенным фрагментом поставьте знак «плюс», если считаете, что оценка положительная, или знак «минус», если она, по-вашему, отрицательная. Пример: Наш сын семи пядей во лбу (+). Мы долго (-) сидели в очереди».

1. «Академгородок – это лаборатория, а не аттракцион. Новых гигантских развлекательных комплексов и толп туристов на нашей территории не будет. Но со времен Лаврентьева у нас в почете спорт, музыка, искусство. Я намерен добиваться «разморозки» реконструкции ДК «Академия», строительства зданий спорткомплекса в Нижней Зоне и музыкаль-

¹ См. Репина Е. А. Политический текст как средство речевого воздействия: <http://www.psychportret.ru/collection/repina.html#Г11>

ной школы, центра детского развития (включая знаменитую киностудию «Поиск»). Для людей всех возрастов должны быть восстановлены дворцовые спортплощадки, а закрытые спортзалы и клубы – стать общедоступными. Я приложу все усилия, чтобы свести к минимуму волокиту и бюрократизм в лечебницах Советского района. Став депутатом Горсовета, я должен реализовать около 20 наказов и рекомендаций моих избирателей по организации интересного, насыщенного и здорового образа жизни в Академгородке. Сделаем эту цель достижимой, продолжим дело Лаврентьева!»

2. «В настоящее время помимо деятельности на благо Академгородка и Советского района я включена в процессы развития города Новосибирска в целом. Основные направления моей активности в общегородском масштабе – это тема культуры и вопросы архитектурного облика, благоустройства и градостроительства. Я активно сотрудничаю с Сибирским центром содействия архитектуре, Всероссийским рейтингом «Золотая капитель», являюсь членом Общественного совета по культуре при министерстве культуры Новосибирской области, градостроительного совета при мэре г. Новосибирска, совета по культурному наследию при губернаторе Новосибирской области, два года представляла Советский район в Общественной палате Новосибирской области. На мой взгляд, многие проблемы сегодняшнего дня заключается в отсутствии качественной связи между обществом и властью. К сожалению, я должна констатировать, что имеющиеся сегодня механизмы работают недостаточно эффективно, а иногда попросту несут функцию легитимизации решений власти. Можно ли как-то воздействовать на эту ситуацию? Я уверена, надо прикладывать усилия, искать единомышленников и заниматься этим вопросом. Тогда можно что-то изменить».

До проведения эксперимента мы провели собственный анализ текстов с точки зрения наличия в них оценочных языковых единиц. В первом тексте были выделены следующие слова с ингерентной количественной и качественной оценкой, наличие которой проверялось с помощью словарей: «гигантский», «в почете», «знаменитый», «волокита», «бюрократизм», «интересный», «насыщенный», «здоровый», «достижимый». Кроме того, нами были выделены единицы, которые приобрели оценку в данном контексте: метафоры «лаборатория», «аттракцион», «разморозка», а также слова «толпа», «закрытый», «общедоступный» и выражение «дело Лаврентьева». Во втором тексте были отмечены следующие языковые единицы с ингерентной оценкой: «на благо», «активно», «проблемы», «отсутствие качественной связи», «к сожалению», «недостаточно эффективно», а также с адгерентной оценкой: «развитие», «попросту», «прикладывать усилия».

Представим результаты эксперимента. Все его участники увидели оценочные слова и выражения в обоих текстах. Респонденты отмечали отдельные слова («активно», «знаменитая», «недостаточно» и пр.), словосочетания («содействие архитектуре», «дело Лаврентьева», «гигантские развлекательные комплексы» и др.), сочетания слов, которые не являются словосочетаниями, т.е. соединениями знаменательных слов на основе подчинительной связи («спорт, музыка, искусство», «лаборатория, а не аттракцион» и др.), предикативные единицы – целые предложения или их грамматические основы, иногда с некоторыми второстепенными членами («Новых гигантских развлекательных комплексов и толп туристов на нашей территории не будет», «имеющиеся сегодня механизмы работают недостаточно эффективно» и т.д.) и фрагменты текста, состоящие из двух и более предложений. В таблице 1 представлено количество разных языковых единиц, выделенных респондентами в обоих текстах.

Таблица 1. Соотношение языковых единиц, выделенных респондентами в текстах.

Тип языковой единицы	Текст №1	Текст №2
Слова	95 (52,2%)	58 (46%)
Сочетания слов	33 (18,1%)	12 (9,5%)
Словосочетания	38 (20,9%)	38 (30,2%)
Предикативные единицы	15 (8,2%)	15 (11,9%)
Фрагменты текста	1 (0,6%)	3 (2,4%)
Всего	182 (100%)	126 (100%)

Как видно из таблицы, в тексте №1 было выделено почти в полтора раза больше оценочных языковых единиц, чем в тексте №2. Еще одно наблюдение, которое можно сделать, состоит в том, что почти половина (в первом тексте) или более половины (во втором тексте) языковых единиц состоят больше чем из одного слова.

Отметим слова и выражения, которые были отмечены наиболее часто: «волоки-та» (17), «бюрократизм» (17), «аттракцион» (15), «недостаточно эффективно» (11), «активно» (8), «к сожалению» (8), «лаборатория» (8), «общедоступный» (8), «в почете» (7), «толпа» (6), «интересный, насыщенный и здоровый» (6); «отсутствие качественной связи» (6). Данные цифры не включают в себя количество тех случаев, когда отмеченные слова и выражения являются составной частью более крупных фрагментов текстов, содержащих другие полнозначные слова, например «свести к минимуму волокиту и бюрократизм».

В таблицах 2 и 3 представлена информация о том, сколько раз определенное слово и выражение, выделенное нами, было отмечено в анкетах в чистом виде и в составе словосочетаний или сочетаний слов (например, слово «гигантский» в словосочетании «гигантские развлекательные комплексы»). Мы не включали в число последних те случаи, когда то или иное слово или выражение входит в состав довольно большого фрагмента предложения или текста. Нам не удалось вывести «формульное» определение понятия «довольно большой фрагмент» с точным количеством слов, которое может в него входить, поэтому мы исходили из наших субъективных впечатлений о том, можно ли однозначно сказать, что в данном фрагменте аксиологически нагруженным, по мнению респондента, является именно данное слово или выражение, или же его оценочность «распределена» по фрагменту в целом.

Таблица 2. Количественное соотношение языковых единиц, выделенных в тексте №1 в ходе предварительного анализа и в процессе эксперимента.

Оценочная единица, выделенная в ходе предварительного анализа	Количество употреблений В чистом виде	Количество употреблений в составе выражений
Аттракцион	13	6
Бюрократизм	4	12
В почете	7	6
Волокита	4	12
Гигантский	3	2
Дело Лаврентьева	2	1
Достижимый	4	1
Закрытый	4	1
Здоровый	0	13
Знаменитый	7	4
Интересный	0	14
Лаборатория	8	5
Насыщенный	0	14
Общедоступный	8	1
Разморозка	4	1
Толпа	6	4

Таблица 3. Количественное соотношение языковых единиц, выделенных в тексте №2 в ходе предварительного анализа и в процессе эксперимента.

Оценочная единица, выделенная в предварительном анализе	Количество употреблений В чистом виде	Количество употреблений в составе выражений
Активно	8	0
К сожалению	8	2
На благо	4	4
Недостаточно эффективно	11	2
Отсутствие качественной связи	10	2
Просту	4	0
Прикладывать усилия	0	2
Проблемы	3	2
Развитие	3	0

Таким образом, мы видим, что во всей совокупности анкет были отмечены все слова и выражения, выделенные нами в ходе предварительного анализа. При этом во многих случаях респонденты отмечали более крупные фрагменты предложений. Кроме того, они выделили довольно много единиц, не выражающих ни ингерентную, ни адгерентную оценку: «что-то» (-), «дворовые спортплощадки» (+), «депутат горсовета» (+), «мои избиратели» (+), «несут функцию легитимизации» (-), «надо» (+), «искать» (+), «Золотая капитель» (+) и т.д.

Отметим, что в большинстве случаев знаки оценок у респондентов совпадают. Однако нам встретилось несколько примеров расхождения знаков. Так, глагол «добиваться» и выражение «намерен добиваться», а также слово «разморозка» в половине случаев были расценены как средства выражения отрицательной оценки, в половине – как средства выражения положительной оценки.

Все произведенные подсчеты позволили сделать ряд выводов.

1. В целом респонденты смогли выявить все оценочные языковые единицы, использованные в текстах. При этом им легче удавалось увидеть слова и выражения с эмоциональной оценкой («аттракцион», «волокита», «бюрократизм» и т.д.), чем с рациональной.

2. Среди выявленных оценочных единиц преобладают отдельные слова, однако более крупные единицы тоже весьма часто выделялись респондентами. По нашему мнению, это может быть связано с тем, что респонденты не всегда отделяют саму аксиологически нагруженную единицу от того контекста, в которой она находится и который, собственно, нередко и создает условия для приобретения словом адгерентной оценки, однако сам по себе оценку не выражает.

3. В довольно большом количестве случаев респонденты отмечали не языковые единицы, выражающие оценку, а слова, выражения, фрагменты текста, которые вызывали у них положительные или отрицательные ассоциации. В одной анкете даже были даны комментарии, показывающие, что респондент ориентировался именно на собственное восприятие той реальности, которая стоит за определенными фразами, а не на сами фразы как способ выражения оценки: «На мой взгляд, многие проблемы сегодняшнего дня заключается в отсутствии качественной связи между обществом и властью (-) – *ненужная, заезженная и левыми, и правыми банальность, на мой взгляд*», «несут функцию легитимизации решений власти (-) – *не вяжется по градусу пафосности с последующим наплевательским пассажем про «заниматься вопросом»* и т.д. Таким образом, используя терминологию О. В. Тваржинской, можно сказать, что участники данного эксперимента нередко переходили из тексто- или автороцентрического модуса восприятия текста, который был в общем-то навязан самим заданием, в эгоцентрический модус.

Данная методика проведения эксперимента может послужить основой для создания более детального и информативного эксперимента, сочетающего в себе, к примеру, методы семантического дифференциала, глубинного интервью и др. В исходном виде или в усовершенствованном варианте эту методику можно использовать для анализа рецепции текста любого другого стиля и жанра.

ЛИТЕРАТУРА

Марьянчик В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста (лингвостилистический аспект): автореф. ... д-ра филол. наук. – Архангельск, 2013. 36 с.

Репина Е. А. Политический текст как средство речевого воздействия: <http://www.psychportret.ru/collection/repina.html#T11>

Тваржинская О. В. О базовых презумпциях обыденной интерпретации поэтического текста // Вестник КемГУ. 2012, №4. (52). Т1. С. 227-231.

Osgood C. E. Semantic Differential Technique in the Comparative Study of Cultures // American Anthropologist. Vol. 66, Issue 3. June 1964. Pp. 171–200/

АЛЕКСЕЕВА Л. М., МИШЛАНОВА С. Л.

Пермь

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ

КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Исследование нацелено на изучение условий осуществления межкультурной коммуникации с помощью понятия переводческой компетенции (ПК). В работе описана модель ПК в рамках бакалавриата и магистратуры. Показано, что на первом этапе обучаемый работает исключительно с семантикой предложения. Обучение на втором этапе ориентировано на рефлексивные методы.

Ключевые слова: переводческая компетенция, межкультурная коммуникация, моделирование, обучение переводу, дискурс, профессиональная деятельность.

ALEKSEEVA L. M., MISHLANOVA S. L.

Perm

TRANSLATION COMPETENCE

AS A CONDITION OF EFFECTIVE CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

Abstract. The research is aimed at the study of cross-cultural communication by means of the concept of translation competence (TC). The model of TC within the frames of Baccalaureate and Magistracy is constructed. It is shown that at the first stage the learner works mainly with sentence semantics. At the second stage he/she is focussed on the reflexive methods.

Keywords: translation competence, cross-cultural communication, modeling, translation training, discourse, professional activity.

В современных исследованиях по политической лингвистике подчеркивается многогранность и многоаспектность изучения межкультурной коммуникации. В ходе исследования были созданы основы для активного внедрения дискурсивного подхода, обеспечивающего возможность изучения новых понятий межкультурной коммуникации, к числу которых принадлежит переводческая компетенция.

Дискурсивный аспект, включающий когнитивную и коммуникативную составляющие, позволяет рассматривать межкультурную коммуникацию как интеграционный процесс, предполагающий междисциплинарный принцип исследования (культурология, политическая лингвистика, теория дискурса, переводоведение, лингводидактика и др.). Этот процесс связан с другой отличительной чертой современной науки – антропоцентризмом, поскольку объяснения использования языка пытаются найти в сущностных характеристиках его носителя – человека. Антропоцентризм становится ведущим направлением междисциплинарного синтеза, что проявляется в учете человеческого фактора при формировании системы языка, номинативной организации текста и языковой личности. «Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования» [Кубрякова 1995: 210].

В политической лингвистике как ни в какой другой науке отражается профессиональная деятельность, межкультурное взаимодействие специалистов, в ходе которого осуществляется формирование языковой личности. В данном исследовании мы рассматриваем понятие переводческой компетенции как непереносимое условие осуществления эффективной межъязыковой профессиональной деятельности.

Рассмотрение дискурса в деятельностном аспекте представляется целесообразным, поскольку при таком подходе появляется возможность объединить языковые, когнитивные и коммуникативные явления в межкультурном взаимодействии. Деятельностная природа дискурса, понимаемого как когнитивно-коммуникативный процесс последовательных переходов из одной стадии деятельности в другую, позволяет в качестве механизма дискурса рассматривать перевод. Правомерность рассмотрения перевода в качестве механизма дискурса

предопределена спецификой современных концепций перевода, ведущей тенденцией которых также является стремление рассматривать перевод как интерпретативно-текстообразующую деятельность с учетом развития языковой личности переводчика [Алексеева 2000, 2013; Alekseeva, Mishlanova 2014; Сорокин 2000 и др.].

Мы понимаем дискурс как вербально опосредованная деятельность в специальной сфере, в ходе которой происходит формирование профессиональной языковой личности [Алексеева, Мишланова 2002]. Переводческую компетенцию мы рассматриваем как вид профессиональной деятельности.

Формирование понятия переводческой компетенции происходило в соответствии с этапами развития самого переводоведения. На протяжении XX в. менялось представление о переводе. Так, с конца 60-х гг. развивается лингвистическая модель перевода (Л. С. Бархударов, Я. И. Рецкер, А. Д. Швейцер). В 80-90 гг. XX в. формируется культурологический аспект на перевод (В. Н. Комиссаров, З. Д. Львовская, И. И. Халева, А. Д. Швейцер и др.). В XXI в. сформировался новый аспект изучения перевода – профессиональная деятельность [Гавриленко 2009; Salevsky, Müller 2011; Viaggio 2011 и др.]. Как полагает известный теоретик и философ перевода Н.С.Автономова, «обращение к проблеме перевода становится в последние десятилетия одним из симптомов выхода из замкнутого круга, значимого объединения различных контекстов, прорастания языковой проблематики в некое новое качество. Эта проблема еще далека от всеобщего и повсеместного осознания, но демонстрирует свою весомость во все большем количестве познавательных и жизненных ситуаций» [Автономова 2008: 539]. Эти слова приобретают особую актуальность на фоне традиционных взглядов на перевод как метод обучения иностранным языкам. Традиционно роль личности переводчика определялась на основе формального фактора (личность как компонент коммуникативного акта) из-за существовавшей нацеленности перевода на передачу фактуальной информации (эквивалентность передачи, инвариант содержания и т.д.).

Исследование механизма дискурса как объекта перевода обуславливает содержание понятия переводящей личности. Учитывая это, механизм дискурса можно представить как когнитивную знаковую деятельность, т.е. усвоение (присвоение) знака в процессе самоопределения личности, опору на выводное знание и порождение знака в процессе самореализации личности в деятельности, обеспечивающие интеграцию личности переводчика в совместную деятельность в виде результата этой деятельности (текста переводчика).

Основываясь на понятии дискурса как опосредованного типа деятельности, представим модель знаковой деятельности переводчика.

Модель знаковой деятельности переводчика

Этапы	Содержание этапов	Дидактические цели
Мотивационно-побуждающий	Апперцепция, интериоризация	Обучение восприятию речи, формирование навыков смыслообразования
Ориентировочно-исследовательский	Внутреннее программирование и селекция	Обучение продуцированию речи
Реализующий	Текстообразование	
Контроль	Закрепление полезного Результата	Обучение металингвистической деятельности

Очевидно, что каждый этап деятельности переводчика сориентирован на конкретное содержание переводческой компетенции. По нашему мнению, создание модели знаковой деятельности переводчика и ее обусловленность моделью перевода предшествует и обуславливает понятие переводческой компетенции.

Обогащение понятия перевода предполагает обучение данному виду деятельности как процессу создания качественного продукта индивидуальной деятельности. Качество обеспечивается наличием компетенций. Под компетенцией обычно понимают совокупность форм знания определенного целенаправленного процесса, выполняемого деятелем в ходе профессиональной деятельности [Stolze 2011: 13]. В этом смысле овладение переводческими компе-

тенциями (ПК) соотносится с возможностями решения сложных профессиональных задач, связанных с созданием коммуникативно направленного текста как продукта межъязыковой профессиональной коммуникации. В рамках политической лингвистики решение этих задач связано с созданием политически корректного текста перевода.

В нашем понимании, переводческая компетенция – это знание основ переводческой деятельности и умение мыслить в терминах более чем одного языка. Цель моделирования переводческой компетенции – раскрыть значение обучения переводу как трансляции коммуникативно пригодной мысли. В этом аспекте предполагается создание интегративной модели переводческой компетенции, необходимой в ходе обучения студентов профессиональной межъязыковой коммуникации.

Основы профессиональной компетенции:

- 1) понятие перевода как профессионально ориентированной межъязыковой деятельности;
- 2) мотивы профессиональной деятельности: делать работу качественно, чтобы быть всегда обеспеченным работой;
- 3) отсюда: деятельностная составляющая в обучении профессиональному переводу, воспитание стремления к постоянному прогрессу знания в области перевода.

В рамках бакалавриата обучение межкультурной коммуникации происходит главным образом на основе языковых компетенций, включающих знание особенностей ЯСЦ, основ терминологии, лексических и грамматических трудностей профессионального перевода, умение работать под контролем преподавателя, создание «промежуточного» текста перевода, т.е. грамотно составленного подстрочного перевода.

В магистратуре обучение межкультурной коммуникации осуществляется на основе дискурсивных компетенций, связанных со знанием основ деятельности переводящей личности, умением работать автономно в соответствии с потребностями научиться переводу, созданием продукта профессиональной деятельности, знанием путей социализации созданного продукта в обществе.

Очевидно, что методика формирования и развития переводческой компетенции в рамках бакалавриата и магистратуры имеет разную направленность. Бакалавры работают под контролем преподавателя, магистры же нацелены на автономное обучение. Овладение переводческой компетенцией способствует тому, что переводчик будет не просто выполнять свою работу, но и оценивать ее качество с позиции самокритики.

Проблема моделирования переводческой компетенции в рамках бакалавриата-магистратура обусловлена тем, что на первой ступени обучаемый еще не приучен к усмотрению и построению специальных смыслов, а также умеет работать исключительно с семантикой предложения, т.е. с наборами предикаций в рамках предложения. Содержание второго этапа обучения ориентировано на рефлексивные способы.

Модель переводческой компетенции выстраивается по принципу преемственности, т.е. развития и обогащения предмета переводческой деятельности. Особенности дискурсивной модели переводческой компетенции обобщены нами в следующем виде.

Характеристика модели переводческой компетенции в дискурсивной парадигме

Лингвистическая модель переводческой компетенции	Дискурсивная модель переводческой компетенции
1. Отправным пунктом модели является отдельный текст (ИТ) в отрыве от деятельности	1. Отправным пунктом модели является специальная опосредованная языком деятельность (дискурс)
2. Доминирует ситуативный аспект	2. Главным является процессуальный аспект
3. Модель имеет линейный и последовательный характер. Нацелена на изучение связности текста	3. Демонстрирует сопряженность и параллельность этапов
4. Сосредоточена на решении проблемы достижения языкового соответствия тексту оригинала . Решение коммуникативной задачи осуществляется языковым путем	4. Сосредоточена на достижении коммуникативного соответствия ИТ и ПТ

Дискурсивная модель переводческой компетенции выстроена на следующих принципах:

- 1) интегративном (включает мыслительный и собственно языковой этапы деятельности);
- 2) поступательном (от бакалавриата к магистратуре);
- 3) принципе направленности переводческой деятельности (профессиональная ориентация перевода);
- 4) принципе преемственности (от языка к речевой индивидуальной деятельности);
- 5) принципе специализации (от понятия языка для общих целей (ЯОЦ) к понятию языка для специальных целей (ЯСЦ).

Помимо рассмотренных принципов модель строится с учетом дихотомии *обучение – научение*, т.е. принципа нарастания степени автономности или самостоятельности постижения основ перевода.

Обучение переводу	Научение переводу
1. Осуществляется под жестким контролем преподавателя	1. Осуществляется самим студентом автономно
2. Планируется преподавателем обучение группы студентов	2. Планируется студентом индивидуальное научение
3. Анализ ошибок	3. Контроль, мониторинг перевода
4. Конкретный период обучения. Итоговая аттестация	4. Перспектива дальнейшей переводческой деятельности

Между описанными этапами интегративной модели ПК не существует внутренних переходов. Это значит, что ошибки, допущенные на одном из них, не компенсируются на других этапах деятельности. Наоборот, переводческие неудачи в когнитивном аспекте затрудняют коммуникацию.

Данная модель предполагает разные типы переводческих стратегий. Деятельность обучающегося на языковом этапе определяет цель перевода, ориентированного на исходный текст. Деятельность на мыслительном этапе определяет цель перевода, ориентированного на познаваемую действительность. Деятельность на коммуникативном этапе определяет цель перевода, ориентированного на человека. Каждый из этапов предполагает обучение техникам понимания. Первый этап предполагает обучение пониманию, связанному с переходом внутреннего понимания языковых закономерностей во внешнее содержание текста; второй вид предполагает производство специального знания; третий вид нацелен на понимание переводного текста специалистами.

Специальный язык не дается нам спонтанно и интуитивно как родной язык и требует особого интеллектуального напряжения.

Использование модели ПК в методике обучения переводу выражается в переориентации методов: от обучения переводу текста как линейной языковой последовательности к обучению трансляции концептуальной целостности исходного текста.

Коммуникативные неудачи провоцируют феномен концептуального непонимания, которая не позволяет приблизить текст к его потребителю.

Ситуация в переводе складывается таким образом, что, вопреки общепринятому мнению, английский язык является едва ли не самым «непереводимым» языком [Автономова 2008: 625]. Анализ выполненных студентами-выпускниками переводов научных текстов по специальности «Лингвистика» позволяет заметить, что наряду с языковыми ошибками студенты допускают когнитивные и коммуникативные ошибки.

Таблица 1. Данные о количестве переводческих ошибок и неудач

гг.	Индексы языковых ошибок на 1 п.л.	Индексы Когнитивных неудач на 1 п.л.	Индексы коммуникативных неудач на 1 п.л.
2009	5	3,5	5,2
2013	4,8	4,3	4,4
2014	2,8	4,6	5

Рассмотрение представленного материала позволяет прояснить некоторые аспекты того, как обучать переводу, каким образом транслировать специальное знание, каким образом формировать отношение переводчика и пользователя переводом.

Анализ результатов переводческой деятельности студентов позволяет уловить те тенденции в обучении межкультурной коммуникации, которые остаются неосмысленными вне интегративной модели переводческой компетенции, ориентация на языковую составляющую не должна преобладать.

Таким образом, перевод видится нами как методологическая стратегия межкультурной коммуникации. В этом смысле, не перевод является частью профессиональной деятельности, а сама профессиональная деятельность – часть перевода как универсального мыслительного процесса. Весь наш опыт свидетельствует о том, что именно перевод выступает условием возможности осуществления эффективной межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. – М.: Изд-во РОССПЭН, 2008. 704 с.
2. Алексеева Л. М. Теория эквивалентности перевода как теория об относительности // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2000. С. 47–63.
3. Алексеева Л. М. Специфика научного перевода (антропоцентрический аспект): учеб. пособие. – Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. иссл. ун-та., 2013. 189 с.
4. Алексеева Л. М., Мишланова С. Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. – Пермь: Изд-во Перм.ун-та., 2002. 200 с.
5. Гавриленко Н. Н. Теория и методика обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации. Книга 1. – М.: Изд-во Научно-техническое общество имени академика С.И.Вавилова, 2009. 178 с.
6. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века. – М.: Рос. Гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 144–238.
7. Сорокин Ю. А. Интерпретативная или деятельностьная теория перевода? // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. М., 2000. С. 107–115.
8. Alekseeva L., Mishlanova S. Knowledge transfer in scientific translation // International multidisciplinary scientific conferences on social sciences and arts, SGEM, 2014. Anthropology, Archaeology, History, Philosophy. Conference proceedings. P. 115–122.
9. Salevsky H., Müller I. Translation as Systemic Interaction. A new perspective and a new Methodology. Ed. Frank&Timme. Berlin, 2011. 366 p.
10. Stolze R. The translator's approach – introduction to translational hermneutics. Ed. Frank&Timme. Berlin, 2011. 366 p.
11. Viaggio S. A general theory of interlingual mediation. Ed. Frank&Timme. Berlin, 2011. 296 p.

АЛФЕРОВ А. В., КУСТОВА Е. Ю., ЧЕРВОНЫЙ А. М.

Пятигорск, Таганрог

ПРАГМА-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РЕДУКЦИИ СУБЪЕКТА ВО ФРАНКОЯЗЫЧНОМ ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. «Устранение» семантического субъекта представляет собой важное языковое явление, которое проявляется в разных коммуникативных ситуациях и реализует различные коммуникативные намерения говорящего, осуществляется разнообразными языковыми, речевыми и паравербальными (интонация, жест и т.п.) средствами. В полемике парламентских дебатов объективизация используется для снятия с себя ответственности в представлении положения вещей как результата воздействия объективных процессов «непреодолимой силы». Поэтому стратегия десубъективизации, редукции субъекта может рассматриваться как имманентно присущая ПДФ, переводящая субъективную тональность в объектив-

ную, формирующая «непредвзятую» точку зрения, скрывающую ангажированность интенциональности за фасадом событийности и фактуальности пропозиции парламентского дискурса. Здесь помимо деонтологии парламентского дискурса, встаёт вопрос о степени коммуникативной ответственности как дискурсивно-прагматической категории парламентской коммуникации.

Ключевые слова: семантическая редукция субъекта, речевая стратегия, парламентская коммуникация, парламентский дискурс, аргументативная стратегия объективизации

ALFEROV A. V., KUSTOVA E. Y., CHERVONY A. M.

Pyatigorsk, Taganrog

THE PRAGMATIC AND STRATEGIC CHARACTERISTICS OF THE SEMANTIC REDUCTION OF SUBJECT IN FRENCH-SPEAKING PARLIAMENT

Abstract. Reduction of the semantic subject is an important linguistic phenomenon that manifests itself in different communicative situations and expresses various communicative intentions of the speaker; it is realized with the help of the variety of language, verbal, and paraverbal (intonation, gesture, etc.) means. In the parliamentary debate objectification is used for the removal of responsibility in representation of the situation as a result of the influence of objective processes of “insuperable force”. Therefore, the strategy of de-subjectivisation, the reduction of the subject may be regarded as inherent in the parliamentary discourse, which causes transfer of the subjective into an objective tone, forming a “unbiased” point of view, hiding the partisanship of intentionality behind the facade of the event-driven proposition of the parliamentary discourse. Here, the question arises about the degree of communicative responsibility as a discursive-pragmatic category of parliamentary communication.

Keywords: semantic reduction of the subject, speech strategy, parliamentary communication, parliamentary discourse, the argumentative strategy of objectification

«Устранение» семантического субъекта представляет собой важное языковое явление, которое проявляется в разных коммуникативных ситуациях и реализует различные коммуникативные намерения говорящего, осуществляется разнообразными языковыми, речевыми и паравербальными (интонация, жест и т.п.) средствами. Многие из этих средств были предметом специальных исследований. При этом, как правило, научный и практический интерес представляет изучение средств трансформации субъекта в виде функционально-семантического поля, разноуровневые элементы которого связаны ассоциативно-логическими инференциями. Глаголы пропозиционального отношения «Я думаю, что ...», «Я полагаю, что ...», «Я считаю, что ...» «транслируют» интенционального субъекта, они являются ядром *субъективности*, или «субъективной модальности», синкретично совмещая говорящего и интенционального субъекта «модуса» высказывания, когда пропозиция выражает определенное «объективное» положение вещей с точки зрения говорящего. Проблема субъекта высказывания приводит нас к дихотомии «субъективная» / «объективная» точка зрения. Точка зрения, как правило, соответствует эпистемической, субъективной модальности и носит субъективно-оценочный характер. Она имеет место в уме говорящего и может не иметь место в действительности. Соответственно объективная модальность не зависит от пропозиционального отношения и остается вне интенционального субъекта объективным свойством объективной действительности. Представляя категориальное поле субъекта, можно констатировать определенную свободу в средствах языкового выражения того или иного элемента этого поля (личные и указательные местоимения, существительные, глаголы, наречия и т.д.), приближающегося или удаляющегося от центра персонализации. Крайней периферией категория «языковой субъект» является его редукция или «устранение» из поверхностного плана выражения и трансформация в признаки (маркеры) субъектности, или субъективности, субъектные репрезентативы, способствующие имплицитному существованию субъекта на уровне «обобщенного представления субъекта», заполняющего образовавшуюся когнитивную лакуну.

Парламентская коммуникация (ПК) предопределяется тремя условно выделяемыми функциональными пространствами: 1) деятельностным, 2) дискурсивным и 3) пропозициональным. В деятельностном пространстве ПК выполняет свою социополитическую функцию – обеспечивать законодательную и политическую деятельность парламента. В дискурсивном пространстве происходит организация продуцируемых парламентом дискурсов (заявлений, протоколов заседаний парламента, комитетов, комиссий, текстов законов, поправок к законам и проч.), отражающих процесс и результаты деятельности парламентского института. Пропозициональным пространством можно считать то содержание, которым наполняется дискурсивная и социально-политическая составляющие ПК.

Три этих пространства связаны жесткими корреляциями двусторонней связи. С одной стороны, дискурсы и их содержание определяются деятельностной ситуацией, с другой стороны, сама парламентская деятельность состоит в том, чтобы породить дискурсы, законодательный (властный) статус которых является по сути результатом парламентской деятельности. Пропозиция парламентской дискурсивной формации зависит с одной стороны от актуальности обсуждаемых вопросов (деятельностная ситуация), а с другой – от субъективной составляющей ПК, которая может быть названа *интенциональностью парламентской дискурсивной формации* (ПДФ).

Дискурсивное пространство ПДФ можно представить в виде семантического поля с включенными в него концентриками, условно обозначающими уровни его реализации, располагающиеся между взаимодействующими центром и периферией. К центру относится эксплицитно выраженная фактуальная информация, представляющая пропозициональную составляющую информационно-аналитического дискурса, и уже на уровне её формирования можно говорить об интенциональности дискурса, выражающейся в номенклатуре и последовательности приводимых фактов – то, что можно назвать «тональностью» дискурса. Пропозициональное содержание заключено в рамки концентриков, окружающих информативное ядро: аргументативного, эмоционально-оценочного и риторического (собственно дискурсивного). Такое представление условно разделяет неделимые в употреблении, синкретично выражаемые значения, которые в совокупности и определяют тональность дискурса, его релевантность и перформативный потенциал. Под релевантностью и релевантным смыслом политического дискурса нами понимается тот перформативный эффект в смыслообразовании, который создается различными эксплицитными и имплицитными языковыми и речевыми средствами и вытекает из неявного, имплицитного, суггестивного «подсмысла», подтекста речевого высказывания и дискурса. Несмотря на «объективность» пропозиции, лишенной эксплицитных маркеров субъективности, за ней всегда стоит «энунциатор», и в этом смысле она всегда субъективна как выражение мнения (восприятия) говорящего. Помещенная в интеракциональный дискурс (высказывание), пропозиция может быть опровергнута собеседником как ложная с его точки зрения. С другой стороны, «повествовательные» (дескриптивные) высказывания имеют определенную тональность и интенциональность, как, например, дескриптивно-оценочное «Мороз и солнце – день чудесный!», выполняет имплицитную аргументативную функцию по формуле «если...то» («Чего ж ты дремлешь, друг прелестный? – Пора, красавица, проснись!»). Поэтому глубинный семантический субъект здесь связан не столько с семантикой отдельной фразы (высказывания-предложения), сколько с той конечной интерпретантой, которая превращает «субъект-объектные» отношения, выраженные в пропозиции, в «субъект-субъектные», предполагающие инференции (умозаключения) интерпретирующего (анализирующего) адресата.

Тональность и вектор релевантности франкоязычной ПДФ Национальной Ассамблеи и/или Европарламента определяются прежде всего предметно-содержательной составляющей дискурсного континуума, которая манифестируется по-разному в зависимости от тональности и интенциональности того или иного жанра политического дискурса, получающего институциональный статус в рамках парламентской коммуникации. Обозначить последовательность жанровых преобразований определенного контента в парламентском дискурсивном пространстве можно в виде шкалы институционализации, которая проходит коррели-

рующие этапы (стадии) – от событийно-фактуального к риторико-аргументативному, а далее к конвенционально-конклюдивному (легитимному) этапу формирования ПДФ. Первый, событийно-фактуальный этап связан с идентификацией и фиксацией определенных событий в качестве *релевантных* для парламентского коммуникативно-деятельностного континуума, который включает это событие в пропозицию ПДФ. Таким образом, на первом этапе формируется собственно контент ПДФ, который в дальнейшем становится фактуальной базой для всего законодательного процесса, построенного на механизмах аргументации. Этот этап, пользуясь термином риторической традиции, мы называем этапом *ad rem* («от вещи»). При этом событие теряет свой феноменальный статус, приобретая статус факта как единицы контента ПДФ. Для этого необходимо еще одно условие – квалифицированный консенсус, подтверждающий релевантность данного факта для парламентской дискурсивной формации. Этот промежуточный этап можно назвать, следуя той же традиции, этапом *ex concessis* («всеобщее одобрение»). В обобщенно-личных предложениях позиция семантического субъекта как бы объединяет в одно целое действующий субъект с неким множеством других действующих лиц. Но не выводит на передний план номинативный семантический субъект, маскирует его, затушевывает среди подобных субъектов, что и придает обобщенный характер выражению субъекта и всему высказыванию. Говорящий представляет субъект высказывания как любое лицо, к которому возможно отнести называемое в высказывании действие (состояние). Таким образом, говорящий приходит к обобщению, которое имеет интенционально-стратегическую релевантность, используя специальные языковые и речевые средства. В преломлении к французскому парламентскому дискурсу – это прежде всего неопределенно-личное местоимение *on*. Оно не только «объективизирует» пропозицию своим обобщающим значением («On dit que...» – «говорят, что...»), но и вовлекает адресат в высказывание своим инклюзивным значением («On est d'accord que...», «On comprend que ...» – «Мы согласны с...», «Мы понимаем, что...»). Например, из выступления некоторых парламентариев французской Национальной Ассамблеи: «**On** devrait procéder à de tels transferts d'activités hospitalières avec la plus grande prudence.... (нужно было бы...)»; «**On** veut maintenant créer un outil complémentaire avec le praticien territorial de médecine ambulatoire. ...Le problème, comme **on** l'a vu avec l'amendement précédent, est qu'**on** veut déjà bloquer ce système...» («мы хотим...; как мы видели... мы намереваемся...») (M. Jean-Pierre Door. 24 octobre 2014); «Lorsqu'**on** veut trop formaliser les choses, **on** se heurte parfois à des contraintes, voire à des impasses» («Когда хочешь..., сталкиваешься с...») (Mme Elisabeth Pochon. 27 juin 2014). Местоимение “on” выступает центральной формой устранения семантического субъекта во французском языке, т.к. оно содержит сему самого общего характера одушевленности и персональности. Именно благодаря этому местоимению реализуется самый распространенный тип эксплицитного способа редукции семантического субъекта. Референтом замещаемого местоимением “on” субъекта могут быть определенно-личный, неопределенно-личный и обобщенный субъект. Вопрос о том, к какому референту относится данное местоимение, определяется семантическим согласованием высказывания, в которое входит “on”, с предметной ситуацией, предикативным ядром и контекстом. Обобщающая функция *on* как неопределенно-личного местоимения позволяет ему становиться опорным компонентом семантической структуры высказываний фразеологического типа (поговорок, пословиц, предложений всякого рода): «*On* ne converse pas avec les fous ni avec les clochards». Одушевленное *on* обозначает совокупное суждение выводно-аргументативного характера, референтом которого выступает совокупное мнение («топос», т.е. «общее место»). Здесь стратегия десубъективизации, основанная на функциональных трансформациях языковой категории субъекта и асимметрии плана выражения и плана содержания, состоит в метафорическом (метонимическом) осмыслении субъекта. Это явление свойственно, например, фразеологическому уровню языка-речи. Такое представление действительности «работает» по закону метафоры, и требует инференциального усилия для олицетворения субъекта. Например: «Pierre qui roule n'amasse pas mousse» («Под лежащий камень вода не течет»). Инференциальная (глубинная) модель такой фразы

предполагает завуалированную волюнтарно-аксиологическую интерпретацию: «Делай что-л., чтобы достичь чего-л. В противном случае... (следует отрицательная оценка)».

В риторике европейских парламентариев последнего времени стратегия десубъективизации явно превалирует во фрейме «САНКЦИИ ПРОТИВ РОССИИ» и характеризуется оценочной амбивалентностью. Для оправдания непопулярных политических решений в этом контексте парламентарии стараются дистанцироваться от субъекта-источника санкционных решений. Основной тезис: «Санкции необходимы», «Это зло, которое нужно принять», «Санкции объективны»: «L'objectif est de faire respecter les accords de Minsk, pas d'imposer des sanctions. Leur reconduction ou leur maintien ne pourra avoir de signification que si ces accords ne sont pas respectés. S'ils sont respectés, à la fin de l'année, nous n'aurions plus de motif pour les maintenir. Les sanctions coûtent très cher à tout le monde : à la Russie qui subit déjà la baisse du coût du pétrole ; à l'Ukraine qui, en période de guerre et d'instabilité, se trouve dans une situation économique désastreuse...» (Harlem Désir 1.04.15).

Объективизация используется и для снятия с себя ответственности в представлении положения вещей как результата воздействия объективных процессов «непреодолимой силы», что в полемике парламентских дебатов тотчас подвергается опровержению:

«← M. Manuel Valls, *Premier ministre*: ... le problème, c'est la panne de croissance et d'inflation dans la zone euro, qui risque de décrocher par rapport au monde. (*"проблема состоит в себе..."*)

M. Sylvain Berrios. *Le problème, c'est vous !* (*"проблема – это вы"*).

«← M. Manuel Valls, *Premier ministre*:... Or deux éléments majeurs sont intervenus, que vous n'avez pas rappelés. *D'abord, la baisse de l'euro...* (*"во-первых, падение евро"...*) – М. Pierre Lellouche. *Vous l'avez voulue !* (*"вы же этого добивались..."*) и т. д.

Парламентский дискурс как законодательный по определению должен быть конструктивным, абстрагироваться от сиюминутных и часто «заказных» течений политического «мэйнстрима», а уж тем более не опираться лишь на ангажированную «информацию» СМИ, втянутых в «информационную» войну». Здесь помимо деонтологии парламентского дискурса, встаёт вопрос о степени коммуникативной ответственности как дискурсивно-прагматической категории парламентской коммуникации. Поэтому стратегия десубъективизации, редукции субъекта может рассматриваться как имманентно присущая ПДФ, переводящая субъективную тональность в объективную, формирующая «непредвзятую» точку зрения, скрывающую ангажированность интенциональности за фасадом событийности и фактуальности пропозиции парламентского дискурса.

БАБИКОВА М. Р.

Екатеринбург

«ПРАВОСЛАВИЕ» КАК СФЕРА-ИСТОЧНИК ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ: НА ПРИМЕРЕ ГРУППЫ «АНСАМБЛЬ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ И МАТЬ СЫРА ЗЕМЛЯ»¹

Аннотация. Рассматриваются ПФ со сферой-источником «православие» в текстах песен молодежной националистической группы «Ансамбль Христа Спасителя и Мать Сыра Земля». С целью выявления наиболее актуальных прецедентных единиц, характерных националистическому дискурсу.

Ключевые слова: прецедентные феномены, прецедентность, сфера-источник «православие», национализм, экстремизм.

¹ Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»)

BABIKOVA M. R.

Ekaterinburg

“ORTHODOXY” AS THE SOURCE-DOMAIN OF THE PRECEDENT PHENOMENA OF NATIONALISTIC TEXTS (ON THE BASIS OF THE GROUP “ANSAMBL KHRISTA SPASITELIA I MAT SYRA ZEMLIA”)

Abstract. The article deals with the precedent phenomena with the source-domain “orthodoxy” in the lyrics of the youth nationalistic group “Ansambl Khrista Spasitelia i Mat Syra Zemlia”. The purpose of the analysis is to find out the most relevant precedent phenomena for nationalistic discourse.

Key words: precedent phenomena, precedence, source-domain “Orthodoxy”, nationalism, extremism.

Феномен прецедентности, возникший на рубеже XX – XXI веков, стал активно проникать во многие сферы человеческой деятельности: кинематограф, литературу, изобразительное искусство, шутки, лозунги и другие сферы. Понятие прецедентности введено в научную терминологию Ю. Н. Карауловым. В 1986 ученый дает определение термину «прецедентные тексты, под которыми понимается «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2007: 216].

Появление термина «прецедентный текст» повлекло за собой возникновение других явлений прецедентности: прецедентное высказывание (Костомаров, Бурвикова 1994), прецедентное имя (Гудков 1998), прецедентный феномен и прецедентная ситуация (Красных и др. 1997), концепт прецедентного текста (Слышкин 2001), прецедент культурного знака (Пикулева 2002), текстовая реминисценция (Супрун 1995), логоэпистема (Костомаров 2001), но следует отметить, что представленный феномен до сих пор не получил четкого определения, это связано со сложностью и разноплановостью понятия прецедентности.

Но большинство лингвисты, работающие в рамках когнитивной парадигмы, интересуются прецедентными феноменами, прежде всего потому, что данные феномены отражают вербальный уровень, за которым скрывается концептуальный уровень сознания. Но прецедентность не только отражает наше сознание, но и определяет его, формирует, то есть служит приемом манипуляции, именно поэтому одной из сфер, в которой прецедентность особенно востребована, становится деятельность, запрещенная законами Российской Федерации – экстремистская. Молодежные националистические организации, существующие на сегодняшний день, создавая свои тексты, апеллируют к общеизвестным феноменам с различными сферами-источниками.

Создаваемые такими, радикально настроенными группировками тексты, по результатам исследований М. Б. Ворошиловой «построены на национальной/религиозной оппозиции и содержат, как правило, три группы образов, изобразить схематически которые можно в виде треугольника: Русский воин, “Свои”, “Чужие”. В основание пирамиды лежит оппозиционная пара “свои” и “чужие”, где “свои” – это русские, православные, часто выступающие в роли ущемленных: их грабят, травят наркотой, загоняют в гробы, насилюют, вытесняют с собственной земли» [Ворошилова, 2014].

В анализируемых нами текстах экстремистской группы, характеризующей свой стиль как «radikal political hardcore», идеологически проповедующий шовинизм и мракобесие" [URL] – «Ансамбль Христа спасителя и мать сыра земля» образ «своих» создается посредством актуализации прецедентных феноменов (ПФ) со сферой-источником «православие».

Анализ текстов показал, что группа регулярно апеллирует к различным словоформам лексемы «православный».

Так, в самом названии одной из песен группы заложена идея о том, что одноименный город Тверь предназначен только для православных:

- «Православная Тверь»;

К другим примерам употребления данного компонента следует отнести и такие строки:

- «Теплоходный гудок разбудил городок

На причале толпится народ

Православные ждут только десять минут»;

Данной лексемой авторы текстов объясняют и заселение Твери народом, проживающим на Северном Кавказе, создается впечатление, что именно это и является как бы «пропуском» для проживания в Твери:

- «И чеченцы здесь все православные.

Ходят в церкви по три раза в год»;

Кроме того, отметим регулярную эксплуатацию создателями текстов значимых для этноса образов и ситуаций, наполняющих сферу-источник «православие»:

Одним из таких образов и ситуаций является патриарх и его благословение как наивысшая ценность среди православных граждан:

- «Я люблю петь про Тверь ненаглядную,

И никто это не запретит.

Мою эту любовь безоглядную

Патриарх даже благословит»;

- «Патриарх так красив, каждый глаз - чернослив

Он тебе предназначен судьбой»;

- «Первый снег в городке, первый лёд на реке

По нему к Патриарху дойду»;

Все творчество анализируемой группы неоднократно актуализирует прецедентное имя (ПИ) со сферой-источником «православие»: *Иисус Христос* – таким образом, подчеркивая сущность образа «своих» и сущность русского православного народа в целом:

- «Почему ты еще не в тюрьме?!

Если любишь страну и Христа»;

- «Слушай Мишу Круга – он из Твери!!!

Если есть на водку деньги - бери!!!

Хули делать уж такая судьба!

Так сказали Христа-Бога уста!!!»;

- «Карательная медицина

Приберет человечий отброс!

Нанесем ими пользу науке,

Чтоб с небес улыбался Христос!»;

Не менее активно используется и ПИ Бог, как субъект, возглавляющий все православие:

- «Убивай космонавтов: они лезут на небо,

И делают, что не дозволено Богом»;

- «Научный прогресс я вообще запрещаю,

Не нужен он Богу, не нужен и людям»;

- «Есть заместники Бога в Твери,

Есть заместники Бога в Москве.

Их народ по закону избрал.

Их портреты висят на стене, как иконы»;

Выделенная лексема *иконы* в текстах анализируемой группы встречаются также часто, как прецедентный образ «ярко» представляющий заявленную сферу-источник:

- «Чтоб в мире одни только русские жили,

Чтоб божьи иконы не вышли из моды,

- Иконы золотом покрытые влекут поломников к себе

И люди чистые, подмытые идут в объятия к судьбе (из бани)

Иконы тёплые, нарядные кочуют душу Россиян

В текстах музыкальной группы прослеживается частая актуализация прецедентных образов – церкви, храма и прецедентных действий, характеризующих посещение божьего дома:

- *«Дети. Церковь. Кухня.
Это женская участь-судьба.
Дети. Церковь. Кухня.
На года, на века, навсегда»;*
- *«мне нужно такого его одного
ни жиду, ни подругам его не отдам
и поставлю огромную свечку я в храм»;*

В тексте песни «Православная Тверь» образ, именно православной, Твери усиливается за счет использования в тексте лексем: *церковь* и *храм* во множественном числе, что гиперболитизирует образ православного города:

- *«Тверь сверкает церквями и храмами»;*

Также в ходе анализа нами были отмечены единичные случаи актуализации прецедентных текстов:

- *Уно, дос, стрес.*

Христос воскрес!

Апелляция к прецедентным событиям, актуальным для православных граждан:

- *Президент растолстел, не влезает в экран,*

Хорошо ему видно живётся у нас.

И не буду я больше вам петь про него,

Лучше буду про пасху и яблочный спас;

Завершая анализ текстов националистической группы «Ансамбль Христа Спасителя и Мать Сыра Земля», следует отметить, что «Православие» как сфера-источник прецедентности националистических текстов является одной из популярных, среди вышеуказанных, и это не случайно. Образ «Своих», который так активно выставляется и пропагандируется националистами, содержит в себе некоторые устоявшиеся определения: это и православный, русский, верующий человек «нужной» религии. Поэтому, просматривая тексты и других молодежных националистических группировок, мы часто сталкиваемся с прецедентами, актуализирующими сферу-источник «православие» и не всегда использование таких, направлено на создание и подкрепление образа «своих», иногда применяя лексемы: *дьявол, антихрист, богохульник* и другие, авторы создают образ «чужих», однако, данный аспект заслуживает отдельного внимания и может быть предметом другого разговора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // Политическая лингвистика. 2014. № 3. С. 242-245.
2. Высоцкая И. В. Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 1. С. 117-137.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 264 с.
4. http://ru.alterpedia.wikia.com/wiki/%D0%90%D0%BD%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%B1%D0%BB%D1%8C_%D0%A5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B0_%D0%A1%D0%BF%D0%B0%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8F_%D0%B8_%D0%9C%D0%B0%D1%82%D1%8C_%D0%A1%D1%8B%D1%80%D0%B0_%D0%97%D0%B5%D0%BC%D0%BB%D1%8F [дата обращения: 02.11.2015].

ИСТОЧНИКИ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

1. Тексты песен группы «Ансамбль Христа Спасителя и Мать Сыра Земля»

БЕКАСОВА Е. Н.

Оренбург

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ «ОКРАС» УРБАНОНИМИИ
ОБЛАСТНОГО ГОРОДА ОРЕНБУРГА**

Аннотация. В статье рассматривается топонимическое пространство города Оренбурга, которое может быть «прочитано» как определённый политический текст, направленный на установление политических констант в названиях улиц. При этом идеологически выверенные годонимы, призванные воздействовать на население, в новых исторических условиях могут не только изыматься из системы топонимов, но и деполитизироваться.

Ключевые слова: топонимия, урбанонимия, политическая лингвистика, проблемы номинации.

BEKASOVA E .N.

Orenburg

**POLITICAL «COLOUR» OF URBANONIMIYA
OF THE REGIONAL CITY OF ORENBURG**

Abstract. The article studies the toponymic space of the city of Orenburg which can be “read” as the certain political text directed on the establishment of political constants in the names of streets. Thus ideologically verified godonima urged to influence the population, in new historical conditions can not only be withdrawn from the system of toponyms, but can also be depoliticized.

Keywords: toponymy, urbanonimiya, astiony, political linguistics, nomination problems.

Топонимию, как и диалекты, можно с полным правом рассматривать как время, разлитое в пространстве. Топонимы наслаиваются на присваиваемую и обжитую человеком территорию, постепенно складываясь в определённую топонимическую картину, которая шлифуется в соответствии с историко-культурными и этническими особенностями. Освоение пространства выражается в появлении новых единиц, связанных как с расширением территории, так и качественным изменением системы топонимов, в которую всё активнее вмешивается «человеческий фактор», позволяющий не только присваивать обозначенные объекты, но и управлять их населением. На смену ведущей «природной» мотивации, направляющей номинативную деятельность человека и сохраняющей свое первенство в сельской местности, приходят мемориальные названия, особенно в городской топонимии, где государственная значимость города определяет степень властного императива, закрепляемого в том числе и в самих астионимах типа *Ярославль, Юрьев, Владимир, Петербург, Екатеринбург, Киров, Калинин* и др. С течением времени вырабатывается определённое направление номинаций внутригородских объектов, в котором в появляются обязательные политические маркеры, как правило, закрепляющие государственную весомость какого-либо исторического события или личности – от царствующей особы до революционного или политического деятеля. В этом случае воздействие городских названий, в отличие от сельских, более всего отвечает вызовам определённых режимов и лиц. Микротопонимия города становится важной частью городского контекста, который вполне отчётливо прочитывается жителями не только вполне конкретного города, но и всеми гражданами соответствующего государства и позволяет развивать и устанавливать определённые идеологические константы. При этом топонимическое пространство крупного города, особенно имеющего статус какой-либо властной структуры, можно рассматривать как специфическую коммуникацию, «ориентированную на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия» [Чудинов 2003: 4].

Об этом также свидетельствуют факты кардинального изменения городского топонимического ландшафта в зависимости от смены политических вех. В таких случаях реализуется простой, но достаточно действенный и распространённый способ стирания памяти путём смены названия, особенно если невозможно уничтожить непотребный и опасный предмет.

Достаточно показательна в этом плане замена названия реки Яик на Урал по указу Екатерины II, заодно «упразднившая» яицких казаков, активно участвовавших в Пугачёвском бунте.

Если в условиях «рутиного» исторического процесса идёт последовательное и равномерное накопление разновременных, а иногда и разноязычных топонимических единиц, складывающихся в определённую систему, благодаря которой каждый город выделяется «лица необщим выражением», то в период общественных потрясений становится важным приведение города в соответствие с требованиями доминирующих общественно-политических идей и точки зрения того или иного политического деятеля. Более значимыми в этом аспекте являются названия улиц (годонимы), тесно связанные с местом проживания, работы и постоянными маршрутами человека, который, пребывая в определенном уличном контексте, неосознанно отслеживает его заданность и поэтому в большей степени подвержен влиянию политически «верных» и идеологически заостренных названий. Именно поэтому перелицовка годонимов становится одной из важных стратегий изменения сознания народа.

В частности, в историческом центре г. Оренбурга в 1981 г. «насчитывается 41 улица, 5 из них названы именами царя и губернаторов, 6 – по церквям и мечети, 6 – по торговле, 12 названий связано с миром военных и чиновников» [Гаранькин и др. 1995: 13]. После революции в связи с необходимостью материализовать новую систему ценностей было проведено тотальное «перекраивание» топонимического пространства. Начало было положено решением горсовета от 18 февраля 1926 г., переименовавшего 120 линейных единиц, что «составило более 73% наименований» [Гаранькин и др. 1995: 27], причём менялись и достаточно нейтральные названия типа *Инженерной* улицы, получившей имя одиозного и практически никому не известного политического деятеля Володарского, никоим образом не связанного с Оренбуржьем. В ядре номинаций центра города, несмотря на стремительность и большой объём переименований, оказалась строго выверенная «революционно-советская» иерархия, что прослеживается, например, в параллелях улиц *Чичерина* (б. Деевская, Чернореченская; в честь оренбуржца – участника гражданской войны), → *Кобозева* (б. Воскресенская; в честь советского государственного и партийного деятеля), → *9-го Января* (б. Введенская), → *Советская* (б. Большая, Губернская, Николаевская) ← *Пролетарская* (б. Комисская, Почтовая, Перовская – в честь губернатора), ← *Комсомольская* (б. Преображенская, пер. Успенский, Воскресенский) ← *8-го Марта* (б. Преображенская). В данном случае не только вырисовывается направление старых и новых переименований, неуютность имён и религиозных объектов, но и «затухание» значимости номинации от ул. *Советской* – центральной улицы города.

В результате интенсивного переименования улиц «имена деятелей нашей партии и международного и международного революционного движения, героев борьбы за Советскую власть» [Гаранькин и др. 1995: 31] составляют более четверти всех современных названий оренбургских улиц, а в историческом центре их доля достигает 79%. Фактически ядро города, где концентрировались и до сих пор остаются основные общественные объекты, втягивает в себя всё функциональное содержание жилых районов, оставляя им пустую скорлупу стёртых именованных типа ул. *Новая, Строителей, Школьная, 1-16-я Линия, пер. Пустой, Диспансерный* и под. Прежние названия сохранились исключительно на периферии старого центра города для обозначения улочек и переулков, например: ул. *Яицкая, Гончарная, пер. Заводской, Фабричный, Казарменный, Кожевенный, Соляной* и под.

Определённый «бунтовской» настрой оренбуржцев, наглядно проявившийся в период Пугачёвского восстания, революции и гражданской войны, потребовал от властей, которые в Оренбуржье всегда были безоглядно преданы действующей власти, серьёзных усилий в уже привычном стирании старого и политически ненадёжного с целью ломки традиционного сознания.

Однако во многом система названий диктовалась «центром» – столичными городами, ими же направлялись и новые названия. В частности, Генеральная схема планирования г. Оренбурга 1938 г. была подготовлена мастерской № 1 г. Москвы Наркомхоза РСФСР. Не были исключением и названия городов, которые также «снимались и назначались» центром.

Так г. Оренбург был подвергнут серьёзным топонимическим потрясениям, связанными как с изменениями его статуса (столица Киргизской (Казахской) АССР (1920-1925 гг.), районный центр (1928-1934 гг.), областной центр), так и необоснованной заменой его имени. Как убедительно показал А. Н. Чебачёв, переименование г. Оренбурга в г. Чкалов (1938-1957 гг.) было политическим актом. А. Ф. Горкин, матёрый аппаратчик и пропагандист большевистских идей рушить всё «до основания», сумел столь изощренным способом отомстить бывшим оренбургским соратникам за своё снятие с поста первого секретаря Оренбургского обкома ВКП(б): «А. Ф. Горкин желал вычеркнуть из истории и своей памяти Оренбург», и это ему удалось благодаря весьма высоким покровителям в Москве [Чебачёв 2014: 6-10].

Областной город, принимая на себя главный «удар» власти, в реализации переименований оказывался более политизирован, чем другие города области. Однако необходимо подчеркнуть, что в реализации послереволюционных и особенно постперестроечных переименований не только по-разному реализовался политический «вкус» эпохи, но и своеобразно преломлялась историческая данность и посылы местной власти. В частности, оренбургские политики, несмотря на свой собственный запрет дальнейшего переименования улиц, взяли своеобразный «реванш» за низложение «выдающихся партийных деятелей советской эпохи». Наиболее одиозным явилось переименование ул. *Студенческой* в улицу *Александра Коваленко* – Первого секретаря Оренбургской области (1964-1980 гг.), практически полностью опустошившего область в последние годы своего правления. В последнее десятилетие идёт «выверка» названий улиц по идеологическим лекалам, выстраивающим новый «советский» код как в появлении новых улиц в честь оренбургских политических деятелей периода «застоя», так и в отстаивании революционных годонимов. С другой стороны, достаточно агрессивны требования закрепления имён других «героев» типа Дутова или восстановления улицы *Николаевской*.

Материализация политических амбиций действующих политиков вступает в противоречие с тенденцией узувальной деполитизации целого ряда названий улиц советской эпохи. Это может касаться как официальных, так и неофициальных (прозвищных) названий, которые, вслед за Е. Л. Березович, можно рассматривать под углом «трансформации смысловой базы коннотативного имени» [Березович 2002: 206-213].

Как показывают последние опросы оренбуржцев, практически все названия улиц, связанные с именами революционеров и деятелей советской эпохи переосмысляются, например, *Кобозев* (в устном воспроизведении *Кобзев*) становится участником Пугачёвского восстания, *Володарский* – искусствоведом или художником (по расположенной на улице Школе искусств), *Цвиллинг* – врачом или пожарным (по наличию на улице больницы и пожарной станции), в местных радио- и телепередачах ул. *Чкалова* называется *Чекаловой* и под. В 83% случаев старшеклассники и студенты вузов подобные годонимы не связывают с именами политических деятелей, тогда как респонденты от 50 лет готовы рассматривать их «по имени революционера» (в том числе ул. *Черепановых*, *Челюскинцев*, *Невельская*, ул. *Гаранькина* (2012 гг., названа в честь председателя исполкома Оренбургского городского Совета в 1977-1985 гг.) и под.) [Бекасова 2015].

Яркий идеологический налёт «снимается» с названий путём определённых трансформаций в результате смены идеологического настроения. Так, например, остановка по ул. *Красного Казачества* в постперестроечный период переживает переходы от *Белого Казачества* до *Красного и Белого Казачества*, а в настоящее время именуется просто *Казачества*. В этом же русле происходит утрата политического окраса с одновременной редукцией названий типа *Пролётка*, *Пролетарка* (ул. Пролетарская), *Девятка* (ул. 9 Января), *Терешки* (пр. Терешковой), *Коростыли* (пр. Братьев Коростылёвых), которая в полной мере затемняет первичную мотивацию и способствует созданию соответствующих ложноэтимологических легенд, особенно в среде молодёжи. Так, респонденты считают, что по ул. *Пролётка* ездил в конном экипаже Даль вместе с Пушкиным, памятник которым находится на параллельной улице.

Таким образом, наименования улиц, как важный «стратегический» объект, становятся своеобразной политической «сетью», заброшенной на городского среду обитания и целена-

правленно – на уровне федеральных и региональных органов власти – воздействующей на сознание горожан. Постоянное нахождение в этом нередко политически агрессивном контексте приводит к семантическому распаду имени в столкновениях мотивации и ремотивации городских объектов, снятию коннотативного шлейфа за счёт деполитизации названий, обусловленной желанием прояснить топонимический код города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бекасова Е. Н. Основные направления лингвистических исследований Оренбургского края // Вестник ОГПУ, 2015. – № 3. – С. 98–107.
2. Березович Е. Л. Географический макромир и микромир в русской народной языковой традиции // Славяноведение. – М., 2002. № 6. С. 60–71.
3. Гаранькин Ю. Д., Дорофеев В. В., Жилин А. Н. Справочник: «Улицы Оренбурга». – Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1995.
4. Чебачёв А. Н. Режимный город Чкалов-юридическая и «тюремная столица» СССР. – Оренбург: ИПК «Газпресс» ООО «СервисЭнергоГаз», 2014.
5. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): Учеб. пособие. – Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2003.

БЕКОВА И. Д.

Владикавказ

ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ ЛИЧНОСТИ

Л. Х. ТИБИЛОВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ 2014 Г.)

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются речевые признаки политического дискурса президента РЮО и их реализация при помощи тех или иных языковых средств. Основной целью исследования является раскрытие особенностей функционирования политической коммуникации в Южной Осетии. Основным методом исследования является метод дискурсивного анализа.

Ключевые слова: политическая коммуникация, дискурс, дискурсивный анализ, языковая личность, коммуникативная личность

BEKOVA I. D.

Vladikavkaz

DISCOURSE PECULIARITIES OF THE COMMUNICATIVE PERSONALITY

OF THE SOUTH OSSETIA REPUBLIC PRESIDENT L. TIBILOV

(BASED ON THE PRESS-CONFERENCE, 2014)

Abstract. In the present article the speech peculiarities of the political discourse of the president of the Republic of South Ossetia and their representation via various language means are analyzed. The major objective of the research is to reveal specific features of the political communication in South Ossetia. The main method of the research is a method of discourse analysis.

Keywords: political communication, discourse, discourse analysis, language personality, communicative personality

В рамках сложившейся за последние десятилетия социально-политической ситуации во всем мире, особый интерес представляет дискурс политических деятелей, в частности, первых лиц государства. Именно в этом виде политического дискурса наиболее ярки и заметны процессы и тенденции, связанные с изменением словарного состава языка, используемого в сфере политики.

Выступления главы государства играют чрезвычайно важную роль в сфере публичного общения, президент во многом становится референтной языковой личностью для участников политического процесса. В связи с этим возникает необходимость изучить тенденции развития новейшего юго-осетинского политдискурса.

Существует потребность системного описания и дискурсивного анализа юго-осетинской политической коммуникации, поскольку РЮО находится на этапе становления государственности. Характер и результаты исследования способствуют выявлению лингвокультурных особенностей политической картины мира, отраженной в речемыслительной деятельности Президента Южной Осетии, на примере текстов дискурса пресс-конференций, выступлений в рамках встреч с журналистами и рядовыми гражданами Южной Осетии.

Были привлечены элементы дискурсивного, контекстуального, лингвостилистического, семантико-когнитивного, интерпретационного, концептологического анализа, а также метод сплошной выборки. Основным методом исследования является метод дискурсивного анализа.

Основной целью исследования является выявление сущностных особенностей политического дискурса президента.

Исследование лингвостилистических особенностей политдискурса первого лица проводится в работе на материале текстов, репрезентирующих различные формы политического дискурса. К анализу привлечены устные тексты (отрывки из пресс-конференций).

Источниками послужили стенограммы пресс-конференций и видеозаписи выступлений президента Республики Южная Осетия – Л. Х. Тибилова. В качестве объекта исследования избраны тексты, отражающие специфичность функционирования различных языковых элементов в реализации коммуникативных стратегий в конкретном жанре политической коммуникации.

Южная Осетия – молодое государство, формирующееся и развивающееся в тесном сотрудничестве и партнерстве с Российской федерацией, поэтому все политические процессы, имеющие место в России, неизбежно отражаются на политической жизни в Южной Осетии.

Не является в этом смысле исключением и политический дискурс президента РЮО. Попробуем проанализировать небольшой фрагмент из выступлений Л. Х. Тибилова на ежегодной пресс-конференции (2014).

Политический дискурс Л. Х. Тибилова в рамках ежегодных пресс-конференций можно обозначить как ритуальный, поскольку, как и в случае и в России, пресс-конференции президента РЮО стали ежегодными. Это своего рода коммуникативный ритуал, во время которого, президент выражает, прежде всего, точку зрения, определяемую его статусом политического лидера. Личностный компонент коммуникации неизбежно присутствует, поскольку обусловлен необходимостью быть адекватно воспринятым аудиторией, установить с ней контакт. Агональный характер политического дискурса Л. Х. Тибилова очевиден. Частое использование личных и притяжательных местоимений в первом лице (я; мы – соотнесенных, но не противопоставляемых), в немалой степени способствует созданию теплой, доверительной атмосферы общения, в рамках которого аудитория призывается задавать любые вопросы.

*Сегодня **мы** выбрали такую форму общения. Надеюсь, что у **нас** получится прямой, открытый и откровенный разговор. **Я** постараюсь самым честным образом ответить на все вопросы. У **меня** нет секретов от своего народа и ничего скрывать **я** не собираюсь. **Прошу** задавать всевозможные вопросы.*

***Знаю**, как много вопросов у нашего населения, а **знаю** это от постоянного общения с народом и ежедневной работы с заявлениями на имя Президента республики, которых за последние десять месяцев поступило более 1600. **Знаю**, сколько пришлось пережить за 20 лет перманентных войн, которые пришлось испытать нашему народу со стороны Грузии и которые оставили серьезный след.*

***Я** уверяю вас, что назначение на государственную должность это непростой вопрос. **Мы** старались изучать того или иного человека, который **должен** был впоследствии занять должность в руководстве республики **исоответственно** приходилось много думать [http://presidentruo.org/?p=11320].*

Сегодня **я** хочу сказать, что все решения, которые принимались непосредственно мною по формированию Правительства, на тот момент были наиболее оптимальными. Других решений не могло быть. **Я как Президент страны** постарался, чтобы в команду пришли непосредственно выходцы нашей республики, люди, которые много сделали для своего народа.

Я как глава государства требую от всех ветвей власти работы, направленной на выполнение задач, которые стоят перед нами.

На сегодняшний день с Россией мы вышли на новый серьезный уровень взаимоотношений: между Республикой Южная Осетия и Российской Федерацией заключено более 70-ти соглашений, и мы **должны** гордиться ими. Но, в то же время, мы **призваны**, чтобы выполнять их [<http://presidentruo.org/?p=11320>].

Лексика с семой долга усиливает и формирует модальность долженствования. Вышеперечисленные модальные глаголы являются наиболее частотными и яркими оборотами речи любого политического лидера. Модальные глаголы – ключевые слова руководителя. Модальность долженствования, подчеркивание своего политического статуса (**я как президент страны, я как глава государства**) также характеризует Л. Х. Тибилова как человека, ясно осознающего всю меру ответственности за свои действия, и определяет его как человека, занимающего властную позицию.

Яркой лингвостилистической особенностью дискурса Л. Х. Тибилова является использование разных видов повторов, в частности анафорического (**я знаю..., я знаю...**), что в большой мере способствует усилению эмоциональности речи и призвано сконцентрировать внимание целевой аудитории на особенно важных доминантных пунктах выступления.

Таким образом, важные политические процессы, характеризующие развитие Южной Осетии, процессы формирования и укоренения идентичности молодого государства, способствуют тому, что выступления главы государства становится тем лингвистическим материалом, в котором четко проявляются взаимосвязи речевой организации общества с государственным устройством. Именно в дискурсе президента находит свое выражение характер объективной действительности в виде идей своего времени, что позволяет описать ментальный мир социума на определенном синхронном срезе, в определенный исторический период.

Политический дискурс Л. Х. Тиблова отличает целый ряд признаков:

1. Модальность долженствования преобладает в дискурсе Л. Х. Тиблова. В выступлениях часто употребляются модальные глаголы *должен, нужно, необходимо, обязан следует, придется* и т.д.

2. Часты в применении безличные предложения (*было сделано, требуется*). Большой процент безличных предложений является признаком умаления значимости своей роли, как государственного деятеля. Подобные безличные конструкции способствуют ощущению солидаризации оратора с аудиторией.

3. Подчеркивание своего политического статуса (**я как президент, я как глава государства**) способствует созданию имиджа волевого, политика, четко выражающего свою политическую и гражданскую позицию, в полной мере осознающего всю ответственность своей должности.

ЛИТЕРАТУРА

1. <http://presidentruo.org/?p=11320>

БОРИСОВА Е. Г.

Москва

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА ИЛИ ЛИНГВОПОЛИТОЛОГИЯ?

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы развития направления, находящегося на стыке лингвистики и политологии или политического анализа. Предлагается именно за ним закрепить термин «лингвополитология». Показывается, как лингвистические исследования могут давать результаты, значимые для политического консалтинга как в аналитике, так и при осуществлении политических кампаний, в пропаганде.

Ключевые слова: политическая лингвистика, манифестативная лексика, типы политического дискурса, дискурсно ориентированная лексика, эмоционально окрашенные слова.

BORISOVA E. G.

Moscow

POLITICAL LINGUISTICS OR LINGUOPOLITOLOGY?

Abstract. The article declares the possible prospects of applying linguistic data to political analysis. This branch is proposed to be called linguopolitology. It is proved that the results of linguistic research can be important for political consulting and political campaigns, for propaganda.

Keywords: political linguistics, manifestative lexis, types of political discourse, discourse-marked lexis, emotions in lexis.

1. Современное состояние изучения политических текстов позволяет говорить о сложившемся направлении в современной лингвистике, которую называют «политическая лингвистика» и которая занимается рассмотрением различных особенностей – языковых, перлокутивных, композиционных и т.п. – текстов, создаваемых в рамках политических коммуникаций (заявления, манифесты, речи политиков и государственных деятелей, аналитические статьи, политическая публицистика). Основанием для объединения этих исследований является сфера использования языка. И в этом смысле политическая лингвистика стоит в одном ряду с такими существующими или существовавшими раньше направлениями языкознания, как «язык СМИ», «юридический дискурс» и т.п.

В рамках политической лингвистики имеется несколько направлений, связанных не только сферой объекта, но и подходом к изучению его особенностей. В частности, когнитивный подход в политической лингвистике позволяет изучать политическую метафору, а перлокутивная лингвистика обращает внимание на политические тексты с позиций воздействия на массы.

Иногда для обозначения того же направления используют термин лингвополитология. Однако, учитывая содержательное разнообразие исследований в сфере политической лингвистики, термин «лингвополитология» целесообразнее использовать для направлений, более важных для политологии (см. Комарова 2012, Borisova 2013).

Полученные в лингвистических исследованиях результаты позволяют извлекать знания о состоянии общества и его политических сил, которые могут быть полезными в практическом политическом анализе и в политологических обобщениях, что позволяет говорить о возникающей на стыке наук дисциплине «лингвополитологии».

К лингвополитологическим могут быть отнесены исследования, определяющие социальные характеристики политического деятеля или общественных групп (социолингвистика), определяющих общественное сознание (психолингвистика), выявляющих средства воздействия на массы.

2. Остановимся на наиболее интересных задачах, которые решаются в рамках лингвополитологии сегодня. В первую очередь, можно отметить попытки интерпретации новых политических сил через используемый язык. Здесь следует упомянуть анализ антиглобалистского дискурса в работах С. А. Дондо. Исследователь опирается на использование так называемой манифестативной лексики, т.е. слов, встречающихся преимущественно у представи-

телей одной политической силы. Наличие такой лексики было обнаружено давно, однако анализ случаев употребления такой лексики в разных типах российского политического дискурса (либерального, коммунистического, традиционного, властного) выявил необходимость расширения понятия манифестативность. В частности, было введено понятие отрицательной манифестативности, т.е. неприемлемости определенных слов для некоторого типа дискурса. Например, слова «трудящиеся» или «классовая борьба» в либеральном дискурсе возможны только как цитата или в ироническом смысле. Выявление в текстах антиглобалистов манифестативной лексики позволяет сделать выводы о месте этого политического направления в политикуме России, о методах взаимодействия его составных частей.

3. Лексический (а частично и фонетический и даже синтаксический) анализ политических текстов позволяет делать определенные выводы об ориентации политических сил на те или иные социальные и социально-демографические группы. Эта проблема неоднократно поднималась и социолингвистами, и политологами и даже политиками. В частности, в народной памяти сохранились сетования политика либеральной ориентации Е. Т. Гайдара о том, что народ его не принимает за частое употребление слова «отнюдь» (видимо, оцениваемое говорящим как чересчур книжное).

Заметим, что мнения политических авторитетов о «языке народа» могут не всегда совпадать с мнением народа. Проверить это можно. Обратившись к целому ряду методик психолингвистического и социометрического происхождения. В частности, имеет смысл изучать оценочный потенциал и ассоциативные поля общественной лексики путем опроса репрезентативных представителей тех или иных социальных групп.

4. Еще один источник для важной политологической (и лингвополитологической) информации связан с дискурсивными исследованиями. Выявление дискурсно ориентированной лексики, в значении которой сохраняется привязка к событиям, связанным с первыми употреблениями этой лексики, позволяет сделать вывод об актуальности тех или иных событий в общественном сознании. Можно привести слово «печеньки», которое именно в такой форме было употреблено для описания посещения в целях поддержки Киевского Майдана в начале 2014 г. представителем государственного департамента США Викторией Нуланд. При этом в знак демонстрации солидарности с митингующими происходила раздача угощения, названного в репортаже российских СМИ «печеньки». В реальности раздавались сэндвичи, булочки и пирожки. В конце 2015 года «печеньки» (без кавычек) употребляются достаточно широко (например, «А где наши печеньки черногорцам?») в значении «материальная поддержка протеста». Однако при этом сохраняется воспоминание о первом употреблении этого слова, что свидетельствует об актуальности события в сознании граждан. В то же время часть «дискурсно ориентированной» лексики ушла в небытие вместе с воспоминаниями (по крайней мере, сохраняющими актуальность) о связанных с ним событиях, например, «семибанкирщина». Другой случай - развитие у слова значения на основании дискурсно ориентированного. Видимо, именно это произошло со словом «рукопожатный». Оно возникло в «антиболотном дискурсе» в результате усечения слова «нерукопожатный», как сторонники протестов зимы 2013/14 годов называли своих противников (об этом говорила Е. Я. Шмелева в своих телевыступлениях). Противники в ответ применили к ним слово «рукопожатный», употреблявшееся с иронией. В 2015 году использование слова «рукопожатный» расширилось и больше не связывалось (по крайней мере, заметным образом) с событиями «болотных протестов».

В этом смысле перспективным можно считать фиксацию использования так называемых «слов года» (*модернизация, инновации, импортозамещение*), которые позволяют определить СМИ и политические силы, наиболее вовлеченные в определенный дискурс.

5. Наконец, интересным является анализ языка обсуждения политических проблем в сети с учетом частоты использования экспрессивной лексики, что позволяет определить степень агрессивности диалогов и общий градус накала страстей. В целом анализ эмоциональной окраски сообщений, степени употребления в них инвективов, с одной стороны, и юмора, иронии – с другой, позволяют делать определенные выводы о представлениях тех или иных

политических сил. Так, для либерального дискурса в принципе характерен стёб, т.е. не вполне серьёзное и в то же время снисходительное отношение к описываемым событиям и, одновременно, доверительное отношение к адресату. Однако и там можно встретить вполне открытые вспышки эмоций, оскорбления и т.п. Классическим примером стала передача «Эха Москвы», где Ксения Ларина заявила, что ее тошнит «косточками, червяками» от слова «патриотизм».

6. Естественно, этой тематикой лингвополитологические исследования не исчерпываются. В частности, помимо аналитической функции у этого направления есть и конструктивная: создание определенной терминологии, выработка языкового имиджа политических деятелей и организаций. Хотелось бы обратить внимание на задачу формирования картины мира у сторонников определенных политических сил. В целом, это одна из важнейших задач, которую должна ставить и государственная пропаганда. При этом может быть использовано известное свойство лексики (и частично грамматики), называемое фрейминг. Имеется в виду способность слова задавать определенный ракурс, взгляд на события благодаря своему лексическому значению. От выбора термина зависит представление о событии или явлении. Успешным примером можно считать номинацию «Революция достоинства», данную перевороту на Украине в 2014 году. А вот протестные события в России в 2011-12 года так и не получили общепризнанного наименования.

7. Подводя итоги, отметим, что приведенный список перспективных направлений исследований в сфере лингвополитологии, естественно, не является исчерпывающим. Часть работ уже ведется, в том числе, и в закрытом режиме. Если же говорить о фундаментальных направлениях, которые обеспечивают лингвополитологические исследования, то это такие области языкознания, как перлокутивная лингвистика, лингвопрагматика, когнитивный подход. Естественно, следует принимать во внимание и данные социологии, политологии, психологии, антропологической философии.

ЛИТЕРАТУРА

Дондо С. А. Основные принципы определения типов общественно-политического дискурса // Политическая лингвистика. № 1 (51), 2015. С. 87-91

Комарова З. И. Лингвополитология как частная парадигма современной лингвистики: методологический аспект // Политическая лингвистика № 4, 2012. С. 23-33.

Borisova E. Linguopolitology: Understanding in Political Communication / Understanding by Communication. Eds. E. Borisova and O. Souleimanova. – Cambridge Scholars Publishers. 2013 - pp. 168-176.

БУДАЕВ Э. В.

Нижний Тагил

UKRAINE VS. THE UKRAINE:

ОПРЕДЕЛЕННЫЙ АРТИКЛЬ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ МАРКЕР¹

Аннотация. Определённый артикль в английском языке принято считать служебным словом. Вместе с тем в современных СМИ и политическом дискурсе определённый артикль может выполнять функцию идеологического маркера. После распада Советского Союза в англоязычном дискурсе появилась точка зрения, согласно которой использование в названии независимого украинского государства определённого артикля (the Ukraine) является грамматической ошибкой. В статье рассматриваются семантические, этимологические, исторические и конспирологические аргументы, актуализируемые в СМИ и политическом дискурсе США и Великобритании для подтверждения этой точки зрения. Примеры употребления оп-

¹ Исследование подготовлено при поддержке РГНФ (№ 14-04-00268а, Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления).

ределенного артикля (the Ukraine) наряду с примерами отсутствия такового (Ukraine) в современном англоязычном дискурсе свидетельствуют о наличии парадигматической соотнесенности, но эта соотнесенность лежит в плоскости не грамматических, а идеологических категорий.

Ключевые слова: the Ukraine, political discourse, определенный артикль

BUDAEV E. V.

Nizhniy Tagil

UKRAINE VS. THE UKRAINE:

THE DEFINITE ARTICLE AS AN IDEOLOGICAL MARKER

Abstract. The paper deals with the ideological function of definite articles used in mass media and political discourse. The definite article in the English language is commonly considered to specify the category of grammatical definiteness. I examine the definite article as an ideological marker in the case of Ukraine vs. the Ukraine opposition in contemporary English-speaking mass media and political discourse.

Nowadays there are several explanations of why “the Ukraine” should be considered “grammatically incorrect”. Semantic, morphological, etymological, historical and even conspirological arguments are reviewed. It is argued that there is no linguistic reason to use “Ukraine” instead of “the Ukraine”. The widespread usage of “Ukraine” is stipulated by factors of ideology or political correctness.

Keywords: the Ukraine, political discourse, the definite article

В последние десятилетия среди лингвистов укоренилось понимание того факта, что адекватное описание смыслов политической коммуникации невозможно без анализа экстралингвистических факторов и концептуальных структур, актуализируемых в процессе коммуникации. Первая корреляция изучается в рамках политического дискурс-анализа, вторая ассоциируется с когнитивной лингвистикой. Неудивительно, что основное внимание исследователей в данном направлении сосредоточено на анализе функционирования полнозначных слов и их корреляций с концептами. Роль служебных слов обычно сводится к выражению грамматических значений и синтаксических отношений. Вместе с тем анализ политического дискурса свидетельствует о том, что даже такие служебные слова как артикли могут актуализировать концепты и группы концептов, обычно репрезентированные знаменательными словами.

Э. Эйнштейн отмечал, что математика до тех пор остается точной наукой, пока она не касается практики. Аналогичным образом определённый артикль в английском языке традиционно считается служебным словом, служащим для выражения грамматической категории определенности, однако его функции в политическом дискурсе выходят далеко за рамки, установленные теоретиками грамматики.

Рассмотрим роль определённого артикля на примере словоупотреблений *Ukraine* и *the Ukraine* в современном англоязычном дискурсе.

4 марта 2014 г. президент США Б. Обама прибыл в одну из вашингтонских школ, где он прочитал доклад о новой бюджетной политике. Однако первый вопрос от аудитории был посвящен не внутренней, а внешней политике. Журналист поинтересовался мнением Б. Обамы о политике В.В. Путина по отношению к Украине. В своем ответе президент США употреблял название украинского государства с определенным артиклем. Ср.:

It is important that Congress stand with us. I don't doubt the bipartisan concern that's been expressed about the situation in the Ukraine (Katy Steinmetz, Time, 5 March, 2014).

17 апреля 2014 г. генеральный консул США в г. Екатеринбурге О. Х. Ван Маерссен приехал на встречу со студентами факультета филологии и массовых коммуникаций Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Так как встреча проходила через месяц после присоединения Крыма к России, в аудитории закономерно возникали вопросы по поводу украинского кризиса и личной позиции генконсула по этому вопросу. Верные грамматике английского языка преподаватели и студенты использовали определен-

ный артикль перед названием украинского государства (*the Ukraine*), в то время как генконсул регулярно опускал артикль в дискуссии, предпочитая вариант *Ukraine*.

Президент США использует вариант *the Ukraine*, генконсул США предпочитает вариант без артикля. Возникшее языковое противоречие требует специального рассмотрения.

По правилам английского языка перед названиями стран не требуется определенный артикль, если в состав топонима не входит имя нарицательное (*kingdom, republic, states, union* и др.). Например, топонимы *Russia* и *Ireland* используется без определенного артикля, а в словосочетаниях *the Russian Federation* и *the Republic of Ireland* необходимо использовать определенный артикль. Вместе с тем из этого правила есть исключения, к которым относятся топонимы *the Netherlands, the Congo, the Bahamas, the Argentine, the Gambia, the Philippines, the Ukraine* и др.

До 1991 г. использование варианта *the Ukraine* не подвергалось сомнению, но после распада СССР в англоязычной прессе получил распространение вариант *Ukraine*. Вероятно, первым постсоветским официальным текстом, в котором зафиксирован вариант без артикля, является рождественское обращение президента Дж. Буша к нации с поздравлениями по поводу распада Советского Союза и признанием независимости экс-советских республик. Ср.:

Second, the United States also recognizes the independence of Ukraine, Armenia, Kazakhstan, Belarus, and Kyrgyzstan – all states that have made specific commitments to us [End of the Soviet Union 1991].

Впоследствии эта форма стала получать все большее распространение в англоязычных СМИ. Так как рассматриваемая проблема не нашла отражения в научном дискурсе, аргументация необходимости использования варианта *Ukraine* обычно представлена в политическом и масс-медийном англоязычном дискурсе. Эта аргументация основывается на нескольких доводах. Самый распространенный из них связывает необходимость элиминации артикля с приобретением Украиной независимости.

Этот довод был озвучен послом США в Украине У. Тейлором, сетовавшим на то, что многие люди употребляют определённый артикль перед названием украинского государства, в то время как для различения советской Украины и постсоветской Украины нужно отказаться от определённого артикля. Ср.:

“Ukraine is a country,” says William Taylor, who served as the U.S. ambassador to Ukraine from 2006 to 2009. “The Ukraine is the way the Russians referred to that part of the country during Soviet times ... Now that it is a country, a nation, and a recognized state, it is just Ukraine. And it is incorrect to refer to the Ukraine, even though a lot of people do it.” [Steinmetz 2014].

Аналогичные аргументы повторяли представители посольства Украины в Лондоне, акцентируя внимание на том, что использование варианта *the Ukraine* является грамматической ошибкой. Ср.:

“The Ukraine” is incorrect both grammatically and politically, says Oksana Kuzyma of the Embassy of Ukraine in London. “Ukraine is both the conventional short and long name of the country,” she says. “This name is stated in the Ukrainian Declaration of Independence and Constitution.” The use of the article relates to the time before independence in 1991, when Ukraine was a republic of the Soviet Union known as the Ukrainian Soviet Socialist Republic, she says. Since then, it should be merely Ukraine [Geoghegan 2012].

То факт, что определенного артикля перед названием украинского государства нет в Конституции Украины неоспорим, как и неоспорим факт того, что в украинском языке вообще артиклей нет, поэтому ссылка на Конституцию Украины не является основанием для элиминации артиклей перед топонимами в английском языке.

Заявление о «грамматической необходимости» избавиться от определенного артикля перед словом *Ukraine* в английском языке в связи с приобретением Украиной независимости после распада СССР тоже не имеет под собой никаких оснований, потому что определенный артикль в английском языке никогда не был семантически связан с понятием независимости. Такие страны как Аргентина, Конго, Нидерланды (некогда колонии Испании и Бельгии) в разное время стали суверенными государствами, однако определенный артикль используется

с названиями данных стран в английском языке в соответствии со сложившимися традициями. Жителям Нидерландов не приходит в голову требовать удаления артикля перед названием the Netherlands на основании того, что артикль может служить маркером зависимости, потому что английский артикль не несет в себе такого смысла. Ссылки на «грамматически» некорректное использование артикля перед Ukraine никакого отношения к английской грамматике не имеют.

В приведенной выше цитате приводится еще один распространенный аргумент о том, что УССР была республикой, поэтому в английском варианте использовался артикль (the Ukrainian Soviet Socialist Republic), а форма the Ukraine – лишь краткий вариант полной формы. Так как УССР перестала существовать, то и форма the Ukraine должна выйти из употребления. Анализ аналогичных конструкций в английском языке не подтверждают этой гипотезы. Например, топоним The Russian Soviet Federative Socialist Republic соответствовал краткой форме Russia (но никогда «the Russia»), the Republic of India – краткой форме India (и никогда не укорачивался до формы «the India»), The Kingdom of England – England (но никогда «the England»). В краткой форме не сохраняется артикль, требуемый в полной форме наименования государства, что неудивительно, если учесть, что краткая форма исторически предшествовала полной форме. Эта закономерность прослеживается и в тех топонимах, которые включены в исключения (the Gambia – the Republic of the Gambia, the Bahamas – the Commonwealth of the Bahamas, The Netherlands – the Kingdom of the Netherlands и др.).

Другими словами, в исключениях представлены топонимы, которые изначально содержали артикль в краткой форме, а не приобрели его в результате сокращения полной формы. Изначальное наличие артикля в краткой форме связано с разными факторами. Одна группа топонимов образовалась в результате метонимического переноса с названия рек (the Congo, the Gambia) и групп островов (the Bahamas, the Philippines) на названия государств. По правилам английского языка топонимы, обозначающие группы островов и рек, используются с определённым артиклем, который сохранился после метонимического переноса в названиях государств.

В другой группе топонимов в основу номинации был положен признак, связанный с географическими особенностями референта. В таких случаях определённый артикль выполнял индивидуализирующую функцию. Например, в топониме the Netherlands (низкие земли, низовье) артикль используется для выделения объекта из ряда однородных географических объектов, для противопоставления его другим географическим объектам данного класса. К этой группе относится топоним the Ukraine, восходящий к древнерусскому слову *оукраина* [Етимологічний 2012: 28], т.е. окраина, приграничная местность.

Семантика слова *оукраина* связана с концептуальной оппозицией ЦЕНТР-ПЕРИФЕРИЯ. Концепт ПЕРИФЕРИЯ несет прагматические смыслы «вторичности» и «малозначительности» по отношению к содержанию концепта ЦЕНТР. Вероятно, этим объясняются попытки украинских политиков и журналистов актуализировать ложные этимологии слова Украина, не зафиксированные в исторических источниках (об этимологических мистификациях см. [Гайда 2014]). Если допустить, что происхождение названия украинского государства от слова «оукраина» ущемляет национальное чувство, и это требует лингвистических инноваций, то необходимо вносить изменения не в английский, а в украинский топоним. Тогда исчезнет генетическая связь между словами *Украина* и «неполиткорректным» словом *оукраина*. В английском же языке лексемы *Ukraine* и *borderland* (окраина, приграничная территория) генетически никак не связаны. Более того, окраина государства в американском сознании связаны с мелиоративными образами. Как показал Рональд Карпентер [Carpenter 1990] на основе анализа американского публичного дискурса (со времен Американской революции до XX в. включительно), «люди с окраины» ассоциируются с образами героев. Сильные и смелые люди из приграничной зоны (frontiersmen) – типичный положительный образ американской картины мира и национального дискурса.

Наконец, существует конспирологический аргумент в пользу элиминации артикля, который британская газета The Guardian приписывает советским историкам-эмигрантам

М. Некричу и А. Геллеру. В статье под заголовком «Edgy attitudes towards Ukraine» от 14 августа 2004 г. журналист Иан Мейз приводит цитату из книги М. Некрича и А. Геллера «Utopia in Power, A History of the USSR from 1917 to the Present»:

Moscow's goal was to eliminate Ukraine and Ukrainians as political and cultural entities. Soviet translators, who knew the patterns for country names in English, deliberately translated the name of this area with the article 'the' because it then sounds to English-speakers like a part of a country rather than the name of an individual, independent country.

Согласно этим данным, советские власти ставили своей целью «уничтожить Украину и украинцев как политический и культурный феномен». По этой причине советские переводчики добавляли определённый артикль, чтобы подчеркнуть, что Украина – часть СССР. Эта версия популярна в украинских националистических кругах, однако не существует ни одного свидетельства, подтверждающего эту гипотезу. Если коварные советские переводчики массово ненавидели Украину за ее стремление к независимости (или против собственной воли действовали так по какой-то секретной директиве КГБ) и добавляли определённый артикль к топониму Ukraine, то почему это правило не распространялось на другие республики СССР? Советские переводчики должны были бы добавлять определенные артикли к топонимам Latvia, Estonia, Lithuania, Georgia и т.д., но этого не происходило.

Отметим, что нам не удалось обнаружить в русском варианте книги М. Некрича и А. Геллера [2000] что-либо похожее на цитату, приводимую британским журналистом. Внутритекстовый поиск в английской версии книги [Heller, Nekrich 1986], проведенный посредством сервиса Google Books, также дал отрицательный результат.

Версии о заговоре русских переводчиков, желавших уничтожения украинской культуры, противопоставлена гипотеза А. Григоровича [Gregorovich 1994], который предложил считать «виноватыми» в укоренении в английском языке варианта *the Ukraine* самих украинцев, живущих за пределами СССР. По мнению автора, украинские эмигранты были слишком невежественны, чтобы разбираться в тонкостях английского языка, поэтому они употребляли определённый артикль перед Ukraine, чем способствовали укоренению этого варианта в английском языке. По этой причине современные украинцы-иммигранты вынуждены исправлять носителей английского языка, в случае их использования варианта *the Ukraine* на политкорректное Ukraine. Как отмечает по этому поводу Тамара Галло Олекси, президент Украинского конгрессового комитета Америки, украинцы поправляют носителей английского языка не по этимологическим, а психологическим причинам [Steinmetz 2014].

Требование заменить *the Ukraine* на *Ukraine* не имеет под собой никакого лингвистического обоснования, по этой причине апелляции к английской грамматике не выдерживают критики. Однако отсутствие грамматических оснований для отказа от артикля перед словом Ukraine не означает, что нет факторов идеологических и дискурсивных. С позиций украинских националистов определённый артикль не просто служебное слово, но идеологический маркер, «символ колониального прошлого» Украины, требующий уничтожения по политическим причинам. В геополитическом противостоянии, реализуемом через политический дискурс, научная обоснованность тех или иных положений играет подчинённую роль, уступая приоритет квазинаучным мифам, востребованным политической конъюнктурой.

Фактическое вытеснение формы *the Ukraine* из англоязычного политического дискурса началось с документов Госдепартамента США. Затем соответствующие изменения были внесены во Всемирную книгу фактов ЦРУ. К рекомендациям официальных органов стали прислушиваться редакции отдельных СМИ. В британской газете *The Guardian*, например, запретили использовать форму *the Ukraine*, поэтому журналисты этого издания используют в своих статьях исключительно форму *Ukraine*. Вместе с тем в консервативной *The Times* до сих пор распространён вариант с определённым артиклем. Ср.:

*A senior government official in Moscow insists that the inaugural Russian Grand Prix will go ahead despite warnings from Nato that a ceasefire with **the Ukraine** has not held* (Kevin Eason, *The Times*, 21.09.2014).

*France is to return £1 billion that Russia paid it to build two big warships, after Paris refused to deliver them in protest at Moscow's actions in **the Ukraine*** (Charles Bremner, The Times, 24.04.2015).

*President Putin probed for weaknesses in western resolve yesterday by warning Italy that it stood to lose €1 billion in contracts if it kept up sanctions over Russia's aggression in **the Ukraine*** (Tom Kington, The Times, 11.06.2015).

Аналогичная ситуация наблюдается в США. В одних СМИ используется исключительно вариант *Ukraine*. В других источниках используются оба варианта. Вариант *the Ukraine* обнаруживается в политическом дискурсе высокопоставленных официальных лиц американского государства (от чиновников Пентагона и министров до президента США Б. Обамы), которые не актуализируют идеологический потенциал элиминации определённого артикля и продолжают следовать традициям английского языка, используя вариант *the Ukraine*. Ср.:

*"There's no question but that the president's naiveté with regards to Russia, and his faulty judgment about Russia's intentions and objectives, has led to a number of foreign policy challenges that we face," Romney declared. "And unfortunately, not having anticipated Russia's intentions, the president wasn't able to shape the kinds of events that may have been able to prevent the kinds of circumstances that you're seeing in **the Ukraine**."* (Wesley Lowery, The Washington Post, March 23, 2014).

*"We haven't been able to connect with anybody from the defense ministry there in **the Ukraine**," Pentagon spokesman Rear Adm. John Kirby said Thursday* (Stephanie Gaskell, Defense One, Feb. 20, 2014).

*But the rise of ISIS and other military challenges, like halting Russia's incursions into **the Ukraine** and stopping the spread of Ebola, have emerged over the last two years, so the restructuring of the Pentagon is no longer at the top of Obama's to-do list* (Perry Bacon Jr., NBC News, Nov. 25, 2014).

Примеры употребления определённого артикля (*the Ukraine*) наряду с примерами отсутствия такового (*Ukraine*) в современном англоязычном дискурсе СМИ и политическом дискурсе свидетельствуют о наличии парадигматической соотнесённости, но эта соотнесённость часто лежит в плоскости не грамматических (определённость/неопределённость), а идеологических категорий. Выбор одного из двух вариантов носителем английского языка, определяется соотношением идеологической ангажированности (или политкорректности) и стремлением следовать правилам грамматики английского языка.

Обзор современного англоязычного политического и массмедийного дискурса свидетельствует о том, что норма *The Ukraine* активно вытесняется узуальным *Ukraine*, а как известно из истории языков мира, узус часто становится нормой по прошествии некоторого времени, независимо от того, являются ли факторы таких изменений внутри- или экстралингвистическими.

ЛИТЕРАТУРА

Гайда Ф. Украина и Малая Русь: окраина и центр [электронный ресурс]. URL: <http://zapadrus.su/rusmir/istf/1047-ukraina-i-malaya-rus-okraina-i-tsentr.html>

Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История России: 1917-1995. М.: МИК, 2000.

Етимологічний словник української мови / Под ред. О. С. Мельничука. — Киев: Наукова думка, 2012. Т. 6: У–Я. 568 с.

Carpenter R.H. America's Tragic Metaphor: Our Twentieth-Century Combatants as Frontiersmen // Quarterly Journal of Speech. 1990. Vol. 76 (1). P. 1-22.

Geoghegan T. Ukraine or the Ukraine: Why do some country names have 'the'? // BBC News Magazine. 7 June 2012.

Gregorovich A. Ukraine or "the Ukraine"? // FORUM Ukrainian Review. 1994. No. 90, Spring/Summer [электронный ресурс]. URL: http://www.infoukes.com/faq/the_ukraine/

End of the Soviet Union; Text of Bush's Address to Nation on Gorbachev's Resignation // The New York Times. 26 Dec. 1991.

Heller M., Nekrich A. Utopia in Power: The History of the Soviet Union from 1917 to the Present. New York: Summit books, 1986. 877 p.

Mayes I. Edgy attitudes towards Ukraine // The Guardian. 14 Aug. 2004.

Steinmetz K. Ukraine, Not the Ukraine: The Significance of Three Little Letters // Time. 5 March 2014.

БУШЕВ А. Б.

Тверь

МЕДИАДИСКУРС МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА

Резюме. В статье методом дискурсивного анализа исследуется формирующийся на наших глазах дискурс миграционного кризиса – следствие политических изменений, охвативших мир в 2015 году. Рассматривается как роль самого языка масс-медиа для стигматизации мигрантов, так и роль самих масс-медиа в создании картины миграции.

Ключевые слова: дискурс-анализ, миграционный кризис, политическая лингвистика

BOUCHEV A. B.

Tver

MASS MEDIA DISCOURSE ANALYSIS OF MIGRATION CRISIS

Abstract. The paper uses the tradition of discourse analysis for the formation of discourse studies of migration crisis. The paper stresses the need to link discourse studies with the European ancient tradition of rhetorical studies. The paper sums up the original discourse studies of political mass media discourse in English portraying and stigmatizing migrants.

Keywords: discourse analysis, migrant crisis, political linguistics

Дискурсивное портретирование мигрантов и обсуждение их стигматизации, рассмотрение необъективности освещения этой проблематики в зависимости от политической конъюнктуры отмечается еще в работах Т. Ван Дейка конца девяностых годов, но лишь сегодня **предмет нашего исследования** – медиадискурс европейского миграционного кризиса – приобрел новое звучание.

Методом исследования в нашей работе выступает анализ медиадискурса – образы участников, ключевые концепты, языковые личности и языковые способности мигрантов, зависимость дискурса о политической конъюнктуры, языковые особенности стигматизации мигрантов. К суждению о мире политического привлечены **дискурсивные исследования** – в их развитии от З. Харриса, через Т. Ван Дейка и Р. Водак, до Д. Юла, Д. Брауна, Д. Шифрин, Д. Таннен, Н. Фарклау, М. Йогнесен и др. Мы можем отметить, что в американской традиции *дискурсивный* понимается практически как *неориторический*, а дискурс-исследования смыкаются с имеющей богатую традицию, инструментарий, хорошо институализированной риторикой. Показательны в этом направлении отечественные дискурсивные исследования: работы уральской группы «Дискурс Пи» под руководством О. Ф. Русаковой, выходящий белгородский Интернет-журнал дискурсивных исследований. Сошлемся и на нашу серию работ, посвященных языковым и риторическим особенностям политического дискурса в масс-медиа. На примере глобального англоязычного дискурса событий 2011 года в Ливии показана важность номинации явлений в политическом дискурсе, использование клише и штампов как частного случая стереотипии, использования аксиологической лексики, метафорики, эвфемии, повторов, перифраз, сложности дефинитивности терминов, манипуляция фактами, выдача мнения за знания и некоторые другие обязательные явления политического дискурса (Бушев 2010, 2011).

Материалом данного исследования выступил дискурс общественно-политический глобальных масс-медиа, преимущественно аудиовизуальных (новостные программы BBC World), ряда региональных (Euronews, Bloomberg Europe, France 24, OPT) а также электронные версии печатных СМИ (International New York Times, Washington Post, Guardian, Извест-

тия, Независимая газета, МК) за последние два года. Предметом данного исследования выступили языковые особенности дискурса.

Европу захлестнул крупнейший миграционный кризис после второй мировой войны. Беженцы прибывают из Сирии, Афганистана, Эритреи, Ливии и т.д. Истоки этого кризиса – военные акции на Ближнем Востоке, дестабилизация, исламское государство, войны в Ливии, в Афганистане. Поток экономических мигрантов стремительно нарастал во последний год, и по телевидению можно было видеть много сообщений из Кале (мигранты, прорывающиеся из Франции в Великобританию) и с побережья Средиземноморья из Италии (мигранты, пробирающиеся в Европу на утлых судах по Средиземноморью, ставшему для многих могилой). Тогда еще не существовало квалификации этой миграции как *human trafficking*.

Практика нелегальной транспортировки людей за деньги *трактруется международным правом как smuggling*. Посмотрим на сообщения, типичные с начала 2015 года:

A week ago, two of the boats that set off from here ran into trouble. Two hours into their journey, they sank.

Nearly 200 people drowned. Bad weather or a dispute between *rival smuggling gangs* may have caused these deaths.

Мигрант в масс-медиа – термин применяемый и к беженцам от войны, и к экономическим мигрантам. Оценим комментарий Би-би-си:

A note on terminology: The BBC uses the term migrant to refer to all people on the move who have yet to complete the legal process of claiming asylum. This group includes people fleeing war-torn countries such as Syria, who are likely to be granted refugee status, as well as people who are seeking jobs and better lives, who governments are likely to rule are economic migrants.

Масс-медиа посредством социальных сетей интервьюируют «героев» миграционного кризиса. Оценим невиданную прежде интерактивность телерадиокomпании:

Are you among those trying to reach Austria and Germany? Have you been involved in these events? Email haveyoursay@bbc.co.uk with your experience.

Please include a contact number if you are willing to speak to a BBC journalist. You can also contact us in the following ways:

- Email haveyoursay@bbc.co.uk
- Whatsapp: +44 7525 900971
- Send pictures/video to yourpics@bbc.co.uk
- Or Upload your pictures/video here
- Tweet: @BBC_HaveYourSay
- Send an SMS or MMS to 61124 or +44 7624 800 100

В статье «Migrant crisis: Germany to release funds to help regions cope», размещенной на сайте Би-би-си, выделим оценочную лексику – *поток, опасный прецедент, рекордное количество мигрантов, шаг в сторону нормализации, ослабит правила предоставления убежища*:

Germany's coalition government has agreed to spend 6bn euros (£4.4m) to support record numbers of migrants and other measures to deal with the influx.

Critics at home have accused Chancellor Angela Merkel of creating a *dangerous precedent* by opening Germany's borders.

About 18,000 migrants arrived over the weekend after an agreement with Austria and Hungary *to relax asylum rules*.

But Austria's Chancellor Werner Faymann has said the *emergency measures* must come to an end.

He said they would move step by step *“towards normality”*, after speaking to Chancellor Merkel and the Hungarian Prime Minister Viktor Orban on Sunday.

Текст статьи не только содержит констатации мер, принимаемых правительствами европейских стран по отношению к мигрантам, но и мер их всесторонней поддержки в дальнейшем.

The government has agreed to give €3bn (\$3.3bn; £2.2bn) to the federal states and local councils, with a further €3bn to fund federal programmes such as **benefit payments**.

Specific measures announced include:

- **A building programme** to increase the number of places in reception centres for asylum seekers, suitable for winter months, to 150,000
- An **extra 3,000 federal police officers**
- Replacing **cash allowances** paid to asylum seekers in **reception centres** with **benefits in kind**
- **More money for integration and language courses**
- Kosovo, Albania and Montenegro will be added to the list of “**safe**” **countries**, meaning asylum seekers from those nations can be deported more rapidly

The agreement stressed the need for “**solidarity**” and “**a fair distribution**” of refugees between EU states.

Обратим внимание на завышенные слова в вышеприведенном тексте: **безопасное** Косово, **справедливое распределение** мигрантов между европейскими государствами

Отметим гипертекстовость масс-медийных сообщений. На сайте Би-би-си приведены европейские задачи и обязательства правительства Великобритании:

What can the EU do?

What is the UK doing to help?

Не без помощи масс-медиа складывается представление, что необходим консенсус европейских стран в деле предоставления убежища:

Agreeing on asylum rules

Hungary has joined Greece and Italy as a migrant hotspot, **overwhelmed** by the numbers hoping to settle in the EU.

Reception centres in the “**frontline**” countries are overcrowded. In many cases officials are struggling with a flood of asylum claims.

Effective common rules would mean sharing data on migrants, such as fingerprints and other key ID, so that their movements could be tracked.

More EU specialist teams have been promised to help national authorities **to filter** migrants when they arrive and process claims speedily.

Hungary is arguing with its neighbours Austria and Germany over who should register thousands of asylum seekers.

The “**frontline**” **countries**, and some of their eastern European partners in the EU, say most migrants want **to reach richer countries** like Germany, Sweden and the UK. So they ask: why register and house migrants in a country they plan to leave anyway?

But the counter-argument is that governments should not shirk their humanitarian responsibilities. Under international law, genuine refugees - people fleeing war or persecution - have a right to asylum. **And doing little or nothing to help them just prolongs their misery.**

Обсуждается система квотирования мигрантов:

National asylum quotas

There **is fierce argument** over an EU proposal for national quotas, to share out the burden of asylum claims fairly. And there are growing calls to increase the number of people taken in.

The European Commission tried unsuccessfully to persuade member states to accept a mandatory quota system for taking in 40,000 Syrians and Eritreans over the next two years. They agreed in July to accept 32,500 on a voluntary basis.

Обратим внимание на религиозный характер возражений по поводу миграции - бывшие социалистические страны комментировали ситуацию как наплыв мусульман в традиционные страны христиан:

The leaders of Slovakia and Hungary also question the policy of “Christian” Europe taking in many Muslims. Many asylum seekers have fled from Syria, Iraq, Afghanistan and Pakistan - all Muslim-majority countries.

Дискуссионной предстает сама европейская идентичность. Часто она строится на культурно-исторических основаниях. Играют роль христианские корни, пережитый тоталитаризм, две войны, закат Европы. В случае, если европейская идентичность формируется сверху, сторонники делают акцент на общем наследии, ценностях, этносах. Однако к Евросоюзу присоединилась православная Греция, ставился вопрос о вступлении мусульманской Турции. В случае, если идентичность формируется снизу, то отслеживается, сколько людей определяют себя как европейцы и что они под этим понимают. Суть подхода Ю. Хабермаса: перейти от этноса к демосу. В трактовке Ю. Хабермаса европейская общность – это не новая социальная группа, для которой принадлежность к Европе является первичной, а скорее общность коммуникаций гражданских обществ стран ЕС по политическим и социально значимым темам, в ходе которых формируется общеевропейский дискурс. Существуют разные теории интеграции, в том числе коммуникативная. При этом значимым представляется умение интерпретировать медийный и политический дискурс.

Широко обсуждаются меры влияния на источники миграции:

Tackling migration at source

The EU has stepped up naval patrols off war-torn Libya – the source of many migrant tragedies at sea. There are plans to destroy the people smugglers' boats.

The UK government is among those emphasising the need *to stem the flow of migrants at source, to stop their perilous journeys to Europe.*

For sub-Saharan Africa, more targeted EU aid could create local jobs and reduce the flow of economic migrants.

But many also flee the deep-rooted conflicts in Nigeria, Sudan, Somalia and Democratic Republic of Congo, which require political as well as economic solutions. That demands a coordinated, ambitious EU foreign policy

Рассматриваемая нами статья содержит прогноз относительно количества мигрантов, которые обратятся за предоставлением убежища:

Germany expects to receive 800,000 refugees and migrants this year, and wants to see the rest of Europe do more to help.

Показательны оценки политических деятелей в связи с проблемой миграционного кризиса

But while Mrs Merkel has *become a hero* to many migrants and their supporters, conservative allies said she *sent a “totally wrong signal”* by allowing in the intake from Hungary.

The interior ministry said the decision was an exception *to help avert a humanitarian crisis.*

Показательно изменение общественного мнения в Германии, в старых старой Европы к беженцам. Это результат работы политиков и правительственных спин-докторов. Приведем пример – историю курдского мальчика, утонувшего в море во время миграции, которая обошла все европейские экраны и, как считают, изменила мнение европейцев по отношению к мигрантам:

The drowned boy who washed up on a Turkish beach on Wednesday, whose picture cut through the refugee debate in an instant, was three-year-old Alan Kurdi from Kobane in Syria.

Alan set out before dawn that morning in Turkey for the Greek island of Kos with his father Abdullah, mother Rehanna, and five-year-old brother Ghalib. The Kurdis wanted to reach Canada to reunite with Abdullah's sister Tima, a hairdresser in Vancouver.

The family joined with a small group of refugees in Bodrum to attempt the 4km (2.5 mile) crossing to Kos. Abdullah texted his sister Tima from the beach to say they were leaving. “I passed the message to my dad in Syria,” she said, “Abdullah is leaving now, pray for his safety.”

But her prayers went unanswered. The two small boats were hit by high waves minutes after they set off and the captain fled. Abdullah Kurdi found himself fighting to save his two young boys. Of the 23 people in the group, 14 are believed to have died, including Abdullah's wife and sons.

It was, tragically, not a high number in a summer scarred by mass deaths in the Mediterranean, but the images that emerged set the incident apart. Having floated back to Turkish

shores, Alan was pictured lying face down in the sand, his body terribly small, dressed in a red shirt, blue shorts and velcro shoes. In another picture he was seen cradled in the arms of the guard who carried him away.

Информация персонифицирована – сюда же относится публикация других историй мигрантов, публикация впечатлений ряда корреспондентов Би-би-си на сайте, начиная от известной всему миру Лиз Дусет – старшего корреспондента Би-би-си, славящейся своими репортажами именно из стран Ближнего Востока.

Оценим сообщения из Ливии, опубликованные Би-би-си:

Inside Zuwara, the heart of Libya's people-smuggling trade

By Quentin Sommerville BBC News, Zuwara

The walk along the beach in Zuwara was short, but in just 50 yards I found three dead bodies in the sand. They were all adult men, their *corpses baking in the brilliant heat* of the afternoon.

They had been there for some time. One appeared to be African, but the other two were so swollen and decomposed it was impossible to tell where they came from.

But they may have been Syrian. Or Palestinian. Or Iraqi. These are the people who *flock* here in their thousands, paying \$1,000-\$2,000 (£660-£1320) *to get on tiny fishing boats* they hope will make it across the Mediterranean to Italian waters.

Zuwara is the dark heart of Libya's smuggling trade. At the jetty of a former chemical plant about 20km (12 miles) from the town, people smugglers operate freely.

Многочисленны рассказы очевидцев:

“When I came, they told me there was no risk, they said it was a big ship, it had a captain and two assistants. They said the ships don't sink, if there's any trouble we will be rescued and helped. But none of this was true,” he said.

“I will not try again, this route only leads to death. Your sell your soul and those of your children taking this journey,” he added.

A people smuggler, who wished to remain anonymous, told me that it does not take much to get started in the business: \$10,000 to buy a boat - *demand has driven up prices* - and the contacts to have refugees and migrants directed your way.

“There's no one person in control, it's an *open market*.”

Three people were detained after last week's disaster, but no formal charges have been brought yet. In Libya's chaos, the smuggling business is largely unchecked.

При этом на сайте Би-бис-и и в деятельности телекомпании наличествуют попытки объяснить политическую ситуацию для читателей

- Libya's power vacuum
- Why is Libya lawless?
- Libyan graduate desperate to reach Germany

При этом в 2015 году в рамках Евросоюза активизируются противоречия между более богатыми старыми членами ЕС и более бедными новичками (по типу East-West divide), связанные с пониманием европейских ценностей:

Within a few minutes at the microphones, some of the *political and cultural divisions* that have emerged during this crisis were laid bare.

It is partly, but not entirely, *a split between Western and Eastern Europe*, where more *diverse societies and a recent history of support for refugees are far more rare*.

But it is also about smaller countries *objecting* to having *policies imposed* upon them by others.

France and Germany are putting forward joint proposals for a *mandatory quota system* that could see more than 100,000 refugees distributed “more fairly” across the EU.

And when *that kind of political weight is set in motion*, something usually happens.

What if countries in Eastern Europe *put a collective foot down and refuse?*

But they will be leant on heavily. And suggestions that the alternative could be the re-introduction of travel restrictions within the border-free Schengen area will be met with howls of dismay.

Раскол между богатыми странами, поддерживающими европейские ценности, и бедными не логичен потому, что в бедных странах никто из мигрантов оставаться не собирается.

A rift has developed within the EU over how to deal with the crisis.

Hungary has **accused** Germany of encouraging the influx, and is pressing ahead with plans **to tighten border controls** and could **send troops** to its southern frontier if parliament agrees.

It has opened a new reception camp for migrants in southern border village of Roszke, and is due to finish its **border fence** this month.

The UN's Refugee Chief Antonio Guterres said the crisis was "manageable" if member states could **agree a joint plan**.

Миграция заставляет нас пристальнее всматриваться в европейскую идею. Как известно, лишь в послевоенное время в Европе устранены материальные основы войн между государствами и созданы условия для экономической интеграции. В России Европа традиционно рассматривается как средоточие, квинтэссенция цивилизации и демократии. Внимание привлекает ценностный фундамент единой Европы. Европу объединяют согласие по вопросам связанным с прошлым Европы – отказ от войн, от тоталитарных режимов правления, защита прав человека, верховенство закона, демократия, рыночная экономика. Европейская идея – интеллектуальное течение. Европу объединяют рациональные, лично свободные индивидуумы, верховенство закона, равенство всех граждан перед законом, принцип и институт частной собственности, интенсивные способы хозяйствования, культура добровольной ассоциации, разумного компромисса и солидарности, капитализм, наличие на определенном этапе буржуазии как главенствующего, руководящего класса общества, обладающего высокой степенью социальной ответственности, существование гражданского общества, политической демократии. На глазах одного-двух поколений из сравнительно небольшого субрегионального объединения экономического характера – ЕЭС – Евросоюз трансформировался в подлинно европейский интегративный орган универсальной компетенции. В единой Европе проживают 495 миллионов человек, ее ВВП больше 12 триллионов евро. Сообщество создано правом, оно является источником права и оно образует правопорядок. Единый внутренний рынок – основа основ европейской интеграции. Здесь нет границ, действуют четыре свободы – свобода передвижения товаров, свобода движения услуг, свобода движения капиталов свобода движения физических лиц (рабочей силы). В связи с еврокризисом особенно обсуждается экономический и валютный союз (ЭВС). В 2003 году ЕС принял стратегию безопасности, в которой он провозгласил такие задачи, как ответственность за безопасность в мире, борьба с терроризмом, распространением оружия массового уничтожения (ОМУ), предупреждение и урегулирование региональных конфликтов, развитие культуры стратегического мышления. К критериям, по которым оценивается благосостояние отдельных стран Евросоюза, относят: экономический рост, инфляция, занятость, безработица, социальный стандарт. Многочисленные исследования отмечают глубокую внутреннюю дифференциацию, новый европейский колониализм, европейский кризис, кризис морали. Сегодняя эрозия солидарности в ЕС выражается в применении гибкой интеграции в рамках экономического и валютного союза ЕС. Слабо расширяется область полномочий ЕС – вне их остаются налоги, соцстрахование, государственные доходы, общая внешняя политика, политика безопасности. Европейская национальная и политическая идентичность остается значимым вопросом общеевропейского дискурса. В современной политической науке основными объектами, с которыми соотносится понятие идентичность, выступает территория, язык, идеи, культура и история. Усилия организаторов ЕС направлены на ускоренное формирование коллективной наднациональной идентичности через общность политических институтов, а также перенос акцентов с информационно-коммуникативных оснований европейской идентичности на ее политическую составляющую.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушев А. Б. Языковая личность профессионального переводчика. Монография. Тверь, 2010. 265 с.
2. Бушев А. Б. Языковая личность военного переводчика и информационные технологии: риторико-герменевтический подход к мастерству переводчика. Монография. Lambert Academic Publishing 2011. 276 с.

ВАСИЛЬЕВ А. Д.

Красноярск

ДОМИНАНТНЫЕ КОНЦЕПТЫ ОДНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА

Аннотация. В статье анализируется текст «Прямой линии с Владимиром Путиным» от 16 апреля 2015 года. Автор приходит к выводу о том, что доминирующими в нём являются концепты «терпение» и «вера (доверие)».

Ключевые слова: политическая лингвистика, манипуляции общественным мнением, концепты.

VASILIEV A. D.

Krasnoyarsk

ON THE DOMINANT CONCEPTS OF A POLITICAL DIALOGUE

Abstract. The article analyzes the text of «Direct line with Vladimir Putin» on April 16, 2015. The author comes to the conclusion that dominant in it are the concepts of «patience» and «faith (trust)».

Keywords: political linguistics, manipulation of public opinion, concepts.

Для формирования так называемого общественного мнения и воздействия на него власти применяют различные методы. По-видимому, одним из наиболее эффективных (или, по крайней мере, эффективных) в последние годы стал жанр «Прямой линии», когда через электронные СМИ происходит диалог между гражданами и высшим руководителем государства. Возьмём в качестве примера текст «Прямой линии с Владимиром Путиным» от 16 апреля 2015 года [источник – kremlin.ru / 2/ 49261].

Тематический диапазон вопросов был весьма широк: об экономической ситуации, о последствиях санкций, о судьбах малого бизнеса, об адресной социальной помощи, о положении фермеров, о внешней политике, о ставках по кредитам, о профессионализме госслужащих, о пригородном железнодорожном сообщении, о помощи хакасским погорельцам, о Победе и о положении ветеранов, об убийстве Немцова, об авиастроении и космодроме Восточный, о ЕГЭ, об обеспечении больных бесплатными лекарствами, о пенсионной реформе и проч. Правда, можно заметить, что некоторые острые вопросы, связанные с социальным обеспечением, жилищно-коммунальным хозяйством, здравоохранением и образованием, получили явно недостаточное освещение, а очень многие так и не были оглашены.

Об этом можно судить, например, по реплике одного из ведущих передачи, К. Клейменова, по поводу данной В. В. Путиным обширной статистической справки о положительной динамике российской экономики: «Владимир Владимирович, цифры, которые Вы привели, в большинстве своём касаются макроэкономики, и они достаточно позитивные. Но если говорить об уровне обычного человека и если судить по вопросам, которые мы получаем, то всё не столь радужно, и проблем чрезвычайно много» [разрядка здесь и далее наша – А. В.]. Об этом же свидетельствует и каким-то образом прозвучавший в эфире вопрос Н. К. Воронцовой из Приморского края – то есть с Дальнего Востока, об успешном развитии которого в последнее время немало говорится: «У нас сейчас очень сильно поднялись цены, зарплата осталась на прежнем уровне, и даже понизилась, имеют место массовые сокращения. Мы теперь не живём, а выживаем. До каких пор это будет продолжаться?» Однако в ответ на этот вопрос (по су-

шеству, даже не вопрос, а отчаянный призыв об экстренной помощи, под которым могли бы подписаться очень многие российские граждане) прозвучала холодно-отстранённая реплика, собственно, вкратце скороговоркой повторяющая уже произнесённое оратором в начале передачи – о том, что «уровень реальных доходов населения в связи с инфляцией <...> определенным образом понизился. Это мы должны будем учитывать в своей социальной политике, оказывая поддержку прежде всего, конечно, незащищённым слоям населения, тем гражданам, которые испытывают особые сложности. Вторая важнейшая задача – сохранить рабочие места...».

Следует сказать, что, несмотря на малую частотность вербализации в тексте передачи концептов «терпение» и «доверие», именно они выступают как ключевые для адекватного понимания его содержания.

Так, одна из ведущих программы в телестудии М. Ситтель считает (явно забыв, что далеко не у всех сограждан уровень благосостояния хотя бы такой же, как, скажем у неё, – а, по некоторым сведениям, не менее 20 миллионов из них – за чертой бедности): «Да, Россия – сильная страна, и мы потерпим <...>. Сохранить уровень доверия граждан <...> – это очень важно, и в этом Вам готовы помочь даже сами россияне, потому как они сами обращают Ваше внимание на то, что своими непродуманными действиями власти сами стимулируют, например, необоснованный рост цен» (видимо, это косвенное подтверждение несколько раздражённого ответа президента на многочисленные вопросы: «В какой степени Вы оцениваете, насколько профессиональна госслужба?»; «Не время ли вернуть профессионалов на госслужбу?»; «Может быть, поставить на Центральный банк профессионального банкира?» и т.п. – «Что значит «вернуть профессионалов на госслужбу»? Профессионалы должны быть всегда на госслужбе <...>. Нам действительно не хватает профессионалов <...>. Мы стараемся и уровень заработной платы держать соответствующий, для того чтобы с рынка труда получить на госслужбу людей, наиболее подготовленных и соответствующих тому месту, которое они должны занимать» – хотя довольно очевидно, что больша́я, если не бо́льшая часть госчиновников разных уровней, – это откровенные дилетанты, умеющие лишь распоряжаться направлением финансовых потоков. Ср. вопрос К. Клеймёнова: «Но всё-таки сколько терпеть, если говорить о санкциях?» Соответственно, президент заявляет: «Если мы хотим, чтобы люди нам доверяли, нужно иметь ещё и сердце и нужно чувствовать, как рядовой человек живёт, как это [т.е. экономическая политика государства. – А. В.] на нём отражается. Если мы сохраним доверие граждан, то они тогда будут поддерживать всё, что мы делаем, и где-то, как коллеги говорят, готовы будут и потерпеть».

Тема «доверия» в несколько ином аспекте возникла и в вежливом вопросе фермера Дж. Кописки, крупного молокопроизводителя: «У Вас есть статистика. Кажется, всё хорошо, но, простите, это не так <...>. Мой сын <...> не хочет руководить моим молочным хозяйством. Он сказал: папа, я не дурак. Будущее можно построить только на правде. Простите, мой вопрос: Вы верите в статистику, которую Вам показывают, или они врут, потому что они боятся сказать Вам правду? Я не люблю статистику <...>. А это неправильно, потому что Вы должны руководить. Особенно молочный бизнес, простите меня, это очень важно». – Ответы президента: «... В каждой стране есть претензии к статистике, но я тем цифрам, которые мне дают, доверяю <...>. Реальность – она понятна. Вам кажется, что мы – и я, и Правительство – не знаем реалий. Мы знаем эти реалии, и очень надеюсь на то, что Правительство примет [т.е. в неопределённом будущем. – А. В.] соответствующие решения...»(хотя ср. известнейшее выражение: «Существуют три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика» [Душенко 2006: 633]).

Ср. также ответ на вопрос, какой президент видит Россию своей мечты: «...Вижу Россию процветающей, а её граждан – счастливыми, уверенными в том, что будет завтра».

Теперь немного о концептах «терпение» и «вера». Концепт «терпение» неизменно выступает как один из ключевых для понимания русской национальной ментальности. Он неоднократно был вербализован в текстах разной жанровой принадлежности. Например, это заочный поэтический диалог между Ф. И. Тютчевым и А. К. Толстым:

«Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!..»
[Тютчев 1985: 238]

«...Мы беспечны, мы ленивы,
Всё у нас из рук валится,
И к тому мы терпеливы –
Этим нечего хвалиться!»
[Толстой 1981: 108]

У великого русского сатирика: «Мы люди привышные! <...> Мы претерпеть мógим. Ежели нас теперича всех в кучу сложить и с четырёх концов запалить – мы и тогда противного слова не молвим <...>. Нам терпеть можно! Потому мы знаем, что у нас есть начальники!» [Салтыков-Щедрин 1953: 55].

Ср. также: «Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение» [Сталин 2006: 451] – и: «Терпение у нашего народа какое-то феноменальное: наши люди терпят и готовы терпеть [лишения периода «реформ»]» [Матвиенко В. И. Федерация. РТР. 13.12.1998].

В результате анализа концепта «терпение» по данным русской лексикографии, отражающей словарный состав до XIX в. и XIX – XXI вв., было выявлено, что ядерной частью концепта выступают значения: «безропотное перенесение чего-нибудь бедственного, тяжёлого, неприятного; смирение с наличием, осуществлением кого-нибудь, чего-нибудь, поневоле допущения чего-нибудь; смирение с наличием чего-, кого-нибудь в ожидании перемены к лучшему, каких-нибудь результатов. Периферию составляют следующие значения: допущение наличия кого-, чего-нибудь; снисходительное перенесение кого-, чего-нибудь; упорное выполнение чего-то (проявление активности действия); совмещение с чем-нибудь, допущение; испытывание чего-нибудь; подверженность чему-нибудь (неприятному, тяжёлому и т.п.); чувство большой неприязни, отвращения к кому-, чему-либо. Обращение же к анализу ряда других источников помогло установить, что смыслы, которые носители русского языка сегодня вкладывают в слово *терпение*, более широки и разноаспектны: актуальной становится интерпретация *терпения* как способности долго, проявляя упорство и настойчивость, делать что-либо вопреки обстоятельствам (подробнее см. [Васильев, Барилловская 2008]).

Что же касается слова-концепта «вера», то он на протяжении длительного времени (по крайней мере, с начала письменной эпохи) является центром концептуального поля, смысловые связи между элементами которого функционируют посредством некоего «механизма», где *вера* фигурирует как нечто субстанциональное: как известно с древнерусского периода, её можно *принимать, иметь, утратить*. Реализации концепта константны, вне зависимости от того, идёт ли речь о собственно религиозном веровании или о доверии к человеку, социальному или политическому институту и т.д.: *доверить* что-либо – значит передать другому (другим) нечто, являющееся исключительной личной прерогативой, естественной способностью – и правом индивидуума, – и при этом не сомневаться в правильности этого действия, в конечном счёте якобы безусловно благотворного для *доверившего(ся), верящего, верующего*; разные фрагменты поля концепта демонстрируются и эксплицируются также в типичных словосочетаниях *взять (принять) на веру, потерять веру, оказать доверие, утратить доверие, пользоваться доверием, встретить недоверие* и т.п.

Лексикографические данные показывают также, например, расширение семантики *вѣрити* – и сужение семантики *вѣровати* с концентрацией последней в конфессиональной сфере в XV - XVII вв.; всё бóльшую религиозную ориентированность *вѣрить* в XVIII в., а затем – недифференцированность значений этих глаголов в Словаре Даля; указанным процессам во многом подобна динамика существительного *вѣра*.

Материалы толковых словарей русского языка советской эпохи демонстрируют заметные изменения в иерархии дефиниций слов этого поля и иллюстраций к ним – вроде «вера в победу всемирной советской власти», «верить в мировую революцию», «вера в революцию», «верить в построение коммунистического общества» и т.п. Таким образом, в государстве, основанном на атеистических принципах, обнаруживается инструктивное почти мистическое отношение к доминирующей идеологии, обретающей статус чуть ли не государственной религии: сменился объект «веры».

Впоследствии, по мере развития перестройки и постперестроечных преобразований, объекты «веры» сменялись исторически быстро. Ими выступали «творческие силы советских людей», «творческие силы рабочих, крестьян, интеллигенции», «социализм», «наши идеалы и ценности», «новые структуры власти России» и т.д. Адресатами *доверия* последовательно становились «политика КПСС», «президент СССР», «президент России», «новая Конституция», «новое правительство России» и проч.

Такие агитационно – пропагандистские тексты (и сегодняшние – не исключение), несомненно, обращаются не к разуму аудитории, но, напротив, предлагают (предписывают) ей *верить* и *доверять* кому- или чему-либо, опираясь вовсе не на рационально утверждённое знание, а на некую смутно ощущаемую *веру*, почти мистическую, не основанную ни на каком логическом фундаменте (подробнее см. [Васильев 2003: 38-45], [Васильев 2012]).

Сам же президент объяснил необходимость проведения «прямой линии» тем, что «это самый мощный социологический вопрос <...>. Это даёт возможность посмотреть реально, чем же люди озабочены <...>. Это даёт возможность донести до людей позицию руководства страны и мою собственную по некоторым ключевым проблемам».

Н е к о т о р ы е в ы в о д ы. Несомненно, что тщательный отбор в первую очередь «приятных» президенту вопросов не идёт на пользу прежде всего ему самому: ведь если правитель слышит только то, что он хочет слышать, то либо он не способен будет принимать адекватного решения, либо ему попросту безразлично, как живут его подданные.

Профессионализм госслужащих (и большей части правительства в том числе) весьма гипотетичен; в противном случае их действия следовало бы квалифицировать как приснопамятное «вредительство», к тому же, вероятно, своекорыстное. Следовательно, они получают высокие должности вовсе не по признаку профессиональной компетентности (об этом свидетельствуют, например, весьма скромные результаты так называемой антикризисной деятельности правительства, перечислившего огромные деньги некоторым банкам), а, возможно, по степени личной преданности высшему руководству. Вообще действия членов российского правительства отчётливо напоминают потуги персонажей знаменитой басни И. А. Крылова «Квартет» с её известным резюме.

Вполне вероятно, что использование статистических сведений на значительную часть аудитории оказало желательное психологическое воздействие («магия чисел»), причём воздействие настолько сильное, что многие забыли о действительных трудностях собственного бытия. Манипуляция же статистическими данными, принимаемыми за подлинные (вроде «средней температуры по больнице»), чревато серьёзными последствиями.

К тому же обнаруживается, что знание подлинных реалий чрезвычайно различно у самозваной «элиты», купающейся в незаслуженной роскоши, и у плебса, из-за политики тех же элитариев постоянно обречённого на выживание (или вымирание).

На рассмотренном здесь примере можно наблюдать эксплуатацию в пропагандистских целях некоторых ключевых концептов русской ментальности. Это *терпение* (ср.: «Потерпите, братики: всего вдоволь будет!» – вертелся бригадир. – «То-то! мы терпеть согласны! Мы люди привышные!» [Салтыков-Щедрин 1953: 56]) и *вера* (*доверие*). Последнее напоминает формулу, выдвинутую аббатом Сиейесом в качестве квинтэссенции французской конституции: «Власть должна исходить сверху, а доверие – снизу» [Манфред 1986: 274].

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев А. Д. Слово в российском телеэфире. М., 2003. 224 с.

2. Васильев А.Д., Барилловская А. А. Вербализация концепта «терпение» в истории и современном состоянии русского языка. Красноярск, 2008. 140 с.
3. Васильев А. Д. Цели и средства игр в слова. Красноярск, 2012. 164 с.
4. Душенко К. В. Словарь современных цитат. М., 2006. 832 с.
5. Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М., 1986. 735 с.
6. Салтыков Щедрин М. Е. История одного города. М., 1953. 198 с.
7. Сталин И. В. Выступление в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 г. – цит. по: Душенко К. В. Словарь современных цитат. М., 2006. С. 451.
8. Толстой А. К. Одарив весьма обильно...// Толстой А. К. Сочинения: в 2 тт. Т. 1. М., 1981. 589 с.
9. Тютчев Ф. И. Стихотворения. М., 1985. 334 с.

ВОРКАЧЕВ С. Г.

Краснодар

ЛИНГВОИДЕОЛОГЕМА «НАРОД» КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИДЕИ ПАТРИОТИЗМА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ)

Аннотация: На материале текстов русской поэзии исследуется вербализация лингвоидеологемы «народ». Устанавливается, что народ является рефлексивным порождением своей родины, что он представляется как некая коллективная личность, обладающая аксиологически неоднозначным характером, а оценка «собственно народа» как того, что остается от нации за вычетом из неё всех «элит», зависит от «субъективного позиционирования» автора поэтического текста.

Ключевые слова: лингвоидеологема, народ, нация, элита, национальный характер, субъективное позиционирование

VORKACHEV S. G.

Krasnodar

IDEOLOGICAL WORD “PEOPLE” AS PATRIOTIC IDEA COMPONENT (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN POETRY)

Abstract: Verbalization of the ideological word “people” in the Russian poetry is studied. It is established that people is reflexive generation of its homeland, it is represented as a collective personality which is characterized ambiguously and that appreciation of the people as something different from the élite depends upon the subjective positioning of the poetry author.

Keywords: ideological word, people, nation, élite, national character, subjective positioning

Лингвоидеологема «народ» [См.: Воркачев 2013] представляет собой одну из двух базовых составляющих идеи патриотизма: родина и народ – именно к ним обращается общественное сознание в решающие моменты национальной истории.

Несмотря на свой манипулятивный потенциал в политическом дискурсе, исконно русское имя «народ» на фоне своего частичного заимствованного синонима «нация» подернуто определенным философским и поэтическим флёротом: «Народы – это мысли Бога» (Гердер); «Народ – венец земного цвета» (Блок). Может быть, это связано с мифологичностью стоящего за ним понятия: существует мнение, что на сегодняшний день представления о народе как о некой единой архаической целостности, скорее всего, – миф [См.: *Пелипенко-Яковенко], может быть, – с метафоричностью этого понятия: народ воспринимается как некое отдельное и самостоятельное существо.

«Слово загадочное и бездонное, наполненное множеством значений» (*Драгина), которые структурированы по принципу матрешки, когда оно включается в другое, «народ» в сознании носителей русского языка неразрывно связан с «родиной» в том числе и своей вполне прозрачной «внутренней формой»: родина – это то, что порождает народ, в то время

как в большинстве других языков «народ» и «родина» производны от различных корней – ср.: лат. *populus* и *patria*, нем. *Volk* и *Heimat*, тур. *halk/millet/ulus* и *vatan/(ana) yurt(du)* и пр. Семантическое и этимологическое единство этой пары, можно сказать, определяет у нас само существование России как единого и независимого государства: «Вычеркни, как мы сделали, из словаря два вечных слова “Родина” и “народ” – и нет великой страны» (Курбатов).

В немалой степени на частотность появления лексемы «народ» в русской поэтической речи, на идеализацию и чуть ли не сакрализацию соответствующего понятия оказала влияние идеология народничества, которая господствовала на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения России во второй половине 19-го века и центральным концептом которой был «народ» [См.: Фурман 2011: 42], тем более что в этот период цензурный гнет и политические репрессии «выдавливали» философско-мировоззренческую проблематику в область художественного творчества: революционером-народовольцем и поэтом был Петр Якубович (1860–1911), автор «программного» стихотворения «К родине», народнические взгляды, безусловно, разделял Н. А. Некрасов. Представления о том, что народ («собственно народ», «простой народ», «трудолюбивый народ») – это «лишь масса простонародья, крестьян и рабочих, лишь физически трудящиеся классы» [Бердяев 2004: 558], сформировавшиеся в лоне народничества, благополучно перешли в и поэзию советского периода.

Лексема «народ», безусловно, многозначна: в толковых словарях у неё выделяется несколько лексико-семантических вариантов, а её семантическая структура построена, как уже говорилось, по принципу матрешки: в семантическую структуру «народа₀» как совокупности лиц вообще включена семантика «народа₁» как совокупности лиц, выделяемых по какому-либо признаку, а в семантику «народа₁» включена семантика «народа₂» как его части [См. Воркачев 2012: 19–21]. В свою очередь в научном дискурсе, где лексема «народ» функционирует в качестве базового протермина, выделяются три основных разновидности понятия «народ»: 1) народ-население; 2) народ-этнос/нация и 3) собственно народ как некая часть двух первых. Сюда можно еще добавить устаревшее и связанное с монархическим образом правления значение «народ-подданные». «Народ» – это не просто многозначная лексическая единица, это лексическая единица, сохраняющая свою многозначность и в речевом употреблении, когда контекст не позволяет сингуляризировать то или иное из её значений.

От народа-населения как множества людей, населяющих территорию какой-либо страны, народ-нация/этнос отличается, прежде всего, тем, что он представляет собой некую исторически сложившуюся общность, определяемую сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований: «Воспрянь, разрозненное племя, / Совокупись в один народ» (Тютчев).

В поэтических текстах «народ-этнос/нация» выступает в двух ипостасях.

Лексема «народ» может передавать значение «этнос/нация» вообще, безотносительно национально-этнической конкретике и она же, преимущественно с атрибутивными определениями или в сопровождении соответствующего этнонима, передает значение конкретного исторического образования: русский, французский, американский и пр. народ. Из всех конкретных национально-этнических значений лексемы «народ», естественно, наиболее значимым и частотным в русской поэзии будет значение «русский/российский народ», синонимами которого являются этнонимы «русские (люди)/россияне/русаки» и синекдоха «русский человек».

В значительной мере русский народ представляет собой рефлексивное порождение своей родины как географической, исторической, социальной и духовной среды обитания [См.: Воркачев 2008: 66–72; 2011: 89–95]. По сути, в оценочных суждениях русских о психологии русского народа («какие мы») фрагментарно отражаются достаточно хорошо описанные национальные автостереотипы [См.: Прохоров-Сетрин 2006: 55–68; Королев 2011: 51–59].

В поэзии (да и не только) народ представляется как некая коллективная личность, обладающая собственным характером – национальным характером, в котором выделяются как положительные, так и отрицательные черты.

Как представляется, специфику русского национального характера в первую очередь определяет присутствие в нем двух общих, доминантных и архетипных, свойств: максимализма («широты души») и противоречивости [См.: Бердяев 2004: 273; Бердяев 2004а: 387, 483; Лихачев 1990: 3–4; Сикевич 1999: 154]: «Мы / Ни в чем *не знаем меры да середины*, / Все по краям да пропастьм блуждаем» (Волошин); «А, узнаю тебя, *народ родной, смиренный!* / *На шее – лик Христа, в руке – убийцы лом;* / *Кулак бессмысленный – девиз твой неизменный,* / *Душа холопская – клеймо на лбу твоём*» (Якубович). Здесь присутствуют доброта и жестокость, трудолюбие и лень, свободолюбие и холопство и пр. – не случайно, видимо, русский народ именуется странным и самобытным.

Однако наиболее частотная антиномия величия и убожества в характеристиках русского народа оказывается на деле мнимой, поскольку величие относится к русскому народу-этносу, а убожество – к его части: «простому», «черному», «трудоному» народу, судьба которого с завидным постоянством вызывает у русских поэтов сочувствие и жалость: «*Стонет и тяжело вздыхает / Бедный забитый народ*» (Михайлов); «*Изнемогший в вековом томленьи, / Испушенный в вековом терпеньи, / Мой родной, несчастный мой народ*» (Михайлов).

Помимо общеоценочных величия, славы и доблести из числа положительных свойств характера русского народа в поэтических текстах выделяются в порядке уменьшения частотности появления следующие: талантливость («*Я топором рубил соборы / Без графика, за семь недель!*» – Боков); смелость («*Народ и смелый и могучий, / Неукротимый во вражде, / В любви и твердый и кипучий*» – Языков); свободолюбие («*Свободный народ наш, деяньями славный, / Издавна известный в далеких краях*» – Рылеев); веселый, неунывающий нрав («*Ну, до чего же мы народ веселый!*» – Нарбут); мощь («*Царю и Богу благодарный / Встает народ наш – богатырь!*»; ум («*Вся наша непашь буйно заросла ... / Размахом мысли, дерзостью ума*» – Волошин); трудолюбие («*И ты, в своей одежде грязной, / Наш бедный труженик-народ*» – Никитин); непобедимость («*Под знаменем великой русской славы / Родной народ в боях непобедим*» – Вс. Рождественский); любовь к родине («*Любовь к отчизне закалила / В неравных спорах наш народ, – / Вот сверхъестественная сила / И чудотворный наш оплот!*» – Никитин); миролюбие («*И вот, преодолев / Свой мирный нрав, с винтовкой боевою / Стоит народ, опять готовый к бою*» – Заболоцкий); созерцательность («*Поймите же: иной, великой цели / Народ-мыслитель посвятил себя*» – Сельвинский), доброта («*При добродушии русского народа, / При сказочном терпеньи мужика – / Никто не делал более кровавой – / И страшной революции, чем мы*» – Волошин).

Из числа же отрицательных свойств характера в том же порядке здесь выделяются: пьянство («*Пускай и самый наш народ, / Враг ненавистный иноземцев, / По праздникам мертвецки пьет, / А буднями работает на немцев*» – Ростопчина); воровитость («*Ворует власть, ворует челядь, / вор любит вора укорять*» – Губерман); невежество («*Мы... / Невежественны и ущемлены*» – Волошин); покорность и безропотность («*У нас народ своеобразен; / Сам зная чем себе помочь, / Он не бежит от зуботычин, / Да и от порки он не прочь...*» – Жемчужников), лукавство («*В России ни в чем / Нет в народе доверья, кредита; / Что подлог и обман одолели во всем*» – Розенгейм); сквернословие («*Везде у нас в простом народе / Пристрастие к площадным словам: / Ругаться – в чрезвычайной моде...*» – Огарев); лень и нечистоплотность («*Мы нерадивы, мы нечистоплотны*» – Волошин); грубость («*Да, мы – дики, / Тесан грубо наш народ*» – Брюсов); отсутствие чувства личного достоинства («*В нас нет / Достоинства простого гражданина*» – Волошин); буйность, воинственность и агрессивность («*Мы – те, об ком шептали в старину, / С невольной дрожью, эллинские мифы: / Народ, взлюбивший буйство и войну, / Сыны Геракла и Ехидны, – скифы*» – Брюсов); холопство, покорность властям («*Прощай, немытая Россия, / Страна рабов, страна господ, / И вы, мундиры голубые, / И ты, им преданный народ*» – Лермонтов); анархия и неуважение к закону («*У нас в душе некошеные степи. / Вся наша непашь буйно заросла / Разрыв-травой, былъем да своевольем*» – Волошин).

К числу оценочно-амбивалентных, помимо «широты души», можно включить, прежде всего, такие качества русского народа, как терпение и смирение/кротость: «Тот великий смиренным народ, / Кто бросает для нас свои зерна, / Сам же, темный, голодный, покорно / Вечный крест свой до гроба несет» (Федоров); «Я призван был воспеть твои страдания, / Терпением изумляющий народ» (Курочкин). Также оценочно неоднозначно то, что можно назвать «царелюбием» – отношение русских людей к верховной власти: «Взять в расчет вы позабыли, / Что за русским государем / Русский весь стоит народ!» (Майков); «Между народом русским и царем / Преграды нет!» (А. К. Толстой).

«Холический» результат сложения всех плюсов и минусов в суждениях о русском народе по данным поэтических текстов говорит о том, что его национальный характер оценивается скорее как положительный, чем отрицательный, главным образом, за счет частотности «величия» и «славы». К тому же мы «широту души» и «терпение» оцениваем скорее хорошо, чем плохо, то же самое с «царелюбием».

«Собственно народ» – это то, что остается от народа-нации/этнуса или населения после вычета из него всех разнообразных «элит». Что касается оценки «собственно народа», то она напрямую зависит от «субъектного позиционирования» (о субъектном оценочном позиционировании [См.: Карасик 2013: 16–25] автора поэтического текста или протагониста высказывания – позиционирует ли он себя как «друг» или «враг» «собственно народа»: «Страдания ошибаться не могут: / Народ / всегда / прав» (Сельвинский); «Ведь ты не знаешь: мы с тобою – пане, / А то есть чернь – холопство и народ; / Они совсем другое, чем дворяне, / И созданы работать на господ» (Мей).

Наблюдения над появлением лексемы «народ» в одном речевом ряду с другими категориально смежными лексемами подтверждают, прежде всего, семантическую близость народа и родины: «Волю народу ты дал, родине дал ты народ» (Иванов); «Что с родиною случится, / То и с народом станется» (Уткин); «За каплю крови, общую с народом, / Прости меня, о родина!» (Некрасов); «Пройду своим путем, хоть горестно, но честно, / Любя свою страну, любя родной народ» (Жадовская); «Любя бескорыстно народ и страну, / Задумал он славное дело» (Некрасов); «Любовь к отчизне закалила / В неравных спорах наши народ» (Никитин); «Любовью пламенной отечество любя, / Всё в жертву он принес российскому народу» (Гнедич); «Я верю в мой народ и верю в край родной!» (Надсон).

Итак, наблюдения над употреблением лексемы «народ» в текстах русской поэзии, как представляется, позволяют прийти к следующим заключениям.

На частотность появления лексемы «народ» в русской поэтической речи и на идеализацию соответствующего понятия в немалой степени оказала влияние идеология народничества и «выдавливание» в тот период философско-мировоззренческой проблематики в область художественного творчества.

Лексема «народ» многозначна и её семантическая структура построена по «матрешечному» принципу. В то же самое время «народ» – не просто многозначная лексическая единица, а лексическая единица, способная сохранять свою многозначность в речевом употреблении.

Из всех конкретных национально-этнических значений лексемы «народ» наиболее значимым в русской поэзии является значение «русский/российский народ». В значительной мере русский народ представляет собой рефлексивное порождение своей родины как географической, исторической, социальной и духовной среды обитания, а в оценочных суждениях русских о психологии русского народа фрагментарно отражаются национальные автостереотипы.

В поэзии народ представляется как некая коллективная личность, обладающая собственным характером, в котором выделяются как положительные, так и отрицательные черты. Специфику русского национального характера в первую очередь определяет присутствие в нем двух доминантных свойств: максимализма и противоречивости. Помимо общеоценочных величия, славы и доблести из числа положительных свойств характера русского народа в поэтических текстах выделяются талантливость, смелость, свободолюбие, весе-

лый нрав, мощь, ум, трудолюбие, непобедимость, патриотизм, миролюбие, созерцательность и доброта. Из числа же отрицательных свойств характера здесь выделяются пьянство, воровитость, невежество, покорность и безропотность, лукавство, сквернословие, лень, невежество, нечистоплотность, грубость, отсутствие личного достоинства, агрессивность, холопство, покорность властям, неуважение к закону. Максимализм, терпение-смирение и «царелюбие» носят, скорее, оценочно-амбивалентный характер.

Оценка «собственно народа» как того, что остается от народа-нации/этноса или населения после вычета из него всех разнообразных «элит», зависит от «субъектного позиционирования» автора поэтического текста или протагониста высказывания – позиционирует ли он себя как «друг» или «враг» «собственно народа».

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н. А. Судьба России: Сочинения. – М.-Харьков: ЭКСМО-ФОЛИО, 2004.

Бердяев Н. А. Смысл творчества. – М.: Фолио, 2004а.

Воркачев С. Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре. – Волгоград: Парадигма, 2008.

Воркачев С. Г. Родина, правда, смысл жизни: опыт русской лингвоидеологии – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011.

Воркачев С. Г. Лингвоидеологема «народ» в русской лексикографии // Восточнославянские языки и литературы в историческом и культурном контекстах: когнитивная лингвистика и концептуальные исследования. – Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. С. 17–23.

Воркачев С. Г. Singularia tantum: идеологема «народ» в русской лингвокультуре. – Волгоград: Парадигма, 2013.

Драгина А. Что такое народ? – URL: <http://gidepark.ru/user/1919836053/content/5000226>.

Карасик В. И. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013.

Королев А. А. Этноменталитет: сущность, структура, проблемы формирования. – М.: Социум, 2011.

Лихачев Д. С. О национальном характере русских // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 3–6.

Пелипенко А. А., Яковенко И. Г. Быдло – URL: <http://pelipenko.h1.ru/doklad5.htm>.

Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. – М.: Флинта-Наука, 2006.

Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. – СПб.: Издательство Михайлова В. А., 1999.

Фурман Ф. П. Дискурсивно-идеологический комплекс народничества: историко-философский анализ: АДД. – Екатеринбург, 2011.

ВОРОШИЛОВА М. Б., ДРОЗДЕЦКАЯ А. Г.

Екатеринбург

ПУТИН, АННА КАРЕНИНА, КАТЫНЬ:

СТЕРЕОТИПНЫЙ ОБРАЗ РУССКОГО В СОЗНАНИИ ПОЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

Аннотация: Представлены результаты ассоциативного эксперимента и семантического дифференциала, проведенный с целью определения стереотипного образа русского в сознании польской молодежи. Анализ и сопоставление методики семантического дифференциала и ассоциативного эксперимента позволяют выявить у представителей большей части

¹ Работа выполнена в рамках гранта РГНФ: проект № 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления»

польской молодежи наличие определенных стереотипов о русских: «русский-пьяница» и «невольный русский», которые существовали на протяжении практически пяти веков и до сих пор остаются актуальными.

Ключевые слова: национальный стереотип, стереотипный образ, образ русского, польская молодежь, ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал

VOROSHILOVA M. B., DROZDETSKAYA A. G.

Ekaterinburg

PUTIN, ANNA KARENINA, KATYN:

STEREOTYPICAL IMAGE OF A RUSSIAN IN THE MIND OF POLISH YOUTH

Abstract. The paper presents the results of associative experiment and semantic differentiation, which was carried out to find out the stereotypical image of a Russian in the mind of Polish youth. The analysis and comparison of the methods of semantic differentiation and associative experiment revealed certain stereotypes about the Russians: “the Russian is a hard drinker” and “forced Russians”, which existed for more than five centuries and are still present in the minds of Polish young people.

Keywords: national stereotype, stereotypical image, the image of a Russian, Polish youth, associative experiment, semantic differentiation.

«От стереотипов и предупреждений
нам никуда не деться, нам остается
их только осознать»
Анджей де Лазари

Исследование стереотипов одного народа о другом в последнее время стало весьма актуальным, что напрямую связано с расширением межнациональных контактов. В современном мире важную роль играют устойчивые представления народов друг о друге. Отсюда появляется необходимость в изучении путей формирования и воздействия национально-культурных представлений в процессе общения представителей разных культур и дальнейшее их закрепление в сознании. В этом важную роль играет изучение стереотипов, т. к. во многом именно от них зависит диалог между представителями различных наций. Не являются исключением и отношения между Польшей и Россией.

История взаимодействия этих стран насчитывает множество конфликтов: войны, разделы Польши, период советской власти, Катынь и т.д., которые не могли не повлиять на создание стереотипов одного народа о другом. С течением времени стереотипы могут меняться, исчезать. На это, как правило, влияют такие факторы, как политическая ситуация, культурные связи, работа СМИ и т.д. Да, и как отмечал Шетэля В. М.: «Банальной истиной является утверждение, что каждое поколение формирует свое отношение к действительности и другим народам заново» [Шетэля 2010: 212].

Выявить наличие тех или иных стереотипов в сознании одной нации о другой можно с помощью ассоциативных связей. Поэтому, для того чтобы узнать, какие стереотипы в настоящее время присутствуют в сознании молодого польского поколения, каков сегодня образ русского для польской молодежи, был проведен свободный и направленный ассоциативный эксперимент, а также применена методика семантического дифференциала. В эксперименте приняли участие 82 представителя польской молодежи в возрасте от 17 до 26 лет.

Анкета состояла из следующих вопросов:

1. Дайте не больше трех ассоциаций к слову «русские».
2. Напишите известные вам пословицы, поговорки, устойчивые выражения или анекдоты, в которых присутствует образ русского(их).
3. Какие литературные персонажи-русские вам известны.
4. О каких исторических событиях, связанных с Россией и Польшей, вы помните.
5. Напишите несколько словосочетаний со словом «русский(ие)».

В ядро ассоциативного поля первого задания представленного эксперимента вошел ответ «Путин». Так ответили 49 поляков.

В зону ближней периферии попали следующие реакции: водка/алкоголь (32), холод (25), Катынь (21), гостеприимство (19), санкции (18), война (17), большой (17), Украина (15). При этом нужно отметить, что в случае с Катынью были даны разные вариации этого ответа: Катынское преступление, Катныский геноцид, расстрел поляков в Катыни, русские убили поляков в Катыни.

В зоне дальней периферии оказались: москали (10), кровь (9), зима (9), предатели (9), разделы Польши (9), русские завоеватели (9), церковь (8), Сибирь (8), враги (8), хам (8), Смоленск (8), глупый (8), валенки (6), пьяницы (6), бедность (6), матрешка (5), православие (5), Москва (5), русский язык (5), Иосиф Сталин (4), огромная страна (4), смешные русские (4), Пушкин (3), добрые (3), ковры на стене (2), друзья (2), Менделеев, медведи, грязь, се-рость, 9 мая, наглость, борьба, революция, смерть, ублюдки, грубые, сине-бело-красный, плетеная корзина, Третьяковская галерея, общительные, кровопийцы, щедрый, душевный, мерзкая погода, невоспитанный, Достоевский, крепкая голова, чтобы много пить.

В ядро ассоциативного поля поговорок, пословиц, анекдотов вошла пословица «Должен – это на Руси, а в Польше кто как хочет» с частотностью 45.

В зоне ближней периферии: «Россия – это состояние души» (6); анекдот: «С кем граничит Россия? – С кем хочет» (5).

В зоне дальней периферии: анекдоты о Saszce и Waniі, «Плакат в Польше: ”Месяц русско-польской дружбы”». Внизу надпись от руки: “Согласен, но ни дня больше”. Данные анекдоты указывались один раз.

Среди русских литературных персонажей наиболее часто указывалась героиня романа Л. Н. Толстого Анна Каренина (51). Этот ответ попал в ядро данного ассоциативного поля.

В зоне ближней периферии оказались: Родион Раскольников из произведения Достоевского «Преступление и наказание» (37), Алексей Карамазов из «Братьев Карамазовых» (34), главный герой романа Пушкина «Евгений Онегин» (32), Татьяна из «Евгения Онегина» (27), Наташа Ростова из «Войны и мира» Толстого (21), князь Мышкин из произведения Достоевского «Идиот» (19).

В зону дальней периферии оказались следующие литературные герои: Чичиков из «Мертвых душ» (4), Григорий Мелехов из произведения Шолохова «Тихий Дон» (3), Ася из одноименного произведения Тургенева, Базаров из «Отцов и детей», Служкин из недавно популяризованного романа А. Иванова «Географ пропил глобус», Катерина из «Грозы» Островского.

Самый распространенный ответ на вопрос о событиях, связывающих историю России с историей Польши – Катынь. И в данном случае, как в первом вопросе эксперимента, были даны разные характеристики этого события: Катынский расстрел, Катынское преступление, Катынь, поляки были расстреляны русскими в Катыне, геноцид в Катыни, расстрел в Катыни, жестокое убийство поляков в Катыни, Катынское злодеяние. Данное историческое событие указали в своих анкетах 57 человек.

В зону ближней периферии попали следующие события: Варшавская битва (45), Вторая мировая война (41), три раздела Речи Посполитой (39), захват Москвы поляками (32), введение коммунизма в Польше (26).

В зону дальней периферии вошли: Иван Сусанин (13), Польское восстание (10), борьба с русскими захватчиками (4), русско-польские войны (4), приход на престол Лжедмитрия (2), Лагерь Освенцим (2), во времена СССР Поляки были убиты, избиты, убиты Россией, все события драматичны и печальны для Польши, связь поляков с Древней Русью.

В последнем вопросе ассоциативного эксперимента наиболее часто встречалось словосочетание «пьяный русский» («пьющий русский», «русское пьянство») с частотностью 38.

В зону ближней периферии, достаточно близкой в количественном плане к ядру данного ассоциативного поля вошли следующие словосочетания: русские завоеватели (31), русские воюют (27), русские туристы (24), глупые русские (24), наглые русские (20), русская

зима (20), гостеприимные русские (19), российский президент (19), вторжение россиян (17).

В зоне дальней периферии: красивые русские женщины (10), русская душа (10), веселые русские (9), замерзшие русские (8), грубый русский (8), русские лентяи (8), русская еда (6), российский жулик (6), русская беднота (5), русские лезут куда не надо (5), русская политика (3), от русских одни проблемы (2), русский мат (2), затерянный русский (2), русский Иван-дурак, русская народная песня, русский колодец, пусть каждый русский «свалит» из нашей страны, русские бесят, русские вверглись в Украину, в России много пьют, русские шумно отдыхают, русская литературная классика, русская рыбалка, русские любят воевать, русский солдат, русские ведут себя подло.

Проанализируем ответы, вошедшие в ядра ассоциативных полей ответов эксперимента. 49 человек на слово «русские» привели ассоциацию «Путин». В этом случае сложно определить положительную или отрицательную окраску данной ассоциации. С одной стороны, такой большой показатель (59,7 %, т.е. больше половины опрошенных поляков) свидетельствует о популярности нашего президента, его авторитете и ведущем месте на мировой политической арене (ср. эксперимент с русскими: не был назван ни один из президентов Польши. Можно сделать предположение, что русская молодежь в основной своей части не знает, кто является президентом Польши и какова его политическая позиция). С другой стороны, в свете последних событий, таких, как военные беспорядки в Украине, присоединение Крыма и Севастополя к России, которое возмутило большую часть Европы, высказывания В. В. Путина о ситуации в Украине, ДНР и ЛРН, санкции и освящение всех этих событий в западных СМИ образ российского президента можно считать для поляков негативным. В данном случае делать какой-либо однозначный вывод нецелесообразно, так как для этого недостаточно информации. Можно сказать только одно, что обобщенный образ русских напрямую ассоциируется с лидером нашей страны и ключевую роль в создании определенного стереотипа играют политические связи с Россией. Это предположение доказывают некоторые ассоциации из зоны ближней и дальней периферии: «российский президент» (19), «русская политика» (3).

Во втором вопросе эксперименте пословица «Должен – это на Руси, а в Польше кто как хочет» с частотностью 45 (или 54,9 %) раскрывает стереотип о невольном, несвободном русском, зависимом от деспотизма власти и готовом сносить все тяготы жизни. В противопоставление несвободе русских ставится польская свобода, независимость. Данный стереотип более подробно описан в теоретической части. Здесь же важно отметить, что какие-либо поговорки, анекдоты, пословицы смогли указать 57 человек, т.е. 69, 5 %, тогда, как в прошлом эксперименте с русскими с заданием справились всего 10,3 %. При этом количество опрашиваемых русских превышало количество опрашиваемых поляков (97 русских и 82 поляка). Хотя сами приведенные пословицы, поговорки и анекдоты не отличаются разнообразием, тем не менее можно говорить о закреплённости в сознании польской молодежи данного стереотипа о несвободном русском.

В ядро ассоциативного поля третьего вопроса в анкете вошел ответ «Анна Каренина». В данном случае сложно отметить какое-либо влияние героини романа Л. Н. Толстого на общую характеристику русского народа в целом (или женской его части). По-разному оценивается образ героини в работах различных литературоведов, поэтому в данном случае целесообразно говорить о популярности этого романа с точки зрения его вклада в развитие всей мировой культуры, как одного из литературных шедевров русского писателя. При анализе образа Анны Карениной слишком велика вероятность субъективной характеристики. В пользу того, что полякам нравится русская литература, могут говорить такие приведенные ассоциации, как Пушкин (3), Достоевский, русская литературная классика.

Самым основным историческим событием, характеризующим взаимоотношения России и Польши, по мнению поляков, являются события в Катыни, о котором многим русским просто не известно, так как в курсе истории в школе эту проблему затрагивают крайне редко, и в российских СМИ она также практически не поднимается. 69, 5% опрошенных указали в своих анкетах данный исторический факт. Если обратиться к истории, то Катынь называют

события, связанные с трагической судьбой граждан довоенной Польши, пропавших на территории Советского Союза в 1939 – 41 гг. Самую многочисленную категорию среди них составляли бывшие польские офицеры. Согласно рассекреченным в 1992 г. документам ЦК ВКП(б) и НКВД-КГБ СССР считается, что 21857 пленных польских офицеров, полицейских, государственных чиновников и представителей интеллигенции, находившихся в советских лагерях и тюрьмах, в 1940 г. были расстреляны сотрудниками НКВД в Катынском лесу под Смоленском. С тех пор «Катынь» не только географическое название – это водораздел в польско-русских отношениях. По этой проблеме высказывались многие известные польские политические и общественные деятели, писатели, люди творческих профессий. Так, в частности, польский писатель Петр Кунцевич в своем открытом письме президенту Путину в варшавской газете «Трибуна» в марте 2006 г. написал: «Катынь – это уже не локальная проблема, пусть даже самая важная, это опорочивание славянской семьи перед всем миром» [Швед: URL]. Или, например, бывший президент Польши, трагически погибший при крушении самолета, направлявшегося в Смоленск ко дню траурной даты катынского расстрела, Л. Качиньский не однократно в своих выступлениях подчеркивал, что Катынь – основная проблема польско-русских отношений, болезненная тема, от решения которой зависят будущие политические связи с Россией [Швед: URL].

Катынская трагедия стала краеугольным камнем сложившейся в Польше общенациональной пропагандистско-идеологической системы. Ежегодно проводятся десятки мероприятий, посвященные Катыни. Во многих польских городах имеется улица «Героев Катыни», гимназия «имени Жертв Катыни», местный «Катынский крест» и т. д.

Подобная пропаганда не могла не повлиять на создание и, что самое главное, закрепление стереотипа русского-врага, убийцы. К тому же существует версия о том, что Катынский расстрел был актом геноцида польского народа, которая еще сильнее усугубляет положение и дестраивает в сознании польской общественности описанный выше стереотип. Об этом свидетельствуют, в частности, ответы из анкеты: Катынский расстрел, Катынское преступление, поляки были расстреляны русскими в Катыне, геноцид в Катыни, расстрел в Катыни, жестокое убийство поляков в Катыни, Катынское злодеяние.

Ядро ассоциативного поля словосочетаний и предложений со словом «русский» составило словосочетание «пьяный» («пьющий русский», «русское пьянство») с частотностью 38 (46,3 %, почти половина опрошенных). Стереотип русского, злоупотребляющего алкоголем, сформировался очень давно. Более подробно это описано в теоретической части о стереотипах поляков о русских. Как видно из эксперимента, данная стереотипная характеристика русской нации до сих пор присутствует в сознании польской молодежи и создает отрицательный, негативный образ русских в целом.

Из анализа наиболее частотных ответов на ассоциативный эксперимент можно сделать следующие предварительные выводы: большое число стереотипов формируется под влиянием политической ситуации и освящения ее в СМИ. Так, образ всех русских ассоциируется непосредственно с действиями президента России, с его образом и представлением о нем, на которое накладывает отпечаток информационная система Польши и Запада в целом. О том положительный или отрицательный стереотип создает подобная ситуация можно будет судить на основе результатов анкеты из зоны ближней и дальней периферии. Также исходя из анализа самых частотных ответов, можно сказать, что в сознании польской молодежи до сих пор сохраняется стереотип несвободного русского, испытывающего гнет власти, стереотип русского-врага и русского-пьяницы. Но по количеству приведенных авторов, их лучших произведений и героев книг, можно говорить о равнодушии поляков к культуре России, к выдающимся памятникам литературы нашей страны. Правда какой-то определенный, конкретный стереотип в данном случае выявить сложно, так как велика вероятность проявления субъективной оценки при выявлении характеристик того или иного литературного персонажа.

Теперь рассмотрим подробнее результаты ближней и дальней периферии ассоциативных полей с точки зрения присутствия того или иного стереотипа. Эти стереотипы находятся

в Таблице 1.

Наименование русских стали «Moskwicini» или «Moskale». Как показывают результаты опроса, видимо, некоторые представители польской молодежи до сих пор употребляют в отношении русских слово «москали». Такую ассоциацию привели 10 человек или 12,2%. Раньше это обозначение русского народа не имело негативной окраски, но с течением времени, после различных исторических событий, отрицательно повлиявших на стереотип русских, название «москаль» приобрело уничижительную, негативную окраску, которая в современной речи имеет отрицательный характер.

Стереотип невольного, несвободного, покорного русского наиболее отчетливо прослеживается в ядре ассоциативного поля пословиц. Применительно к зоне дальней периферии можно сказать о наличии противоположной характеристики: «борьба», «революция». Но так как эти ассоциации приведены в единственном экземпляре, то говорить о модификации данного стереотипа нельзя.

Стереотип «чужие русские», связанный с религиозными различиями проявляется в ассоциациях из зоны ближней периферии – «церковь» (8), «православие» (5). Раньше данный стереотип имел определенно отрицательную окраску, в современном мире он приобрел скорее нейтральный характер, как и в случае с русскими.

Наличие в сознании польской молодежи стереотипа «северного, сурового народа» обнаруживается в таких ответах, как «холод» (25), «русская зима» (20), «зима» (9), «замерзшие русские» (8), «мерзкая погода». Как видно из результатов, данный стереотип о русских, как о живущих в холодном климате с длительной морозной зимой, и в настоящее время имеет место. Но недостаточно информации для того, чтобы говорить об отрицательном влиянии такого представления о климате на характер русских в сознании молодого польского поколения.

Представление о русских как о жителях огромной, богатой страны проявляется в таких реакции зоны ближней и дальней периферии, как «большой». Эта ассоциация, которая была приведена в 17 анкетах, вероятно, является характеристикой обширности территории России. Также в зоне дальней периферии приведено словосочетание «огромная страна» (4). Это создает образ могучей державы с огромными ресурсами и широтой просторов. Но и в этом случае трудно сказать о положительности или отрицательности этой характеристики. Но определенно можно говорить о наличии стереотипа о русских, как о жителях большой страны, что в целом, является объективным фактом.

Стереотип «русские – представители более низкой культуры» не выявлен в ходе данного эксперимента.

Стереотип «пьяного русского» наиболее ярко проявился в ядре ассоциативного поля первого задания, анализ которого был приведен выше. Некоторые ассоциации из зоны ближней и дальней периферии лишь подтверждают его: «водка/алкоголь» (32), «пьяницы» (6), «крепкая голова, чтобы много пить», «в России много пьют».

Стереотип «русский-враг, обидчик, захватчик» обнаруживается во многих приведенных ассоциациях: «русские завоеватели» (31), «русские воюют» (27), «вторжение россиян» (17), «кровь» (9), «предатели» (9), «разделы Польши» (9), «русские завоеватели» (9), «враги» (8), «смерть», «ублюдки», «кровопийцы», «русские любят воевать». Отдельно в этом плане можно рассмотреть ассоциацию «Катынь» (21), свидетельствующую о присутствии в сознании польской молодежи образа русских-убийц, врагов. Этот же стереотип подтверждают практически все указанные поляками в эксперименте исторические события. Ведь история взаимоотношений России и Польши насчитывает множество войн, военных конфликтов, битв, убийств.

Стереотип «русский-брат» не выявлен ни на одном из уровней опроса. Но светлые тона стереотипа русского проявляется в таких ассоциациях, как «добрые» (3) и «друзья» (2). Но их количество не достаточно для доказательства наличия этого стереотипа. Но к положительным, светлым характеристикам образа русского можно отнести ассоциацию «гостеприимство» (19). Здесь можно говорить о формировании нового положительного стереотипа о русских, как о гостеприимном народе. Это подтверждает и ассоциация в пятом вопросе анке-

ты «гостеприимные русские» с частотностью 19, находящаяся также в зоне ближней периферии.

Можно выделить некоторые ассоциации, которые могли быть и не выявлены, если бы эксперимент проводился, например, год назад. Речь идет об ассоциации «санкции» (18). Данная ассоциация является самой актуальной и напрямую связанной с политической ситуацией в мире. Поскольку санкции вводятся против страны, ведущей себя неподобающим образом на мировой политической арене, и само введение санкций является своего рода объявлением бойкота, то сам образ данной страны приобретает отрицательную характеристику. Но в данном случае нельзя говорить об отрицательном стереотипе, так как не все представители польской общественности поддерживают подобную политику. К тому же, никакой дополнительной информации, позволяющей выявить на основе санкций появление нового стереотипа не представлено. И с этим же феноменом связана ассоциация «Украина», которую указали 15 опрошенных, так как именно с современной политической ситуацией в этой стране и связано введение санкций.

Можно выделить еще несколько стереотипов на основе проведенной работы: стереотип невоспитанного русского: «хам» (8), «грубый русский» (8), «русский мат» (2), «невоспитанный»; стереотип наглого русского: «наглые русские» (20), «наглость»; стереотип отдыхающего русского: «русские туристы» (24), «русские лентяи» (8), «русские шумно отдыхают»; стереотип красивых русских женщин: «красивые русские женщины» и т.д.

Но эти стереотипы не носят массового характера, не присущи всему молодому польскому населению, поэтому относить их к однозначным устойчивым стереотипам нет оснований.

Таким образом, на основе результатов ассоциативного эксперимента можно выделить следующие стереотипы: «русский-враг», «русский-пьяница», «невольный русский». Подчеркнем, что в данном случае под стереотипом понимается устойчивый образ относительно русских, закрепленный в массовом сознании польской молодежи.

Далее была проведена методика семантического дифференциала (Таблица 2). Шкалы: плохой – хороший, хитрый – наивный, жадный – щедрый, глупый – умный, чужой – близкий, злой – добрый, грустный – веселый, лживый – честный, враг – друг, вспыльчивый – уравновешенный, грубый – нежный, бедный – богатый, нерасторопный – ловкий, высокомерный – скромный, трусливый – смелый, предатель – патриот, свободный – невольный, покорный – бунтарь, терпеливый – сопротивляющийся, сильный – слабый, рассудительный – безрассудный, пьяный – трезвый.

Русский:	-2	-1	0	1	2	Русский:
Плохой	11	14	32	13	12	хороший
хитрый	6	3	15	34	9	наивный
жадный	9	12	34	19	8	щедрый
глупый	19	28	21	6	8	умный
чужой	9	20	19	26	7	близкий
Злой	7	18	31	17	9	добрый
грустный	4	7	16	35	20	веселый
лживый	10	18	26	16	12	честный
Враг	11	27	7	27	10	друг
вспыльчивый	5	17	38	12	10	уравновешенный
грубый	32	17	15	10	8	нежный
бедный	35	21	11	9	6	богатый
нерасторопный	8	16	17	29	12	ловкий
высокомерный	8	11	38	16	9	скромный
трусливый	7	10	19	32	14	смелый
предатель	12	33	9	21	7	патриот
свободный	8	6	13	23	32	невольный
покорный	10	29	18	17	8	бунтарь

терпеливый	16	27	15	15	9	сопротивляющийся
сильный	13	31	22	8	10	слабый
рассудительный	11	14	17	15	25	безрассудный
пьяный	45	21	12	3	1	трезвый

Результаты анализа: по шкалам «плохой – хороший», «жадный – щедрый», «злой – добрый», «вспыльчивый – уравновешенный», «высокомерный – скромный», «лживый – честный» был выявлен «ноль» (т.е. «и не такой, и не такой»).

По шкалам «хитрый – наивный», «чужой – близкий», «грустный – веселый», «нерасторопный – ловкий», «трусливый – смелый» наиболее часто отмечался балл «1» (т. е. скорее наивный, близкий, веселый, ловкий, смелый).

По шкалам «глупый – умный», «предатель – патриот», «покорный – бунтарь», «терпеливый – сопротивляющийся», «сильный – слабый» наиболее часто отмечался балл «-1» (скорее глупый, предатель, покорный, терпеливый, сильный).

По характеристикам «свободный – невольный», «рассудительный – безрассудный» преобладал ответ «2» (невольный, безрассудный).

По шкалам «грубый – нежный», «бедный – богатый», «пьяный – трезвый» большинство поляков поставило отметку «-2», (т. е. грубый, бедный и пьяный).

Отдельно необходимо сказать о шкале «враг – друг». Одинаковое количество набрали баллы «-1» и «1», т. е. «скорее враг» и «скорее друг». В ассоциативном эксперименте и в теоретической части говорилось о стереотипе русские-враги. Здесь данный стереотип приобретает нечеткие контуры. Во-первых, нет однозначного ответа: не определено враг, а «скорее враг». А во-вторых, эта характеристика количественно совпала с противоположной оценкой. Это говорит о том, что в сознании польской молодежи произошло переосмысление стереотипа русский-враг в сторону приобретения этим стереотипом светлых тонов. Поэтому сказать, что среди поляков бытует стереотип русский-враг, исходя из результатов методики семантического дифференциала нельзя. Это может быть связано с историей формирования стереотипа о русских: существовало два направления. Приверженцы первого считали всех русских врагами, а сторонники второго предлагали разграничивать власть и простой народ. В этом случае власть – враг, а народ – братья-славяне (более подробно в теоретической части).

Приведенные результаты позволяют выявить определенные стереотипы. Особенно удобно сделать это по крайним шкалам. Так, выделяется стереотип «грубый русский», «пьяный русский», «бедный русский», «невольный русский». Эти стереотипы подтверждаются анализом результатов ассоциативного эксперимента. Появляется характеристика русского как безрассудного человека, который не был представлен в ассоциативном эксперименте.

Также присутствует большое количество ответов по баллам «1» и «-1», которые не указывают на однозначность определенного признака, но и не указывают на нейтральную характеристику русских по этим шкалам.

Для более точного выделения наличия или отсутствия стереотипа по этим шкалам целесообразно сравнить их с ассоциативным экспериментом. «Скорее глупый» подтверждается такими характеристиками из ассоциативного эксперимента, как «глупый» с частотностью 8, «глупые русские» с частотностью 24, находящимися в зоне ближней периферии и имеющие достаточно высокий процент из общего числа опрашиваемых (9, 7 % и 29,2% соответственно).

«Скорее предатель» находит аналог в ассоциативном эксперименте: предатель с частотностью 9 (11 %) из зоны дальней периферии.

Со значением «скорее покорный» соотносится значение пословицы «Должен – это на Руси, а в Польше кто как хочет» с частотностью 45 (54,9 %). Важно отметить, что пословица входит в ядро ассоциативного поля пословиц, поговорок и анекдотов. С этой же пословицей имеет связь и характеристика «скорее терпеливый».

Стереотип «скорее веселый» прослеживается в ассоциациях: «веселые русские» с частотностью 9 (11 %). Но этого не достаточно, чтобы говорить о наличии в массовом сознании

стереотипа веселого русского.

Характеристики «скорее сильный», «скорее наивный», «скорее близкий», «скорее ловкий», «скорее смелый» не подтверждаются результатами ассоциативного эксперимента, поэтому говорить о присутствии однозначных стереотипов по этим характеристикам в массовом сознании польской молодежи нецелесообразно.

Таким образом, на основе проведенных экспериментов, можно выделить следующие стереотипы поляков о русских: «русский-пьяница», «невольный русский». Стереотип «русский-враг» по результатам методики семантического дифференциала не подтвердился.

Итак, анализ и сопоставление методики семантического дифференциала и ассоциативного эксперимента позволяют выявить у представителей большей части польской молодежи наличие определенных стереотипов о русских: «русский-пьяница» и «невольный русский», которые существовали на протяжении практически пяти веков и до сих пор остаются актуальными; в зоне ближней периферии максимальный показатель составил 54,9%, а в дальней – 15,9. Подобный высокий процент говорит о более четком представлении поляков о русских, общности восприятия этого образа по многим параметрам и созданию конкретного портрета русского народа на основе вышеприведенных характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

Желтухина М. Р., Омельченко А. В. Создание политического имиджа России в зарубежных СМИ // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 13-17 сентября 2010 г. / Гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. С. 59-62

Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208с.

Мачеевский Я. Стереотип России и русских в польской литературе и общественном сознании // Поляки и русские в глазах друг друга. М.: Индрик, 2000. С.6-22.

Мельникова В. А., Петрухин В. Я. Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. М.: Наука, 1990. 451 с.

Павловская А. В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации. М.: Просвещение, 1998. 278 с.

Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание / Сост. А. В. Липатов, И. О. Шайтанов. М.: Индрик, 2000. 240 с.

Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта, 2006. 328 с.

Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. М.: Альфа-М, 2006. 281 с.

Сергеева. А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. М.: Флинта, 2006. 313с.

Собиянэк К. Образ России и стереотипы ее восприятия в Польше (по материалам публикаций Анджея де Лазари) // Политическая лингвистика. 4(34). 2010. С. 166-170

Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Наука, 2000. 624 с.

Швед В. Тайны Катыни // История взаимоотношений Польши и России [сайт]. 2013. URL: http://www.zlev.ru/109/109_34.htm.

Шетгэля В. М. Россия и Европа в польских СМИ последних лет // Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 13-17 сентября 2010 г. / Гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. С. 212-215

ГОРСКАЯ М. Д.

Екатеринбург

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА УЧЕНОГО
В РУССКОЯЗЫЧНЫХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ ИТАР-ТАСС И ВВС)**

Аннотация: В данном исследовании на материале Интернет-новостей ИТАР-ТАСС и ВВС понятийным, оценочным и процессуальным компонентами представлена репрезентация образа ученого на лексическом уровне.

Ключевые слова: лексическая репрезентация; образ ученого; журналистский материал.

GORSKAYA M. D.

Ekaterinburg

**LEXICAL REPRESENTATION OF THE IMAGE OF A SCIENTIST
IN RUSSIAN AND ENGLISH INTERNET PUBLICATIONS
(ON THE MATERIAL OF TASS AND BBC NEWS ONLINE)**

Abstract: The article describes notional, evaluative and processual components of representation of the image of a scientist on the material of TASS and BBC news online on the lexical level.

Key words: lexical representation; image of a scientist; journalese.

Средства массовой информации являются наиболее эффективным инструментом выражения и распространения общественного мнения, а так же формирования стереотипного мышления. Репрезентация реальности в СМИ осуществляется на разных уровнях, основным из которых является вербальный, где язык рассматривается как особая система знаков, отображающих окружающий мир и выражающих понятия. На языковом уровне большую роль играет лексика, которую использует автор, в данном случае журналист для описания событий, явлений, предметов и т. д.

В СМИ освещаются события, происходящие в наиболее важных, востребованных сферах общественной жизни, одной из которых является наука – на сегодняшний день она активно поддерживается государством, развивается и обсуждается как в обществе, так и в СМИ. Интерес вызывает не сама наука как таковая, а деятельность представителей данной сферы и сами личности. Журналисты пишут новостные статьи, посвященные какому-либо правительственному решению по отношению к науке, интересному открытию или действию, которое совершает ученый. В связи с этим в новостях создается специфический образ ученого как главного субъекта научной деятельности.

В разных культурах информационная картина мира неодинакова. Поэтому интересно посмотреть насколько похож и различен образ ученого в российской и английской лингвокультурах.

Для анализа русскоязычного образа ученого был взят материал в количестве 187 статей публицистического характера с лексемой «ученый» из Интернет-издания ИТАР-ТАСС, как одного из крупнейших информационных агентств России. Исследование образа ученого в английской лингвокультуре основано на новостном материале, представленном также в количестве 187 статей, только с лексемой «scientist» из британского Интернет-издания ВВС, занимающего лидирующее положение среди новостных служб Великобритании и одного из ведущих международных информационных агентств.

Репрезентация на лексическом уровне представлена тремя компонентами: понятийным, оценочным и процессуальным.

Понятийный компонент выражен через имена существительные. Формирует термины «ученый» и «scientist», характеризует спектр их профессиональной значимости и выявляет ассоциативно-семантический ряд, который может возникнуть у реципиента при чтении статей.

Основная единица номинации субъекта научной деятельности: в ИТАР-ТАСС – лексема «*ученый*» (743), в ВВС – лексема «*scientist*» (526) [в скобках указано количество употреблений лексем].

В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова ученый определяется как «специалист в какой-нибудь области науки». В электронном словаре «Macmillan Essential dictionary» – «*scientist* – someone who is trained in science, especially someone whose job is to do scientific research». Разложив данные дефиниции на семы мы получаем следующее:

Таблица 1

Ученый	Scientist
Специалист	someone who is trained
в какой-нибудь области науки	in science
	whose job is to do scientific research

Мы видим, что эти оба термина определяют ученого как человека, связанного с научной деятельностью. Однако, в российской лингвокультуре ученый представлен, прежде всего, как специалист, при чем в определенной сфере научного знания. В то время как в английской – это человек, который занимается и развивается в научной сфере, не обязательно специалист. В дефиниции английского термина отсутствует сема «в какой-нибудь области науки», то есть ученый *scientist* связан со всей наукой в целом, и основная его деятельность должна заключаться в совершении научных открытий – это, можно сказать, является следствием того, что он постоянно обучается, развивается, совершенствуется.

Таким образом, смыслы, вкладываемые в одно и тоже понятие двумя народами различны, чем обусловлены особенности формируемого образа в СМИ.

В качестве основного лексико-семантического варианта употребляется лексема «*специалист*», так как через эту номинативную единицу дается толкование термина «ученый» в российской лингвокультуре. То же самое можно сказать и о ведущем лексико-семантическом варианте «*researcher*» в англоязычных СМИ: при определении понятия «*scientist*» в английской лингвокультуре, делается акцент на то, что работа ученого – проводить научные исследования.

Для начала приведем схожие черты понятийной составляющей образа ученого в русскоязычных и англоязычных СМИ.

Во-первых, ученый работает в различных сферах научного знания. В российских СМИ это прежде всего «*физик*» (30), «*археолог*» (27), «*астроном*» (18), «*математик*» (12) и «*историк*» (9), то есть сфера научного знания преимущественно естественная и гуманитарная; в британских – *physicist* (34), *biologist* (12), *neuroscientist* (11), *chemist* (6) – это человек, занимающийся естественными науками: физик, биолог, нейробиолог или химик.

В своей профессии он занимает различные должности. И прежде всего это человек имеющий высокий статус: *руководитель* (29), *директор* (22) и *заведующий* (12) кафедрой или институтом; директор *director* (12), президент *president* (8) или глава *head* (7) какого-либо научного проекта или предприятия.

Ученый обладает научной степенью и званием. В русскоязычных и англоязычных СМИ статус ученого в научном сообществе указывается, когда приводится его цитата, мнение, ему вручается премия или он ушел из жизни, то есть когда необходимо подчеркнуть авторитет, его роль в научном мире. «Российский» ученый не только *профессор* (83) или *доктор* (17), а также *академик* (20), *доцент* (4), *кандидат* (2), *аспирант* (2). Как мы видим, он не обязательно должен обладать именно высоким научным званием, в отличие от «британского» ученого, для которого характерно наличие именно высокого ученого звания: либо профессор *Prof / Professor* (471), либо доктор *Dr / Doctor* (349).

Таким образом, здесь мы уже сталкиваемся с различиями в понятийной составляющей образа ученого в Интернет-изданиях ИТАР-ТАСС и ВВС. Помимо разного отношения к статусу ученого в научном мире, прослеживаются отличия в характеристике ученого с точки зрения социальной сферы.

Он работает в команде. В англоязычных СМИ это одна из обязательных составляющих образа, как наличие научной степени, чаще всего ученый определяется как команда *team* (135), затем группа *group* (18), и далее по количеству человек, работающих вместе: *tri* (4), *both*(3), *the pair* (3), *five*, *six*(2), *some* (1).

Но ученый не просто работает в команде, он является ее частью: *colleague* (50), *leader* (10), *member* (10), *collaborator* (4), *co-owner* (1), *co-worker* (1), *curator* (1), *partner* (1). При этом он не просто член команды, работающий наравне со всеми, а лидер, руководитель – внимание переносится с группы на конкретную личность. «*In the 1950s he was the project leader on the team that discovered ibuprofen*».

Также в понятийной составляющей британского образа ученого присутствует группа лексем со значением «человек»: *man* (6), *person* (5), *fellow* (2), *bloke* (1), *individual* (1), *people* (1), *someone* (1) – что подтверждает, дополняет образ «британского» ученого как человека, работающего и живущего в социуме, но при этом являющегося отдельной личностью. «*Steven Eaton, from Cambridgeshire, has become the first person in the UK to be jailed under scientific safety laws*». «*A maximum of just three individuals can be named as winners of a Nobel Prize*».

Для сравнения: в Интернет-новостях ИТАР-ТАСС журналисты называли ученого человеком всего 2 раза в 187 статьях – в материале, посвященном смерти ученого, когда говорили о его характере или душевных качествах: «*Мы будем помнить Александра Дмитриевича не только как крупного ученого и необыкновенно талантливого руководителя, но и как человека редких душевных качеств – глубоко порядочного и невероятно отзывчивого, неспособного пройти мимо чужой беды, подлинного петербургского интеллигента*». «*Андрей Александрович был замечательным человеком, выдающимся математиком*».

Так, в русскоязычных СМИ перед нами исследователь, специалист и эксперт в естественно-научной и гуманитарной сфере деятельности (физике, химии, биологии и истории). Он обладает ученым званием – оно не обязательно должно быть высоким, чаще всего это профессор – и различными наградами, является участником научных мероприятий.

В англоязычных СМИ ученый репрезентируется как *исследователь* researcher, который имеет ученую степень *доктора* или *профессора* наук, в основном естественных: физических, биологических, химических, и работает в команде, нередко выступая как руководитель группы, сподвижников, коллег.

Признаковый компонент выражен через характеризующие лексемы. В роли характеризующих лексем в текстах Интернет-издания ИТАР-ТАСС выступают имена прилагательные и несогласованные определения, а Интернет-новостях ВВС – атрибутивные конструкции. Признаковый компонент включает в себя понятийные и оценочные признаки, сообщает дополнительные сведения об ученых.

Понятийные признаки. Понятийная характеристика образа ученого в британском Интернет-издании получается более подробная. Не малую роль в этом играет такая особенность английского языка, как атрибутивные конструкции: та информация, которая сообщается в русскоязычном материале через слова-конкретизаторы, в англоязычных статьях частично представлена с помощью атрибутивных конструкций. Приведем пример. «*The group, called Science for the Future, is led by a prominent group of chemists, mathematicians and physicists, including a number of Nobel Prize winners*». «*A plaque to remember the Nobel Prize-winning scientist who helped discover insulin has been unveiled in Aberdeen*». – «*Лауреатом Нобелевской премии 2011 года по химии стал профессор Израильского института технологий в Хайфе Даниэль Шехтман*». В английских предложениях дополнительная информация – обладатель Нобелевской премии – передается через описательные конструкции [выделены подчеркиванием], а в российских – через словосочетания, где зависимым словом является имя существительное в форме Р. п. То есть в британском материале «*Nobel Prize*», «*Nobel Prize-winning*» выступают в качестве характеризующих лексем, а в российском «*Нобелевской премии*» – слово-конкретизатор,

которое дополняет сведения об ученом, расширяет его понятийную составляющую: через них сообщается не только место работы (страна, город, предприятие), но и сфера деятельности; ученый характеризуется не только как группа лиц, но и как ее руководитель, при этом несамостоятельная деятельность ученого может отмечаться с помощью отнесения его к группе ученых или ее руководителю.

В новостном материале в разных странах авторами статей выделяются различные аспекты в понятийной характеристике. Так, в русскоязычных статьях основным понятийным признаком является указание на место работы (325). Журналисты в своем материале делают акцент на то, к какой стране (или городу) относится тот или иной ученый. Наиболее употребляемая характеризующая лексема в данной группе «*российский*» (73), то есть прежде всего сообщается о достижениях российских ученых и о событиях, происходящих в российской науке. Это создает положительный образ российского научного сообщества, что является важным для политики государства и развития патриотизма. «*Российские ученые сделают выгодной добычу метана из угля, применяя разработанную ими уникальную технологию*». «*Месторождения попигайских алмазов были рассекречены еще более 10 лет назад, утверждают петербургские ученые*». Далее по частоте упоминания идут британские (42) и американские (40) ученые.

В англоязычных статьях – место работы (132), область научного интереса (105), характеристика ученого как руководителя (92). «*UK scientists have mapped the genome of the British ash tree, in research to find a way to protect woodlands from a deadly fungus*». «*The Imperial [сокр. От Imperial College London – прим. автора статьи] team propose a landing site near the equator, where milder conditions exist*». «*Government scientist, Dr Paul McKenna said the traces found were “well below safe limits for human consumption”*». «*Dr Jonathan Roiser, a lead author on the paper from University College London, told the BBC*».

Журналисты Интернет-издания BBC, сообщая место работы субъекта научной деятельности через атрибутивные конструкции, указывают не только страну или город, это может быть также компания или университет. Причем в основном упоминается один из вариантов. «*The AGAP team believes all this data can now be meshed into a credible narrative for the Gamburtsevs’ creation and persistence through geological time*». «*Prominent Nottingham scientists made honorary free men*». Так как Интернет-издание BBC является британским, то, соответственно, по частоте употребления на первом месте является лексема «*UK*» (15) или университеты, находящиеся в Великобритании или Америке, то есть в англоязычных странах.

Следующей большой группой являются признаки, отражающие сферу деятельности ученого, которые можно разделить на подгруппы:

- 1) область научного знания: «*marine scientist*», «*space scientist*», «*organic chemist*», «*molecular biologists*», «*forensic scientist*» и т. п.;
- 2) проблему, которой он занимается: «*HIV researcher*», «*Inflation pioneer*», «*dark matter researcher*», «*Aids researcher*» и т. п.;
- 3) проект, над которым работает: «*project leader/scientist/team*», «*Esa’s Planck project scientist*», «*Voyager project scientist*».

Здесь уместно обратить внимание на еще один тип атрибутивных конструкций,

Исходя из вышесказанного, мы получаем 2 разных образа субъекта научной деятельности: в Интернет-издании ИТАР-ТАСС – это ученый, принадлежащий к определенной стране, то есть не обязательно уточнять его место работы, достаточно понимать, в какой стране ведется исследование, разрабатывается проект, совершается открытие. Таким образом, перед нами создается картина мировой науки в целом, ученый ассоциируется со страной.

В Интернет-издании BBC противоположный образ: ученый очень часто «привязывается» к конкретному месту работы – компания, лаборатория, университет. Особенно если речь идет о британских или американских ученых, то есть английскими журналистами создается образ «локального» научного мира в большей степени. Кроме того,

перед нами человек, не просто занимающийся наукой, а определенным научным вопросом, и работающий в группе с другими учеными.

Оценочные признаки. Следует отметить, что характеризующие лексемы, репрезентирующие оценочный компонент образа ученого, используются журналистами с определенными целями. Это связано с тем, что особенностью публицистических статей является ориентация на объективную подачу материала, и поэтому преимущественно используется безоценочная лексика.

Самыми частотными в Интернет-изданиях являются признаки со значением оценки ученого как научного деятеля. Журналисты характеризуют ученого как субъекта научной деятельности в тех случаях, когда приводят его мнение, вывод или суждение, чтобы подчеркнуть важность приведенного высказывания; в заметках о личностях; и, наконец, когда им необходимо подчеркнуть статус исследователя в научном мире. Характеристика довольно разнообразная («ведущий», «видный», «один из старейших», «настоящий» и др.; «clever», «evolutionary», «aspiring», «well-respected» и др.). Например, «Такие авторитетные исследователи как Ф. Дж. Хаббл и Н. Р. Франклин делают однозначный вывод: <...>». «Two prominent scientists who made groundbreaking discoveries while working in Nottingham are to be made honorary freemen of the city».

Причем в Интернет-новостях ИТАР-ТАСС дается исключительно положительная оценка субъекта, в отличие от Интернет-новостей BBC, где она, безусловно, преобладает, однако, не исключает наличие менее привлекательного оценивания, что может свидетельствовать об объективной оценке в какой-то мере: «the first» / «the best» – «not successful»; «distinguished» – «dismissive»; «enabling» – «hopeless»; «renowned» / «prominent» – «less popular». Таким образом, британские журналисты не всегда преподносят ученого как успешного, безупречного работника.

Что касается индивидуальной составляющей образа ученого, то в нее входит характеристика ученого как человека, то есть журналистами сообщаются качества, которыми он обладает, и чувства, которые он испытывает. Первая группа лексем присутствует как в русскоязычном, так и в англоязычном материале и имеет исключительно положительную семантику. «Мы будем помнить Александра Дмитриевича не только как крупного ученого и необыкновенно талантливого руководителя, но и как человека редких душевных качеств – глубоко порядочного и невероятно отзывчивого, неспособного пройти мимо чужой беды, подлинного петербургского интеллигента». «We suffer deep pain and confusion to lose such a lively and warm friend and colleague»

Вторая группа – обозначение чувств – представлена только в британском Интернет-издании. В оценках преобладают положительные эмоции, обозначающих восторг, радость или увлеченность ученого своим делом. «In the Royal Society report, researchers say they are “extremely optimistic” that both types of technology can be realised and relatively soon». «<...>said he was “glad” the Nobel prize had gone to the work of Higgs and Englert». Есть небольшая группа оценочных единиц, которые передают расстройство исследователя, вызванное неудачей в научном проекте. «But some researchers are decidedly unhappy with the draft report».

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что в русскоязычных СМИ акцент делается только на научную деятельность, так как преимущественно дается оценка как субъекту научной деятельности, то есть оцениваются научные достижения. Ученый же в англоязычных СМИ – это еще и человек, обладающий душевными качествами, характером, чувствами и эмоциями.

Процессуальный компонент выражен через глаголы, описывает идеографию деятельности ученого.

В глагольных лексемах фиксируются не только значения о действии, процессе, состоянии, но и о том, кто или что совершает действие, а также на кого или на что оно направлено. Следовательно, справедливо мнение Л. Терньера о том, что своим лексическим значе-

нием глагол способен репрезентировать всю ситуацию, предопределять число и состав ее участников, их ролевой статус и иерархию.

Классификация глаголов по тематическим группам условная, так как сам по себе глагол обозначает какое-либо событие внешнего мира в самом общем виде, и лишь в предложении категоризируется как действие, процесс, состояние и т. п. в зависимости от условий и целей интерпретации. Основой для классификации выступил «Большой толковый словарь русских глаголов» под ред. Л. Г. Бабенко, в котором глаголы расположены по тематическим группам в соответствии с лексическим значением и приводятся английские эквиваленты.

Чаще всего как в русскоязычных, так и в англоязычных СМИ встречаются лексемы, обозначающие речевую деятельность человека, которая носит различный характер.

В русскоязычных СМИ самой употребляемой является лексема «*отмечать*» (109), а в англоязычных – лексемы говорить «*say*» (585), рассказывать «*tell*» (144), объяснять «*explain*» (71). Все они относятся к одной тематической подгруппе, типовая семантика которой – «сообщать (сообщить) адресату что-л. (какие-л. сведения, известия и т. п.) о ком-, чем-л.» [Большой толковый словарь русских глаголов 2009: 283]. «Ученые отмечают, что найденные дома были достаточно высокими – в два-три этажа». «Об этом рассказал сегодня один из участников исследовательской группы». «Prof Rolf Heuer, director-general of Cern, commented: “As a layman I would now say I think we have it.”». «Dr Wilkinson also made it clear that there was little detailed research on injury rates in barefoot running, <...>».

На втором месте по частоте употребления находятся глаголы интеллектуальной деятельности, которая также имеет разнообразный характер проявления и протекания.

Данный вид деятельности представлен в Интернет-новостях ИТАР-ТАСС в большей степени глаголами определения, типовая семантика которых – «определять (определить) кого-, что-л. (качества, свойства, количество, результаты и под.) каким-л. образом» [Большой толковый словарь русских глаголов 2009: 268]. «Специалисты установили возраст животного, который составляет приблизительно 34 млн лет».

А в Интернет-издании BBC – глаголами, обозначающими восприятие материала, и самой употребляемой является лексема «*find*» (45). Типовая семантика этих глаголов – «воспринимать что-л. каким-л. образом» [Большой толковый словарь русских глаголов 2009: 243], то есть обнаруживать, находить, рассматривать, фокусироваться на чем-то и т. п. «The team also extracted and examined the pigment present in each shell and measured their thickness».

Необходимо отметить, что в англоязычных СМИ в большей степени, чем в русскоязычных, присутствуют глаголы, которые так или иначе передают состояние ученого (эмоции, чувства, здоровье) или его отношения с людьми. Что создает образ «британского» ученого не только как научного деятеля, но и как человека, живущего в социуме, имеющего свои интересы и обладающий чувствами: «Colin greeted me warmly and explained how his proposed Martian Lander would work. Such was his enthusiasm that within minutes he had persuaded me that he really could do it».

Процессуальный компонент российского и британского образа ученого, можно сказать, одинаковый. Обилие лексем, обозначающих речевую деятельность человека, в первую очередь связано со структурой новостной статьи, а именно с характерным для нее цитированием: обязательно приводятся высказывания самого ученого, руководителя научной группы, эксперта или аналитика, который независимо оценивает научное открытие. Также влияет то, что работая над проектом, совершая открытие, прорыв, ученые делятся ходом своей работы, ее результатами как внутри научного сообщества, так и с общественностью. Поэтому основной речевой деятельностью ученого является речевое сообщение, то есть стремление исследователя рассказать адресату какие-либо сведения о своей деятельности, научном факте.

Второй ведущей деятельностью человека, принадлежащего к научному миру, является интеллектуальная, которая в действительности предшествует речевой, так как сначала производится работа, а потом сообщается ее ход или результат. В Интернет-изданиях на первый план выдвигаются разные аспекты умственной деятельности: в ИТАР-

ТАСС это определение качеств, свойств и т. п.; в ВВС – восприятие материала, то есть обнаруживать, находить, рассматривать и т. п., а затем описание его характеристик.

Сравнительная характеристика репрезентации образов ученого в русскоязычных СМИ на материале Интернет-издания ИТАР-ТАСС и в англоязычных СМИ на материале Интернет-издания ВВС показывает, что прежде всего ученый представлен как основной субъект научной деятельности, поэтому какие-либо сведения, касающиеся непосредственно его личности, встречаются нечасто, особенно в российских СМИ. В основном они отмечаются журналистами в статьях, целью которых является не сообщить о каком-либо факте, касающемся сферы научного знания (открытие, достижение, провал и т. п.), а рассказ о самой персоне ученого (материал, посвященный уходу из жизни, получению награды, заметка по случаю совершения серьезного прорыва в науке).

В русскоязычных СМИ *ученый* – это *исследователь, специалист и эксперт*, то есть научный работник, трудящийся в первую очередь в естественно-научной и гуманитарной сфере деятельности (физике, химии, биологии и истории). Место его работы – определенная страна, реже город. Хотя ученый как личность практически не характеризуется, он успешен в своей научной деятельности, является обладателем какой-либо награды, например нобелевской.

В англоязычных СМИ ученый *scientist* репрезентируется как *исследователь researcher*, который имеет ученую степень *доктора* или *профессора* наук, в основном естественных – физических, биологических, химических – и работает в команде, нередко выступая как руководитель группы сподвижников, коллег. У него есть определенное место работы – университеты Великобритании, реже других англоязычных стран, например, США. Как научный работник он выдающаяся личность, внесшая свой вклад в развитие науки; как человек – замечательная персона, хороший друг, переживает за свое дело и может смеяться, плакать, радоваться или расстраиваться.

Деятельность ученых в Интернет-изданиях разнообразна и имеет неоднородный характер: интеллектуальная, речевая, социальная, созидательная, физическая и др. В первую очередь исследователь спорит, дискутирует, сообщает о проводимых исследованиях и результатах своей деятельности обществу, предупреждает людей о чем-либо, то есть репрезентируется журналистами как человек, занимающийся речевой деятельностью. И лишь потом сообщается об умственной, интеллектуальной деятельности ученого. Как следствие, большинство действий специалистов описываются журналистами через глаголы прошедшего времени, что соответствует информационным задачам сообщить о состоявшемся открытии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.
2. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
3. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: учеб. пособие. М.: Наука, 2008.
4. Комова Т. А. Речевые стереотипы и речевое поведение // Язык средств массовой информации: учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. С. 284–294.
5. Мюллер В. К. Большой англо-русский словарь / Сост. В. К. Мюллер, А. Б. Шевнин, М. Ю. Бродский. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной; члены ред. коллегии: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. М.: Флинта: Наука, 2006.
7. Стриженко А. А. Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания. Монография. 2003. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text5/76.htm>.

8. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв.ред. Н. Ю. Шведова. М., 2008: Издательский центр «Азбуковник».

9. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса: Пер. с франц. Редкол.: Г. В. Степанов (пред.) и др.; вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. М. : Прогресс, 1988.

10. Федотова Л. Н. Контент-анализ в арсенале социологии // Язык средств массовой информации: учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический проект; Альма Матер, 2008. С. 237–247.

11. Macmillan Essential dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com>.

ГРИБАН И. В.

Екатеринбург

«ОН СНОВА ЗДЕСЬ?» САТИРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ГИТЛЕРА В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЦЕВ¹

Аннотация. 8 октября 2015 г. в кинотеатрах Германии состоялась премьера художественного фильма по одноимённому роману публициста Т. Вермеша «Он снова здесь». Главный герой романа – Адольф Гитлер, очнувшийся в 2015 г. современном Берлине и попадающий в новую политическую реальность со своими старыми идеологическими установками. Фильм, как и книга, был встречен с большим успехом и разделил немецкое общество на сторонников сатиры и тех, кто по-прежнему считает, что смеяться над такими историческими персонажами, как Гитлер – недопустимо даже спустя десятилетия. Фильм «Он снова здесь» – вызов современному немецкому обществу, проверка на готовность воспринимать идеи национал-социализма, которые, казалось бы, уже давно стали переосмысленным прошлым. Однако реакция на фильм зрителей и кинокритиков, комментарии в электронных СМИ позволяют сделать вывод о том, что именно сегодня немецкое общество как никогда прежде далеко от «преодоления» своего сложного исторического прошлого.

Ключевые слова: историческая память, политика памяти, Вторая мировая война, инструменты коммеморации, А. Гитлер.

GRIBAN I. V.

Ekaterinburg

“IS HE HERE AGAIN?” THE SATIRICAL IMAGE OF HITLER IN THE PERCEPTION OF MODERN GERMAN SOCIETY

Abstract. In October 2015 there was the premiere in the cinemas of Germany of the feature film based on the novel of publicist T. Vermes “He's Back”. In 2015, Adolf Hitler wakes up in Berlin, with no memory of anything that happened after 1945. Homeless and destitute, he interprets everything he sees in 2015 from a Nazi perspective – and although everyone recognizes him, nobody believes that he is Hitler; instead, they think he is a comedian. The film “He is here again” is a challenge to the modern German society, to check willingness to accept the ideas of National Socialism. However, the reaction of the audience and film critics to the film allow us to conclude that the German society today is far from “overcoming” its complex historical past.

Keywords: historical memory, politics of memory, the Second World War, tools commemoration, A. Hitler.

8 октября 2015 г. в кинотеатрах ФРГ состоялась премьера художественного фильма по одноимённому роману журналиста Тимура Вермеша «Он снова здесь». Книга вышла в Германии еще в 2012 г. тиражом более миллиона экземпляров, очень быстро стала популярной и вызвала неоднозначную реакцию литературных критиков [German Comic 2013; Oels, Timplan 2015].

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-01-00339.

Главный герой романа – Адольф Гитлер, очнувшийся на пустыре (в том месте, где когда-то был его бункер) в современном Берлине и попадающий в новую политическую реальность со своими старыми идеологическими установками. Нет войны, нет НСДАП, нет Мартина Бормана и Евы Браун, а Германия, управляемая «неуклюжей женщиной» и очень сильно отклонившаяся в своем мультикультурном облике от параметров истиной арийской расы, находится в состоянии «глубокого мира». На границах с ФРГ, к искреннему удивлению Гитлера, продолжает свое «протivoестественное существование» Польша. Изучив современную прессу и вникнув в особенности политического положения Германии в XXI в., Гитлер приходит к выводу, что Европейский Союз похож на банду школьников, которая не совсем хорошо понимает, для чего она вообще собралась; ультраправая Национал-демократическая партия Германии – «сборище вредоносных идиотов», а события в Афганистане – карикатура на войну [Er ist wieder da 2015: 32–38]. В этих условиях Гитлер воспринимается современными немцами как талантливый комедиант, который постоянно живет в своем актерском образе и поэтому правдоподобен. Используя старые тезисы и технические средства, которых не было 70 лет назад, Гитлер быстро становится шоуменом на телевидении и звездой YouTube.

Фильм по содержанию значительно отличается от романа: за два последних года политическая обстановка изменилась. В 2012 г. Германия еще не была в центре миграционного кризиса, а по улицам Дрездена и Лейпцига не ходили многотысячные толпы сторонников движения «ПЕГИДА» («Патриотические европейцы против исламизации Запада»). В экранизированной версии использован интересный прием – Гитлер выходит на улицы и на фоне современных германских пейзажей общается с обычными немецкими гражданами. Среди них – любители домашних животных, предприниматели, молодые политики, журналисты, неонацисты и просто прогуливающиеся по Унтер-ден-Линден. Общаясь с обывателями, Гитлер критикует лживую прессу, ругает «тарабарское радио» и «поваренное телевидение», на котором вместо актуальных проблем обсуждают, как правильно приготовить овощи; радуется изобретению компьютера и сотового телефона; хвалит антитабачный закон (ведь во время войны курильщиков тоже убивали!) [Er ist wieder da 2015: 73–77]. Формат интервью с современными жителями Германии, использованный режиссером Д. Внндтом, создает ощущение реальности происходящего. В течение 3 недель комедия оставалась лидером немецкого кинопроката. По данным «Frankfurter Allgemeine Zeitung», фильм посмотрели более 2 миллионов человек [FAZ 2015].

Почему фильм про внезапно воскресшего фюрера вызвал такой интерес? Ведь это далеко не первая попытка представить сатирический образ Гитлера (от «Великого диктатора» Ч. Чаплина до современных комиксов «Адольф» немецкого художника В. Мерса и «Бесславных ублюдков» К. Тарантино). Самая главная причина популярности, на наш взгляд, в том, что еще никогда комический образ фюрера не был настолько погружен в современные реалии. Трудно было выбрать более удачный момент для презентации фильма: проблемы, затронутые его создателями, актуальны как никогда и касаются каждого гражданина ФРГ. На улицах Берлина разгуливают толпы мигрантов, немецкое общество раскололось на сторонников толерантности и мультикультурности и противников миграционной политики правительства А. Меркель. В ряде городов с 2014 г. еженедельно проходят многотысячные митинги сторонников и противников движения «ПЕГИДА» («Патриотические европейцы против исламизации Запада»). Согласно данным социологических опросов, около 76 % современных немцев поддерживают это движение и его создателей [Umfrage 2015]. Обозреватели ведущих общественно-политических изданий отмечают, что миграционный кризис изменил Германию: насилие и ненависть по отношению к мигрантам распространяются быстрее, чем это могло спрогнозировать правительство [Gathmann, Reimann 2015; Hagen 2015]. Эксперты предупреждают: если так пойдет и дальше, то скоро в Германии возобладает такой же климат, какой был накануне прихода А. Гитлера к власти [Feldenkirchen].

Популярность фильма можно объяснить и тем фактом, что немецкая молодежь забыла о Гитлере, о нем известно слишком мало. Конечно, все знают, что Гитлер – военный преступник, но по прошествии десятилетий его преступления перестали быть частью личной

истории каждого жителя ФРГ. По-видимому, проблема – в трансформации исторической памяти о нацистском прошлом. Осознание вины за преступления нацизма, произошедшее в процессе сложного и болезненного «преодоления прошлого», уступило место способности посмеяться над этим прошлым. Сегодня практически не осталось реальных свидетелей событий 1930-х гг., которые вряд ли смогли бы смеяться над рассуждениями Гитлера. Анализ обсуждения фильма на форумах приводит к выводу о том, что мнения обывателей о фильме разные, но преимущественно – позитивные! Кто-то находит его забавным, кто-то – скучным и сравнивает с вышедшей ранее аудиокнигой, кто-то выявляет отличия от текста книги... И лишь единицы с возмущением заявляют, что в этом нет ничего смешного, что нельзя смеяться над Гитлером, как нельзя смеяться над Холокостом!

Существенным моментом является то, что в фильме упущены многие важные эпизоды из книги. Речи Гитлера о проблемах современной Германии в печатной версии сопровождаются его размышлениями о том, что он мог бы сделать в такой ситуации, и именно эти рассуждения возвращают читателя к реальности, к осознанию того, что этот человек – исчадие ада. Читая самый смешной момент, потом наталкиваешься на отрезвляющий эпизод, и смех замирает где-то внутри: «Стоп! Это – не смешно! Это – страшно». В фильме же акцент сделан на проблеме адаптации Гитлера к условиям современного высокотехнологического общества с Интернетом, мобильными телефонами, компьютерами, Skype и электронной почтой. Сатирическое в фильме преобладает, и Гитлер предстает милым безобидным старичком, радующим за немецкий народ...

По словам самого автора бестселлера и сценария фильма Т. Вермеша, он хотел показать, что Гитлер, которого на протяжении десятилетий демонизируют, на самом деле был реальным человеком, которого окружали обычные немцы со своими насущными проблемами. И проблемы, и немцы, оказывается, не так уж и изменились за 70 лет [Oltermann 2014]. Тот факт, что Гитлер погружен в иную историческую реальность и говорит о проблемах современной Германии, по замыслу автора, должен не столько заставить посмеяться, сколько задуматься и ужаснуться. Пожалуй, при таком подходе в сатирическом образе Гитлера нет ничего опасного и плохого – в конце концов, сюжет «воскрешения» фюрера не так уж и нов. Однако сегодня смотреть этот фильм идут люди, которые уже почти не застали свидетелей войны и преступлений нацизма. О Гитлере и его деяниях они знают по урокам истории и проявлениям современной массовой культуры. И вот им – этим немцам, которые уже настолько далеки от войны, воскресший Гитлер предстает в роли нелепого, забавного, и скорее привлекательного, чем страшного персонажа. Эти зрители смеются над шутками о том, что, Геббельс, пожалуй, смог бы быстро разобраться с проблемой мигрантов, изобретя «какой-нибудь новый Освенцим». И в комментариях к статьям о фильме представители этого поколения пишут: «Вот бы нам сейчас такого Гитлера! Он бы, пожалуй, во всем разобрался!...» [Buß 2015]. Поколению XXI в. этот Гитлер не кажется ни плохим, ни опасным. Он вызывает симпатии и сочувствие и в конечном итоге – оказывает влияние на восприятие этого исторического деятеля и событий прошлого.

Триумфальное шествие «нового старого Гитлера» в декорациях XXI в. негативно оценивается на страницах «Frankfurter Allgemeine Zeitung», в которой фильм характеризуется как «самое глупое и предательское, что появлялось в последнее время на киноэкране». Кинофильм «Он снова здесь» должен нам показать, кто мы. А не все ли мы – или большинство из нас – немного Гитлеры? Это главная идея комедии, созданной при помощи сомнительных приемов и способной привести к сомнительным последствиям» [Altwegg 2015].

Мораль фильма гласит: «Он никогда и не исчезал, потому что он живет в нас, в каждом по отдельности. Адольф – человеконенавистник и массовый убийца – это мы все...Его нельзя убить». Именно эта идея, озвученная в конце фильма, должна отрезвить зрителя и заставить задуматься над тем, что в действительности смешно, а что – ужасно. Однако такому восприятию мешает современная политическая обстановка: воскресший Гитлер появился на экранах именно тогда, когда немецкое общество оказалось перед вызовом. Куда идет Германия? Какой она будет через 10, 20, 30 лет? Несмотря на попытки создателей фильма пока-

зять, что Гитлер – это чудовище, хотя и не лишённое обаяния, в целом образ фюрера кажется очень привлекательным. О таком политическом деятеле – сильном и решительном – можно мечтать, и, пожалуй, в этом – основная опасность такой репрезентации Гитлера.

Таким образом, фильм «Он снова здесь» – вызов современному немецкому обществу, проверка на готовность воспринимать идеи национал-социализма, которые, казалось бы, давным-давно стали переосмысленным прошлым. Однако реакция на фильм зрителей и кинокритиков, комментарии в электронных СМИ позволяют сделать вывод о том, что именно сегодня немецкое общество как никогда прежде далеко от «преодоления» своего сложного исторического прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Altwegg J. Hitler trägt einen Barcode // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 28.10.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/streit-um-franzoesische-ausgabe-von-meinkampf-13879417.html> (дата обращения: 09.11.2015).
2. Buß C. Hitler-Groteske „Er ist wieder da“: Vorsicht, Witz mit Bart // Spiegel. 7.10.2015. URL: <http://www.spiegel.de/kultur/kino/er-ist-wieder-da-hitler-groteske-nach-timur-vermes-a-1056231.html> (дата обращения: 09.11.2015).
3. “Er ist wieder da” ist weiterhin Nummer 1 der Kinocharts // URL: <http://www.presseportal.de/pm/12946/3162927> (дата обращения: 09.11.2015).
4. „Er ist wieder da“ – und zwar ganz oben // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 27.10.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/kino/hEr-ist-wieder-da-auf-platz-1-der-kinocharts-13879073.html> (дата обращения: 09.11.2015).
5. Feldenkirchen M. Deutsche Verrohung: Was ist nur aus diesem Land geworden? // Spiegel. 3.11.2015. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/markus-feldenkirchen-ueber-die-verrohung-deutschlands-a-1060807.html> (дата обращения: 09.11.2015).
6. Gathmann F., Reimann A. Neue deutsche Gewalt: Vier Wochen im Herbst // Spiegel. 4.11.2015. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/fluechtlinge-liste-fremdenfeindlicher-gewalt-a-1060847.html> (дата обращения: 09.11.2015).
7. German Comic Novel about Hitler becomes Bestseller // The Allgemeiner. 7.01.2013. URL: <http://www.algemeiner.com/2013/01/07/german-comic-novel-about-hitler-becomes-bestseller/> (дата обращения: 09.11.2015).
8. Hagen K. Volksverhetzung: Recht und Extreme // Spiegel. 3.11.2015. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/pegida-recht-und-gesetz-bei-hass-und-hetze-a-1060914.html> (дата обращения: 09.11.2015).
9. Hanfeld M. Der Adolf in uns allen // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 3.11.2015. URL: <http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/fragwuerdige-botschaft-der-hitler-satire-er-ist-wieder-da-13889773.html> (дата обращения: 09.11.2015).
10. Oels D., Timplan A. Zwischen Sitcom und Erschütterung: Rezeption eines Bestsellers // Vermes T. Er ist wieder da. – Köln, 2015. S. 431–443.
11. Oltermann P. Germany asks: is it Ok to laugh at Hitler // The Guardian. 23.03.2014. URL: <http://www.theguardian.com/books/2014/mar/23/germany-finally-poke-fun-hitler-fuhrer> (дата обращения: 09.11.2015).
12. Umfrage: Drei Viertel der Deutschen wollen Pegida vom Verfassungsschutz beobachten lassen // Spiegel. 4.11.2015. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/pegida-76-prozent-der-deutschen-wollen-organisatoren-beobachten-lassen-a-1061027.html> (дата обращения: 09.11.2015).
13. Vermes T. Er ist wieder da. – Köln, 2015. 559 S.

ГУРОВА Н. В.

Пятигорск

АНТРОПОМОРФНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВОЙНЫ В ЛИВИИ 2011 г.

(на примере испаноязычных СМИ)

Аннотация: Предметом данной статьи являются антропоморфные метафорические модели, к которым прибегают современные испаноязычные СМИ, освящающие события трагической войны в Ливии в 2011г. Автор исходит из известных теоретических положений о манипулятивной природе языка и о различных способах метафорического выражения политической ситуации и военных событий. Материалы и выводы статьи могут быть использованы в дальнейших разработках подобной проблематики.

Ключевые слова: концептуальная метафора, антропоморфная метафорическая модель, милитарный нарратив.

GUROVA N. V.

Pyatigorsk

ANTHROPOMORPHOUS REPRESENTATION OF THE WAR IN LIBYA IN 2011

(based on the Spanish mass media)

Abstract. The aim of this article is to review some of the anthropomorphous metaphorical models activated by the modern Spanish mass media covering the tragic war in Libya in the 2011. The author proceeds from the known theoretical assumptions about the manipulative nature of the language and different ways of metaphorical expression of the political situation and military reality. The materials and conclusions of the article may be used for further development of similar problems.

Keywords: conceptual metaphor, anthropomorphous metaphorical model, military narrative.

Метафорическая логика признается одним из наиболее действенных и важных способов концептуализации политической действительности. Вероятно, этим объясняется повышенное внимание специалистов к метафорике периода военных конфликтов.

Представление о войне охватывает целый ряд понятийных единиц, таких как представление о войне как о последовательности стратегически организованных военных действий, как об акте политических отношений, как о геополитическом маневре, как об определенном историческом этапе, имеющем свои причины и последствия, как о ситуации этической, социальной, гуманитарной катастрофы и пр. Обладая особенно высокой социальной значимостью, а так же разнообразием потенциально релевантных смыслов концептуальной структуры, понятие войны формируется посредством использования различных концептуальных метафор.

Связано это с тем, что именно в силу особой социальной и общекультурной значимости метафорическое моделирование представлений о войне имеет огромное значение для манипуляции общественным сознанием путем создания определенного образа войны, который, в свою очередь, определит эмоциональный настрой общества и обеспечит соответствующую ему направленность политических процессов.

Одной из самых распространенных является антропоморфная модель, внутри которой выделяются физиологическая, психологическая, морбиальная метафоры и метафоры родства.

Антропоморфное представление войны и ее причин устраняет дистанцированность индивида от военных действий, блокирует работу аналитического аппарата, необходимого для формирования рационально обусловленного решения, а так же настраивает реципиента на психофизиологический характер провоцируемых реакций. Именно поэтому антропоморфную метафору можно охарактеризовать как доминантную при метафорическом моделировании представлений испаноязычного общества о войне в Ливии 2011г.

Война рассматривается не как боевые действия одной страны против другой, а как конфликт двух индивидов, что подкрепляется указанием на действия, совершаемые этими

лицами в отношении друг друга и даже наблюдающих, причем действия могут носить как физический (ходить на цыпочках, голодать, душить, быть наркозависимым, страдать аллергией) (52,7% от общего количества проанализированных антропоморфных метафор):

La comunidad internacional ha coincidido en pasar de puntillas por las circunstancias concretas y en valorar la importancia de la muerte de Gadafi para construir una nueva Libia.

(Los rebeldes liquidan a Gadafi y a su régimen // 20.10.2011

<http://www.rtve.es/noticias/20111020/rebeldes-liquidan-gadafi-su-regimen/469645.shtml>)

“Los libios también tenemos mucha hambre de libertad”, recalca, “pero en mi país hay más miedo que en sus vecinos”.

("En Libia el pueblo tiene más miedo que en los países vecinos" // Ignacio Cembrero Madrid 6 FEB 2011

http://elpais.com/diario/2011/02/06/internacional/1296946808_850215.html)

La medida busca asfixiar económicamente a la Libia de Muamar el Gadafi, cuyo Producto Nacional Bruto procede en un 71% del gas y del petróleo, si bien a estas alturas del conflicto las exportaciones están paralizadas.

(La UE congela los fondos de las empresas petroleras libias // Ricardo Martínez de Rituerto Bruselas 24 MAR 2011

http://elpais.com/diario/2011/03/24/internacional/1300921211_850215.html)

El pueblo libio está pagando un precio terrible por intentar librarse del lunático déspota que responsabiliza a Al Qaeda y a jóvenes drogados de la insurrección popular.

(Libia se desangra // El País 26 FEB 2011

http://elpais.com/diario/2011/02/26/opinion/1298674801_850215.html)

Pero aún esto es muy problemático. Aunque la Liga Árabe ha suspendido a Libia y su secretario general, Amr Musa, ha sugerido que su organización podría aplicar una zona de exclusión aérea en cooperación con la Unión Africana, la mayoría de los países árabes son alérgicos a cualquier intervención militar.

(España busca el aval árabe y africano para una intervención militar en Libia // Miguel González MADRID 7 MAR 2011

http://elpais.com/diario/2011/03/07/espana/1299452403_850215.html)

так и психический характер (кокетничать, капризничать, неистовствовать, закипать от возмущения или испытывать эйфорию) (16,6%):

Implacable en la represión de cualquier disidencia, sus coqueteos con actividades terroristas significaron la aprobación de sanciones en 1992 por el Consejo de Seguridad de la ONU por negarse a entregar a dos sospechosos del atentado contra el avión de Pan Am cuando sobrevolaba Lockerbie (Escocia) en 1988 y en el que murieron 270 personas.

(Gadafi, el dictador más excéntrico de África // 20.10.2011

<http://www.rtve.es/noticias/20111020/gadafi-dictador-mas-excentrico-africa/410200.shtml>)

“la OTAN es caprichosa, no van a intervenir porque desembocaría en unos riesgos internacionales mayores”.

(Claves para entender una Libia post-Gadafi 17.09.2011

<http://www.rtve.es/noticias/20110917/claves-para-entender-libia-post-gadafi/459705.shtml>)

El frenesí diplomático de ayer se desató después de que Barack Obama hablara con Nicolas Sarkozy, David Cameron y Silvio Berlusconi a última hora del jueves.

(La Unión Europea congelará los bienes de la familia Gadafi la próxima semana // Ricardo Martínez de Rituerto Bruselas 26 FEB 2011
http://elpais.com/diario/2011/02/26/internacional/1298674806_850215.html

Los mercenarios del coronel están cada vez más fuertes y los insurgentes, pese a su estado permanente de ebullición, parecen languidecer ante el embate de las tropas del dictador, mejor preparadas y con más armamento.

(Los contraataques de Gadafi frenan la ofensiva rebelde en Libia //
J. MIGUEL MUÑOZ | Bengasi (Enviado Especial) 7 MAR 2011
http://internacional.elpais.com/internacional/2011/03/07/actualidad/1299452405_850215.html

En el extremo occidental del país, en Bengasi, la capital de los rebeldes, la situación también es de incertidumbre. La euforia por una victoria temprana se ha evaporado.

(Los contraataques de Gadafi frenan la ofensiva rebelde en Libia //
J. MIGUEL MUÑOZ | Bengasi (Enviado Especial) 7 MAR 2011
http://internacional.elpais.com/internacional/2011/03/07/actualidad/1299452405_850215.html

Война в Ливии или отдельные боевые операции могут также представляться как части тела, свойства организма (например, позвоночник, пуповина, сердце, иммунитет, мускул): Los comités revolucionarios, que representan la espina dorsal del poder libio, han amenazado esta mañana en el periódico *Azahf Al Akhdar* a los "grupúsculos" que se manifiestan contra el régimen con una respuesta "fulminante" y "violenta".

(Amnistía cifra en casi medio centenar los muertos en Libia en las últimas 72 horas //
EL PAÍS / AGENCIAS Madrid / Trípoli 18 FEB 2011
http://internacional.elpais.com/internacional/2011/02/18/actualidad/1297983605_850215.html

Según un portavoz rebelde, en los barrios del este de la ciudad se registran enfrentamientos, pero los intensos bombardeos de la OTAN han proporcionado a los rebeldes el control del puerto, el cordón umbilical de la ciudad, por donde entran suministros y salen, a bordo de buques humanitarios, los heridos y refugiados.

(Miles de refugiados libios continúan huyendo de los combates
AGENCIAS | Bengasi / Trípoli 4 MAY 2011
http://internacional.elpais.com/internacional/2011/05/04/actualidad/1304460004_850215.html

Sin ese abastecimiento de armamento pesado será una tarea ardua, si no inviable, expulsar a sus enemigos del corazón de varias localidades.

(Los bombardeos no detienen a las tropas de Gadafi
JUAN MIGUEL MUÑOZ Bengasi 25 MAR 2011
http://elpais.com/diario/2011/03/25/internacional/1301007605_850215.html

Lo que también ha hecho Reino Unido ha sido revocar la inmunidad diplomática al dictador libio, Muamar el Gadafi, y a su familia, según ha anunciado hoy el ministro británico de Exteriores.

(La ONU pedirá a La Haya que juzgue a Gadafi por crímenes de guerra // ANTONIO CAÑO | Washington 27 FEB 2011
http://internacional.elpais.com/internacional/2011/02/26/actualidad/1298674811_850215.html

Según fuentes diplomáticas, un buque de guerra británico se dirige ya hacia el Mediterráneo central para unirse a la flota estadounidense y realizar una exhibición de fuerza ante Gadafi. Es poco probable, sin embargo, que la mera contemplación del músculo sea suficiente para disuadirle, si él no cree que hay voluntad política de usarlo.

(España busca el aval árabe y africano para una intervención militar en Libia // Miguel González MADRID 7 MAR 2011

http://elpais.com/diario/2011/03/07/espana/1299452403_850215.html

какие-либо физиологические процессы (например, родиться, умереть):

En cambio, la idea francesa de una Unión por el Mediterráneo, que fue muy criticada en sus comienzos y podemos considerar que nació muerta.

(¿Cómo echar a Gadafi? // Jean-Marie Colombani 7 MAR 2011

http://elpais.com/diario/2011/03/07/internacional/1299452404_850215.html

Как показал Дж. Лакофф, в осмыслении военных конфликтов доминирует метафорическая антропоморфная схема, согласно которой одна сторона выступает в качестве «Злодея», а другая – в качестве «Невинной жертвы». Проанализированные примеры показывают, что в испаноязычном милитарном нарративе в роли Злодея чаще всего выступает М. Кадафи, а в качестве жертвы – народ Ливии:

Son muchas las incógnitas que se agolpan ahora sobre la reconstrucción y el futuro de una Libia dañada, víctima de un conflicto armado con miles y miles de muertos (hasta junio Naciones Unidas estimó que alrededor de 15.000 personas de los dos bandos habían perdido la vida), y que se mantiene desde hace más de seis meses.

(Claves para entender una Libia post-Gadafi 17.09.2011

<http://www.rtve.es/noticias/20110917/claves-para-entender-libia-post-gadafi/459705.shtml>

Поскольку различные политические процессы, включая войну, рассматриваются как физические действия и физиологические явления, то представление о войне и ее причинах часто моделируется в терминах болезни и ее лечения. Морбиальная метафорическая модель также является весьма частотной (27,7%) при метафорическом моделировании представлений о войне в Ливии в 2011г. и ее причинах, поскольку она тесно связана с антропоморфной метафорической моделью, активируя дополнительные смысловые поля базового концепта сферы-источника метафорической экспансии, вовлекая в круг значений такие проявления жизнедеятельности человеческого организма как болезнь, ее последствия и сопутствующие ей процессы.

Эффективность морбиальной метафоры при формировании представлений общества о войне в Ливии и ее причинах весьма высока, что объясняется ее тесной связью с антропоморфной метафорической моделью, а так же более высоким эмотивным показателем концептуального вектора страха и тревожности, характерным для смысловой сферы болезни и смерти.

Для испаноязычного нарратива, посвященного войне в Ливии 2011г., характерны два основных подхода в моделировании представлений реципиента о войне:

- представление войны как болезни, которая подлежит немедленному лечению:

“Estamos recogiendo con nuestras honradas manos, heridas y desangradas, lo que Gadafi plantó durante décadas” ha manifestado Yanet Bashir, estudiante de medicina. “Pero pronto sanarán nuestras heridas y renaceremos”.

(La sombra de Gadafi aún se proyecta sobre Libia un año después de su muerte // 20.10.2012

<http://www.rtve.es/noticias/20121020/sombra-gadafi-aun-se-proyecta-sobre-libia-ano-despues-muerte/571070.shtml>

Con posterioridad, los Veintisiete se centraron en líneas financieras, lo que paralizó las actividades del banco central, la banca de inversiones y la Agencia Libia de Inversiones, con una capacidad de 70.000 millones de dólares.

(La UE congela los fondos de las empresas petroleras libias // Ricardo Martínez de Rituerto Bruselas 24 MAR 2011
http://elpais.com/diario/2011/03/24/internacional/1300921211_850215.html)

La paralización formal del sector energético tendrá efectos muy relativos, dado que Libia no está en condiciones de exportar nada.

(La UE congela los fondos de las empresas petroleras libias // Ricardo Martínez de Rituerto Bruselas 24 MAR 2011
http://elpais.com/diario/2011/03/24/internacional/1300921211_850215.html)

Y resulta dudoso que China y Rusia vayan a estar de acuerdo. Estos dos países están encastillados en la defensa de su soberanía y son sobre todo regimenes autoritarios que, manifiestamente, temen un posible contagio más que a la peste.

(¿Cómo echar a Gadafi? // Jean-Marie Colombani 7 MAR 2011
http://elpais.com/diario/2011/03/07/internacional/1299452404_850215.html)

и представление войны как процесса лечения болезней Ливии, и ее политического лидера:

Y el presidente de Francia, Nicolás Sarkozy, dijo que la acción de la comunidad internacional era necesaria para detener "la locura homicida" del coronel Gadafi.

(Libia: entre las amenazas y la conciliación // Redacción BBC Mundo 20 de marzo de 2011
http://www.bbc.co.uk/mundo/noticias/2011/03/110320_libia_gadafi_promete_larga_guerra_aw.shtml)

Semanas después, con la toma de Sirte, **ciudad natal de Gadafi y enclave básico en el centro del país**, y la muerte del dictador los rebeldes libios ponían punto final a ocho meses de infarto en el que el país ha vivido las siguientes fases.

(Los rebeldes derriban a patadas el poder de Gadafi 03.01.2012
<http://www.rtve.es/noticias/20111020/rebeldes-libios-culminan-guerra-agonica-para-acabar-40-anos-dictadura-gadafi/456457.shtml>)

Obama planificó desde el principio la guerra en Libia como lo que uno de sus asesores ha calificado de "ataque quirúrgico", un bombardeo de pocos días para obligar a las tropas de Gadafi a retroceder y permitir a los rebeldes fortalecer sus posiciones militares.

(Obama, forzado a traspasar el mando para evitar una crisis en EE UU // Antonio Caño Washington 25 MAR 2011
http://elpais.com/diario/2011/03/25/internacional/1301007604_850215.html)

Причем, в испаноязычном милитарном нарративе дискурсе доминирует метафорический сценарий «Ситуация в Ливии – это болезнь, которую нужно лечить, чтобы она не распространилась на все мировое сообщество».

Метафора родства эксплуатирует заложенный в сознании человека родовой архетип, представляя участников военного конфликта как членов определенной близкородственной им группы, активизируя тем самым инстинкт защиты семьи и лишая реципиента возможности сформировать о ситуации рациональное, не зависящее от эмоциональных факторов мнение. В нарративе испаноязычных СМИ метафора родства слабо представлена (3%):

“Es la hora de la diplomacia para la paz, no para la guerra, es la hora del diálogo, no de la violencia. La ONU debe fomentar la paz y el entendimiento y no favorecer la lógica de la guerra. No permitamos que en Libia se liquiden hermanos de una misma nación”, subrayó Jorge Valero.

(Venezuela insta a la ONU a detener planes invasores de Estados Unidos contra Libia //

2.mar.2011

<http://www.psuv.org.ve/portada/venezuela-insta-a-la-onu-a-detener-planes-invasores-de-estados-unidos-contra-libia/>)

В результате проведенного исследования представляется возможным сделать вывод о динамичном характере метафорического образа войны, о чем свидетельствует частотность и разнообразие проанализированных метафорических моделей. Это обусловлено рядом причин, в число которых, помимо прочих, входит наличие глобального информационного пространства, под влиянием которого осуществляется медиатизация сознания индивида.

Антропоморфная модель отражает политические факты и действия сквозь призму человеческой природы, свойств и характеристик, присущих человеческому организму.

Общий корпус примеров подтверждает положение о том, что метафора, формирующая особую систему взглядов и особый способ восприятия и организации мира, является одним из самых распространенных экспрессивных средств.

Политический нарратив «Война в Ливии» насыщен разнообразными концептуальными метафорами, придающими определенную прагматическую направленность, то есть реализуют коммуникативную задачу переконцептуализации политической картины мира реципиента. Данная прагматическая цель связана с большой социальной и политической значимостью ливийской войны (2011 г.) и ее влиянием на геополитические и экономические интересы различных стран. Своего рода заданное формирование определенного образа войны в общественном сознании происходит во многом благодаря реализации в указанном политическом нарративе смыслообразующего потенциала концептуальной метафоры.

ДЖИОЕВА В. П.

Владикавказ

ЯЗЫК ЮГООСЕТИНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНЕДЖМЕНТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО ДИСКУРСА)

Аннотация. В статье исследуются особенности современной политической коммуникации в Южной Осетии. На примере выступлений югоосетинских ведущих политиков рассматриваются особенности устного политического дискурса и соотнесение их с языковыми средствами выражения. В качестве специфической черты политической коммуникации лидера ведущей политической партии югоосетинского парламента автор выделяет образность речи.

Ключевые слова: политическая коммуникация; политический дискурс; метафора; югоосетинские политики; парламентский дискурс

ДЖИОЕВА В. П.

Vladikavkaz

THE LANGUAGE OF SOUTH OSSETIAN POLITICAL MANAGEMENT (BASED ON PARLIAMENTARY DISCOURSE)

Abstract. In the present article we consider the concept of political communication. On the example of speeches of South Ossetian politicians (here – the speaker of the parliament) we analyze characteristic features of South Ossetian political communication, speech techniques and the linguistic means which are used in oral political discourse. As the specific features of the parliamentary discourse the author singles out expressiveness and broad use of metaphors.

Key words: political communication; political discourse; metaphor; South Ossetian politicians; parliamentary discourse

Истоки современной политической лингвистики можно обнаружить уже в античной риторике – проблемами политического красноречия активно занимались в глубокой древности [Чудинов 2003: 13].

Политическая лингвистика занимается проблемами коммуникации, направленной на воздействие на политические взгляды граждан и имеющей целью изменение политической картины государства с целью защитить собственные интересы и добиться своих целей.

В условиях демократизации общества существует потребность системного описания и дискурсивного анализа югоосетинской политической коммуникации, поскольку РЮО находится на этапе становления государственности. Для раскрытия особенностей функционирования политической коммуникации в Южной Осетии нами проводится целенаправленное исследование стиля политического языка политических партий парламента РЮО; языковых средств и речевых механизмов вербализации политической стратегии парламента.

Основной целью исследования является выявление характерных особенностей парламентского дискурса и раскрытие сущности и особенностей парламентской речи РЮО.

Исследование проводилось на материале видеозаписей вестника парламента РЮО и текстов интервью и пресс-конференций в СМИ.

Политическая лингвистика исследует взаимоотношения между языком, коммуникацией, мышлением, политическими деятелями и политической ситуацией в обществе.

А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич считают, что «*политический язык – это особая знаковая система, предназначенная именно для политической коммуникации*» [Баранов, Казакевич 1991: 6].

Политическая сфера – это важная часть национальной культуры. Как справедливо отмечает И. М. Кобозева, при анализе политической метафоры имеет смысл признавать «*метафорами, или, выражаясь более осмотрительно, метафороподобными выражениями, все образные построения, имеющие в качестве когнитивной основы уподобление объектов, относящихся к разным областям онтологии*» [Кобозева 2001б: 136-137].

Речь Председателя парламента РЮО Анатолия Ильича Бибилова характеризуется образностью. Своей целью он ставит более эмоциональное воздействие на слушателя, на его простоту, доверие и иногда даже неграмотность. Использование А. И. Бибиловым образных выражений и метафор в политической коммуникации придает экспрессивность его речи и изменяет функционально – стилистическое содержание высказываний.

Для создания негативной оценочности используется стратегия дискредитации противника, реализуемая при помощи тактики обвинения в бездействии, тактики подрыва авторитета противника. Для реализации данных приёмов политик концентрирует эмоционально - оценочные слова и устойчивые сочетания с негативной коннотацией.

Для акцентирования отрицательной коннотации бездействия политических оппонентов спикер парламента РЮО А. И. Бибилов прибегает к биологическим метафорам. Так, метафора **анабиоза** «*замереть и находиться в недвижимом состоянии*», обозначающая *бездействие, прекращение развития общества*, вводится риторическим вопросом: «*Что вы хотите?*», что способствует её развертыванию. А. И. Бибилов, актуализируя тактику активной деятельности, настаивает на недопустимости статичности, отсутствия динамического развития в обществе, уподобляя инертность некоторых слоев населения лежащему камню, под который вода не течет. Противопоставление динамики развивающегося «Русского» мира и статичности образа лежащего камня, способствует созданию контрастности образов, придавая, таким образом, экспрессивности его высказыванию:

Что вы хотите? Замереть и находиться в недвижимом состоянии, пока вокруг наш общий Русский мир развивается и налаживает контакты? Так ведь под лежащий камень вода не течет. Мы должны продвигать интересы нашего народа[<http://noguasamonga.ru/>].

Единый народ – осетины, территориально и государственно разделенный, Бибилов отождествляет с человеческим организмом. Под «*единым организмом*» А. И. Бибилов пони-

мает стремление к обретению целостности осетинского народа, разделенного в силу определенных исторических и политических обстоятельств:

*Если у нас, у осетин не будет единого национального, территориального пространства, мы не сможем развиваться как **единый организм**, а наоборот будем отдаляться друг от друга* [<http://kavpolit.com/articles/>].

Пользуясь тем, что недовольство людей быстро перерастает в массовые акции, ряд лиц занимается подстрекательством народа к выступлениям против представителей действующей власти. Используя образ «*волка в овечьей шкуре*», реализующий поведенческую метафору, спикер указывает на те силы, которые имеют целью дестабилизацию общества, прикрываясь, в то же время, патриотическими устремлениями:

*Опытный в этих вопросах человек сразу вычислит **этих волков в овечьих шкурах**. За каждым из них тянется шлейф определенных «подвигов», каждый из них завязан с теми людьми, следы которых ведут или в Тбилиси или в Вашингтон* [<http://noguasamonga.ru/>].

В политической речи животные обычно предстают не как «братья наши меньшие», а как объект агрессии и эксплуатации. Зооморфизмы демонстрируют, что некоторые субъекты политической деятельности уподобляются животным.

Выражая своё отношение к действиям, дискредитирующим противника одного из югоосетинских политиков, А. И. Бибилов использует фразеологизм «*медвежья услуга*», обозначающий услугу, повлекшую за собой негативные последствия для того, кому она была оказана:

*Так что убраться конкурентную кандидатуру – это самая неправильная версия. Я бы сказал, это «**медвежья услуга**»* [<http://kavpolit.com/articles/>].

А. И. Бибилов предоставляет аудитории возможность сформировать собственное представление о происходящих в республике событиях, предлагая своё видение проблемы. После срыва заседания парламента депутатами некоторых партий председатель парламента выступил с заявлением, в котором высказал своё недовольство действиями парламентариев. Крылатое выражение «*сказки Венского леса*» (вальсы Штрауса), т. е. вранье, делает сообщение более образным, ярким, наглядным. Посредством этого выражения политик выражает степень недоверия к представителям партий:

*Не верю, что каждая политическая партия отдельно решила не участвовать в сессии, это **сказки Венского леса**. Считаю такой подход абсолютно неконструктивным* [www.parliamenttrso.org].

Комментируя деятельность «Координационного совета», незарегистрированной организации, заявления которого направлены против руководителей республики, спикер отвечает достаточно эмоционально. Спикер показывает своё неприятие деятельности неправительственных организаций (НПО). Использование метафоры «*как черт из чьей-то табакерки*» из сказки Г. Х. Андерсена «*Стойкий оловянный солдатик*» т. е. неизвестно откуда, несёт негативную оценку деятельности НПО:

*Кому и зачем нужно их включать вновь и вновь в свои петиции и заявления? Это фикция – с самого начала. То, что этот КС выскочил на свет Божий, как **черт из чьей-то табакерки**, это однозначно* [<http://noguasamonga.ru/>].

На вопрос о политико-правовой оценке так называемой временной администрации ЮОР, находящейся в Тбилиси во главе с бывшим гражданином республики Дмитрием Санакоевым, которая занималась в Южной Осетии и вербовкой, и террористическими актами, спикер рассказывает о различных проектах, направленных на граждан Южной Осетии, о льготах предоставляемых только для того, чтобы повернуть жителей ЮОР в свою сторону. Употребляя фразеологизм «*кнут и пряник*» спикер говорит о применении полярных методов воздействия на народ: методе кнута - суровое наказание за нежелательное поведение и методе пряника - щедрое поощрение желательного поведения. Употребление данного фразеологизма говорит о негативной оценке спикером действий этой организации:

Сегодня нас пытаются заманить пряником, но завтра снова будет кнут и это нужно разъяснять людям [<http://kavpolit.com/articles/>].

А. И. Бибилов проводя параллель с аналогичной ситуацией в Украине, предостерегает своих сограждан от ошибочных действий (опробетных поступков). Игра слов «горький привкус» отражает состояние неудовлетворённости действиями Вашингтона в Украине. Для дискредитации противника политик применяет речевой приём с негативной коннотацией:

На примере Украины мы опять-таки видим, какова реальность, где же отмена виз и другие обещанные блага, которые Европа должна была дать Украине? Единственное, что осталось - это горький привкус печеня, которое раздавала Виктория Нуланд, больше ничего [http://kavpolit.com/articles/].

Председатель парламента прокомментировал недовольство в определенных кругах, вызванное внесением законопроекта об ужесточении правил регистрации партий перед следующими выборами в парламента, который Президент Республики одобрил. Используя персонификацию «несгибаемая политическая воля» и соматическую метафору «как подсказывает сердце» политик подчеркивает, что за поддержкой каждого гражданина, идущего на выборы, стоит его святая вера в благие намерения кандидата, и его решимость голосовать нельзя сломить:

У нас всегда была достаточно высокая политическая культура, поэтому пусть никто не считает, что граждане у нас – это человеческий материал, электоральный ресурс. За каждым Гражданином, Патриотом, стоит его мощная и несгибаемая политическая воля. И каждый из моих соотечественников, уверен, будет распоряжаться ею, так, как подсказывает ему сердце [Nog Uasamonga.ru].

Таким образом, отличительной особенностью политического языка спикера парламента РЮО, лидера ведущей политической партии «Единая Осетия» А. И. Бибилова является применение им стратегии дискредитации противника. Для создания дискредитирующего образа он прибегает к тактике противопоставления активной деятельности своей партии бездействию других партий, для реализации этой тактики он использует метафору, крылатые выражения и фразеологизмы с оппозитивными функциями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Сочинения: В 4 т. М., 1982. Т. 4.
2. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. – 64 с.
3. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 2001. № 6.
4. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003. – 248 с.
5. <http://kavpolit.com/articles/>.
6. <http://noguasamonga.ru/>.
7. www.parliamenttrso.org.

ДЗЮБА Е. В.

Екатеринбург

ОБРАЗ ПОЛИТИКА В БИОГРАФИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Р. А. МЕДВЕДЕВА: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ

Аннотация. В статье рассматриваются речевые стратегии и тактики создания образа политических лидеров И. В. Сталина и В. В. Путина в биографической публицистике Р. А. Медведева. Описываются ключевые стратегии, актуальные для российской политической коммуникации: стратегия презентации и дискредитации. Выявляются интенционально-авторские закономерности выбора коммуникативных стратегий и тактик в создании образов российских политических лидеров разных исторических эпох.

Ключевые слова: политическая лингвистика, коммуникативные стратегии и тактики, биография политика

DZIUBA E. V.

Ekaterinburg

**IMAGE OF A POLITICIAN IN THE BIOGRAPHICAL ESSAYS OF R. A. MEDVEDEV:
COMMUNICATIVE STRATEGIES AND TACTICS**

Abstract. The speech strategies and tactics are studied, they are used in the biographical publications of R. Medvedev for image creating of the Russian political leaders: J.V. Stalin and V.V. Putin. The key strategies, which are relevant to the Russian political communication, are described: the strategy of presentation and discredit. The intentional-authorial consistent patterns of the choice of the communicative strategies and tactics in creating the images of the Russian political leaders of different historical eras are determined.

Keywords: political linguistics, communicative strategies and tactics, biography of the politician.

Изучение коммуникативных стратегий и тактик является весьма актуальным направлением современной политической лингвистики, основы которой были заложены в трудах Ю. Н. Караулова, А. Н. Баранова, Р. Водак, В. И. Карасика, А. П. Чудинова, Е. И. Шейгал и некоторых других исследователей. В настоящее время учеными отчетливо определены границы понятий коммуникативной стратегии и тактики. Целесообразно привести цитату из работы одного из современных специалистов по прагмалингвистике: «При трактовке термина «коммуникативная стратегия» многие исследователи отмечают его близость к понятию замысла, плана построения речи, а также направленность стратегии на реализацию прогнозируемого эффекта речевого воздействия. Коммуникативная стратегия «есть способ реализации замысла, она предполагает отбор фактов и их подачу в определенном освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферу адресата» (Борисова, 1999); «это творческая реализация коммуникативного плана построения своего речевого поведения с целью достижения общей (глобальной) языковой (неязыковой) задачи общения в речевом событии» (Зернецкий, 1988); это «совокупность, единство коммуникативных и практических целей» (Городецкий, 1990); это «план комплексного речевого воздействия, который осуществляет говорящий для “обработки” партнера... своего рода “насилие” над адресатом, направленное на изменение его модели мира, на трансформацию его концептуального сознания» (Иссерс, 1999).

В свою очередь, коммуникативная тактика (тактики) рассматривается в современном речеведении и текстоведении как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» (Иссерс, 1999), как «способы осуществления стратегии речи» (Платонова, Виноградов, 1998), как «ближайшая задача, решаемая в рамках избранной стратегии» (Борисова, 1999). В. И. Курбатов понимает под речевой тактикой «определенную методику, схему действий, замысел, сюжет... метод или систему методов, позволяющих выражать общие стратегические цели» (Курбатов, 1995)» [Руженцева 2004: 9-10]. «В целом, – резюмирует исследователь, – та или иная коммуникативная стратегия и конкретная тактическая схема ее реализации находятся, как мы считаем, в отношениях «общее-частное». Таким образом, под коммуникативной стратегией в настоящем исследовании понимается общий план комплексного речевого воздействия на адресата с целью формирования (или изменения) его картины мира (в данном случае – политической). Коммуникативные тактики трактуются как частные способы, приемы и средства реализации общего стратегического плана, или замысла.

Материалом данного исследования являются произведения одного из наиболее популярных и обсуждаемых в настоящее время в России биографа Роя Александровича Медведева, чьи публикации продолжают серию биографических и художественно-биографических книг «Жизнь замечательных людей». Целью исследования является определение общей коммуникативной стратегии автора и используемых им наиболее частотных тактических приемов в следующих биографических произведениях: «О Сталине и сталинизме» (Медведев Р. А. «О Сталине и сталинизме». М.: Прогресс, 1990) и «Владимир Путин» (Медведев Р.А. Владимир Путин. М.: Молодая гвардия, 2007).

В книге «О Сталине и сталинизме» Р. Медведев использует общую стратегию **ТОТАЛЬНОЙ ДИСКРЕДИТАЦИИ**, предполагающую всеобъемлющее и бескомпромиссное критическое представление образа политика. Наиболее эффективны здесь следующие тактики.

Тактика создания антиимиджевого образа (внимание сосредоточивается на негативных качествах личности), ср.: *С юности Сталин был лишен чувства юмора. Он не понимает шуток и отвечает руганью и угрозами на самые невинные; Сталин отличался чрезмерной резкостью, грубостью и нелояльностью, он не заботился о том, чтобы переубедить оппонентов и привлечь их к совместной работе, старался подчинить их своей воле. Сталин был крайне злопамятен и мстителен. Его оппоненты оставались для него личными врагами даже когда исчезал предмет спора; Те, кто знал Сталина, отмечали его честолюбие, тщеславие и жестокость, грубость, недостаток культуры, неинтеллигентность; Он мало образован. У него нет дальновидности. Предпринимая какой-нибудь шаг, он не в состоянии взвесить его последствий; На фоне более выдающихся современников, он никогда не блистал умом.*

Тактика создания дискредитирующего контекста (жизненные ситуации описываются так, чтобы подчеркнуть факторы формирования негативных сторон личности), ср.: *Сталин поступил в духовную семинарию, где царил обстановка лицемерия, повседневного мелочного контроля и взаимных доносов. Здесь были строгий порядок и почти военная дисциплина. Неудивительно, что семинарии в России воспитывали не только верных слуг режима и церкви, но и революционеров. Семинария повлияла на Сталина и в другом отношении: она развила в нем изворотливость, хитрость, грубость, догматизм и нетерпимость; Революция 1905–1907 годов позволила Сталину раскрыть и некоторые другие свои способности. Именно ему было поручено провести несколько крупных террористических актов.*

Тактика невыгодного сопоставления (исторические персоналии сопоставляются с целью дискредитации одного персонажа посредством презентации другого), ср.: *Киров как личность отличался от Сталина. Киров был прост и доступен, обладал огромной энергией, ярким ораторским талантом. Властолюбивый и подозрительный, Сталин плохо переносил возле себя людей ярких и самостоятельных. Растущие популярность и влияние Кирова вызывали у него зависть. Убийство Кирова стало важным звеном в цепи событий, которые привели к узурпации власти Сталиным.*

Тактика усиления дискредитирующего сравнения (вариация предыдущего приема: рассматриваемая личность сопоставляется с известным негативным образом с целью усиления акцентированного признака), ср.: *Желанием скрыть свои преступления объясняется бесчеловечный режим, который по требованию Сталина был установлен в лагерях и приводил к гибели заключенных. Отправляя людей в лагеря, гитлеровцы писали на сопроводительных документах: «Возвращение нежелательно». Сталин и его подручные были лицемернее. На делах «врагов народа» значилось: «Использовать только на тяжелых физических работах». На 99 % это означало смерть.*

Тактика разоблачения (раскрываются истинные намерения создателей мифического образа политика), ср.: *Контраст между образом Сталина, утвердившимся в сознании народа, и действительностью, открывшейся после XX съезда КПСС, был настолько разителен, что у многих возникло стремление смягчить критику, в том числе в свой адрес (они искренне считали Сталина своим учителем). Этим объясняется появление примитивной версии о трагедии «обманутого» Сталина. Сторонники этой версии не отрицают личного участия Сталина в репрессиях. Однако считают, что Сталин действовал не по своему злему умыслу, а был обманут карьеристами и агентами вражеских разведок. Приведенные в моих очерках факты опровергают эту примитивную версию...*

Тактика «перекручивания» (автор трактует имевший место факт так, чтобы интерпретировать / реинтерпретировать тему в нужном ключе [Руженцева 2004: 208]), ср.: *Во многих воспоминаниях отмечается огромная сила воли Сталина... Однако его сила воли подавляет, уничтожает индивидуальность подпавших под его влияние людей. Сталин требует от помощников полного повиновения, покорности, рабской дисциплины.*

Тактика отказа от оправдательных формулировок и компромиссных оценок (автор настаивает на использовании однозначных формулировок и жестких оценок деятельности политика с целью точного определения степени ответственности за последствия его деятельности), ср.: *Легкомысленные догматики преуменьшают преступления Сталина, которые они скромно именуют «ошибками». По их мнению, политик не застрахован от ошибок, о его деятельности нужно судить по общим результатам, которые были якобы положительными. Но преступления Сталина не были «ошибками», это были хладнокровные убийства честных людей; Неприемлема теория «взвешивания»: сколько у Сталина преступлений и сколько заслуг. Да, Сталин был руководителем страны в трудное время, когда страна добилась немалых успехов в экономическом и культурном строительстве и одержала победу в войне. Но эти успехи были бы более значительны, если бы не террор 30-х годов, и победу мы одержали бы быстрее и с меньшими жертвами. Так за что благодарить Сталина?*

Тактики создания антиимиджевого образа и дискредитирующего контекста, невыгодного сопоставления, разоблачения и отказа от оправдательных оценок в полной мере способствуют реализации стратегии тотальной дискредитации образа Сталина как политического деятеля.

В книге «Владимир Путин» Р. А. Медведев использует стратегию БЕЗОГОВОРОЧНОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ, предполагающую признание абсолютного лидерства политика, гиперболизированное представление его достоинств вплоть до идеализации и героизации. Реализации данной стратегии способствуют следующие тактики.

Тактика создания позитивного образа (отмечаются только положительные качества личности), ср.: *«Путин показал себя истинным демократом, рыночником, человеком государственным, решительным и мужественным. Он действовал безупречно» (из речи А. А. Собчака).*

Тактика признания первенства (подчеркиваются инициаторские способности и лидерские качества политика), ср.: *«Кто первым стал создавать совместные предприятия? Петербург. С 1990 по 1995 год в городе было около шести тысяч СП – более половины от их числа в России. Именно Путин создал ассоциацию руководителей СП, которая помогала властям поддерживать благоприятный климат для бизнеса; У России и СССР не было в XX в. естественной системы перехода власти из одних рук в другие, это являлось важной причиной наших неудач. Только Ельцин ушел добровольно и досрочно, передав власть избранному преемнику (о первом в XX в. российском опыте естественной передачи власти от Ельцина Путину).*

Тактика выгодного сопоставления (политик сопоставляется с иной персоной для выявления его достоинств), ср.: *«По уровню личных способностей Путин существенно превосходил Собчака; в то время как Собчак блистал красноречием на светских приемах, Путин делал много черновой и рутинной работы, без которой жизнь большого города оказалась бы невозможной; Когда Путин стал премьером, он оказался гораздо лучше подготовленным к деятельности на таком высоком посту, чем это было в случаях Гайдара, Кириенко, Степашина.*

Тактика указания на исключительность и незаменимость (отмечаются исключительные качества личности), ср.: *«Когда Собчак уезжал из Петербурга (он проводил за пределами города до ста дней в году), он мог спокойно оставить вместо себя Путина. Путин сумел стать незаменимым.*

Тактика идеализации (отмечается отсутствие недостатков у политика), ср.: *Газета «Известия» разыскала бывшего разведчика и друга Путина. Вот отрывок из разговора с ним о Путине: «Послушайте, у него есть хоть одно отрицательное качество?» – «Я бы сказал так: отрицательных качеств у него нет. Но это в моих глазах». – «Отлично, поговорим о слабостях. А какие у Путина слабости?» – «Нет у него слабостей. Я не видел другого такого человека, столь гармонично сложенного. Смотрите сами: спортсмен, гуманитарий глубоко образованный, разведчик успешный, в культуре разбирается, в общении сразу располагает к себе».*

Тактика героизации (отмечаются качества, позволяющие политику самоотверженно преодолевать любые трудности), ср.: *Только в течение нескольких дней в августе 1999 года Путин мог показаться всем «невзрачным чиновником провинциального масштаба». Уже к концу сентября 1999 года Путин выступал перед нами как герой, который не только взялся решать сложные, казалось бы, неразрешимые задачи, но и быстро решил их уже к началу весны 2000 года. Перед избирателями Путин предстал не только как выдающийся политический, но и военный лидер.*

Тактика обманутого ожидания (автор приводит цитаты известных политиков и журналистов, которые сомневались в политическом успехе В. Путина, однако эти ожидания, как отмечает Р. Медведев, себя не оправдали).

Тактика снятия привычных ярлыков (автор снимает с политика маску театральности, которая стала нормой политдискурса), ср.: *Путин не загадка, он прост и понятен, его главные качества – открытость и естественность, которые избавляют от необходимости играть кого-то другого. И только российские наблюдатели, привыкшие к «играм власти» с народом, не могут в это поверить.*

Тактики создания позитивного имиджа и выгодного сопоставления, признания первенства, идеализации и героизации, тактики обманутого ожидания и снятия привычных ярлыков способствуют реализации стратегии безоговорочной презентации образа действующего президента в России.

В ходе исследования были выявлены две противоположные по идеологическим установкам стратегии, представляющие политиков прошлого и настоящего. В книге о И. В. Сталине используется стратегия тотальной дискредитации, не допускающая даже минимального стремления к оправданию или компромиссу; в книге о В. В. Путине актуализируется стратегия безоговорочной презентации, которая предполагает абсолютный отказ автора от критического осмысления деятельности действующего политика. Эта позиция, вероятно, объясняется следующим: действия политиков прошлого рассматриваются учеными и общественными деятелями на протяжении десятилетий, что позволяет давать оценку взвешенно и обдуманно. Однако вряд ли уже пришло время подводить итоги работы современных политиков, результаты их деятельности еще только предстоит оценить разумно.

ЛИТЕРАТУРА

Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 2004.

ЕНИНА Л. В., ГРАМАТЧИКОВА Н. Б.

Екатеринбург

КОЛЛЕКТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В БИОГРАФИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ: ВЕЩНЫЙ МИР КАК ОСНОВА ИДЕНТИФИКАЦИИ

Аннотация. Рассматривается категория дискурсивной идентичности и практики идентификации на материале автобиографического текста Стальды Наварской. Ретроспекция репрезентирует советское детство практиками описания окружающих материальных объектов, которые выполняют символическую функцию бедности и одновременно крепко связаны с позитивными эмоциями.

Ключевые слова: дискурсивная идентичность, дискурсивные практики, автобиографический текст, советское прошлое

ENINA L. V., GRAMATCHIKOVA N. B.

Ekaterinburg

COLLECTIVE IDENTITY IN THE BIOGRAPHICAL TEXT: MATERIAL WORLD AS A BASIS FOR IDENTIFICATION

Abstract. The category of discursive identity and identification practices based on the autobiographical text by Stalda Navarskaya are under consideration. Retrospection represents Soviet

childhood by describing the surrounding material objects that perform the symbolic function of poverty and at the same time are strongly associated with positive emotions.

Keywords: discursive identity, discursive practices, autobiographical text, the Soviet past

(Авто)биографические тексты так называемых «простых людей» привлекательны для исследователей политической коммуникации с той стороны, что представляют собой некоторое дискурсивное пространство, в котором воспроизводятся, преобразуются, совмещаются политические смыслы, актуальные в определенном историко-культурном контексте [Лотман 1992; Сандомирская 2002, Козлова 2005; Адоньева 2001 и др.]. В данной работе мы обращаемся к не исследованному ранее тексту, размещенному на веб-сайте Calameo – «Стальда Наварская (Степанова). Жизнь одной советской семьи в 30-е и 40-е годы 20 века. Документальная повесть. Родословная одной ветви семейств Наварских, Вайсов, Запорожцев». Известно об авторе следующее: Стальда Борисовна Наварская родилась в Тюмени в 1932 г, с 1934 по 1936 проживала с родителями в г. Березове Тюменской области, с 1937 до 1941 в Тюмени. В начале 1941 года семья переехала в Свердловск, где Стальда Борисовна и прожила всю жизнь. Она окончила в 1955 году механический факультет УПИ, и «до выхода на пенсию работала в конструкторском отделе Уралмашзавода». Умерла в Екатеринбурге 2013 году.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить, каким образом советское детство представлено в автобиографии, как ретроспекция обуславливает этот период жизни.

Исследователи биографических текстов нередко фиксируют параллельность существования логики советской идеологии и логики жизни или их противоречие: «В ряде автобиографий приверженность советским идеологическим позициям не только существует в отрыве от описываемых реалий, но и вступает с ними в явное противоречие» [Цветаева Н.Н. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Zvetaeva_soz.pdf].

На наш взгляд, категория дискурсивной идентичности может быть использована как методологическое основание для исследования автобиографического текста и выполнить объяснительную функцию для противоречий и смысловых разрывов в подобного рода текстах. Идентичность, понимаемая как дискурсивная категория, означает, что додискурсивного субъекта не существует, говорящий имеет фундаментальную зависимость от дискурса и не может занять экстерриториальную позицию по отношению к нему. Говорящий как субъект существует только в условиях интердискурсивности (доступность множества дискурсов), ситуативности (зависимость от внешних и историко-культурных обстоятельств коммуникации), процессуальности (непрерывность идентификаций и возможность их трансформации и изменения) [Laclau, Mouffe 1985, Филлипс, Йоргенсен 2008, Юрчак 2014 и др.]. Осознаваемые, частично осознаваемые или неосознаваемые смыслы, которые систематически воспроизводятся в речи субъекта, свидетельствуют о его дискурсивной идентичности. Соответственно, анализ идентичности субъекта требует обнаружения и описания конкретных смыслов, которые образуют некоторую системность в речи, – дискурсивных практик. Дискурсивная практика понимается прежде всего как способ создания и передачи смыслов [Чепкина 2000]. Дискурсивные практики и их конфигурации представляют собой не систему, но систематичность, дискурсивные практики пронизывают текст или высказывание наподобие побегов ризомы – корневища без центра. «Практики не собрать в одном сплошном массиве, над ними господствует логика рассеяния и разряженности» [Волков, Хархордин 2008: 176].

Применяя теоретический аппарат дискурсивной идентичности к автодокументальному тексту, мы выходим за пределы личной истории Стальды Наварской и обращаемся к таким смысловым позициям в речи, которые существовали в дискурсе до автора текста и существуют после него. Иными словами, описанный личный опыт может пролить свет сложное сосуществование идей советского прошлого и постсоветского настоящего.

Согласно П. Бурдье мы разграничиваем биографическое повествование и реально прожитую жизнь и различаем дискурсивную биографию и биографическую траекторию ин-

дивиды, последняя понимается в социологии как выявление оследовательно занимаемых положений агента в меняющемся пространстве [Бурдые 2002].

Скажем несколько слов о содержательно-структурном решении текста: композиционно текст поделен на 8 частей, каждая из которых посвящена одному из родственников. В данной статье мы остановимся только на разделе, озаглавленном «Стальда Борисовна Наварская (Степанова). Воспоминания о довоенном и военном детстве» (с. 121-136). Этот раздел занимает примерно 10% от всего биографического текста. Его отличие от других разделов состоит в том, что он полностью является автобиографическим и охватывает период приблизительно с 1934 года по 1950 год.

Текст писался уже в постсоветское время, на что указывают временные сдвиги в повествовании и проводимые в тексте аналогии с постсоветским временем. Самовосприятие автора одновременно находится и внутри советского времени, и вне его. Хотя в общем названии текста употребляется слово *советский* в качестве важного идентификатора: *жизнь одной советской семьи*, в самом тексте нет самоопределений с этим словом.

Конечно, память подсказывает криминальные или полукриминальные события, нарушающие повседневность: как обокрали квартиру; как обманом незнакомая женщина забрала порцию обеда, которую она несла домой; как мужчина обещанием дать булку хлеба повел ее в закоулок. Но в целом ее воспоминания связаны с описанием повседневного быта..

Личные воспоминания выступают контрастом по сравнению с официальной версией жизни советских людей. С этой точки зрения она преодолевает советское молчание о повседневном тяжелом выживании. Однако ее сосредоточенность на подробностях каждодневного нищенского быта, плотность описания материальных объектов, окружавших ее в детстве, заставляет нас увидеть в этом не только стремление засвидетельствовать перед потомками бытовую жизнь: описание жилья: *кровать с вытертыми никелированными дугами; комод, предмет гордости мамы; зеркало-трюмо; ширма; бабушкин сундук, в котором хранился семейный архив; фанерный ящик, служивший кухонным столом; ухват, с небрежно обтесанной ручкой из березы; наша спасительница коптилка; еды: Когда уже совсем нечего было есть, бабушка варила суп из лебеды. Получалось зеленое варево, в котором плавали скользкие темно-зеленые листочки. Ели – голод не тетка. А оладьи из картофельных очистков! Это уже королевское блюдо! Мама уверяла, что все полезное в картофеле сосредоточено именно в очистках. Но рекламы оладьям не требовалось; обуви: Летом в войну дети и взрослые ходили в босоножках на деревянной подошве, к которой гвоздями были приколочены ремешки-веревочки. Вся улица цокола, как копытцами. Жаль, что подошвы быстро истирались либо растрескивались и т.д. Описываемые материальные объекты выполняют символическую функцию бедности и одновременно крепко связаны с позитивными эмоциями. Мир вещей наделяется положительным эмоциональным эффектом и приобретает значение коллективной идентичности: *Не следует думать, что только мы жили в голоде и ужасающей бедности. Основная масса населения жила на том же уровне, во всяком случае, те люди, с которыми мы сталкивались. Конечно, были и богатеи, о которых бабушка говорила: Кому война, а кому мать родна!» Немного лучше жили и те, у кого отцы оставались в тылу. Акцент на материальности вещного мира создает идентифицирующую функцию, словно заполняют некую пустоту, образовавшуюся после вытеснения идеологических смыслов коллективности, и вещь приобретает идеологическое значение. Неодушевленные объекты воспринимаются как «активный материальный фактор, определяющий чувства, поведение, самовосприятие и самописание людей» [Ушакин 2013: 10].**

Советское – коллективная идентичность, но масштаб коллектива измеряется не страной, а семьей и заводом. В роли эмоционально близкого коллектива выступает Уралмаш. *часов у людей было мало, и все жили по гудкам. Басовито и солидно звучал в 6 утра гудок Уралмаша – пора вставать! Голос потоньше подавала наша старая баня в 7.30 – «пора на работу!» И снова требовательно трубил Уралмаш в 8 утра – «начало работы!».* Я очень жалею, что отменили гудки. *Что-то утратилось в облике Уралмаша, что-то дорогое, привычное, объединяющее людей во время народной беды (с.132).* Заводской гудок здесь вопло-

щает эмоциональную солидарность, и при этом фон *народной беды* не учитывается при сожалении его отсутствия.

В официальном советском дискурсе была снята оппозиция *богатые / бедные* в качестве характеризатора советских людей, идея равенства была общепринятой. В постсоветский период эта оппозиция стала актуальной для повседневного и публицистического дискурсов [Ильина 2007]. В анализируемом тексте названная оппозиция переносится в советскую школу, и снова функцию различения выполняют материальные объекты: *после седьмого класса из пролетарской 77 школы мама перевела меня в единственную на Уралмаше женскую десятилетку, в 22 школу. Мы, новенькие, попали в сложившийся с первого класса коллектив обеспеченных девушек, сытых, хорошо одетых, имеющих коньки, велосипеды и даже пап. Они смотрели на нас с удивлением, снисходительностью и недовольством. Они не поняли и не приняли нас с нашей бедностью и проблемами.* Нельзя не отметить, что в ряд материальных объектов-признаков богатства попадают отцы одноклассниц.

На наш взгляд, в тексте не говорится о комсомольской или пионерской деятельности в школе потому, что, возможно, эта деятельность потеряла символическую ценность в обществе, и для авторской самоидентификации эти смыслы перестали быть значимыми, «видимыми». Отсутствие коммунистической идеологической составляющей в повествовании о себе говорит больше о «незамечаемости» ее, чем о действительном ее отсутствии в советской школе. В таком случае мы наблюдаем не противоречие советских и постсоветских практик идентификаций, а всего лишь их обратимость: для советского официального дискурса невидимыми были бытовые страдания, а для постсоветского дискурса невидимыми стали идеологические события. Осмысление советского прошлого замещается материологией эмоций [Ушакин 2013].

По мнению Е. Здравомысловой и О. Ткач, «Постсоветский всплеск интереса к генеалогиям имеет в некоторой степени реактивный характер, выполняя функцию культурного реванша» [Здравомыслова, Ткач 2004: 397]. Возможно, именно желание культурного реванша за наиболее унижительный период с точки зрения автора объясняется окончание биографического текста временем относительного благополучия. И показателем культурного реванша становится вновь вещный мир: *почему-то не сложилась взрослая жизнь моих состоятельных одноклассниц. Почти все они не вышли замуж, а если вышли, то неудачно, и сейчас влачат убогое существование на мизерную пенсию. Свои обиды на них я забыла и даже пытаюсь изредка помочь им овощами и ягодами со своего огорода.* Для автора в дальнейшей жизни все получилось, получилась *в меру обеспеченная жизнь*, которая не нуждается в описании, потому что важное в памяти – это страдания.

Разумеется, практики идентификации, основанные на индексации материальных объектов и описании физических страданий, не единственные практики самоописания. Нам важно было показать дискурсивный процесс замещения коллективной идентичности, сформированной в коммунистической идеологии, на коллективную идентичность, структурируемую практиками эмоциональной солидарности и практиками материологии эмоций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адоньева С. Б. Категория ненастоящего времени. СПб. 2001.
2. Бурдые П. Биографическая иллюзия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1. С. 75–83.
3. Волков В., Хархордин О. Теория практик. СПб, 2008.
4. Здравомыслова Е., Ткач О. Генеалогический поиск в современной России: реабилитация «истории» через семейную «память» // *Ab Imperio* № 3, 2004. С.383-407.
5. Ильина О. В. Динамика оппозиции «богатые-бедные» в российской прессе / О. В Ильина // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2007. – № 52, вып. 22. – С. 124-131.
6. Иссерс О. С. Дискурсивные практики нашего времени. М., 2015.
7. Козлова Н. Советские люди. Сцены из истории. – М., 2005.

8. Лотман Ю. М. Литературная биография в историко-культурном контексте. 1992. С. 365-376.
9. Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. – Wien, 2001.
10. Ушакин С. Душа имущества и вещьность идеологий. // НЛО № 121, 2013. С.10-11.
11. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод. Харьков, 2008.
12. Фуко М. Порядок дискурса // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996. С. 47-96.
13. Цветаева Н. Н. Социально-культурные изменения сквозь призму биографических нарративов. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Zvetaeva_soz.pdf
14. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995 – 2000). Екатеринбург, 2000.
15. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с.
16. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and socialist strategy : towards a radical democratic politics / transl. by W. Moore and P. Cammack. L., 1985. 197 p.

ЗАВАРЗИНА Г. А.

Воронеж

К ВОПРОСУ О ДИНАМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПОЛЕ «ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию языковых процессов, происходящих в лексико-семантическом поле «Государственное управление» в русском языке новейшего периода. Особое внимание в работе уделяется описанию системно-структурной организации и динамических изменений во всех составляющих поля государственного управления. В статье подчеркивается важная мысль об обусловленности сложности семантических отношений между единицами исследуемого ЛСП длительностью формирования сферы государственного управления и достаточно интенсивным ее развитием в современный период истории русского языка и российского государства в целом.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, доминантное поле, языковая картина мира, государственное управление, тематическая группа, переориентированные номинации, новации.

ZAVARZINA G. A.

Voronezh

TO THE QUESTION OF DYNAMIC MODIFICATIONS IN LEXICAL-SEMANTIC FIELD “STATE ADMINISTRATION” IN MODERN RUSSIAN

Abstract. The given article focuses on the research of linguistic processes in lexical-semantic field “State administration” in modern Russian. Special attention is given to the description of system-structural organization and dynamic modifications in all component parts of the field “State administration”. The author underlines the idea of conditioning the complexity of semantic relations between the units of researched LSF the duration of the formation of the state administration sphere and its quite intense development in the modern historical period of the Russian language and the Russian state as a whole.

Keywords: lexical-semantic field, dominant field, linguistic picture of the world, state administration, Theme Group, redirected nominations, innovations.

Лексико-семантическое поле (ЛСП) «Государственное управление» в русском языке новейшего периода представляет собой одно из «доминантных» [Загоровская 2014: 12] полей языковой картины мира русского народа, отражает особенности современной русской языковой картины мира и обладает безусловной национально-культурной спецификой, поскольку

ку связано с отражением национальной российской политики и российской власти. В новейший период развития русского языка в рассматриваемом ЛСП происходят значительные изменения, касающиеся всех его составных частей, в том числе ядра, центра и периферии.

Ядро ЛСП «Государственное управление» формируют лексические и фразеологические единицы, разные по происхождению и времени возникновения, которые входят в тематическую группу «Наименования органов государственной власти и управления» (ср.: *Президент, Правительство, Совет Федерации, Государственная Дума, Министерство* и др.). С точки зрения происхождения словесные знаки, функционирующие в ядерной части исследуемого ЛСП русского языка новейшего периода, представлены исконно русскими (ср.: *Дума* и др.) и заимствованными (ср.: *президент, парламент, министерство* и др.) лексемами, появившимися в русском языке в разные исторические периоды. По времени возникновения словесные знаки, активно участвующие в настоящее время в процессе формирования ядра ЛСП государственного управления, делятся на три группы: 1) лексемы, возникшие в период существования Московского государства (ср.: *палата, сенат, дума* и др.) и Российской Империи (ср.: *президент, вице-президент, кабинет, администрация, министр, полиция, губернатор, премьер, спикер, мэр* и др.), ушедшие в советскую эпоху в пассивный словарный запас и использовавшиеся для номинирования реалий дореволюционной и зарубежной действительности, а в конце XX - начале XXI века переориентированные на российскую действительность; 2) лексемы, возникшие в период существования Советского государства (ср.: *Совет* и др.) и функционирующие в настоящее время в словосочетаниях «*Совет безопасности*», «*Координационный Совет*» и др.; 3) лексемы, появившиеся в период формирования Российского государства (ср.: *государственный менеджер, сити-менеджер* и др.).

В настоящее время в ядре ЛСП «Государственное управление» происходят серьезные изменения, связанные, прежде всего, с пополнением лексико-фразеологического состава формирующей его тематической группы (прежде всего, за счет переориентированных номинаций: *президент, парламент, мэрия, мэр, полиция, сенат, префект, префектура, департамент, нижняя/верхняя палата, губернатор, Дума, чиновник, департамент* и др.), а также с изменением статуса словесных знаков отдельных тематических подгрупп. Так, языковые единицы, активно участвовавшие в советскую эпоху в формировании подгруппы «Наименования высших органов партийного политического руководства и управления», в русском языке новейшего периода претерпевают следующие изменения: 1) становятся устаревшими и переходят из ядра в периферийную часть исследуемого ЛСП (ср.: *КПСС, Политбюро ЦК КПСС, ЦК КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС* и др.); 2) уходят из ядра поля в центральную часть, пополняя ТГ «Наименования партий и лиц по партийной принадлежности» (ср.: *партия, партийная комиссия* и др.).

Исследования показали, что центральная (основная) часть поля государственного управления наиболее обширной зоной и представлена лексическими и фразеологическими единицами, также различными по происхождению и времени возникновения. С точки зрения времени возникновения исследуемые словесные знаки сформировались в разные исторические периоды, соответствующие периодам формирования и развития российской государственности. Так, например, словесные знаки, участвующие в наполнении многих тематических групп центральной части ЛСП государственного управления в русском языке новейшего периода, сформировались в период Московского государства: ТГ «Наименования направлений деятельности государственного управления и их специфика» (ср.: *служба* и др.), ТГ «Обозначения отрицательных явлений в сфере государственного управления» (ср.: *волокига, взятка* и др.), ТГ «Обозначения способов поощрения и наказания должностных лиц» (ср.: *выслуга, выговор, отставка* и др.), в период Российской Империи: ТГ «Обозначения понятий, именующих особенности организации системы государственного управления» (ср.: *руководство, администрировать* и др.), ТГ «Наименования мероприятий, проводимых лицами и органами государственного управления» (ср.: *информировать, администрировать, правление, управлять государством, пристроить к месту, приносить жалобу, служить, выслуживаться, быть в департаменте* и др.), ТГ «Названия государственных документов и их

видов» (ср.: *указ, декрет, декларация, закон, резолюция, постановление, рапорт* и др.), ТГ «Обозначения отрицательных явлений в сфере государственного управления» (ср.: *нагреть руки на должности, законопреступник, взяточник, крючкотворец* и др.), ТГ «Обозначения способов поощрения и наказания должностных лиц» (ср.: *строгий выговор, освободить* от должности, *отставка, конфискация, взыскание* и др.), ТГ «Наименования, связанные с системой выборов должностных лиц государства» (ср.: *депутат, депутатский, мандат, регламент, голосование, подача голосов, вотиrowание* и др.), в период Советского государства: ТГ «Обозначения понятий, именующих особенности организации системы государственного управления» (ср.: *государственное управление* и др.), ТГ «Обозначения понятий, именующих особенности организации системы государственного управления» (ср.: *номенклатура, полпред, назначенец, селекторное совещание* и др.), ТГ «Номинации управленческих технологий, приемов и методов государственного управления» (ср.: *прямое подчинение, государственный контроль, плановость* и др.), ТГ «Обозначения особенностей деятельности органов государственного управления и их должностных лиц» (ср.: *административный, ведомственный, должностной* и др.), ТГ «Наименования, связанные с системой выборов должностных лиц государства (ср.: *перевыборы, довыборы, мандатная комиссия, всенародное обсуждение* и др.), ТГ «Наименования государственно-административных документов» (ср.: *продовольственная программа* и др.), ТГ «Наименования отрицательных явлений в сфере государственного управления» (ср.: *сунуть, прогул* и др.) и ТГ «Обозначения способов поощрения и наказания должностных лиц» (ср.: *выговор (строгий, без занесения в личное дело, с занесением в личное дело), чистка* и др.), в период Российской Федерации: ТГ «Обозначения понятий, именующих особенности организации системы государственного управления» (ср.: *новое государственное управление, руководство без правительства, госслужащий* и др.); ТГ «Наименования направлений деятельности государственного управления и их специфика» (ср.: *государственное регулирование, административная реформа* и др.); ТГ «Обозначения принципов государственного управления» (ср.: *транспарентность, инновационность, принцип «одного окна»* и др.), ТГ «Наименования государственно-административных документов» (ср.: *федеральная целевая программа, долгосрочная целевая программа, Послание президента* и др.), ТГ «Обозначения способов поощрения и наказания должностных лиц» (ср.: *федеральная поддержка* и др.), ТГ «Наименования, связанные с системой выборов должностных лиц государства» (ср.: *безальтернативность, многомандатный избирательный округ, одномандатный избирательный округ* и др.), ТГ «Наименования партий и лиц по партийной принадлежности» (ср.: «*Единая Россия*», *ЛДПР*, «*Справедливая Россия*», *КПРФ* и др.) [Заварзина 2015].

С точки зрения происхождения словесные знаки, организующие центральную часть исследуемого ЛСП русского языка новейшего периода, представлены: а) исконно русскими словами и фразеологизмами, образованными морфологическим (ср.: *служба, взятка, выслуживаться, прогул, волокита* и др.) и синтаксическим (ср.: *управлять государством, быть на службе* и др.) способами образования; б) лексическими и фразеологическими единицами, заимствованными, главным образом, в XVIII – XIX вв. (ср.: *депутат, мандат, кандидат, полномочие* и др.) и в XXI веке (ср.: *новый государственный менеджмент, принцип «одного окна», управление без правительства, цифровое правительство* и др.); в) словесными знаками, образованными от заимствованных основ (ср.: *администрировать, фракционализация, губернаторствовать* и др.).

Центральная (основная) часть ЛСП «Государственное управление» в новейший период подверглась принципиально важным изменениям, связанным: 1) с весьма значительным ее расширением за счет словесных знаков новых ТГ, сформированных:

а) в результате изменений концептуально-понятийного аппарата системы современного российского государственного управления, произошедших, в первую очередь, по причине ориентированности исследуемой сферы на достижения западной цивилизации [ср.: ТГ «Наименования концепций государственного управления»: *сетевое управление, электронное го-*

сударственное управление, цифровое управление, маркетинговая концепция государственного управления и др.];

б) в результате закрепившегося в начале XXI века в законодательных актах подхода к государственному управлению как к системе, реализующейся в нескольких направлениях: политико-административном, экономическом и социальном [ср.: ТГ «Номинации, формирующие подсистему политико-административного управления» (ср.: *административная форма, декларировать доходы* и др.), ТГ «Номинации, формирующие подсистему экономического управления» (ср.: *модернизация экономики, вертикаль регулирования рынка, антикризисный пакет* и др.), ТГ «Номинации, формирующие сферу системного управления» (ср.: *адресная помощь, выплаты материнского капитала* и др.)];

в) вследствие активного взаимодействия государственного управления с различными сферами человеческой деятельности (экономикой, ИКТ и др.) [ср.: «Наименования экономических явлений и понятий, характеризующих особенности системы нового государственного управления» (ср.: *экономика электронного правительства, административный рынок* и др.), «Номинации информационно-компьютерных технологий, использующихся в системе нового государственного управления» (ср.: *информационные услуги, политические сети* и др.), «Наименования явлений и понятий сферы сервисного обслуживания, характеризующих особенности системы нового государственного управления» (ср.: *государственные услуги, сервисное общество* и др.)]. Исследования показали, что экономическая, компьютерная лексика и словесные знаки сферы сервисного обслуживания, образующие свои собственные ЛСП, в настоящее время активно участвуют в формировании центральной части ЛСП «Государственное управление», поскольку номинируют значимые для данной сферы понятия и нередко отличаются терминологизированным характером (ср.: *электронное правительство, политическая сеть, государственный менеджмент* и др.). Подобные словесные знаки участвуют в наполнении состава практически всех ТГ, образующих центр ЛСП государственного управления: ТГ «Обозначения понятий, именующих особенности организации системы государственного управления» (ср.: *предпринимательское госуправление* и др.); ТГ «Наименования направлений деятельности государственного управления и их специфика» (ср.: *модернизация инноваций* и др.); ТГ «Обозначения принципов государственного управления» (ср.: *оптимизация, планирование* и др.), ТГ «Наименования государственно-административных документов» (ср.: *инвестпроект, бюджетное послание* и др.), ТГ «Обозначения отрицательных явлений в сфере государственного управления» (ср.: *теневая экономика* и др.), ТГ «Обозначения способов поощрения и наказания должностных лиц» (ср.: *выплата бонусов* и др.). Лексические единицы «перемещенных» ТГ, участвующие в образовании нетерминологизированных номинаций переносного характера, как правило, являются включенными в периферийные части тех или иных ЛСП (ср. подобные номинации советской эпохи: *звено плановых органов, вычистить из партии* и др.).

2) с существенными трансформациями словарного состава известных ранее ТГ, формирующих центр исследуемого ЛСП и связанных в настоящее время:

а) с появлением различного рода инноваций практически во всех ТГ центральной части лексико-семантического поля государственного управления (ср.: *электронное правительство, политическая сеть, государственные услуги, новое государственное управление, административный ресурс, цифровое управление* и др.);

б) с перераспределением словесных знаков между активным и пассивным словарным составом в пределах исследуемого лексико-семантического поля.

Так, одни словесные знаки, формировавшие тематические группы центральной части ЛСП «Государственное управление» в русском языке советского периода, в настоящее время становятся устаревшими и переходят в пассивный словарь, составляя периферию исследуемого ЛСП. Ср. в составе ТГ «Наименования направлений деятельности органов государственного управления и их специфика»: словесный знак *соцобязательство* из тематической подгруппы «Номинации управленческих технологий, приемов и методов государственного управления», слова *советский, отчетно-перевыборный, партийно-политический* из под-

группы «Обозначения особенностей деятельности органов государственного управления и их должностных лиц», слова и словосочетания *коллективизация, диктатура пролетариата* из подгруппы «Номинации основных мероприятий в сфере государственного управления»; а также слова *демократический централизм, единоначалие, социалистическая законность* из ТГ «Обозначения принципов государственного управления», словосочетания *генеральная линия партии, социалистическое управление* из ТГ «Обозначения понятий, именующих особенности организации системы государственного управления» и др.

Другие лексические единицы, бывшие в советскую эпоху устаревшими и находившиеся на периферии исследуемого ЛСП, приобретают семы «современное» и «широкоупотребительное» и становятся структурными единицами центральной части ЛСП государственного управления русского языка новейшего периода. Так, например, словосочетания *выходить в отставку, движение по службе, вносить законопроект*, участвующие в формировании ТГ «Наименования направлений деятельности государственного управления и их специфика», утратили в начале XXI века сему, содержащую информацию об отнесенности данных языковых единиц к разряду устаревших номинаций.

в) с переориентацией номинаций с зарубежной действительности на российскую почву, что обуславливает их перемещение с периферии исследуемого лексико-семантического поля в его центральную часть. Ср. словосочетание *разделение властей* из ТГ «Обозначения понятий, именующих особенности организации системы государственного управления», слова *бюрократизм, коррупция, кризис, протекционизм* из ТГ «Обозначения отрицательных явлений в сфере государственного управления» и др.

Периферийная часть ЛСП государственного управления в русском языке новейшего периода представляет собой единство разнородных языковых единиц, среди которых целесообразно выделять:

1) новые слова, входящие в состав известных ранее ТГ «Наименования, связанные с государственным устройством и административно-территориальным делением» (ср.: *Субъект Федерации, федеральный округ, город федерального значения* и др.); ТГ «Наименования объектов государственного управления» с подгруппами «Наименования материальных объектов, на которые ориентировано государственное управление» (ср.: *моногорода* и др.) и «Наименования нематериальных объектов, на которые ориентировано государственное управление» (ср.: *инновации, ситуация демографическая, индексация пенсий, энергоэффективность, модернизация* и др.), в том числе:

а) неологизмы узкоспециального характера, входящие в состав ТГ «Номинации, формирующие подсистему экономического управления» (ср.: *аутсорсинг в органах госуправления* и др.), «Номинации, формирующие подсистему политико-административного управления» [ср.: *веб-присутствие* (органа власти); *интерактивное веб-присутствие* и др.], «Номинации, формирующие подсистему социального управления» (ср.: ср.: *неделимые общественные блага, комплементарные общественные блага; исключаемые общественные блага* и др.);

б) неологизмы метафорического и метонимического характера, включенные в ТГ «Наименования органов государственной власти и управления и их структурных составляющих» (ср.: *кремлевский начальник, шеф (о Путине), деятели тандема, властная элита, высшие должностные лица государства, верховная власть, первые лица, кремлевская группа; верхушка кабинета* и др.), ТГ «Наименования направлений деятельности государственного управления и их специфика» (ср.: *коридорность, пирамидальность, настройка правительства, распечатывание госгарантий* и др.), ТГ «Обозначения отрицательных явлений в сфере государственного управления» (ср.: *бюрократический коридор, замятые поручения президента, грязные избирательные технологии, карманное правительство* и др.), ТГ «Наименования государственно-административных документов» (ср.: *концепция четырех И, план Путина* и др.).

2) устаревшие наименования, относящиеся к сформировавшимся ранее и представленным в центральной части рассматриваемого поля тематическим группам, а в настоящее

время находящиеся в пассивном словаре русского языка и использующиеся его носителями лишь в работах исторического характера.

3) словесные знаки, привлеченные из не связанных ранее с государственным управлением тематических сфер: ТГ «Номинации рекламных методов и технологий, использующихся в системе нового государственного управления» (ср.: *ребрендинг государственного органа, пиар-кампания кандидата* и др.), ТГ «Номинации научно-технических понятий, использующихся в системе нового государственного управления» (ср.: *инновации, техноград, нанотехнологии* и др.) [Заварзина 2012].

Отметим, что в ядерной части ЛСП «Государственное управление» современного русского языка обнаруживается максимальная концентрация признаков, формирующих поле, а на периферии отмечается неполный набор и значительное ослабление интенсивности их проявления.

Безусловно, границы между ядерной, центральной и периферийной частями в лексико-семантическом поле «Государственное управление» являются нечеткими и размытыми. Отмеченный факт обуславливается сложностью семантических отношений между единицами поля, которая связана с длительностью формирования сферы государственного управления и достаточно интенсивным ее развитием в постсоветский период истории русского языка и российского государства в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заварзина Г. А. Государственное управление: актуальная лексика русского языка начала XXI века. Словарь-справочник/ Г. А. Заварзина. – Воронеж, 2012.
2. Заварзина Г. А. Русская лексика государственного управления: история формирования и современные процессы развития: дис...доктора филол. наук/ Г. А. Заварзина. – Воронеж, 2015.
3. Загоровская О. В. Системно-структурные изменения в русском языке начала XXI века и проблемы культуры русской речи/ О. В. Загоровская// Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей – словесников: мат-лы X международ. научно-методич. конф. – Ч.1. – Воронеж, 2014. – С. 12.

ЗОТОВА А. С.

Екатеринбург

КОНВЕРГЕНЦИЯ КАК ВИД КОНТЕКСТУАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭЛОКУТИВНЫХ СРЕДСТВ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ

Аннотация: В представленной статье рассмотрена попытка анализа элокутивных средств языка. Характеристика стилистических особенностей французской социальной рекламы позволяет определить характер их воздействия на реципиента.

Ключевые слова: реклама, социальная реклама, рекламный дискурс, элокуция, конвергенция.

ZOTOVA A. S.

Ekaterinburg

CONVERGENCE AS A KIND OF CONTEXTUAL INTERACTION OF ILLOCUTIONARY MEANS IN THE FRENCH PUBLIC SOCIAL ADVERTISING

Abstract: The article analyzes illocutionary means of language. Characteristic stylistic features of the french public social advertising to determine the nature of their impact on the recipient are studied.

Keywords: advertising, social advertising, advertising discourse, elocution, convergence.

Коммуникативная эффективность, а также успех рекламных текстов во многом предопределяются их элокутивной организацией. Под элокутивными средствами понимаются «изобразительно-выразительные средства вербального выражения замысла, обладающие ил-

локутивной силой, то есть преследующие заданные коммуникативные цели, намерения, установки» [Бобровская 2011: 246]. Как следствие они имеют перлокутивный эффект, то есть результат речевого воздействия (коммуникативный успех).

Элокуция подразумевает под собой словесное оформление мысли, что подразумевает выбор стиля речи, речевого жанра и языковых средств, который зависит от коммуникативных намерений говорящего.

Е. В. Клюев отмечает, что в истории научного мышления элокуция как третий раздел классической риторики (после инвенции и диспозиции) давала говорящему возможность широко воспользоваться самыми разнообразными возможностями фигурального выражения. «Элокуция открывала перед говорящим область паралогии. Те же самые процедуры, которые были запрещены с точки зрения логики и считались паралогическими (то есть ошибочными с точки зрения логики), приобретали здесь новый смысл: негативное использование законов логики и преобразование их в законы паралогии создавало смысловые эффекты необыкновенной силы. Эти эффекты были каталогизированы в виде многочисленных тропов и фигур» [Карамышева, Иванченко 2011: 105].

Явление взаимодействия элокутивных средств получило развитие в разного рода лингвистических исследованиях. Так например, были выделены типы стилистической конвергенции, рассмотрены способы контекстуального взаимодействия тропов. «Конвергенция – сосредоточение в одном фрагменте текста ярких выразительных приемов, благодаря чему этот фрагмент выделяется среди других» [Хаззагерев, Лобанов 2004: 196]. М. Риффатер рассматривает конвергенцию как «скопление стилистических приемов» [Риффатер 1980: 69]. И. В. Арнольд солидарна с М. Риффатером и трактует конвергенцию как «схождение в одном месте пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции» [Арнольд 1973: 63]. И.В. Пекарская считает стилистическую конвергенцию усилителем выразительности речи и рассматривает ее как «следование тропов друг за другом в речевой цепи», их сцепление» [Пекарская 2000: 207].

Анализ текстов социальной рекламы позволил выявить наличие приемов как гомогенной конвергенции, так и гетерогенной конвергенции. О. Н. Горбачева определяет гомогенную вербально-визуальную конвергенцию как «сочетание одного и того же вербального и визуального стилистического приема, которые, дополняя друг друга, создают один и тот же образ в восприятии реципиента» [Горбачева, Каменева 2013: 161]. В отличие от гомогенной конвергенции, гетерогенная конвергенция предполагает сочетание разных вербальных и визуальных приемов.

Примером гомогенной конвергенции, которая распространена в незначительной степени, может послужить серия рекламных билбордов на улицах Парижа, посвященных повышению культуры сортирования бытовых отходов. Один из рекламных текстов гласит: *Dans la poubelle jaune, merci (В желтую корзину, спасибо)*, слоган подкреплен визуальным рядом, на котором бумажные бытовые отходы (тетрадь, коробочка, свернутый рулон бумаги) окрашены в желтый цвет, тем самым создавая в сознании реципиента устойчивую ассоциацию. В данном креолизованном тексте создается единый образ сохранения экологического баланса на планете.

Отметим, что контекстуальное взаимодействие элокутивных средств на основе общности функциональных реализаций имеет свою специфику в социальной рекламе. Необходимо сделать акцент на том, что использование образных средств, в том числе фигур речи играет в рекламе аргументативно-риторическую роль, что позволяет в качестве ведущей функции элокутивных средств выделить персуазивную. Это есть функция убеждения адресата в преимуществах предъявляемой социальной установки, аргументирующая необходимость обратить внимание на ту или иную социальную проблему.

Для облегчения восприятия рекламы и правильного ее понимания необходимо проводить анализ ее компонентов. По Т. В. Карамышевой и А. И. Иванченко, основными компонентами рекламы являются:

- текстовый компонент: слово (чаще имя собственное);

- фраза (как правило, рекламный лозунг);
- микротекст (преимущественного описательного характера);
- изобразительный компонент (фотографии, рисунок, серия картинок, коллаж и другие, которые подразделяются на основные, представляющие рекламируемое изделие, и фоновые);
- имплицитный социокультурный компонент [Карамышева, Иванченко 2001: 110].

Отметим, что имя собственное, встречающееся в материалах социальной рекламы, имеет низкую частотность, поскольку ее цель привлечь внимание достаточно обширной аудитории. В целом мы разделяем концепцию исследователей Т. В. Карамышевой и А. И. Иванченко.

В границах данного исследования остановимся на текстовом компоненте рекламных материалов. Рекламные тексты социальной направленности имеют ряд особенностей:

- они всегда очень лаконичны, легко запоминаемы и состоят из 4-10 слов;
- убедительность рекламного текста сочетается с информативностью;
- аттрактивность и интрига в рекламном тексте используются, чтобы завладеть вниманием адресата, обратить его внимание на социальную проблему;
- использование стилистических средств, усиливающих экспрессию и придающих рекламе глубинный смысл, является типичным приемом текстообразования в этом виде рекламы.

Рассмотрим стилистические средства более подробно, они иллюстрируют разнородность гетерогенной конвергенции, которая выступает в виде таких визуальных приемов как метафора, метонимия, олицетворение и так далее.

Употребление метафоры в рекламных текстах служит для создания ярких, эмоциональных образов, призванных затронуть чувства реципиента, сделать текст запоминающимся и тем самым достичь перлокутивного эффекта. В приведенных примерах метафора несет в себе смыслогенерирующую функцию. Это своеобразный апеллятив, призыв бережно относиться к своей жизни и жизни других людей; обратить внимание на экологию окружающей среды, сделать акцент на возможности охраны ресурсов планеты – и более узкая направленность – это формирование взгляда общества относительно вредных привычек, которые препятствуют человеческой жизнедеятельности. *Ne jouez pas avec la vie des autres!* (Не играйте с жизнью других людей!), *Quelle empreinte laisseras-tu sur la planète?* (Какой след вы оставите на планете?), *Ne pas être esclave de tabac* (Не будь рабом табака).

Метонимия, в свою очередь, создает и усиливает зрительные представления. Это способ не прямой, а косвенной характеристики явления. Данный рекламный текст посвящен защите прав велосипедистов, а перенос наименования происходит по схеме: «транспортное средство-водитель». *Bravo a toutes les autos qui font attention aux velos!* (Браво всем автомобилям, обращающим внимание на велосипеды!)

Достаточно распространенный прием плеоназма позволяет выделить важное для рекламного текста понятие, неоднократно акцентируя на нем внимание. Часто используется в рекламе явление тавтологии. Например: *Les dangers de tous les jours sont dangereux tous les jours* (Каждодневные опасности опасны каждый день). Возможно, использование одного и того же слова в свободном виде и связанном словосочетании: *Un accident n'arrive jamais par accident* (Несчастный случай никогда не происходит случайно). Ярким примером плеонастичности может послужить рекламный текст, посвященный проблеме формирования толерантного отношения к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией: *Voici une fille qui aime les filles. Mais cette fille qui aime les filles, n'aime pas les filles qui n'aiment pas les filles qui aiment les filles* (Вот девушка, которая любит девушек. Но эта девушка, которая любит девушек не люблю девушек, которые не любят девушек, которые любят девушек).

Одним из самых распространенных тропов является олицетворение. Особым видом олицетворения является персонификация, то есть полное уподобление неодушевленного

предмета человеку: *Le feu ne dort jamais* (Огонь никогда не спит), *Le crime organisé compte sur toi* (Организованная преступность рассчитывает на вас), *Sur la route, l'alcool ne tué pas toujours* (На дороге не всегда убивает алкоголь).

Использование слов с противоположной семантикой (антонимов) – частое явление в социальной рекламе. Примером может служить, социальная реклама, которая призывает людей к соблюдению техники безопасности на рабочем месте: *Votre premier jour ne doit pas être le dernier* (Ваш первый день не должен быть последним). Другой пример акцентирует внимание реципиента на проблеме проживания в трущобах. Акцент делается на том, что это ненормально, что имеет необходимость преодоления ситуации, обращает внимание на условия, в которых невозможно жить: *Avoir peur du noir c'est normal, mais avoir peur de la lumière?* (Бояться темноты нормально, но бояться света?).

Особым средством создания эмоциональности речи является риторический вопрос. Очень часто предложения с риторическим вопросом имеют восклицательную интонацию (?!). Риторическое высказывание предполагает вполне определенный и всем известный ответ. Приведенный в качестве примера риторический вопрос призывает каждого задуматься, что он знает о СПИДе и честно ответить на этот вопрос: *J' aime faire l'amour, mais le SIDA, je le sais-je?* (Мне нравится заниматься любовью, но что я знаю о СПИДе?).

Социальная реклама на настоящий момент остается специфическим продуктом рекламной деятельности, до конца не изученным, тем самым порождая многочисленные дискуссии. Безусловно, особый интерес представляют лингвистические особенности воздействия на реципиента, позволяющие достигнуть его отклика как конечного результата. В данном исследовании таковыми выступили стилистические средства, выполняющие элокутивную функцию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). Л.: Просвещение, 1973. – 384 с.
2. Бобровская Г. В. Контекстуальное взаимодействие элокутивных средств в рекламе // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография. – М.: ФЛИНТА : Наука, 2011. – 296 с.
3. Горбачева О. Н., Каменева В. А. Конвергенция вербальных и визуальных стилистических средств в социальной интернет-рекламе как эффективный способ воздействия // Политическая лингвистика. – 2013. - №3. – 234 с.
4. Карамышева Т. В., Иванченко А. И. Реклама как компонент межкультурной коммуникации // Уроки французского языка. – СПб.: КАРО, 2001. – 240 с.
5. Ключев Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). Учебное пособие для высших учебных заведений. М.: ПРНОР, 2001. – 272 с.
6. Пекарская И. В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Абакан, 2000. Абакан: Изд-во Хакас.го.ун-та, 2000. Ч.1. – 247 с.
7. Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика. М.: Прогресс, 1980. – 430 с.
8. Хазагеров Г. Г., Лобанов И. Б. Риторика / Серия «Учебники, учебные пособия». – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 384 с.

ИВАНОВА С. В.

Уфа

ВОПРОС КАК КОММУНИКАТИВНОЕ ОРУЖИЕ В ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. Данная статья посвящена критике как коммуникативной стратегии в рамках политического дискурса и одной из тактик её реализации. Исследование проводится на материале американского предвыборного дискурса 2015-2016 гг. Современные средства

массовой информации политического толка совершенствуют арсенал коммуникативных стратегий и тактик осуществления манипулятивного воздействия на адресата. Площадкой проверки их эффективности служит предвыборная кампания. В рамках ещё не начавшейся официально предвыборной кампании в США американские СМИ опробовали тактику постановки такого типа вопросов к оппонентам, которые содержат в себе критическое высказывание, направленное на полное развенчание оппонента. Такими вопросами являются вопросы, содержащие мифологемы, восходящие к ценностной парадигме общества, а также вопросы, не относящиеся к сути дела, то есть нерелятивные в рамках данного дискурса. Кроме того, вопросы могут быть адресованы третьей стороне, которая и должна произвести ниспровержение оппонента. Эффективным средством развенчания оппонента являются также риторические вопросы. Выраженная таким образом критика, замаскированная под вопросительные высказывания, в конечном итоге, направлена на развенчание кандидата и осуществление психологического воздействия на него, что в конечном итоге должно привести к разрушению позиции противника и его полному уничтожению.

Ключевые слова: информационно-психологическая война, коммуникативные стратегии и тактики, вопрос, мифологема, предвыборная кампания, политический дискурс.

IVANOVA S. V.

Ufa

QUESTION AS A COMMUNICATIVE WEAPON IN INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL WAR

Abstract. The given article is devoted to criticism as a communicative strategy within political discourse and one of the tactics of its realization. The research is carried out on the basis of the American election campaign of 2015-2016. Modern politically engaged mass media are improving the arsenal of manipulative communicative strategies and tactics. The election campaign is a testing ground for the new strategies and tactics as far as their efficiency goes. A new tactic of posing questions aimed at destroying the opponent and their position has been tested within the American election campaign which has not started officially but which is obviously underway. This tactics consists in expressing criticism by means of asking questions which refer to the value paradigm of the linguo-cultural community or unrelated questions or rhetorical questions or questions addressing the third party who is to criticize the opponent. All this criticism disguised as questions is aimed at destroying the opponent's argumentation and finally their psychological destruction.

Keywords: information and psychological war, communicative strategies and tactics, question, mythologeme, election campaign, politician discourse.

Введение

Предвыборная кампания в США официально ещё не началась, но она набирает обороты, и предвыборная риторика заполняет все информационное пространство Америки. Большое количество выдвиженцев бьются за голоса и внимание избирателей. Средства массовой информации принимают активное участие в формировании предвыборной риторики, поддерживают или ниспроверяют кандидатов. На полных оборотах ведутся дебаты, организованные демократически аффилированными СМИ для консервативных кандидатов и наоборот. В этом плане интерес представляет опробованная журналистами CNBC тактика постановки вопросов кандидатам. Цель данного исследования состоит в определении природы вопроса как разновидности критически направленного высказывания, нацеленного на коммуникативное разрушение оппонента. Материалом исследования служит предвыборный дискурс США 2015-2016 годов. Исследование проводится с привлечением таких методов коммуникативного анализа, как кейс-метод, а также критический дискурс анализ и контекстуальный анализ.

Теоретические и методологические основы

Для проведения данного исследования необходимо обратиться к теоретическим источникам, раскрывающим природу и типологию критического высказывания. Критика может быть истолкована как выражение неодобрения по отношению к некоторому объекту. При

этом критика может быть как конструктивной, так и разрушительной. Конструктивная критика предполагает выражение неодобрения наряду с высказываемыми предложениями по улучшению ситуации, что в целом реализует интенцию сохранения лица оппонента. Разрушительная критика предполагает неприятие позиции оппонента с аргументированным выражением этого неприятия. При этом представляется важным подразделить разрушительную критику на негативную *per se*, огульную и деструктивную. Негативная критика *per se* содержит отрицательное по отношению какого-либо объекта высказывание, сопровождаемое необходимой аргументацией. Огульная критика предполагает полное неприятие позиции оппонента по всем аспектам, без какой-либо разумной логической аргументации, а только базируясь на эмоциональной составляющей. Данная классификация в общем виде была разработана на основе исследования бытовой коммуникации [Медведева 2015]. Наряду с этими видами разрушительной критики представляется возможным и целесообразным выделить деструктивную критику. Деструктивная критика, в противоположность конструктивной, представляет собой критическое высказывание, направленное не на исправление положения вещей, но на оказание психологического давления на оппонента, на его психологический слом. Деструктивная критика является частью информационно-психологических войн, которые ведут агенты политики, будь то политики или средства массовой информации. Таким образом, разновидности разрушительной критики объединены своей отрицательной направленностью неодобрения, но отличаются по подключению эмоционально-психологических факторов. Если огульная критика эмоционально заряжена и не основывается на логических основаниях, а выражает неприятие объекта в целом и потому очевидна, то деструктивная критика является более тонким оружием: она направлена на оказание отрицательного психологического воздействия на оппонента вплоть до его морального поражения. Разрушительный характер деструктивной критики состоит в том, что она не предполагает исправления ситуации, но направлена на развенчание оппонента. В этом состоит особенность деструктивной критики. Более того, деструктивная критика прячется под разные коммуникативные виды высказывания. Эта её особенность также составляет часть разрушительного заряда.

Обсуждение

29 октября 2015 года каналом CNBC были проведены дебаты для выдвиженцев-республиканцев в рамках отбора официального кандидата республиканской партии. Коммуникативное поведение прессы, тем не менее, озадачило участников дебатов и стало предметом длительного, обстоятельного и активного обсуждения в различных средствах массовой информации, включая CNN. Общий настрой по отношению к задаваемым журналистами вопросам выразил участник дебатов Тэд Круз (Ted Cruz), подчеркнувший, что заданные вопросы не имеют ничего общего с предвыборными программами кандидатов, с их принципиальной позицией по существу политически важных проблем, относящихся к жизни американского общества. Он подчеркнул, что заданные вопросы иллюстрируют, почему американское общество не доверяет средствам массовой информации. Вопросы типа: «Не являетесь ли Вы злодеем из книги комиксов?», «Можете ли Вы складывать и вычитать?», «Почему бы Вам не уйти с поста сенатора?», «Почему падает Ваш рейтинг?» - никак не отражают базовых проблем американского общества, которые и нуждаются в освещении выдвиженцами, баллотирующимися на пост кандидатов от соответствующей партии / “The questions that have been asked so far in this debate illustrate why the American people don't trust the media,” the Texas senator said as the audience roared with approval. “This is not a cage match,” Cruz said. “And you look at the questions: ‘Donald Trump are you a comic book villain? Ben Carson can you do math? John Kasich will you insult two people over here? Marco Rubio why don't you resign? Jeb Bush why have your numbers fallen?’ How about talking about the substantive issues people care about?” [CNN].

Совершенно очевидно, что политически ангажированные журналисты решили спрашивать кандидатов о нерелевантных с точки зрения избирательной кампании вопросах. Смысл такой тактики состоит в том, чтобы отвлечь электорат от программ выдвиженцев, от их точек зрения по сути всего происходящего в обществе. Нерелевантные вопросы уведут от

дискуссии по существу, не позволяют кандидатам высказаться и в результате достигают коммуникативной цели адресанта – уйти от дискуссии.

Кроме того, некоторые из заданных вопросов были кросс-личностного характера. Так, Криса Кристи спросили, имеет ли Дональд Трамп моральное право стать президентом. Журналисты рассчитывали на отрицательный ответ, ибо обращались к сопернику. Смысл такой коммуникативной тактики состоит в уничтожении противника «чужими» руками, в данном случае – руками «своих», что повышает значимость ответа, который презюмируется как отрицательный.

Наконец, третья тактика, связанная с постановкой вопросов в рамках информационно-психологической войны оппонирующих сторон, связана с использованием элементов ценностной парадигмы общества или постановкой риторических вопросов. Обращение к мифологемам само по себе очень часто имеет риторический характер и не требует ответа. Вопросы такого рода очень часто предваряются средством, служащим коммуникативному настрою собеседника: «Как Вы считаете...?». Зачастую вопросы такого рода не имеют однозначного ответа или не требуют ответа – они уже содержат отрицательный для адресанта ответ. Примером такого рода является известный вопрос американского журналиста Ларри Кинга Владимиру Путину в 2000 г.: «А что случилось с лодкой, господин Путин?» Ответ на подобного рода вопрос самоочевиден, а потому сам вопрос можно на всех основаниях рассматривать как направленный дискредитацию на собеседника. В данном случае такого рода был уже процитированный вопрос о том, имеет ли моральное право Дональд Трамп стать президентом. Моральное право стоит очень высоко на шкале ценностей общества. И по большому счёту мало кто может иметь моральное право руководить мощнейшей державой.

Все перечисленные вопросы отражают желание демократически настроенных журналистов представить в отрицательном свете выдвинутых на позицию кандидата от партии-оппонента. Смысл выбора такой коммуникативной позиции в деструктивной критике, направленной на психологическое поражение оппонента. Информационно-психологическая война в данном случае является не столько информационной, сколько психологической.

В связи с этим в аналитической статье на сайте CNN отмечают, что вопросы подобного рода не вызывают уважения. Вместе с тем они являются ярким подтверждением того, что предвыборная кампания подчиняется законам информационно-психологической войны, в которой информационная часть порой снижена, а отрицательная психологическая заряженность «зашкаливает» до такой степени превращает предвыборную кампанию в поле боя.

Выводы

Таким образом, вопросительные высказывания являются тонким оружием выражения критического высказывания, а именно деструктивной критики, направленной на психологическое уничтожение оппонента. Деструктивная критика может прятаться под различные коммуникативные типы высказывания, будучи, на самом деле, завуалированным выражением морального подавления вплоть до полного разрушения противника. При этом вопросительные высказывания могут содержать ссылку на мифологемы лингво-культурного сообщества, они могут предваряться сигналами настройки коммуникативного контакта, типа «Как Вы считаете...», а также могут быть направлены третьему лицу с тем, чтобы он оценил Вашу позицию. Во всех этих ситуациях выражения критического высказывания критика, иными словами, неодобрение и неприятие прячутся под выражение сомнения или запрос, направленный на уточнение точки зрения. Риторический вопрос также эффективно играет роль деструктора.

Таким образом, вопросы, маскирующие неприятие позиции оппонента и скрывающие критику, представляют собой мощное оружие при ведении информационно-психологических войн и довольно активно используются агентами политики, что было ещё раз продемонстрировано в рамках отбора кандидатов для дальнейших праймериз в США в 2015 году.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

CNN.com [Электронный ресурс]. – URL: <http://CNN.com> (дата обращения 30.10.2015).

ЛИТЕРАТУРА

Медведева А. В. Коммуникативные стратегии и тактики выражения критического суждения (на материале современного английского языка): автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2015.

ИЛЬИНА О. В., КОМАРОВ Д. А.

Екатеринбург

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПОЛИТИКА В МЕДИАТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ МЭРА ЕКАТЕРИНБУРГА 2013 Г.)

Аннотация: Статья посвящена анализу проблемы конструирования реальности в СМИ. Авторы исследуют образ политика в медиатексте (на примере образа Евгения Ройзмана). Показано, что дискурсивные практики конструирования образа политика зависят от политических предпочтений издания, редакционной политики и идеологии.

Ключевые слова: персонаж, медиатекст, дискурсивные практики, образ политика, Евгений Ройзман

ILINA O.V., KOMAROV D.A.

Ekaterinburg

CONSTRUCTION OF POLITICIAN'S IMAGE IN MEDIA TEXT (BASED ON THE CAMPAIGN FOR THE EKATERINBURG MAYOR ELECTION IN 2013)

Abstract: The article deals with the problem of reality construction in the mass media. The authors research the politician's image in the media texts (for example, the image of Evgeniy Roizman). It is shown, that discursive practices of politician's image construction depend on political preferences, editorial policy and ideology.

Key words: character, media text, discursive practices, politician's image, Evgeniy Roizman

В академической среде и в профессиональном журналистском сообществе распространена метафора зеркала, согласно которой медиа отражают реальность так же, как зеркало отражает смотрящегося в него человека. Однако все популярнее в последнее время становится иной подход, согласно которому метафора зеркала – это не что иное, как профессиональный самообман [Дьякова Трахтенберг 1999: 50] и на самом деле СМИ не отражают, а конструируют реальность. Следуя внутренней логике журналистского дискурса, негласным правилам профессии, журналисты отбирают события, которые достойны стать новостью, людей, которые должны попасть на телеэкраны и страницы газет, а затем стремятся объяснить отобранные факты и явления своей аудитории. Конечно, при этом журналисты руководствуются принципами объективности и достоверности. Однако мы знаем, что не всегда и не все объекты действительности получают полное и беспристрастное освещение в СМИ. На процесс поиска событий и персонажей для СМИ и на использование разных объяснительных моделей неизбежно влияют идеология, мифология, стереотипы мышления, редакционная политика, формат СМИ и другие факторы.

Таким образом, выбор и описание объекта действительности, которому придается статус события или персонажа медиатекста, можно назвать «конструированием реальности» [Чепкина 2000: 104].

Конструирование реальности в медиатекстах рассматривается нами с двух точек зрения. С одной стороны, конструирование реальности в СМИ – это абсолютно естественный, закономерный и неизбежный процесс, обусловленный психологическими факторами, обусловленный самой природой медиадискурса. Журналист по объективным, психофизиологическим причинам не может охватить реальный мир во всей его сложности и многообразии [Дьякова, Трахтенберг 1999: 35–36]. Как пишет У. Липпман, «без стандартизации, без стереотипов, без рутинных суждений, без совершенно безжалостного упрощения сложностей

любой редактор вскоре умер бы от перевозбуждения» [Липпман 2004: 219]. При этом упрощение картины реальности выполняет важную психологическую функцию и для адресата медиатекста – функцию гармонизации картины мира. Конструирование реальности в СМИ позволяет упрощать восприятие сложного и многообразного мира, объяснять происходящие в нем процессы населению, выстраивать такую гармоничную и ясную картину реальности, в которой человек может комфортно жить и принимать верные решения. С другой стороны, такая непротиворечивая, гармоничная картина мира таит в себе угрозу искажений, неполноты понимания, чрезмерного упрощения действительности. Поэтому конструирование реальности может рассматриваться и как потенциально опасный и негативный процесс, связанный с манипуляцией общественным мнением, с искажением действительности.

Учитывая эту сложность процесса конструирования реальности, мы выявляем типичные журналистские практики конструирования событий и персонажей, а по ходу также отмечаем случаи искажения или однобокого представления информации.

Анализируя конструирование события либо образа персонажа в СМИ, мы используем следующую методiku: выявляем последовательно практики выбора объектов, практики номинации (именования) объектов, практики описания объектов (приписывания им определенных признаков) [Чепкина 2000: 103].

В данной статье мы обращаемся к анализу практик конструирования образа политика в период предвыборной кампании. В центре нашего внимания – кампания по выборам на пост главы Екатеринбурга 2013 г. Каждый из участников борьбы за пост мэра потратил немалые средства на освещение своей деятельности в СМИ, надеясь таким образом сформировать позитивное представление о себе. Лидерами предвыборной борьбы стали кандидат от областных властей, вице-губернатор Яков Силин и кандидат от партии «Гражданская платформа», президент фонда «Город без наркотиков» Евгений Ройзман. Контракт на информационное сопровождение избирательной кампании Якова Силина, в числе прочих СМИ, достался порталу Ura.ru. Деятельность и личность Евгения Ройзмана активно освещались интернет-газетой Znak.com (официально шеф-редактор издания Аксана Панова возглавляла предвыборный штат кандидата). По нашим наблюдениям, Евгений Ройзман чаще становился персонажем СМИ в предвыборный период, к тому же он победил на выборах и на данный момент является главой города Екатеринбурга, поэтому мы рассмотрим конструирование образа именно этого политика (хотя выявленные нами практики универсальны и использовались в разных вариациях и при конструировании образа Якова Силина). Источником материала исследования послужили тексты конкурирующих СМИ – Ura.ru и Znak.com. Для исследования мы отобрали более 100 текстов о Евгении Ройзмани, опубликованных за август и начало сентября 2013 года, в официально отведенный период предвыборной агитации. Рассмотрим последовательно выявленные нами практики конструирования образа политика.

Практики отбора персонажа. Персонажами СМИ обычно становятся люди, традиционно привлекающие общественное внимание (ведущие политики, крупные бизнесмены, известные актеры и др.), а также действующие лица событий [Чепкина 2000: 135-136]. Внимание СМИ к фигуре Евгения Ройзмана в период предвыборной кампании закономерно: он является действующим лицом события – выборов главы города Екатеринбурга – и по этой же причине становится постоянным персонажем СМИ. Однако журналисты активно находят разнообразные частные информационные поводы – события, действующим лицом которых становится Евгений Ройзман. В этом случае практики отбора события и практики отбора персонажа оказываются тесно связанными друг с другом, сам отбор событий влияет на конструирование образа персонажа.

Так, Ura.ru пишет о том, как Ройзман нарушил правила дорожного движения («Если вы сейчас болт положили на ПДД, то что будет, если вас выберут мэром?». Ройзман попался на нарушении // Ura.ru. 19.08.2013. URL: <http://ura.ru/news/1052163691>), о нарушениях закона при реставрации храма в Быньгах (Такая вот реставрация. В уголовном деле по храму в Быньгах появилась конкретика // Ura.ru. 14.08.13. URL: <http://ura.ru/news/1052163482>), о телепередаче Андрея Караулова, разоблачающей Ройзмана (На всю Россию показали: «урал-

машевец» и кавказец тайно договариваются о мэре Ройзмана. «Из города сбегут все» // Ura.ru. 27.08.13. URL: <http://ura.ru/news/1052164178>). При этом Ura.ru, отбирая события, которые представляют их участника – Евгения Ройзмана – в негативном свете, стараются сохранять объективность. Например: *Справедливости ради заметим, что рядом с машиной Ройзмана не по правилам стоят еще две машины. До этого форумчане и блогеры уже ловили неправильно припаркованный грузовик, агитирующий за вице-губернатора Якова Силина и автомобиль губернатора Свердловской области Евгения Куйвашева, запаркованный не по правилам у детской филармонии*¹ (Ura.ru. 19.08.2013. URL: <http://ura.ru/news/1052163691>).

Среди событий, описанных в текстах Znak.com, преимущественно позитивные либо поданные с позитивной интерпретацией: реставрация храма в Быньгах и якобы необоснованные обыски в реставрационной мастерской (Истерика у губернатора Куйвашева продолжается // Znak.com. 2.08.2013. URL: http://znak.com/print.php?news_id=1009459), доклад Фонда развития гражданских инициатив, допускающий возможность победы Ройзмана на выборах (Новый доклад аналитиков Кремля взорвал федеральную повестку: в Екатеринбурге может выиграть Ройзман // Znak.com. 21.08.2013. URL: <http://znak.com/svrdl/news/2013-08-21/1010269.html>), пробежка по набережной сторонников Ройзмана (На Плотинке охранники Куйвашева пытались сорвать массовый забег сторонников Ройзмана // Znak.com. 31.08.2013. URL: http://znak.com/print.php?news_id=1010780).

Практики номинации персонажа. Номинационная цепочка текста может включать в себя первичные и вторичные номинации персонажа. К первичным традиционно относятся имена собственные: *Евгений Ройзман, Евгений Вадимович* и др. Для вторичной номинации персонажей используются имена-характеризаторы. Характеризующие номинации персонажа обычно указывают на те его социальные качества, которые релевантны для вписывания персонажа в определенный смысловой порядок [Чепкина 2000: 135]. В текстах Ura.ru используются нейтральные вторичные номинации, характеризующие социальный статус персонажа: *кандидат в мэры Екатеринбурга, президент фонда «Город без наркотиков», наркоборец, блоггер*. Активно используются и экспрессивные номинации: *мэр в законе* (трансформация устойчивого оборота «вор в законе»), *вор на доверии, прикольный пацук*. Некоторые номинации, на первый взгляд, должны создавать положительный образ кандидата (*сильный соперник, яркий кандидат, жертва режима, лидер в неволе*), но они используются в ироническом контексте либо для создания внутреннего контраста в образе персонажа: кем хочет казаться и кем на самом деле является кандидат. Например: *Так что не исключаю, что интересантом статьи выступил сам Ройзман, который мечтает о скандальном снятии, чтобы казаться жертвой режима и лидером в неволе* (Вот вам «грязная кампания на грани беспредела»! // Ura.ru. 2.08.2013. URL: <http://ura.ru/news/1052162748>). Снижение образа также может достигаться за счет ярких метафорических номинаций: *Из Робин Гуда блоггер превратится* (в случае избрания – авт.) *в ассенизатора без денег* («9 сентября депутаты сложат полномочия и думы просто не будет» // Ura.ru. 23.08.2013. URL: <http://ura.ru/articles/1036260180>); *Общественнику придется доказать: он искусный политик, или всего лишь ржавый пистолет с последним патроном* (Снимусь за место в Госдуме // Ura.ru. 28.08.2013. URL: <http://ura.ru/articles/1036260211>). А использование сниженной лексики (*прикольный пацук*) и «домашнего» имени *Женя* создает фамильярную тональность, которая при внешней доброжелательности выражает неуважение, пренебрежение к персонажу [Матвеева 2003: 377].

Znak.com предпочитает использовать нейтральные либо положительные номинации: *кандидат в мэры Екатеринбурга, президент фонда «Город без наркотиков», общественник, фаворит гонки, наркоборец*. Например: *Фаворит (судя по соцпросам) гонки Евгений Ройзман на прошлой неделе выпустил первую газету, на этой начинается распространение еще одной* (Куйвашев нарушает. Бурков защищается. Ройзман улыбается // Znak.com. 7.08.2013. URL: <http://znak.com/svrdl/articles/2013-08-07/101043.html>).

¹ Здесь и далее орфография, пунктуация и стилистика цитируемого текста сохранена.

Практики описания персонажа. Описание персонажа заключается в приписывании ему определенных характеристик и действий. И Ura.ru, и Znak.com очень активно освещают содержание предвыборной агитации кандидатов, с поправкой на собственную позицию. Так, в текстах Ura.ru Евгению Ройзману приписывается нечестное ведение предвыборной агитации, желание предстать в роли жертвы, попытки показаться лучше, чем он есть на самом деле, и др. Например: *Президент фонда «Город без наркотиков» и кандидат в мэры Екатеринбурга Евгений Ройзман продолжает встречи с жителями уральской столицы. <...> хотя встречи с кандидатом нигде специально не афишируются. Как передает источник «URA.Ru», вчера этому нашлось объяснение. «Ройзман перестраховывается. Его люди ищут ответственного за встречу среди местных, обещают заплатить ему 7,5 тысяч рублей, а каждому пришедшему – по 150 рублей после мероприятия»* (Найден секрет популярности Ройзмана // Ura.ru. 8.08.2013. URL: <http://ura.ru/news/1052163134>). Сомнительная информация из анонимного источника преподносится нам как описание поведения персонажа, претендующее на достоверность. В результате она становится элементом конструирования образа. Также журналисты отмечают, что Евгений Ройзман *«эксплуатирует все свои ипостаси, помимо всего прочего, представляя перед читателем то защитником храма в селе Быньги, то далеким от политики поэтом»* (В толпе агитаторов прибыло! // Ura.ru. 6.08.2013. URL: <http://ura.ru/news/1052162954>). При сопоставлении представленных описаний можно проследить, каким образом журналист отделяет конструирование персонажа в своем тексте от конструирования персонажа в чужой предвыборной агитации. В первом случае Евгению Ройзману приписываются действия, связанные с нарушением правил агитации, и это «встраивается» в его образ. Во втором – номинации *защитник храма и далекий от политики поэт* называются *эксплуатируемыми ипостасями*, вследствие чего снова формируется внутренний контраст в образе персонажа. «Он хочет казаться защитником храма и далеким от политики поэтом, но это еще нужно проверить. А вот то, что он нарушает правила проведения кампании, проверять уже не нужно – это факт», – может прочесть здесь читатель.

Анализ предвыборной агитации в текстах Znak.com также постепенно переходит в описание поведения персонажа: *Агитка – спокойнее и добрее, чем у других оппозиционеров: на первой же полосе основатель «Города без наркотиков», напоминает что «наш город в веках не бюрократами славился, а мастерами, писателями, ювелирами, камнерезами, музыкантами. И нужно строить город, в котором всем добрым людям будет хорошо, безопасно, удобно жить»* <...> *В кампании общественника упор сделан на символику (главным логотипом кампании выбрана красная футболка), «партизанскую рекламу» («самовольные» растяжки, «кустарного» вида одиночные пикеты) и прямые контакты с избирателями. Ройзман начал проводить с горожанами пробежки и встречи – во дворах, в цехах промышленных предприятий* (Куйвашев нарушает. Бурков защищается. Ройзман улыбается // Znak.com. 7.08.2013. URL: <http://znak.com/svrdl/articles/2013-08-07/101043.html>). Положительную оценку журналиста получает не только агитационное издание Ройзмана, но и его поведение.

Отдельно можно отметить типичность практик биографической идентификации [Енина, Балабкина 2015] при конструировании образа политика. В своих публикациях Ura.ru не устает напоминать об имеющейся у Ройзмана погашенной судимости, тем самым встраивая в образ персонажа характеристику «бывший преступник»: *В российской политической элите встречаются люди, имеющие погашенные судимости. В сентябре этот печальный список может пополнить и нынешний кандидат в мэры Евгений Ройзман, в чьей биографии есть погашенная судимость по ст. по статьям 144 ч. 2, 147 ч. 3 и 218 ч. 2 УК РСФСР* (Ошибка юности может стоить карьеры... // Ura.ru. 8.08.2013. URL: <http://ura.ru/news/1052163021>). *Напомним, что он был судим в 1980 году по обвинению в краже, мошенничестве и ношении холодного оружия* (Вот это поворот! // Ura.ru. 5.08.2013. URL: <http://ura.ru/news/1052162856>).

В текстах Znak.com чаще подаются позитивно-окрашенные биографические факты, например, помощь Ройзмана в реставрации храма в Быньгах: *Ройзман занимается реставрацией Никольского храма в Быньгах уже 8 лет. Церковь работала и при советской вла-*

сти, поэтому при позднем социализме тут собирались сотни верующих. В 1990-е, когда церковью стало много, когда открылись их двери по всей области, храм в Быньгах стал умирать: денег на ремонт не было, время и погода лишали окна стекол, внутреннее убранство заливало водой и засыпало снегом. **Потом на божий дом обратил внимание общественник: одну за другой он забирал иконы на реставрацию в училище имени Шадра, договаривался с мастерами.** <...> Местный настоятель, по его собственным словам, «**молится на Ройзмана**» (Истерика у губернатора Куйвашева // Znak.com. 2.08.2013. URL: http://znak.com/print.php?news_id=1009459).

Среди специфических дискредитирующих практик конструирования образа политика в период предвыборной борьбы мы рассматриваем практики конструирования персонажа как психически нездорового [Автохутдинова 2015: 119–130]. Характерным примером такого описания персонажа является текстовый фрагмент, представляемый журналистами как медицинское заключение о психическом здоровье Евгения Ройзмана: «...**Самопорезы нанес оторвав железку от пола. После нанесения себе самопорезов при виде крови быстро успокаивался** <...> **Лжив, самолюбив**, дает неправильные сведения по анамнезу, убеждает врача, что он является студентом первого курса университета, когда на самом деле учится на рабфаке; **является психопатической личностью истерического типа**» («При виде крови он быстро успокаивался» // Ura.ru. 22.08.2013. URL: <http://ura.ru/news/1052163924>). Здесь мы видим описание поведения персонажа, претендующее на достоверность. Евгений Ройзман предстает перед читателями психически нездоровым человеком, что исключает его из круга «своих», то есть людей, которым можно доверять, и актуализирует семантику опасности, угрозы социальному порядку. Как пишет Мишель Фуко, «психиатрия получила реальную возможность облечь себя функцией, которая сводится к охране и поддержанию порядка. Фактически психиатрии была назначена роль генерализованной социальной защиты» [Фуко 2004: 62].

При описании отношений между персонажами фиксируется принадлежность персонажа к какой-либо социальной группе и/ или противопоставление с другой социальной группой (выстраивается классическая оппозиция «свои — чужие»). В текстах Ura.ru Ройзмана часто включают в группу, объединенную признаком «лица, нарушающие закон». Например, подчеркивается связь Евгения Ройзмана с ОПС «Уралмаш»: **Источник, знакомый с настроениями в администрации Екатеринбурга, считает, что на очевидный вызов системе Тунгусов не пойдет. «Ройзман для него неуправляем, — уверен чиновник. — Связка с уралмашевским сообществом очевидна, и если сейчас у Тунгусова свои отношения с сообществом, то они легко могут быть пересмотрены**» (И отольются Куйвашеву слезы Тунгусова // Ura.ru. 20.08.2013. URL: <http://ura.ru/articles/1036260161>). Однако в этом тексте одновременно устанавливаются и отношения подобия, и отношения различия: даже в группе «своих» политику не доверяют.

В текстах Znak.com Евгений Ройзман часто объединяется с избирателями в одну группу «народ, простые люди». Он такой, как все, свой парень, простой человек, как и его избиратели [см.: Ильина 2012] Например: **Однако сегодня были побиты все рекорды по количеству участников пробежки Ройзмана — под окнами губернатора собрались сотни людей в красном (символом кампании Ройзмана избрана его узнаваемая красная футболка). По всей видимости, это вывело из себя охрану резиденции Куйвашева. «Сотрудники ППС подошли с Ройзману, пожали ему руку, пожелали победы на выборах и уехали восвояси», — рассказывает один из участников забега. Добавим, что предвыборная кампания Ройзмана сразу же приобрела характер народной...** (На Плотинке охранники Куйвашева пытались сорвать массовый забег сторонников Ройзмана // Znak.com. 31.08.2013. URL: http://znak.com/print.php?news_id=1010780). Даже сотрудники полиции, вызванные по инициативе охранников политического оппонента Евгения Ройзмана — губернатора Евгения Куйвашева, ведут себя доброжелательно и желают Ройзману победы. Таким образом нам демонстрируется уважение «обычных людей» к политике.

Особого внимания заслуживает речевая характеристика персонажа. Ura.ru использует демонстрацию речевых особенностей для снижения образа политика: *Слышно нормально? Два слова буквально. Ну че, Екатеринбург, наш любимый город, это лучший город страны. Правильно? А правда что наши девчонки самые красивые? И что у нас парни самые могучие? В общем, мы любим свой город и не отдадим его никаким чужакам. Давайте, удачи вам, спасибо!* (Ройзман – лидер опросов, но Кремль отвел ему роль «второго» // Ura.ru. 7.08.2013 URL: <http://ura.ru/articles/1036260087>). Просторечное *че*, простое прощание *давайте, удачи*, слово-паразит *буквально* – элементы, совершенно нехарактерные для других политиков, работавших в этой предвыборной кампании. В своей речи Ройзман объединяется с аудиторией, с избирателями с помощью местоимений *наши, нас, мы* и противопоставления «мы — чужаки», но общая сниженная тональность речевого фрагмента не позволяет воспринимать его всерьез.

Рассмотрим еще пример: *Собрав вокруг около 70 человек, Евгений Ройзман повторил свой предвыборный тезис: «Город я хорошо знаю, умею учиться и не боюсь. Губернатор у нас приезжий, министры приезжие. Как местный я считаю долгом войти туда. Говорить я особо не горазд, но можете на меня рассчитывать». Как на муниципальном посту он собирается изменить областную власть, Ройзмана не спросили. Зато один пенсионер (вся аудитория, в основном, пожилые люди) поинтересовался: «Сейчас мэром Яков является?». «Там сложная система. Яков – сити-менеджер, а мэр – Порунов, – ответил Ройзман. – Он нормальный дядька, но слова ему не дают. Он носит цепь и вешает ленточки. Если я войду в мэрию, то постараюсь понять и разобраться, что к чему»* (Кандидаты постарелись // Ura.ru. 6.08.2013. URL: <http://ura.ru/news/1052163003>). Речь персонажа содержит просторечные единицы, нехарактерные для публичных политиков. Действующего главу города он называет *нормальным дядькой*. Дядя, дядька – то же, что мужчина (прост. шутил.) [Ожегов, Шведова 1999: 185]. Говорящий также выстраивает оппозицию «мы горожане – они областная власть» (*местный – приезжие*). Объединяя себя с жителями Екатеринбурга, Ройзман формирует образ «своего» человека, простого парня из соседнего двора, дает предвыборные обещания. Однако данная позитивная самопрезентация персонажа получает опровергающий, иронический комментарий журналиста: *Как на муниципальном посту он собирается изменить областную власть, Ройзмана не спросили.*

Отметим еще одну типичную практику – описание внешности персонажа. В Znak.com отмечают такие черты, как *улыбка, щетина, узнаваемая красная футболка*. Ura.ru тоже обращает внимание на неформальный стиль одежды кандидата, но подчеркивает небрежность и неуместность такого стиля одежды в официальной обстановке: *Если у вас сосед по подъезду предвкушает, что вот завтра он изберет «прикольного пацана», и тот на радость толпе будет бегать по мэрии в футболке и выбрасывать чиновников из окон – вам придется его огорчить. <...> В последнем рекламном ролике Ройзман прячет свою прославленную, выкрашенную в крови Ильи Букатина, футболку под официальным костюмом. Да еще и побрился, что вкупе с дешевым пиджаком сделало его похожим на вышедшего из запоя алкоголика* (Проснулись! Мэрия почувствовала, чем пахнут результаты выборов // Ura.ru. 21.08.2013. URL: <http://ura.ru/news/1052163867>). Журналисты используют практики описания внешности, чтобы разрушить имидж, формируемый предвыборными текстами Ройзмана. Позитивные изменения в облике будущего мэра интерпретируются в негативном ключе: пиджак оказывается дешевым, а выбритое лицо воспринимается как признак выхода из запоя. Кроме того, имплицитно подается смысл о причастности кандидата к преступлению 2002 года (Илья Букатин – бывший реабилитант фонда «Город без наркотиков», погибший в результате побоев).

В заключение обозначим перспективы исследования. Евгений Ройзман победил на выборах и уже третий год является главой города Екатеринбурга. Это позволяет нам проследить трансформацию образа политика за длительный период времени и выявить специфику дискурсивных практик конструирования образа политика до и после выборов. По нашим наблюдениям, после выборов Евгений Ройзман по-прежнему оказывается встроенным в оппо-

зицию «преступники – законопослушные граждане», но появляются и новые оппозиции: «мэр – городские депутаты», «городская власть — областная власть». Для некоторых изданий после выборов Евгений Ройзман стал персоной нон-грата. Так, «Уральский рабочий» старается избегать каких-либо упоминаний о главе города. В данном случае мы фиксируем уникальные практики исключения [см.: Фуко 1996: 50]: когда городская общественно-политическая газета отказывается писать о мэре города. Также в конструировании образа политика после выборов важную роль начинают играть практики конструирования институциональной роли. Институциональная роль мэра предполагает выполнение ряда функций: представление муниципального образования в отношениях с органами государственной власти, представление интересов населения, организация приема граждан, созыв заседания Думы, организация ее работы и прочее. Все это получает освещение в СМИ, согласно правилам медиадискурса. Анализ данных практик конструирования образа политика представляется нам весьма перспективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автохутдинова О. Ф. «Другой» как персонаж в СМИ: дискурсивные практики конструирования : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2015. – 238 с.
2. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. – Екатеринбург : УрО РАН, 1999. – 186 с.
3. Енина Л. В., Балабкина Е. Практики (авто)биографической идентификации в журналистском дискурсе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – № 2 (138). – С. 30–37.
4. Ильина О. В. Практики конструирования образа персонажа в прессе: между тождественностью и самостью // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2012. – № 2 (101). – С. 61–64.
5. Липпман У. Общественное мнение. – М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. — 384 с.
6. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 432 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Ин-т рус. яз. Рос. акад. наук. – М. : Азбуковник, 1999. – 944 с.
8. Фуко М. Археология знания = L'Archeologie du savoir / пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. – СПб. : Гуманитарная Академия : Университетская книга, 2004. – 416 с.
9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности : Работы разных лет / Сост. и пер. с франц. С. Табачниковой. – М. : Касталь, 1996. – 448 с.
10. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995—2000). – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 279 с.

КАБЛУКОВ Е. В.

Екатеринбург

К ВОПРОСУ О КОНСТРУИРОВАНИИ РЕАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Показано, что в условиях информационного противостояния проправительственные российские массмедиа конструируют иррациональную реальность. Противоречия обнаруживаются при анализе образа своих и чужих, для номинации которых используются языковые единицы с заведомо неверным значением (псевдоэвфемизмы и псевдодисфемизмы). При этом отступление от логики осуществляется намеренно и обусловливается идеологически.

Ключевые слова: медиадискурс, конструирование реальности, идеология, сторонники федерализации, пятая колонна.

KABLUKOV E. V.

Ekaterinburg

ABOUT CONSTRUCTION OF REALITY UNDER THE CIRCUMSTANCES OF INFORMATION WAR

Abstract. It is shown that the pro-government Russian media construct irrational reality under the circumstances of information war. The language units with knowingly false significance are used for their nomination (pseudoeuphemisms and pseudodysphemisms). This retreat from the logic is carried out intentionally in connection with an ideological necessity.

Keywords: media discourse, construction of reality, ideology, supporters of federalization, the fifth column.

Мишель Фуко констатировал, что дискурс как обезличенная социальная практика обладает набором процедур, позволяющих различать истину и разум с одной стороны, ложь и безумие с другой и исключать последние из конструкта реальности [Фуко 1996]. Однако современный российский медиадискурс демонстрирует отказ от осуществления этих процедур, когда речь идет о практиках конструирования реальности в условиях идеологического противостояния, которое может быть описано как информационная война [см.: Почепцов 2001; Snow 2011; Tumber, Webster 2006]. В результате медиареальность становится внутренне противоречивой и иррациональной [см.: Каблуков 2015]. Примечательно, что подобные проблемы, как показывает Ханна Арендт, типичны для тоталитарной пропаганды, которая «не может полностью удовлетворить тягу масс к совершенно непротиворечивому, постижимому и предсказуемому миру без серьезного конфликта со здравым смыслом» [Арендт: 464].

Итак, мы исходим из того, что реальность, конструируемая проправительственными (официальными и официозными) российскими СМИ, характеризуется выраженным противопоставлением *своих*, включающих не только *мы-группу* [см.: Oddo 2011; Wodak 1999], но и иные идеологически близкие группы (противники официального Киева на Украине или сторонники официального Дамаска в Сирии), и *чужих*, которые часто воспринимаются как враги, не предполагающие толерантного отношения [Каблуков 2013: 258; см. также: Дробижева 2003: 305]. В настоящей работе мы проанализируем противоречия, возникающие при конструировании произвольно отобранных групп *своих* и *чужих*, на материале текстов современного российского медиадискурса.

В качестве примера *своих* рассмотрим представителей восточных регионов Украины, неподконтрольных официальному Киеву. В 2014 г. эта группа инициировала и провела референдум о государственном суверенитете так называемых ДНР и ЛНР, что позволяет называть ее членов сепаратистами или сторонниками сепаратизма, то есть «стремления к отделению, обособлению от кого-, чего-л. (обычно национальных меньшинств, выступающих за образование самостоятельного государства, или какой-л. общественной организации, партии)» [Большой толковый словарь 2001: 1176]. Однако российские проправительственные СМИ сопротивлялись использованию данной номинации в связи с тем, что она функционирует как идеологема, включающая отрицательный оценочный компонент [см.: Каблуков 2015: 44]. Мы говорим именно о сопротивлении в связи с тем, что названные СМИ не только не использовали данную номинацию, но и подвергали критике тех, кто употреблял ее в соответствии со «словарным» значением:

По единодушному мнению экспертов, референдум будет иметь для Украины серьезные политические последствия: теперь для сохранения территориальной целостности страны Киеву придется пойти на переговоры с теми, кого он называет «сепаратистами» (Руководство ДНР признает факт встреч с Ахметовым. РИА Новости. 12.05.2014).

Журналист берет выделенное слово в кавычки, тем самым демонстрируя негативное отношение к такому наименованию сторонников независимости. В результате для обозначения сепаратистов в российском проправительственном медиадискурсе была выработана осо-

бая номинация «сторонники федерализации», позволяющая избежать отрицательного смыслового приращения. Показательно, что ее начали использовать как раз в период подготовки референдума о государственном суверенитете ДНР и ЛНР [см.: Каблуков 2015: 49—50], причем идеологическую корректность данной номинации закрепил президент России Владимир Путин:

*Говоря про вероятность прекращения огня на Украине после встреч во Франции, Путин подчеркнул, что украинское руководство должно проявить «добрую волю», или «государственную мудрость». «Нужно немедленно прекратить карательную операцию на юго-востоке Украины. Только так можно создать условия для того, чтобы начать реальный переговорный процесс со **сторонниками федерализации**», – объяснил он (Латухина К. В формате 3D-DAY // Российская газета. 6.06.2014).*

Казалось бы, используется типичный прием – отказ от прямой номинации в пользу эвфемизма [см.: Крысин 1996; Обвинцева 2010; Цыбуляк 2013]. Однако возникает логическое противоречие: сторонники независимости не являются сторонниками федерализации, следовательно, выбранная замена является ложной, а эвфемизм оказывается псевдоэвфемизмом. Результатом использования этого псевдоэвфемизма становятся журналистские тексты с логическими дефектами [см.: Майданова 2009: 140–153], конструирующие внутренне противоречивую (дефектную?) реальность:

С официальным объявлением ЛНР независимости стало окончательно ясно: несмотря на отчаянные попытки киевских властей изолировать сторонников федерализации с помощью масштабной силовой операции, в ходе которой применялась бронетехника и артиллерия, народ четко и предельно понятно выразил свое отношение к происходящим на Украине событиям (Гасюк А. Суверенитет против танков // Российская газета. 13.05.2014).

В данном фрагменте говорится об итогах референдума, результатом которого стало провозглашение независимости ЛНР от Украины, однако организаторы референдума и сторонники независимости ЛНР названы сторонниками федерализации. Таким образом, журналист допускает алогизм, который, как нам представляется, обусловлен идеологическими задачами и не является случайным дефектом текста, появившимся в связи с ошибкой автора текста и редактора издания. Можно заключить, что это отступление от законов логики санкционировано идеологически.

Данный тезис подтверждается и тем, что номинация «сторонники федерализации» использовалась даже после того, как руководство ДНР и ЛНР объявило о намерении войти в состав Российской Федерации:

В последнее время украинские военные проводят карательные операции против сторонников федерализации на юго-востоке страны. Основными центрами сопротивления являются Славянск, Краматорск, Мариуполь и другие города Донецкой области, а также Луганск, где сторонники федерализации установили контроль над частью государственных органов власти. <...> Сопредседатель правительства Донецкой народной республики Денис Пушилин заявил о намерении объединиться с Луганской народной республикой и обратился к России с просьбой рассмотреть вопрос о вхождении Донецкой народной республики в состав России (Матвиенко: Сенаторы поддерживают контакты с депутатами Верховной Рады // Деловая газета «Взгляд». 14.05.2014).

Перейдем к противоречиям, возникающим при конструировании *чужих*, которые могут быть внутренними и внешними (по аналогии с внутренними и внешними врагами). Мы обратимся к первому типу, наиболее ярким представителем которого является группа, выступающая против политики Владимира Путина, то есть политическая оппозиция. Согласно определению, это «партия или группа лиц внутри какого-л. государственного органа, партии и т.п., противопоставляющая свои взгляды, свою политику и т.п. взглядам, политике и т.п. большинства» [Большой толковый словарь 2001: 719]. Отметим, что речь не идет о парламентской оппозиции, поскольку она, как показывает наш материал, все чаще поддерживает политику Владимира Путина, теряя оппозиционный статус, но сохраняя прежнюю номина-

цию, что также может быть рассмотрено как внутреннее противоречие реальности, конструируемой СМИ.

Итак, для обозначения оппозиции, воспринимаемой в качестве *чуждого*, проправительственные СМИ используют оценочный фразеологизм «пятая колонна». Пятая колонна – это «тайные агенты врага – шпионы, диверсанты, предатели, изменники. <...> публ., неодобр.» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2001: 284; см. также: Bolinger 1944; Losada 1972]. Ключевыми семантиками здесь являются действия в интересах врага и преступный характер таких действий (особо отметим, что все перечисленные в определении действия можно отнести к составам преступлений, предусмотренных ст. 275, 276 и 281 Уголовного кодекса РФ). Таким образом, данный фразеологизм нельзя рассматривать в качестве синонима к лексеме «оппозиция», что исключает возможность его использования, скажем, в качестве дисфемизма. Другими словами, легально действующую оппозицию нельзя назвать пятой колонной, если у говорящего нет особых идеологических задач, оправдывающих такую подмену значения. Впрочем, как показывает наш материал, оправдания находятся:

В наших интеллигентских кругах разразилась дискуссия, которую трудно не заметить. Она проходит в условиях, когда Россия сталкивается с внешними вызовами. Кому-то не нравится словосочетание «пятая колонна», но как назвать тех, кто в момент наступления на нас тут же переметнулся на другую сторону? И теперь для них уже все, что там, просто отлично, а все, что здесь, отвратительно. Впору в адрес Обамы телеграммы слать с пожеланием успеха. По аналогии с поздравительными телеграммами от русской либеральной интеллигенции японскому императору после поражения нашего флота под Цусимой (Киселев Д. Вести недели. Россия-1. 14.09.2014).

Ведущий программы «Вести недели» и заместитель генерального директора государственного предприятия ВГТРК Дмитрий Киселев использует фразеологизм «пятая колонна» для обозначения либеральной оппозиции: именно о ней идет речь далее. Для того чтобы оправдать использование столь агрессивной языковой единицы, говорящий конструирует реальность войны, в которую вовлечена Россия. Для этого в текст внедряются слова соответствующей тематической группы (*наступление, поражение, Цусима*) и проводится параллель между событиями наших дней и Русско-японской войной 1904–1905 гг. В результате появляется внешний военный враг в лице президента США Барака Обамы и действующие в его интересах предатели.

Впрочем, в некоторых случаях субъекты медиадискурса не стремятся оправдать использование номинации «пятая колонна» в отношении представителей оппозиции, очевидно, подразумевая, что соответствующее значение уже закреплено в современном российском медиадискурсе:

Представители так называемой российской «оппозиции» (или «пятой колонны») сегодня ведут целенаправленную и системную кампанию по дискредитации внешней политики России, лидеров Донецкой и Луганской народных республик, ценностей Русского мира. С этой целью в информационное пространство постоянно вбрасывается целый ряд новых утверждений, не реагировать на которые нельзя (Городненко Ю. «Пятая колонна» жаждет революции // РИА. 08.08.2014).

Широко известными стали рассуждения президента России Владимира Путина, который впервые использовал фразеологизм «пятая колонна» в Крымской речи (18 марта 2014 г.), а позднее так охарактеризовал разницу между оппозицией и пятой колонной:

Но всё-таки грань между оппозиционерами и «пятой колонной» — она внутренняя, её трудно увидеть внешне. В чём она заключается? Оппозиционер, даже очень жёсткий, он в конечном итоге до конца борется за интересы своей Родины. А «пятая колонна» — это те люди, которые исполняют то, что продиктовано интересами другого государства, их используют в качестве инструмента для достижения чуждых нам политических целей (Большая пресс-конференция Владимира Путина. 18.12.2014. Цит. по: Официальный сайт президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/news/47250>).

Казалось бы, президент разграничил понятия, но в то же время он зафиксировал их близость, фактически признав, что сторонний наблюдатель не может отличить оппозиционера (человека с иными взглядами) от представителя пятой колонны (преступника, действующего в интересах врага). Синонимичность двух понятий в речи президента отметили и журналисты, освещавшие данную пресс-конференцию:

Президент Владимир Путин не сожалеет, что в одном из своих выступлений назвал оппозицию «пятой колонной». Об этом он заявил сегодня на ежегодной пресс-конференции. «Не чувствую никакой ответственности в этом отношении», — сказал глава государства, отвечая на вопрос журналистки «Газеты.Ру» Натальи Галимовой о том, где грань между оппозицией и «пятой колонной» (Петров В. Путин не жалеет о том, что назвал оппозицию «пятой колонной» // Российская газета. 18.12.2014).

Перейдем к выводам. Российские проправительственные массмедиа, конструируя реальность в условиях информационного противостояния, допускают идеологически обусловленные отступления от законов логики, что приводит к иррационализации современного российского медиадискурса, который больше не в силах осуществлять процедуры исключения ложного и безумного. Логические противоречия, в частности, проявляются при конструировании образа своих, примером которых могут служить требующие независимости сторонники федерализации, и чужих, к числу которых относится оппозиция, именуемая пятой колонной, причем легитимация выявленных противоречий осуществляется на высшем государственном уровне, в том числе посредством речевой деятельности президента, что приводит к их закреплению в системе официальной российской идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. – М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Фолио-Пресс, 2001. 704 с.
- Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2001. 1536 с.
- Дробижева Л. М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М.: Центр общечеловеч. ценностей, 2003. 373 с.
- Каблуков Е. В. Деформация реальности в современном российском медиадискурсе // Известия УрФУ. 2015. Сер. 1. № 2 (138). С. 43–51.
- Каблуков Е. В. Роль медиадискурса в поляризации российского общества // Вестник ЧелГУ. Сер. «Филология. Искусствоведение». 2013. Вып. 80. № 21 (312). С. 257–263.
- Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). – М.: Языки рус. культуры, 1996. С. 384–408.
- Майданова Л. М. Критика речи и литературное редактирование текстов СМИ. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 242 с.
- Обвинцева О. В. Манипулирование общественным сознанием в военном дискурсе СМИ посредством эвфемизмов и дисфемизмов // Филология, языкознание, дидактика: теория и методика исследований. Екатеринбург: [б. и.], 2010. С. 137–143.
- Почепцов Г. Г. Информационные войны. – М.: Рефл-бук: Ваклер, 2001. 574 с.
- Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. С. 47–96.
- Цыбуляк О. Д. Тенденции эвфемизации политического дискурса современного русского языка // Вестник ЧелГУ. Сер. «Филология. Искусствоведение». 2013. № 1 (292). С. 148–152.
- Bolinger D. L. Fifth column marches on // American Speech. 1944. Vol. 19. № 1. P. 47-49.
- Losada L. A. The fifth column in the Peloponnesian War. – Leiden: Brill, 1972. 148 p.
- Oddo J. War legitimation discourse: Representing ‘us’ and ‘them’ in four presidential addresses // Discourse & Society. 2011. № 22. Vol. 3. P. 287–314.
- Snow N. Information war: American propaganda, free speech and opinion control since 9-11. – New York: Seven Stories Press, 2011. 176 p.
- Tumber H., Webster F. Journalists under fire: Information war and journalistic practices. –

London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage Publications, 2006. 187 p.

Wodak R. The Discursive Construction of National Identity / R. Wodak, R. de Cillia, M. Reisigl, K. Liebhart. — Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. 288 p.

КАЗАКОВ А. А.

Саратов

**СРАВНЕНИЕ ФРЕЙМОВ И ПОВЕСТОК ДНЯ ВТОРОГО УРОВНЯ
«РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ», «НОВОЙ ГАЗЕТЫ» И «НЬЮ-ЙОРК ТАЙМС»
(НА ПРИМЕРЕ ОСВЕЩЕНИЯ СОБЫТИЙ НА ЮГО-ВОСТОКЕ УКРАИНЫ)**

Аннотация. Статья посвящена особенностям освещения конфликта на юго-востоке Украины «Российской газетой», «Новой газетой» и американской «Нью-Йорк Таймс»: сравнивается тематическая направленность публикаций, сопоставляются транслируемые изданиями фреймы. Методологической основой исследования стали теории фрейминга и установления повестки дня второго уровня, эмпирической базой – 245 статей указанных изданий, опубликованных с 12 января по 15 апреля 2015 года. Автор приходит к выводу о схожести подходов «Новой газетой» и «Нью-Йорк Таймс» к освещению событий в соседней стране и целесообразности параллельного использования названных теорий.

Ключевые слова: фрейминг, повестка дня второго уровня, «Российская газета», «Новая газета», «Нью-Йорк Таймс», Украина.

KAZAKOV A. A.

Saratov

**COMPARATIVE ANALYSIS OF “ROSSIISKAYA GAZETA”, “NOVAYA GAZETA”,
AND “THE NEW YORK TIMES” FRAMES AND SECOND LEVEL AGENDAS
(EXEMPLIFIED BY THE COVERAGE OF THE CONFLICT IN THE SOUTHEAST
UKRAINE)**

Abstract. Peculiarities of “Rossiiskaya Gazeta”, “Novaya Gazeta”, and “The New York Times” coverage of the conflict in the southeast of Ukraine are considered in this article. The main themes of the articles are compared; the frames conveyed by the newspapers are juxtaposed. Framing theory as well as the second-level agenda-setting theory has become the methodological ground of the research; 245 articles of the newspapers published from January 12 through April 15 have formed its empirical basis. The author concludes that “Novaya Gazeta” and “The New York Times” approaches to the covering of the events in the neighboring country are rather similar and that it is efficient to use the theories mentioned above simultaneously.

Keywords: framing, the second-level agenda, “Rossiiskaya Gazeta”, “Novaya Gazeta”, “The New York Times”, Ukraine.

Вооруженный конфликт на юго-востоке Украины, безусловно, стал одним из наиболее значимых и резонансных событий последнего времени. Разгоревшееся в соседнем государстве противостояние прочно вошло в число актуальнейших вопросов международной политики и привлекло к себе пристальное внимание мировой общественности. Достаточно уверенно происходящее на Донбассе заняло свою нишу и в информационном пространстве. Сообщения об этом регулярно появляются не только в российских, но и в зарубежных средствах массовой коммуникации.

Особенностям присутствия внутриукраинского конфликта в медийном поле, вне всяких сомнений, еще предстоит найти свое отражение в научных исследованиях. Однако уже сегодня очевидно, что порой по этому поводу сталкиваются диаметрально противоположные точки зрения: создаваемые различными массмедиа образы происходящего настолько сильно отличаются друг от друга, что иногда может возникнуть ощущение, будто речь идет о совершенно различных событиях и процессах.

В данном контексте настоящее исследование является одной из первых попыток сравнительного анализа специфики информационного освещения конфликта на юго-востоке Украины тремя качественными изданиями: «Российской газетой», «Новой газетой» и «Нью-Йорк Таймс». Эмпирическую базу анализа составили статьи этих газет, опубликованные в период с 12 января по 15 апреля 2015 года. Методом сплошного просмотра номеров названных газет для изучения были отобраны только те публикации, в которых хотя бы косвенно упоминались интересующие нас события.

В общей сложности было проработано 245 статей: 68 из «Российской газеты», 137 из «Новой газеты» и 40 из «Нью-Йорк Таймс». Для обработки отобранных материалов использовались отдельные методики контент- и дискурс-анализа. В предварительно разработанный кодировочный бланк по каждой статье вносились такие данные, как автор, название, дата публикации, номер полосы, объем (в знаках), основная тема материала, его тональность (позитивная, нейтральная или негативная), содержащиеся в материале фреймы, а также информация о том, кто и сколько раз был процитирован.

На основе посвященного заявленной проблематике эмпирического материала мы намерены доказать, что параллельное применение теорий фрейминга и установления повестки дня второго уровня дает ученому возможность получить целостное представление об интересующем его предмете, в данном случае – о специфике представленности событий в соседней стране на страницах периодических изданий России и США¹.

Для начала – несколько слов о сути рассматриваемых методологических конструкций. Исторически первой появилась теория установления повестки дня. На рубеже 1960-70-х гг. ее авторы – американцы М. Маккоумбс и Д. Шоу – эмпирическим путем доказали наличие связи между тем, о чем более или менее регулярно сообщают массмедиа, и тем, что люди – потребители распространяемой журналистами информации – считают важным и заслуживающим внимания [McCombs, Shaw 1972: 176–187].

Начиная с 1990-х годов, стали говорить о том, что пресса способна задавать повестку дня не только в отношении набора происходящих в определенный момент процессов (ранжируя их при этом по степени значимости), но и применительно к одному конкретному событию или человеку. По мнению Маккоумбса, Шоу и их сторонников, рассказывая о тех или иных фактах или политических фигурах, СМИ не имеют возможности представить публике всю полноту имеющейся информации (в силу ограниченности в объемах печатных площадей или теле- и радиоэфира). Вместо этого, они обычно фокусируют внимание аудитории лишь на отдельных – самых важных, по мнению автора материала, – аспектах или сторонах (attributes) объекта сообщения [Weaver, McCombs, Shaw 2004: 259]. В результате выстраивается своего рода повестка дня, но уже в отношении характеристик отдельно взятого объекта.

В науке такое понимание повестки начали именовать повесткой дня второго уровня (second-level agenda) или же атрибутивной повесткой дня (attribute agenda). Считается, что, обращая внимание аудитории на вполне конкретные аспекты события или черты политического субъекта, пресса тем самым во многом предопределяет то, как к этому будут относиться читатели, зрители или слушатели. Иначе говоря, устанавливая повестку дня первого уровня, СМИ влияют на то, *что* люди считают важным, а, формируя атрибутивную повестку, программируют то, *как* аудитория будет относиться к конкретному явлению (или же – в крайнем случае – задают набор фактов, которыми люди будут руководствоваться, определяя свое отношение) [Takeshita 1997: 23].

Во многом схожей с атрибутивной повесткой дня является теория фрейминга. В науке широко распространено мнение, что фрейминг означает процесс отбора отдельных аспектов отображаемой журналистами реальности, усиление характера представленности этих аспек-

¹ Нужно заметить, что, утверждая это, мы ни в коем случае не отрицаем познавательные возможности других методов исследования материалов массмедиа. Основная задача видится нам в том, чтобы в дополнение к уже имеющимся и достаточно широко распространенным в отечественной науке аналитическим механизмам на конкретном примере показать потенциал отдельных методик, которые уже завоевали признание ученых на Западе, но в силу разных причин пока еще редко используются в российской политической коммуникативистике.

тов (making them more salient) в целях формулирования определенных причинно-следственных связей, морально-нравственных интерпретаций и рекомендаций по тому, как нужно поступать в отношении той или иной ситуации [Entman 1993: 52; Scheufele 2004: 405].

При этом очевидно, что ключевым для фрейминга является понятие фрейма. Одно из наиболее известных определений фрейма еще в 1989-м году сформулировали В. Гэмсон и А. Модильяни. В их понимании фрейм – это стержневая идея коммуникационного текста, раскрывающая суть и содержание основного сюжета информационного сообщения [Gamson, Modigliani 1989: 3]. При этом данная центральная сюжетная линия обычно содержит в себе также артикуляцию проблемной ситуации, определенные моральные суждения и предпочтительные способы ее разрешения [Entman, Matthes, Pellicano 2009: 177]. Стало быть, образно выражаясь, можно сказать, что фрейм – это окружающая действительность в том виде, в каком она преподносится аудитории прессой. А значит, любой фрейм изначально несет в себе не только отпечаток субъективного восприятия реальности, но и – вполне вероятно – элемент манипулятивного потенциала.

Надо отметить, что в западной науке эта теория находится сегодня едва ли не на пике своей популярности [Weaver 2007: 143—144]. В России же устойчивый интерес к теории фрейминга только начинает формироваться [Вахштайн 2011; Казаков 2014: 85—90] и при этом зачастую фрейминг рассматривается отечественными учеными в контексте социологии, психологии, социологии повседневности и других общественных наук. Вариантов же применения этого подхода к проблемам политической коммуникации пока не так много.

Проанализировав отобранные статьи на предмет содержащихся в них фреймов и тематических сюжетов, мы сочли возможным условно разбить их на несколько групп. В зависимости от того, какому аспекту кризиса на Украине был посвящен тот или иной материал, он был отнесен к одному из следующих блоков: дипломатия; боевые действия; жертвы среди мирного населения; Крым; российско-украинские отношения; связанные с кризисом на юго-востоке Украины события и процессы внутри России и самой Украины; история и прочее (сюда вошли статьи, которые сложно было отнести к какому-либо из выделенных сюжетов).

Подсчитав удельные доли каждого из тематических блоков, мы, по сути, сформировали повестки дня второго уровня интересующих нас газет в отношении событий в соседней стране. Какие же идеи пытались донести до своих читателей «Российская газета», «Новая газета» и «Нью-Йорк Таймс»? Так, если говорить о блоке «В России», то здесь российское оппозиционное издание и американская газета чаще всего предлагали вниманию своих читателей материалы не самого приятного для действующей власти свойства: о возможном присутствии в зоне конфликта российских военных, о снижении кредитных рейтингов нашей страны, «деле» С. Давыдовой, ситуации вокруг Н. Савченко и пр. Правительственное же издание в таких случаях вполне ожидаемо фокусировало внимание аудитории на принципиально иных сюжетах: «миротворческих» инициативах отечественных парламентариев, мнениях патриотически настроенных деятелей культуры, посылаемой на Донбасс гуманитарной помощи и т.п.

Когда же речь заходила об Украине, издания будто бы менялись местами. Теперь уже «Российская газета» охотно (21,2% всех публикаций) рассказывала о проблемах и сложностях жизни в соседней стране: изношенности коммунальной и транспортной инфраструктуры, обострении криминогенной обстановки, активизации нацизма, изъянах системы образования, нарастающей русофобии, срыве планов мобилизации и т.д. «Новая газета», в свою очередь, к внутриукраинским процессам обращалась значительно реже (5%), да и «направленность» таких заметок была куда более «нейтральной».

Очень любопытно сравнить также и то, что писалось на темы, сопоставимые по своей популярности в обоих изданиях. Блок «Крым» – один из таковых (5% всей статей «Новой газеты» и 5,1% – «Российской»). В оппозиционном массмедиа акцент делался исключительно на негативных последствиях «аннексии» полуострова Россией: трудностях с энергетическим обеспечением, транспортной блокаде, сокращении присутствия в регионе международных бизнес-структур, проблемах тамошних спортсменов и т.п. Совершенно иная картина пи-

салась правительственным изданием: на переднем плане здесь было улучшение материального благосостояния крымчан после присоединения к России, техническое переоснащение отдельных технических служб, планы по строительству моста через Керченский пролив и прочий позитив.

Как видим, атрибутивные повестки дня анализируемых массмедиа между собой не совпадают. Те сюжеты, что являются приоритетными для одного, могут находиться на периферии внимания другого, и наоборот. Разумеется, тщательное изучение подобных соотношений уже само по себе может натолкнуть исследователя на целый ряд достаточно важных умозаключений. О том, скажем, насколько лояльно то или иное СМИ действующей власти. Или, например, об общей редакционной политике конкретного издания, его «тематической специализации».

Вместе с тем, нам представляется, что сама по себе (в отрыве от других методологических конструкций) теория установления повестки дня второго уровня не может считаться функциональной настолько, чтобы давать ученому возможность получать исчерпывающее знание об объекте и предмете его исследования. Взять хотя бы разобранный чуть выше эпизод с блоком «Крым»: процент статей практически одинаков, зато насколько разное содержание! Иными словами, без обращения к сути атрибутов медийных повесток выявить специфику редакционных политик конкретных изданий было бы очень сложно.

Формировавшиеся анализируемыми массмедиа фреймы зачастую были прямо противоположными. В «Российской газете» проводилась мысль о том, что вооруженное противостояние разгорелось по вине Киева, ополченцы справедливо отстаивают собственные интересы и единственно возможный выход из сложившейся ситуации – это прекращение огня и учет требований жителей Донбасса. Принципиально иные позиции отстаивались журналистами «Новой газеты» и «Нью-Йорк Таймс»: войну развязала Москва; на стороне сепаратистов воюют российские военные, потери среди которых весьма велики; аннексировав Крым, Россия однозначно нарушила нормы международного права, сознательно обрекла себя на серьезные экономические проблемы и понесла имиджевые потери.

Подводя итог проведенному анализу, хотелось бы отметить следующее. Прежде всего, на основе результатов рассмотрения отобранного материала мы считаем возможным подтвердить первоначально высказанное предположение о том, что одновременное использование теорий фрейминга и установления атрибутивных повесток дня вполне может считаться одним из действенных механизмов исследования медиа-текстов. При этом хотелось бы еще раз подчеркнуть, что своего максимума познавательные способности данных конструкций достигают тогда, когда они используются параллельно, а не по отдельности. В настоящей работе были приведены конкретные тому подтверждения.

Второй вывод носит более практический характер и заключается в том, что подходы к освещению событий на юго-востоке Украины оппозиционной российской и одной из ведущих американских газетами во многом совпадают. Более того, в отдельных случаях, особенно когда речь заходила об оценках действий России, журналисты «Новой газеты» порой были настроены по отношению к Кремлю даже более критически, чем их заокеанские коллеги.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вахштайн В. Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. 334 с.
2. Казаков А. Фрейминг медиа-текстов как инструмент воздействия на аудиторию: обзор распространенных трактовок // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2014. Т. 14. №4. С. 85-90.
3. Entman R. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication, 1993. Vol. 43. № 4. Pp. 51–58.
4. Entman R., Matthes J., Pellicano L. Nature, Sources, and Effects of News Framing / Wahl-Jorgensen K., Hanitzsch T. (eds.) The Handbook of Journalism Studies. NY, 2009. Pp. 175–190.
5. Gamson W., Modigliani A. Media Discourse and Public Opinion on Nuclear Power: A Constructionist Approach // American Journal of Sociology, 1989. Vol. 95. № 1. Pp. 1–37.

6. McCombs M., Shaw D. 1972. The Agenda-Setting Function of Mass Media // The Public Opinion Quarterly. Vol. 36, №2. Pp. 176–187.
7. Scheufele D. Framing-Effects Approach: A Theoretical and Methodological Critique // Communications, 2004. № 29. Pp. 401–428.
8. Takeshita T. 1997. Exploring the Media's Roles in Defining Reality: From Issue-Agenda Setting to Attribute Agenda Setting // McCombs M.E., Shaw D.L., Weaver D.H. (eds.), Communication and democracy. – Mahwah, New Jersey. Pp. 15–27.
9. Weaver D. Thoughts on Agenda Setting, Framing, and Priming // Journal of Communication, 2007. Vol. 57. № 2. Pp. 142–147.
10. Weaver D., McCombs M., Shaw D. 2004. Agenda-Setting Research: Issues, Attributes, and Influences // Kaid L.L. (ed.) Handbook of political communication research. – Mahwah, New Jersey. Pp. 257–282.

КАЛИНИН С. С.

Санкт-Петербург

СИМВОЛ СВЕТА ИЛИ СИМВОЛ МРАКА? ИЗ ИСТОРИИ ОДНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СИМВОЛА ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Аннотация: в работе проводится семантико-семиотический анализ символ свастики в индоевропейской культуре. Анализируется его глубинная семантика и мифопоэтика. Показывается постепенное изменение семантики данного символа на противоположную, что обусловлено политическими целями и эзотерическими установками Третьего Рейха.

Ключевые слова: свастика, символ, мифопоэтика, индоевропейское язычество, индоевропейцы, Третьей Рейх, германский национал-социализм.

KALININ S. S.

Saint-Petersburg

SYMBOL OF LIGHT OR SYMBOL OF DARKNESS? ON THE HISTORY OF THE THIRD REICH'S STATE SYMBOL

Abstract: the article deals with the semantic-semiotic analysis of the swastika symbol in the Indo-European culture. Its remote semantics and the mythopoetics are analyzed. The gradual changing of its semantics to the opposite one is shown. It depends on the politic establishments and esoteric purposes of the Third Reich.

Key words: swastika, symbol, mythopoetics, Indo-European paganism, Indo-Europeans, Third Reich, German national-socialism.

В современном мире к символу свастики сложилось вполне определенное отношение. Во многом это связано с тем, что этот древний индоевропейский символ послужил знаком наших врагов, знаков, под которым проводилось целенаправленное уничтожение целых народов. Вместе с тем, в древней индоевропейской традиции семантика этого знака была совершенно иной. Как пишет П. И. Кутенков, «загадка истории состоит в том, каким образом знак добра и жизни, плодородия и солнца был превращён в знак разрушения культуры, в т.ч. и славянской, и физического уничтожения древнейших носителей этого же знака» [Кутенков, 2010, с. 155]. В данной работе мы покажем, что свастика, какой она была изображена на партийной символике НСДАП и государственной символике Третьего Рейха, означала вовсе не солнце и животворящую силу, а как раз противоположные с точки зрения мифологического сознания вещи.

Обратимся вначале к определению понятия символа и его месту в архаической картине мира и в культуре древних язычников-индоевропейцев. Корни этой культуры были тесно связаны с мифом и ритуалом. В этом отношении древние культуры были насквозь символическими, поскольку любое действие, любой ритуал или мифологема (что касается также и абстрактных понятий, таких, как честь, долг, время, пространство и др.) облакаются

в форму символа. А. Ф. Лосев определяет символ следующим образом: это «идейная, образная или идейно-образная структура, содержащая в себе указания на те или иные отличные от нее предметы, для которых она является обобщением и неразвернутым знаком» [Лосев, 2001, с. 51]. Данное определение близко к определению символа, данному Р. Лангакером [Langacker 1987]. Согласно этому определению, символ – это языковой знак, который встраивается в достаточно большое количество контекстов. Чем в большее количество контекстов встроены языковой знак, тем больше его степень символизации. Исходя из данного определения символа по А. Ф. Лосеву и Р. Лангакеру можно дать следующее определение образа-символа: это такая структура знания, обладающая всеми названными свойствами образа (синкретичность, синтетичность, недетализированность и пр.), которая содержит в себе указание на другую структуру знания, для которого является обобщением и неразвернутым знаком. Как пишет Н. Д. Арутюнова, образ проходит путь «возвышения» до символа, поскольку в нем дифференцируются все три структурных компонента [Арутюнова, 1999, с. 44-46]. Согласно Н. Д. Арутюновой, между понятиями «образа», «знака» и «символа» (она называет их «семиотическими концептами» [Арутюнова, 1999, с. 313]) существуют следующая взаимосвязь, отражающая их развитие: Образ → символ → знак [Арутюнова, 1999, с. 345].

В онтологическом смысле М. М. Маковский определяет символ как «двуединую энергетическую сущность», возникающую в результате сочетания двух типов языковой энергии – положительной и отрицательной [Маковский, 2007, с. 174]. В свою очередь, положительная и отрицательная энергии представляют собой свободную энергию (с большими степенями свободы) и связанную энергию, находящуюся в формах слов и в их значениях [Маковский, 2007, с. 174]. Из их взаимодействия по принципу «параллелограмма сил» и рождаются «символы или целые блоки символов» [Маковский, 2007, с. 174].

С. С. Аверинцев так говорит о взаимоотношениях между понятиями образа и символа: «В широком смысле можно сказать, что символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и что он есть знак, наделенный всей органичностью и неисчерпаемостью образа. Всякий символ есть образ (и всякий образ есть, хотя бы в некоторой мере, символ); но категория символа указывает на выход образа за собственные пределы, на присутствие некоторого смысла, нераздельно слитого с образом, но ему не тождественного. ... Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре символа как два полюса, невысказанные один без другого (ибо смысл теряет вне образа свою явленность, а образ вне смысла рассыпается на свои компоненты), но и разведенные между собой и порождающие между собой напряжение, в котором и состоит сущность символа. Переходя в символ, образ становится «прозрачным»; смысл «просвечивает» сквозь него, будучи дан именно как смысловая глубина, смысловая перспектива, требующая нелегкого «вхождения» в себя» [Аверинцев, 1983, с. 607-608].

Образы и символы являются концептуальными единицами, содержащими в себе информацию о языковом отражении действительности. Согласно теоретическим выводам М. В. Пименовой, как образ, так и символ являются языковыми объективациями определенного концепта [Пименова, 2007, с. 6]. В. В. Колесов пишет о том, что образ, понятие и символ являются проявлениями, объективациями единого, более общего понятия концепта [Колесов, Пименова, 2011, с. 39]. С его точки зрения, символ – это образное понятие, в котором сочетаются попарно связанные «вещь, идея и слово» [Колесов, Пименова, 2011, с. 39]. Кроме того, образ имеет и важное лингвокультурологическое значение, поскольку образность несет в себе информацию о связи слова с тем или иным фрагментом культуры [Маслова, 2001, с. 44-45].

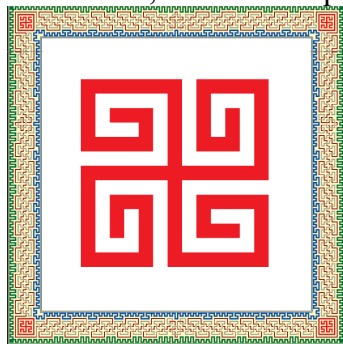
В архаических символах, образах и образах-символах отражаются особенности мифологического мышления их создателей. Прежде всего, это синкретичность данных структур, в которых слито несколько, иногда достаточно большое количество различных концептуальных смыслов: «Большинство сакральных значений слова, обычно, табуированы, как бы «упрятаны» в пределах одного слова. Необходимо иметь в виду, что в целом ряде

случаев в одном слове может быть скрыта тайна другого слова того же языка или целой семьи слов, а в этих словах может быть скрыта тайна человеческого бытия. Буквенные формулы (слова), имевшие изначально сугубо сакральный характер, хранят в себе тайну человеческой духовности, сущность различных ступеней, форм и параметров духовной энергии, глубоко скрытой от взглядов поверхностного наблюдателя» [Маковский, 2014, с. 24]. Кроме того, для мифологического мышления характерно оперирование именно символикой. В. В. Колесов пишет об этом так: «Средневековая культура насквозь символична... средневековая культура традиционна – это культура культа, и тексты ее таковы же» [Колесов, Пименова, 2011, с. 19]. В данном плане, по словам Ю. Кристевой, мышление, «вращаясь на орбите символа, оперирует символическими единицами» [Кристева, 2004, с. 414]. М. М. Маковский пишет об особенностях символизма мифологического мышления схожим образом: «Мифологическое (мифотворческое) мышление не определяет предмет со стороны его признаков. Оно еще не умеет замечать признаков, а тем более объединять их («характеризовать ими»). Оно берет любой предмет, имеющий реальные признаки величины, цвета, качества, назначения и т.д. и наделяет его образными, воображаемыми чертами, идущими мимо признаков предмета. Тут... решающую роль играют не признаки предмета, а его семантика. Значимость заменяет признаки» [Маковский, 1996, с. 22].

Свастика на партийном знамени НСДАП.

М. И. Стеблин-Каменский отмечает, что уже у древних скандинавских племен бронзового века были известны колеса, кресты и диски в качестве солярных символов [Стеблин-Каменский, 1979, с. 7]. По-видимому, эта символика была каким-то образом связана с культом плодородия, обрядами, призванными обеспечить плодоносящую силу людей, животных и земли. В древней индоевропейской традиции свастика также являлась символом плодородия, если говорить точнее, то символом солнца, дающем живительную силу земле и людям. Кроме того, в индоевропейской языческой традиции было известно два вида свастики, которые различались направлением вращения лепестков (по часовой стрелке и против часовой стрелки). В славянской языческой традиции эти два направления движения назывались, соответственно, «посолонь» и «противосолонь». Соответственно, различалась добрая, «солнечная», магия и враждебная магия, связанная с отсутствием животворящего солнечного света, с ночным мраком.

Свастика с закрученными «посолонь» концами.

Таким образом, можно видеть, что свастика в символике Третьего Рейха обозначает не солнце, не оживляющий солнечный свет, а как раз его отсутствие, ночной мрак. Эта идея согласуется с известным мифом нацистского оккультизма о Черном Солнце. С другой стороны, эту идею можно соотнести с известной древней индоевропейской мифологемой о солнце, скрывающемся на ночь под землю, плывущем ночью по внутренней стороне ночного неба. В этом проявляется двойственность самого символа свастики, известная уже с древнейших времен общеиндоевропейского единства. Интересно, что в культуре древних индоевропейцев встречается также и мифологема о поглощении ночью солнца гигантским чудовищем, чаще всего змеем или драконом, но не всегда. К примеру, в германо-скандинавской мифологии такую роль выполняет чудовищный тролль-волк, порожденный, как говорится в «Старшей Эдде», «старухой в Железном Лесу».

Две свастики – два вида магии: «посолонь» и «противосолонь»

Как видно из вышеприведенного рисунка, свастика на партийном знамени НСДАП заключена в круг. С одной стороны, круг является символом вечности, соответственно, нацистская свастика в круге может быть интерпретирована как символ вечного мрака, вечной ночи, которая наступит после «сумерек Богов» – Рагнарека. С другой стороны, круг в представлениях древних индоевропейцев символизировал законченность, совершенство, а также обитаемую Вселенную, каковой в германо-скандинавской мифологии является, например, Мидгард. В этом отношении интересна трактовка свастики в буддизме, где она является символом мировой гармонии. С другой стороны, как пишет М. М. Маковский, круг – это креативный женский символ [Маковский, 2013, с. 135]. Таким образом, общеиндоевропейский символ свастики, заключенной в круг, можно интерпретировать опять же как символ плодородия, символ женской творящей и производящей энергии.

Интересно рассмотреть семантику пространства в индоевропейской мифологии, как она концептуализируется с помощью символа свастики. Согласно данным М. М. Маковского, «язычники придерживались особой пространственной ориентации: вертикаль считалась божественной линией, горизонталь олицетворяла все земное, тленное и злое (крест – символ пересечения неба и земли)» [Маковский, 2013, с. 135]. Соответственно, пересечение неба и земли показывала и свастика. С другой стороны, вертикальная линия в этом символе показывала соединение Неба и Земли, божественный брак Матери-Земли и Отца-Неба. Вертикальная линия в свастике показывала также и Мировую Ось, проходящую сквозь сакральный Центр мироздания. Центр же в индоевропейской языческой традиции олицетворялся священным Очагом, который воплощал не только мировую огненную Стихию (по М. М. Маковскому, сакральный Огонь, чакры Огня [Маковский, 2013, с. 265]), но и, метафорически выражаясь, душу Дома и душу Мира. В этом отношении интересен тот факт, что движение, выражаемое свастикой (движение – мужское начало) в языческой древности считалось магическим и соотносилось с огненной стихией, точнее, с движением огня [Маковский, 2013, с. 141]. С другой стороны, вертикальная линия свастики может и схематически отображать Мировое Древо с различными мирами, расположенными вдоль его ствола. В древнегерманской традиции таковым Древом являлся Иггдрасиль, в языческой традиции иранских народов – это Хаома.

Горизонтальная черта свастики, в свою очередь, совместно с вертикальной воплощает двойственность божественной единичности [Маковский, 2013, с. 287], двойственность

Божества (наличие божественного и человеческого в его природе). С другой стороны, горизонтальная черта символизирует обитаемую часть Вселенной и ее неосвоенную часть, в которой находятся стихийные силы, зачастую враждебные человеку. В древнегерманской мифопоэтической традиции это оппозиция Мидгард – Утгард: Утгард – это мир великанов-турсов, воплощающих стихийные, необузданные человеком силы природы. Вместе с тем, две линии свастики – горизонтальная и вертикальная – символизируют небесных близнецов [Маковский, 2013, с. 288] либо же брак Небесной и Земной Стихии, Матери-Земли и Отца-Неба, алхимическое соединение Земли и Неба. Два попарно сочлененных квадрата, образуемых лепестками свастики, символизируют соединение мужской и женской сущности (в трактовке М. М. Маковского – космос [Маковский, 2013, с. 289]). С другой стороны, острые углы соприкосновения данных квадратов символизируют переход из одного состояния (тьма, смерть) в другое (жизнь, свет), т.е. перевоплощение [Маковский, 2013, с. 289]. В свою очередь, четыре квадрата, образуемых лепестками свастики, символизируют четыре стихии.

Таким образом, свастика – символ, имеющий многослойную и многогранную семантику. Свастика в индоевропейской языческой традиции являлась символом солнца, жизни и шире, производящей, животворной силы, плодородия, соединения мужского и женского начала, соединения четырех стихий и, в конечном итоге, космоса. Однако, в партийную символику НСДАП и государственную символику Третьего Рейха этот символ вошел в своем прямо противоположном значении как символ ночи и ночного мрака. Отчасти это можно связать с реликтами мифологического мышления, отчасти – с эзотерическими установками нацистских оккультистов. Метафорически можно сказать, что, выбрав в качестве государственного символа символ тьмы, германское государство попало под действие вполне определенных «сверхъестественных» сил. В конечном итоге, судьба германского государства оказалась предрешена. Результат оказался известным: тяжелое поражение Третьего Рейха в войне, миллионы погибших и надолго закрепившаяся за свастикой дурная слава.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев, С. С. Символ // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 607-608.
2. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. – М.: Изд-во «Языки русской культуры», 1999. – 895 с.
3. Колесов, В. В., Пименова, М. В. Языковые основы русской ментальности. Изд. 3-е, доп. (серия «Концептуальные исследования». Вып. 14). – СПб.: СПбГУ, 2011. – 136 с.
4. Кристева, Ю. Избранные труды: разрушение поэтики. – М.: РОССПЕН, 2004. – 652 с.
5. Кутенков, П. И. Ключ к пониманию символа свастики как символа германского нацизма. – Общество. Среда. Культура (Terra Humana). – 2010. – №3. – С. 155-159.
6. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Изд-во «Мысль», 2001. – 558 с.
7. Маковский, М. М. Индоевропейская этимология: предмет – методы – практика. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 352 с.
8. Маковский, М. М. Лингвистическая генетика: проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 208 с.
9. Маковский, М. М. Язык – миф – культура: Символы жизни и жизнь символов. Изд. 2-е [Текст] / М. М. Маковский. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 320 с.
10. Маслова, В. А. Лингвокультурология. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
11. Пименова, М. В. Концепт сердце: Образ. Понятие. Символ (серия «Концептуальные исследования». Вып. 9). – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с.
12. Стеблин-Каменский, М. И. Древнескандинавская литература. – М.: «Высшая школа», 1979. – 192 с.
13. Langacker, R. W. Foundations of Cognitive Grammar. Volume I: Theoretical Prerequisites. – Stanford, California, USA: Stanford University Press, 1987. – 521 p.

КИШИНА Е. В.

Кемерово

КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ В СФЕРЕ ОБЫДЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена лингвистическому исследованию когнитивных механизмов образования и протекания конфликтных ситуаций интерпретационного типа в сфере обыденной политической коммуникации. В статье описываются факторы, обуславливающие возникновение конфликтов интерпретационного типа в сфере обыденной политической коммуникации. Объектом исследования выступают интернет-комментарии к текстам политического содержания, рассматриваемые как индикатор общественного сознания, выражающего политическое настроение и реакцию массового адресата.

Ключевые слова: речевой конфликт; языковая интерпретация; конфликт интерпретаций; языковое сознание; обыденная политическая коммуникация

KISHINA E. V.

Kemerovo

CONFLICT OF INTERPRETATIONS IN THE SPHERE OF ORDINARY POLITICAL COMMUNICATION

Abstract. The article is devoted to the linguistic study of cognitive mechanisms in the formation and in the occurrence of conflict situations of interpretation type in the sphere of ordinary political communication. The author describes the factors that determine conflicts of interpretational type in the sphere of ordinary political communication. The research object is the Internet-comments to the texts with political content considered as the indicator of social consciousness, which expresses the political mood and the mass addressee reaction.

Keywords: speech conflict; language interpretation; conflict of interpretations; language consciousness; ordinary political communication.

Современное изучение политического дискурса отличается множественностью исследовательских подходов, что подчёркивает высокую продуктивность выявления и описания происходящих политических процессов лингвистическими средствами.

Предлагаемое исследование выполнено в парадигме нового направления политической лингвистики – обыденной лингвополитологии, направленной на «изучение особенностей обыденного языкового сознания на материале обыденных политических текстов и фрагментов языковой системы» [Голев 2011: 67].

Современная политическая лингвистика в основном направлена на изучение политического сознания элитарных личностей (политических лидеров, лидеров партий, партийных руководителей и т.д.). *Обыденное политическое сознание, под которым мы понимаем представления рядовых носителей языка о политике, деятельности ее институтов и их лидерах,* остаётся вне поля зрения лингвистов и изучается в основном политологами и социологами. Совершенно не изученным остаётся состояние механизмов политического сознания, реализуемых в процессе интерпретации политических текстов. Между тем обыденное политическое сознание фокусируется в языковых формах в виде устойчивых концептов, идеологем и мифологем.

Как правило, представления о политике рядовых носителей языка, опирающиеся на житейский опыт, отличаются поверхностностью, стереотипностью, наличием множества иллюзий и противоречий, склонностью к персонификации политических проблем. Обыденное политическое сознание – это особая психологическая реальность, позволяющая понимать и оценивать политическую жизнь в стране, выделять в ней себя и определенным образом к ней относиться.

Настоящая статья посвящена лингвоконфликтологическому описанию политической коммуникации как отражению обыденного сознания рядовых носителей русского языка. Ос-

новным аспектом описания речевых конфликтов, протекающих в сфере обыденной политической коммуникации, выступает *интерпретационный аспект* в его системоцентрической и адресатоцентрической направленности.

В целом лингвистический интерпретационизм ориентирован на описание функционирования текста в языковом сознании адресата путём выделения таких когнитивных составляющих, как языко-ментальный процесс, результат и установка (презумпция интерпретируемости объекта). При подобном подходе интерпретация выступает как целенаправленная когнитивная деятельность, отражающая установки интерпретатора по установлению смысла языковых выражений [Демьянков 1982: 327–337].

Интерпретационная концепция текста отражает один из существенных принципов организации обыденной политической коммуникации, заключающийся в процессе осознания первичного (интерпретируемого) политического текста и создания вторичного (интерпретирующего) текста. Разрабатываемая в трудах Н. Д. Голева и Л. Г. Ким идея множественности вариативности интерпретации текста, базирующаяся на системно-языковом и личностном факторах (Голев, Ким 2007; 2009; 2014; Ким 2013), способствует определению онтологической природы *конфликта интерпретаций*, отражающего столкновение содержания текста и внутренних интенций автора [Рикер 1995: 26].

Когнитивная модель конфликта интерпретаций автора и адресата обыденной политической коммуникации базируется на понятии коммуникативного акта как двунаправленного речевого процесса, совершаемого коммуникантами по принципу иллюкутивного вынуждения (Дж. Остин, Дж. Сёрль, Р. Якобсон). При данной трактовке матрица образования и протекания конфликтных ситуаций интерпретационного типа, репрезентирующих лингвокогнитивные механизмы обыденного политического сознания, включает следующие структурные компоненты:

- 1) коммуникативные интенции автора, обуславливающие содержательное наполнение текста (*«автор хотел сказать, что...»*);
- 2) коммуникативные интенции адресата, обуславливающие вектор интерпретационной деятельности (*«читатель понял, что...»*);
- 3) психолого-коммуникативные дотекстовые установки адресата, обуславливающие мотивационный характер интерпретационной деятельности (*«читатель понял текст именно так, потому что до его восприятия был настроен на...»*).

Как представляется, механизм образования конфликтных ситуаций в подобных случаях обусловлен фактором текста и фактором субъекта-интерпретатора. Согласно данному представлению, интерпретационная деятельность субъекта обыденной политической коммуникации является самостоятельным когнитивным механизмом, отражающим столкновение текстовых (системоцентрических, языковых) и дотекстовых (субъективных, личностных) детерминант (Голев, Ким 2007; 2009; 2014; Ким 2013).

Системоцентрическая обусловленность вариативности интерпретации политического содержания во многом определяется антиномичным устройством языковой системы по принципу «знак – смысл»: конечное количество знаков мотивирует бесконечное количество смыслов. В свою очередь основой когнитивного механизма дотекстового компонента выступают отражённые в сознании интерпретатора индивидуальные и общественно-политические интенции, определяющие вектор (содержательный, модальный) интерпретационной деятельности: «Интенция интерпретатора формируется не только в процессе восприятия – чтения – понимания. Она обусловлена не только интерпретируемым текстом, но имеет и **дотекстовые детерминанты**, которые во многом определяют выбор непосредственных элементов интерпретации, интерпретационное содержание, модальность и т.п.» [Голев, Ким 2014: 58].

Источниками лингвистического моделирования обыденного политического сознания являются, во-первых, «естественные» тексты на политические темы, продуцированные рядовыми носителями языка в различных коммуникативных ситуациях (разговоры на кухне, дискуссии в Интернете, письма в редакции, дневники, материалы блогов и т. п.), во-вторых, естественная семантика слов с политическим содержанием, отражающая коллективные акцен-

ты и модусы, связанные с тем или иным словом, и, в-третьих, специальные исследования, направленные на выявление политических диктумов и модусов стихийного политического дискурса (опросы, ассоциативный эксперимент, эссе на политические темы и т. п.) [Голев 2013: 178–179].

Выбор интернет-сайта как источника материала связан с высоким уровнем доступа к информации носителей языка. Компьютеризация общества порождает развитие нового коммуникативного пространства, отражающего современное состояние общества, в том числе его ментальность. Особенно активно в интернет-коммуникации транслируются политические взгляды, намерения, деятельность рядовых участников политической коммуникации.

Плодородной почвой для анализа механизмов формирования и развития конфликтов интерпретационного характера являются интернет-комментарии к текстам политического содержания. Политический текст, воплощающий замысел автора, попадая в сознание адресата, наделяется множеством индивидуальных содержательных и модусных компонентов, что приводит к формированию вторичного текста со своей аксиологической составляющей. Интернет-комментарии к текстам политического содержания являются своеобразным индикатором общественного сознания, выражающего политическое настроение и реакцию массового адресата.

В данном отношении небезынтесным представляется новостная социальная сеть «Newsland» (<http://www.newsland.ru/>), специфика которой заключается в том, что содержание портала формируют сами участники интернет-коммуникации. На портале публикуются материалы, найденные пользователями, которые, по их мнению, имеют актуальный характер и представляют интерес для российского сообщества. Сам отбор материалов уже отражает ценностные ориентиры массового политического сознания, позволяет выделить концептуальные смыслы, мифологемы, идеологемы обыденного сознания.

Проиллюстрируем данное положение конкретным анализом, основанном на сопоставительном методе интерпретируемого (комментируемого, исходного, первичного) и интерпретирующего (комментирующего, производного, вторичного) текстов, расположенных в новостной социальной сети «Newsland».

Материалом исследования является размещённая на сайте 10.06.2015 г. статья «*Новосибирский спецназ одели в экипировку «Ратник»*» и 38 комментариев к ней (<http://newsland.com/news/detail/id/1556659/>). Данная статья представляет собой небольшой по объёму, достаточно прозрачный по содержанию и авторской интенции новостной материал, посвящённый внедрению новой военной экипировки. Семиотический анализ языковых единиц позволяет выделить в нём несколько содержательных блоков:

- 1) *бойцы спецназа Центрального военного округа получили первые комплекты многофункциональной экипировки «Ратник»;*
- 2) *новый вид экипировки получают курсанты Новосибирского высшего командного училища;*
- 3) *функциональные особенности нового вида военной экипировки.*

Интенциональная направленность данного текста сводится к экспликации автором конкретного события (внедрение нового военного обмундирования) и оценке его функциональных особенностей («эффективный комплект защиты»). Выделенные смысловые доминанты исходного текста обуславливают вектор интерпретационной деятельности адресатов.

Анализ комментирующих текстов позволяет выявить несколько моделей интерпретационных типов, детерминированных текстообразующими факторами:

1. *Гармонизирующий тип*, проявляющийся в полном согласии с содержательной и аксиологической составляющими исходного текста:

Sortavala1 комментирует материал 10.06.2015 в 9:04 # : Класс! Благодаря этой экипировке военнослужащие смогут более оперативно выполнять поставленные перед ними задачи. Ведь в этой экипировке много новшеств, которые помогут солдатам в бою. Это обмундирование также сохранит им жизнь и здоровье.

Наблюдения за коммуникативными особенностями организации интернет-дискуссий позволяют констатировать, что гармонизирующий тип является низкочастотной интерпрета-

тивной моделью обыденной политической коммуникации. Полное совпадение картины мира автора и адресата является скорее исключением в общем интерпретативном потоке, направленном в своём массиве на выражение собственной позиции комментатора.

2. *Конфликтный тип*, проявляющийся в несовпадении интерпретации описываемой в исходном тексте действительности с позиции автора и адресата. Структурно-семантические стороны интерпретируемого текста выступают в данном случае детерминантой, обуславливающей конструирование своей собственной позиции, а не реконструкции авторского замысла.

По особенностям смысловой организации данный тип конфликтных интерпретаций проявляется в двух разновидностях:

а. *непроявленный конфликтный тип* – тип конфликтных ситуаций, остающихся только на уровне сознания адресата. Комментатор репрезентируют своё несогласие с содержательной составляющей текста, но либо вообще не вступает в полемику с автором, либо пытается аргументировать его логику:

bartleby комментирует материал 10.06.2015 в 8:39 # : *Сталин в свое время поштучно распределял танки. Кабаев, поштучно распределяет солдатское обмундирование...*

longro отвечает *Storm1* на комментарий 10.06.2015 в 8:46 # *Бобики на защите золотых унитазов олигархии.*

б. *проявленный конфликтный тип* – тип конфликтных ситуаций, вербализирующий полемику адресата по поводу содержательной и аксиологической составляющей исходного текста.

Данная разновидность конфликта интерпретаций в обыденной политической коммуникации представлена в двух вариантах:

- претензии адресата к способу выражения содержания:

komandorr комментирует материал 10.06.2015 в 8:32 # *Экипировка из военторга и без шевронов? Со спецкарманом для молитвослова? Российскую экипировку "Ратник" уже сейчас необходимо продвигать на мировой рынок», - заявил генеральный директор «ЦНИИ-ТОЧМАШ» Дмитрий Семизоров. Всё на продажу?*

- претензии к интерпретации действительности:

Аристоник комментирует материал 10.06.2015 в 8:29 # *:Хрень, для российской власти главное, что бы под рукой было побольше пушечного мяса, которым можно забросать любого противника. Народ это смерды и холоуи, их не жаль.*

Выделенные конфликтные типы, обусловленные текстообразующими факторами, иллюстрируют зависимость интерпретационной модели от таких составляющих коммуникативного речевого акта, как локуция, иллюкуция, перлокуция. Между тем детерминированность данного процесса антропоцентрическими причинами актуализирует мотивационный (дотекстовый) уровень интерпретационной деятельности адресата. Разработанная в рамках персоноцентрического подхода трёхуровневая организация языковой личности, состоящая из вербально-семантического (структурно-системного), лингвокогнитивного (тезаурусного) и мотивационного уровней (Караулов, 2010), актуализирует роль дотекстовых, психолого-коммуникативных механизмов, определяющих видение и понимание текста адресатом. Так, преобладающее число комментариев к анализируемой статье представляют собой самостоятельные текстовые образования, построенные по принципу индивидуального прочтения. Комментаторы «видят» в тексте то, что они хотят в нём «увидеть», исходя из мотивационных и дотекстовых установок. Данный аспект предполагает структурирование когнитивного механизма интерпретаций не по принципу выстраивания иллюкутивной направленности текста («то, что хотел сказать автор»), а по принципу реализации собственных установок («то, что я хотел сказать»).

Рационально-логический в структурно-содержательном отношении новостной текст становится своеобразной отправной точкой для выражения собственных интенций. Массив интернет-комментариев составляют отклики, направленные на выражение своих политических, религиозных взглядов, установок, общих жизненных принципов. Лаконичная и без-

эмоциональная информация о введении новой военной экипировки модифицируется в достаточно агрессивную дискуссию, направленную на выяснение отношений между постоянными участниками политической коммуникации, рассуждения об экономическом и политическом состоянии и устройстве общества, перерастают в оценку правящей элиты:

Смерть бараклов отвечает Storm1 на комментарий 10.06.2015 в 8:38 # И в ватниках вас громили.

bartleby. отвечает Смерть бараклов на комментарий 10.06.2015 в 8:46 # дадада Кажe, помню – деды воевали. А сами-то зделали??; Только и способны что гордиться 70-лет дедами.

frakies отвечает bartleby. на комментарий 10.06.2015 в 8:59 # Вам то чем гордиться?)))))) Ваши деды в схронах сидели да женицин-детей вешали-жгли-расстреливали...

bortnikov-195 отвечает Смерть бараклов на комментарий 10.06.2015 в 8:57 #)))Не ври прыщавый тинейджер))) Сидишь на Савушкина в компании таких же недорослей,и комменты кропаеи))))))

Приведённый отрывок интернет-дискуссий подчёркивает значимость прагматических презумпций при интерпретации текстов политического содержания. Для обыденного языкового сознания актуальным в интерпретативной деятельности является механизм вербализации собственных мотивационных установок и дотекстовых детерминант.

Свойства языковой личности, обусловленные индивидуальными особенностями, формируют определенный стиль речевого поведения. Наблюдения за особенностями организации диалогичных интернет-жанров позволяют констатировать, что личностные, психоэмоциональные качества адресатов во многом обуславливают речевую модель поведения в конфликтной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голев Н. Д. Обыденная лингвополитология: проблемы и перспективы // Современная политическая лингвистика: тезисы Междунар. науч. конф. / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал.гос.пед.ун-т», 2011. – С.66–68.

2. Голев Н. Д., Шанина А. В. Обыденный политический дискурс на сайтах Рунета с фашистским и антифашистским содержанием (сопоставительное лингвистическое исследование) // Политическая лингвистика. – Выпуск 2 (44). – Екатеринбург, 2013. – С. 178–185.

3. Голев Н. Д., Ким Л. Г. Обыденные политические интернет-комментарии как проявление вариативности интерпретации (оппозиции «эксплицитное – имплицитное», «проявленное – ожидаемое») // Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе: материалы российской секции международной конференции «Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse» / под ред. А. П. Чудинова, Э. В. Будаева ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», Цюрихский университет. – Екатеринбург, 2014. – С. 47–71.

4. Демьянков В. З. Конвенции, правила и стратегии общения (интерпретирующий подход к аргументации) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 41. 1982. № 4. – С. 327–337.

5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд.7-е. – М.:Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.

6. Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. – М.: УРСС, 2013.

7. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике. – М.: Медиум, Академия-Центр, 1995. – 415 с.

КЛИМОВА Т. Н.

Екатеринбург

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМНОГО ОБРАЩЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ

Аннотация. Анализируется текст рекламного обращения ректора УрГПУ, представленный на буклете 2012 года с лексической точки зрения. Выявляются и анализируются грамматические, фонетические и литературные приемы, отразившиеся в данном рекламном тексте. Также выводится индекс читаемости данного рекламного текста, исходя из грамматических и лексических особенностей данного рекламного текста.

Ключевые слова: УрГПУ, рекламное обращение, грамматический прием, использованная лексика, литературный прием, индекс читаемости, запоминаемость рекламного текста.

KLIMOVA T.N.

Ekaterinburg

COMPLEX ANALYSIS OF THE ADVERTISING ADDRESS OF A MANAGER

Abstract. The text of the USPU Pector's speech, published in the advertising booklet of 2012, is analyzed from the lexical point of view. Grammatical, phonetical and literary means found in this text are studied. The index of readability of this text is given on the basis of its grammatical and lexical means.

Keywords: USPU, advertising text, grammatical means, the lexis, literary means, readability index, memorability of the advertising text.

Текст рекламного обращения является одним из самых популярных среди рекламных текстов в дискурсе образовательных учреждений: именно обращение ректора открывает за частую сайты вузов, с обращения ректора начинаются Дни открытых дверей. Эта тенденция свойственна и рекламному дискурсу УрГПУ.

В качестве материала мы выбрали рекламный текст УрГПУ, представленный в буклете 2012 года. В качестве рекламного текста в данном буклете использовано обращение действующего в тот период ректора – Игошева Б. М.

Ю. С. Бернадская в своей работе «Текст в рекламе» рассматривая интралингвистические особенности рекламного текста, анализирует фонетику, лексику, синтаксис и читаемость рекламного текста [Бернадская 2008: 287].

Рассматривая лексику рекламного текста, Ю. С. Бернадская говорит об особенностях функционирования в нем слов различных частей речи, фразеологизмов, модальных операторов долженствования, модальных операторов возможностей, слов негативного воздействия, комментариев, обращений к внутренним ресурсам, а также семантических полей.

В анализируемом нами рекламном тексте 286 слов. Из них – 25 слов – глаголы, 10 – местоимения, 59 – прилагательные. Глагол имеет большую побудительную силу – самая динамичная часть речи. Использование глаголов в повелительном наклонении в конце текста «станьте частичкой..., приходите покорять...» безусловно является удачным решением авторов данного рекламного текста, так как побуждает потенциального потребителя к действию.

В тексте использовано 10 местоимений, из которых 4 – «вы». Употребления местоимения «вы», является удачным, так как обращается непосредственно к личным чувствам потребителя.

Однако использование местоимения «мы» является неудачным и, по мнению Ю. С. Бернадской, неоправданным. «Обращение на «вы» клиент воспринимает, обращение «мы» пропускает мимо ушей» [Бернадская 2008: 74].

В нашем тексте четыре абзаца построено на местоимении «мы», что ухудшает запоминаемость данного рекламного текста. Употребление «мы» не должно занимать такое количество в рекламном тексте, потому что реклама должна быть ориентирована на то, чтобы привлечь внимание потребителя и рассказать ему о том, какую пользу он получит от данного

вида услуг, а не о том, чего достиг ВУЗ за историю своего существования. Эта информация, как правило, не интересует потребителя.

Стоит отметить удачность использования прилагательных в данном тексте. Практически все они нестандартны («ответственный», «высококвалифицированные», «лидирующие», «высококлассные»), что делает данный рекламный текст заметным среди других, и позволяет ВУЗу позиционировать себя как уникальное и непохожее на других место.

Также в данном рекламном тексте уместно использованы слова модальных операторов возможности («вы сможете стать...»), которые предлагают человеку выбор, а также слова семантического поля, а именно, отвечающего основным потребностям человека в самореализации и в реализации социально-престижных потребностей.

Как правило, в текстовой рекламе преобладают простые предложения, способствующие повышению усвояемости рекламного обращения. Однако в данном рекламном тексте в больших количествах представлено употребление сложных предложений, а также предложений, осложненных различными оборотами и длинными рядами однородных членов (количество сложных предложений – 5, количество осложняющих конструкций – 11). Это снижает запоминаемость данного рекламного текста. Глядя на эти огромные предложения, их абсолютно не хочется прочитать, а это плохо сказывается на продвижении ВУЗа среди конкурентов.

Единственный синтаксический прием, который нашел свое отражение в нашем тексте – риторическое обращение, вынесенное в заголовок данного рекламного текста.

Для того, чтобы проанализировать читаемость данного рекламного текста обратимся к работе Ю. С. Бернадской «Текст в рекламе», где она приводит формулу для вычисления индекса читаемости.

Рассмотрим морфологические характеристики читаемости рекламного текста.

Количество глаголов играет важную роль в тексте: в нашем случае глаголы – это 9% от общего текста. Данный показатель относит наш текст к среднему уровню читаемости.

Не менее важную роль в запоминаемости рекламного текста играет количество предлогов. В нашем тексте количество предлогов – 5%, что является показателем высокой читаемости.

Среднее количество слов в предложении – 20 слов этот показатель относится к низкой читаемости, и сильно затрудняет восприятие данного рекламного текста.

Из четырнадцати предложений – девять простых. Это 64%, что относится к показателю средней читаемости.

Количество осложняющих конструкций – одиннадцать. Это 78% от количества предложений, что относит данный текст к показателю низкой читаемости.

В современной журналистике для определения уровня читаемости используют показатель Fog Index (FI):

$$FI = (X + Y) \cdot 0,4,$$

где X — среднее количество слов в предложении текста (20);

Y — среднее количество слов с длиной три и более слогов в предложении текста (12).

$$FI = (20+12) \cdot 0,4 = 20$$

Наш показатель читаемости является низким.

Проанализируем читаемость данного текста по уровням.

Таблица 1. Анализ читаемости текста «Обращение ректора УрГПУ»

Уровень читаемости	Характеристика	Оценка характеристик	Оценка читаемости	Общая оценка уровня
Лексический	Количество длинных слов (3+)	168 (59%)	Низкая	Средняя
	Количество абстрактных слов	Небольшое количество	Высокая	
	Количество иноязычных слов	Нет	Высокая	

	Количество редко употребляемых слов	Небольшое количество	Высокая	
Морфологический	Количество глаголов	25 (9%)	Средняя	Средняя
	Количество предлогов и частиц	14 (5%)	Высокая	
	Количество аффиксов	Высокое	Низкая	
Синтаксический	Длина предложения	20	Низкая	Низкая
	Уровень сложности	Из 14 предложений – 9 простых (64%)	Средняя	
	Осложняющие элементы	11 на 14 предложений (78%)	Низкая	

Общий вывод по уровням: *читаемость средняя.*

Как мы видим, показатель читаемости Fog Index низкий, а по уровням — средний. Такое расхождение связано с тем, что при расчете Fog Index учитываются только две характеристики — длина слов и длина предложений. Анализ по уровням учитывает гораздо большее число факторов. Поэтому эти две части анализа читаемости дополняют друг друга.

Проанализируем стилистические особенности данного рекламного текста.

В аксиологическом аспекте данный текст можно отнести к среднему с использованием элементов высокого стиля. Использование именно такого стиля речи обусловлено спецификой образовательного учреждения, а также особенностями предоставляемых услуг. Можно сказать, что ВУЗ позиционирует себя как серьезное образовательное учреждение, что положительно влияет на его имидж и повышает престижность УрГПУ в сознании потенциального потребителя.

В функциональном аспекте данный текст представляет собой синтез публицистического и научного стилей. Несмотря на то, что ВУЗ – это образовательное учреждение, использование элементов научного стиля не уместно. Так как рекламный текст направлен на целевую аудиторию абитуриентов (это заявлено в заголовке), а именно молодежи («В вашей жизни наступает ответственный момент – пора выбора будущей профессии. Это первый самостоятельный шаг во взрослую жизнь, от которого будет зависеть вся ваша дальнейшая судьба»), то не следует использовать элементы научного стиля, который не обладает эмоционально-экспрессивной окраской, а значит и не делает рекламный текст выразительным и личностным, то есть не обращается к чувствам и эмоциям потенциального потребителя. Это относится к аргументам, приведенным в данном рекламном тексте. Они сухо излагают информацию о ВУЗе, не обращаясь к сознанию потребителя. Любая реклама должна быть лично ориентированной, а поэтому она должна быть адаптирована под возможности восприятия и эмоции потребителя. В нашем случае потенциальный потребитель – абитуриент, недавно закончивший школу.

В нормативном аспекте. Данный рекламный текст не обладает особой оригинальностью. Заметно использование шаблонных фраз и выражений, как в построении самого текста, так и в построении предложений, обращенных к абитуриентам. Все соответствует жесткому формальному соблюдению норм и правил построения текста. Нет никаких отступлений.

Что касается стилевых принципов, необходимых при создании рекламного текста, то можно сказать, что соблюдаются далеко не все из них. Этот текст нельзя назвать кратким. Он изобилует лишними словами и ненужными подробностями. Лишен единого стиля и ритма. Абсолютно не соответствует требованию минимакса, выделенного Ю.С. Бернадской : мини-

мум слов – максимум информации. В данном тексте можно отметить преобладание слов над количеством информации.

Конкретность и точность отсутствуют в данном рекламном тексте. Это связано с тем, что реклама данного образовательного учреждения направлена не на рекламу определенной услуги, а на создание положительного облика университета в целом. Однако данный текст представляется размытым и расплывчатым, не имеет индивидуальности и не отражает специфику именно УрГПУ как высшего учебного заведения, не похожего ни на какое другое. Эту рекламу можно использовать для продвижения любого педагогического университета.

Однако, данный рекламный текст выстроен вполне логично. Он имеет четкую структуру. В начале он обращается к абитуриентам, затем приводит аргументы в пользу выбора данного университета, и в конце побуждает к действию на основании приведенных фактов.

Текст выглядит убедительным, так как приводится много аргументов, написанных в научном стиле. Такая аргументация позволяет ВУЗу позиционировать себя как серьезное образовательное учреждение, поддерживается имидж престижности заведения и его статусности по сравнению с другими.

Нельзя сказать, что текст является простым и незамысловатым, и будет понятен любому человеку. Однако, в данном случае текст представляет собой рекламу высшего учебного заведения. То есть нацелен не на всякого потребителя, а на потребителя, способного к восприятию такой информации, представленной в виде сложных и осложненных большим количеством конструкции предложений.

Оригинальность этого текста на низком уровне. Как мы уже отмечали выше, предложения отличаются штампованностью, а также текст содержит в себе много нудных перечислений, заключенных в сложные или осложненные большим количеством конструкций предложения.

Выразительность этого рекламного текста очень невелика. Только в одном предложении использована метафора по отношению к потенциальному потребителю. «Станьте частичкой этого огромного и невероятно интересного мира, приходите покорять научные, творческие и спортивные вершины». Любопытно, что данное предложение перекликается с основной идеей всей рекламной кампании. Ведь слоган, представленный на данном буклете также отсылает сознание читателя на ассоциации со словом мир.

Можно отметить, что данный рекламный текст соответствует типу престижной услуги. Отсылает читателя к его потребностям в самореализации и в стремлении занять престижную должность в социуме, стать успешным человеком. Эта отсылка присутствует во вступительной части, а также и в заключении данного текста. «В вашей жизни наступает ответственный момент – пора выбора будущей профессии. Это первый самостоятельный шаг во взрослую жизнь, от которого будет зависеть вся ваша дальнейшая судьба. Если вы талантливы, полны сил, стремлений и энергии – добро пожаловать в Уральский государственный педагогический университет!..». «В УрГПУ вы сможете стать настоящими лидерами, успешными и талантливыми людьми, реализуете самые амбициозные цели профессионального и личностного развития. Здесь вы не только получите качественное образование и престижную специальность, но и приобретете настоящих друзей, вольетесь в энергичную молодежную среду».

Рассмотрим функционирование различных тропов в данном рекламном тексте. Выше мы уже отмечали наличие метафоры в данном тексте.

Но метафора содержится не только в последнем абзаце данного рекламного текста. Также в первом абзаце по отношению к словосочетанию пора выбора будущей профессии также приведено два метафорических словосочетания – это «ответственный момент», «самостоятельный шаг». Данная метафора, приведенная в самом начале данного текста, настраивает на серьезность при восприятии последующей информации.

Далее можно отметить большое количество эпитетов. По отношению к абитуриентам использованы следующие эпитеты: *талантливы, полны сил, стремлений и энергии*. Использование именно этих эпитетов для описания образа абитуриента УрГПУ является удачным,

так как позволяет создать положительный, энергичный образ современного студента УрГПУ. По отношению к преподавателям УрГПУ использованы следующие эпитеты: *высококвалифицированные педагоги, ведущие ученые и заслуженные деятели науки, культуры и спорта*. Эти эпитеты позволяют поднять престижность ВУЗа в глазах потенциального потребителя, также престижность ВУЗа поднимает приведение примеров выдающихся студентов УрГПУ и использование их характерологических эпитетов: *учатся чемпиона мира и Европы, олимпийские чемпионы, лауреаты всероссийских и международных конкурсов социально значимых проектов и студенческих научных работ, победители и призеры олимпиад и престижных профессиональных конкурсов*.

По отношению к возможностям, которые предоставляет УрГПУ своим студентам, были использованы следующие эпитеты: *в УрГПУ вы сможете стать настоящими лидерами, успешными и талантливыми людьми, реализуете самые амбициозные цели профессионального и личностного развития*. Использование эпитетов успешный и талантливый по отношению к возможностям личности потенциального потребителя, которые он приобретёт, воспользовавшись услугами, предоставляемыми данным университетом, является, несомненно удачным средством, так рисует радостную и перспективную картину в сознании абитуриента, который является целевой аудиторией данного рекламного текста. *Здесь вы не только получите качественное образование и престижную специальность, но и приобретете настоящих друзей, вольетесь в энергичную молодежную среду*. Продолжается описание возможностей, предоставляемых ВУЗом, но здесь внимание акцентируется не только на интеллектуальном потенциале личности, но и на его частной жизни, а именно на потенциальных друзьях и эмоциональной среде, которая будет его окружать. Использование эпитета настоящий по отношению к потенциальным друзьям и энергичная, молодежная по отношению к среде, вызывает ассоциации чего-то светлого, дружественного и теплого. Это, несомненно, повышает расположенность потенциального потребителя не только к предоставляемой услуге, но и к месту, а именно университету, который эту услугу предоставляет.

Ю С. Бернадская в своей работе «Текст в рекламе» рассматривает жанры рекламных текстов. Анализируемый нами рекламный текст можно отнести к жанру рекламного комментария, который входит в группу аналитических жанров. Для него характерно выражение отношения к товару некоего авторитетного лица. И таким лицом в данном рекламном тексте является ректор университета, действующий на момент создания буклета – Игошев Б. М. Безусловно, приведение его мнения в качестве рекламного комментария является удачным выбором автора данного рекламного текста. Потому что Борис Михайлович олицетворяет собой успешного человека, который добился больших высот. От простого выпускника института физики и технологии он дошел до ректора УрГПУ, а также достиг больших успехов в научной деятельности, а именно является доктором педагогических наук, профессором, заслуженным деятелем высшей школы РФ, почетным работником высшего профессионального образования, а также лауреатом медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. В данном случае, использование жанра рекламного комментария позволяет акцентировать внимание на конкурентных преимуществах рекламируемой услуги, и всего образовательного учреждения, и тем самым повысить престижность образа УрГПУ в сознании потенциального потребителя.

Вывод. Таким образом, можно сделать вывод, что данный рекламный текст обладает низким показателем запоминаемости, однако помогает создать положительный образ университета, повысить его престижность и побудить потенциального потребителя к действию, а именно воспользоваться предоставляемыми УрГПУ образовательными услугами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бернадская Ю.С. Текст в рекламе. М.: Юнити, 2010. 288 с.
2. Бове К. Современная реклама. Тольятти: Довгань, 1995. 704 с.
3. Власова Н. Рекламный конструктор. Новосибирск: ОИГТМ, 1998. 196 с.
4. Джулер А. Креативные стратегии в рекламе. СПб.: Питер, 2003. 384с.

5. Кара-Мурза Е.С. Стилистика и риторика рекламных текстов // Журналистика в 2000 году: реалии и прогнозы развития: Тез. науч.-практ. конф. М., 2000. Ч. 7.
6. Ключев Е. Речевая коммуникация: Коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, успешность речевого взаимодействия. М.: Риол классик, 1998. 320 с.
7. Ксензенко О.А. Как создается рекламный текст: функционально-экспрессивные аспекты рекламного текста. М.: ИСТИНА, 1999. 326 с.
8. Медведева Е.В. Рекламная коммуникация. М.: ЛКИ, 2003. 280 с.

КОВАЛЕВА К. А.

Кемерово

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА НА УКРАИНЕ В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ЮЛИИ ТИМОШЕНКО¹

Аннотация. В статье рассматривается роль военной метафоры в описании политического конфликта на Украине в 2014–2015. Подробно описаны фреймы «Война и ее разновидности», «Организация военной службы», «Военные действия и вооружения», «Начало войны и ее исход». Метафоры со сферой-источником «война» отражают обеспокоенность судьбой Украины, желание сражаться за свою страну во благо украинского народа.

Ключевые слова: военная метафора, метафорическая модель, политическая лингвистика, концептуализация, концептуальная метафора, Юлия Тимошенко.

KOVALEVA K. A.

Kemerovo

METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE POLITICAL CONFLICT IN UKRAINE IN THE SPEECHES OF YULIA TYMOSHENKO

Abstract. The article is devoted to the role of a military metaphor in representation of the political conflict in Ukraine in 2014-2015. The frames structuring the given metaphor are consistently described: "War and its versions", "Organization of military service", "Military action and arms", "Beginning of the war and its results". The metaphors with a sphere-source "war" reveal the concern about the fate of Ukraine, the desire to fight for this country with all the strength and win the benefit of the Ukrainian people.

Keywords: military metaphor, metaphorical model, political linguistics, conceptualization, conceptual metaphor, Yulia Tymoshenko.

Мировая политическая ситуация настоящего времени крайне не стабильна. Многочисленные политические и военные конфликты служат тому доказательством: «Исламское государство Ирака и Леванта» и другие международные террористические группировки действуют на востоке Ливии. Ситуация в Сирийской Арабской Республике (САР) по-прежнему остается в центре внимания международного сообщества. Еще одной острой проблемой международных отношений остается ситуация вокруг Ирана, ядерная и ракетная программы которого рассматриваются странами Запада и Израилем как угроза своим национальным интересам. В Египте правительство продолжает борьбу со сторонниками "Братьев-мусульман", действия которых угрожают государственности республики. Многочисленные санкции против России. Одним из самых показательных примеров политического конфликта является ситуация на Украине.

Совершенный на Украине националистическими силами государственный переворот, поводом для которого, по заявлению его инициаторов, послужил отказ команды В. Януковича от подписания соглашения об ассоциации с ЕС, привел к усилению центробежных сил на юго-востоке республики и в Крыму, где значительная часть населения не признала новых

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект 15-04-00311 «Лингвокогнитивный анализ конфликтов в сфере обыденной политической коммуникации».

киевских властей и реализовала свое право на самоопределение. В результате проведенных референдумов Республика Крым и город Севастополь вошли в состав Российской Федерации, а самопровозглашенные Донецкая и Луганская Народные Республики заявили о своем суверенитете. Украинский режим не смирился с утратой Крыма и потерей контроля над частью территории Донбасса и, получив одобрение Запада, начал боевые действия на юго-востоке страны.

В стране прошли выборы президента, на которых одержал победу Петр Порошенко. Были подписаны два минских соглашения, но, не смотря, на принятые меры ситуация на Украине по-прежнему остается дестабилизированной. Главной причиной этого, безусловно, является продолжающийся вооруженный конфликт на востоке стран, а так же недовольство народа по отношению к действующей политической системе и властям.

На фоне нестабильной политической ситуации на Украине вновь начинает расти популярность экс-премьера и неоднократного кандидата в президенты Юлии Тимошенко. Стоит отметить, что 25 октября 2015 года на Украине пройдут выборы в органы местного самоуправления, а это значит, что у Юлии Тимошенко и ее партии есть все шансы вновь занять лидирующие позиции на Украинской политической сцене.

Задачей данной статьи является рассмотрение особенностей метафорической репрезентации политического конфликта на Украине в выступлениях Юлии Тимошенко. Поскольку метафора является одним из способов формирования необходимого политическому восприятию политических событий и определенного эмоционального отношения к ним, то подобный анализ позволит выявить основные тенденции в восприятии происходящего на Украине. Материалом исследования послужили выступления Тимошенко, представленные на русской версии ее официального сайта. В данной работе был проанализирован корпус текстов Юлии Тимошенко с января 2014 по октябрь 2015.

Одна из наиболее распространенных моделей интерпретации политического конфликта – это военная метафорическая модель, представляющая политический конфликт как битву идеологических противников. Военная метафорика – наиболее яркая черта политических текстов, причем активизация подобных образов чаще всего происходит в наиболее сложные моменты (см. Будаев 2008; Каслова 2003; Ковалева 2013; Кондратьева 2010; Ряпосова 2001).. Именно такой сложный политический момент представляет собой современная политическая жизнь Украины, что и нашло отражение в украинской политической коммуникации, в том числе и в политических текстах Юлии Тимошенко.

В этом отношении показательно, что в выступлении, приуроченном к Дню независимости Украины, Юлия Тимошенко создает новый образ страны – образ женщины-воина в каске и бронежилете: *С Днем рождения тебя, дорогая Страна моя! Двадцать три тебе уже... Ты уже взрослая! Ты уже совершеннолетняя. Ты уже военнообязанная... Мы хотим, чтобы ты была такой, как положено: в красивой вышиванке и в веночке из полевых цветов, в подсолнухах и спелых пшеничных полях... И пусть сегодня ты в каске и в бронежилете... Пусть сегодня ты на войне! Но очень скоро придет время и ты оденешь лучшую свою вышиванку!* (24.08.14).

При рассмотрении метафор в политическом дискурсе Ю. Тимошенко нами была использована методика А. П. Чудинова, которая предполагает характеристику сферы-источника, выделение фреймов, входящих в состав метафорической модели, и установление оснований метафоризации. В процессе анализа в структуре военной метафорической модели, задействованной при репрезентации политического конфликта на Украине были выделены такие фреймы, как «Война и ее разновидности», «Организация военной службы», «Военные действия и вооружение», «Начало войны и ее итоги».

1. Фрейм «Война и её разновидности». В выступлениях Юлии Тимошенко политический конфликт на Украине регулярно представляется как непрекращающаяся война. И если ранее это была война внутри страны, между партиями, то сейчас это война за будущее Украины с ее противниками, в частности, с Россией. При этом, по мнению экс-премьер-министра Россия объявила войну не только Украине, но и всему мировому сообществу. *Мы*

очень ждем от них мощного воздействия на Россию и установления мира в Европе. Ведь война сегодня идет не в Украине, война сегодня – в Европе, в мире, и объявил ее Путин (05.02.15).

Политическая пропаганда, ведущаяся в рамках политического конфликта, также описывается метафорами военных действий: *Украина не может проигрывать эту пропагандистскую войну Кремля* (18.10.14).

Для Юлии Тимошенко любая война воспринимается, прежде всего, как личная, в которой она одно или ее соратники противостоят целой системе: *Ты установила рекорд: кажется, ни одна женщина не голодала в тюрьме так долго. Ты выиграла в этой персональной войне с Путиным. Ты доказала, кто в этом противостоянии сильный, а кто слабый* (05.03.15); *Поэтому на этих выборах я иду на свою личную войну с олигархией* (29.03.2014).

Но политик вступает не только в войну с внешними противниками, но и развязывает битву внутри страны, защищая свой народ: *Мы будем настаивать на том, чтобы была поставлена правильная цена на газ. Я хочу, чтобы вы знали – битва за тарифы продолжается и мы не отступаем* (17.07.15) И эта война ведется очень грамотно и продуманно, каждая реформа, каждое предложение являет собой шаг навстречу победе: *У нас продолжается ожесточенная борьба с правительством по снижению необоснованных тарифов. Первый шаг уже был сделан. 8 миллионов людей, потребляющих природный газ без счетчиков, получили в июне вдвое меньшую платежку за газ, чем в мае. Это был первый шаг к нашей победе* (22.06.15).

2. Фрейм «Организация военной службы».

2.1. Слот «Иерархические отношения». Члены политических партий, жители Украины воспринимаются как рядовые бойцы: *А этот закон позволяет каждому человеку быть солдатом этого крестового похода против коррупции* (28.03.2014); *Главная ценность нашей страны – это вы – непокоренные бойцы, бесстрашные воины!* (08.01.2015).

Как и в любой войне в политической войне на Украине есть те, кто сражается по долгу службы, есть те, кто является наемными солдатами. Но к силам наемников прибегает только противник Украины и Тимошенко в частности, чтобы одержать победу любой ценой: *Нам надо разделить наемников Кремля, которые ведут эту войну, и народ Донбасса, который крайне страдает от того, что там делает Путин* (20.05.15)

2.2. Слот «Воинские подразделения». Политическое объединение, группа политических единомышленников представлены в выступлениях Юлии Тимошенко как некое воинское подразделение, армия, дивизия, пятая колонная и др.: *Я хочу, чтобы сегодня, когда мы начинаем путь на новую избирательную кампанию, мы понимали, что это не совсем избирательная кампания. Это, по сути, формирование новой армии, которая не гнется, не изменяет, не ломается, не служит наемникам России на востоке* (14.09.14); *В парламенте должна быть сформирована новая армия, армия тех, кто готов изменить, переломить, усилить ситуацию на фронтах, сделать государство сильным, как на поле боя, так и в тылу и побеждать ради наших детей, которые сегодня погибают, ради наших родителей, которые сегодня отправляют на фронт близких людей, ради наших детей, ради всех мы обязаны побеждать. И Украина победит* (14.09.214).

2.3. Слот «Реалии военной службы». По мнению Юлии Тимошенко, политическая война ничем не отличается от войны настоящей, ей так же присущи все военные реалии. Все военные реалии, относящиеся к противнику, Тимошенко считает фальшивыми, купленными, нечестными: *На баррикадах Революции достоинства вы защитили демократию в Украине, а сейчас, во время военной агрессии Кремля, отстаиваете независимость. Благодаря вашим репортажам весь мир узнал о кремлевском военторге, фальшивых гумконвоях, ужасах Иловайска, Волновахи, Дебальцево, победе киборгов* (06.06.15)

3. Фрейм «Военные действия и вооружение».

3.1. Слот «Военные действия».

Как уже отмечалось выше военные действия Юлии Тимошенко и ее соратников носит преимущественно оборонительный характер: *Не мы эту войну объявляли, мы просто все,*

как можем, защищаемся от духовного, нравственного и экономического унижения. **Не мы эту войну объявляли, но мы не можем ее проиграть.** И не проиграем, если каждый будет стоять за каждого» (03.03. 2014); *Те, кто был расстрелян, те, кто оставил нас и ушел в другой мир, завещали нам защищать Украину всем вместе, защищать демократию и спасти революцию, которая у нас сейчас произошла. Революция сейчас под угрозой* (06.03.2014).

А вот противники Украины и Тимошенко постоянно нападают при этом не щадят никого. Они **стреляют, рвут на куски, берут в плен, убивают**: *Парламент признал юрисдикцию Международного уголовного суда. Сегодня именно **руководство России, Владимир Путин рвет страну на куски и стреляет в упор.** Нужно собрать все необходимые доказательства»,* (09.02.15)

Агрессор не только путается уничтожить Украину, но и готов сделать все, чтобы не дать возможность стране обороняться: *И если не сделаются выводы и **продолжат убивать наш шанс,** тогда из двух вещей – или восстание неконтролируемое, и которое будет 100% использовано оккупантом для того, чтобы прорваться в сердце Украины или мирные демократические выборы, то тогда придется ставить такой вопрос нации и спрашивать тогда у них – что лучше выбрать* (12.09.15)

По мнению Юлии Тимошенко, руководство России в лице Путина не только воюет с Украиной, но и воюет с собственной страной, с ее народом, который не принимает «Путинский режим: *Я хочу сказать, что это **практически стреляли во всех тех,** кто вышел на мари. Это не в Бориса Немцова стреляли. Это стреляли во всю Россию, настоящую Россию, которая хочет свободы, демократии, изменений, открытой жизни. Так я воспринимаю эти выстрелы»* (01.03.15)

Удары по Украинскому народу и Тимошенко наносятся не только из вне, но и от других Украинских партий: *Сегодня наносятся **политические удары** для того, чтобы дискредитировать «Батькивщину», унижить, и обвинить во всех грехах, которые «Батькивщина» не имеет»* (05.06.15)

Украинский политик изо всех сил совместно с Европейским Союзом пытается противостоять противнику и выволить «своих из плена»: *Надо делать все мировому сообществу, ключевым странам запада – Европейскому союзу, Соединенным Штатам, чтобы хотя бы в этой части немедленно выполнить Минские соглашения, вырвать Надежду Савченко из плена и **всех других украинцев, которые сегодня находятся в плену Кремля*** (5.10.15)

Кроме этого Юлия Владимировна и ее единомышленники все же наносят свои ответные действия «агрессору» в лице В.В. Путина: *Я хочу сейчас обратиться к Надежде, потому что я убеждена, что ей передадут все стенограммы, которые сегодня прозвучат. Хочу обратиться с огромной благодарностью и с поздравлением с днем рождения, потому что ее день рождения и даже то, что как говорят адвокаты, она с воодушевлением и открытым духом его отпраздновала – это еще один **тяжелый удар Путину*** (05.06.2015)

3.2. Слот «Виды вооружения и военных сооружений». Сражение, в том числе и политическое, невозможно без применения оружия, с помощью которого политики пытаются нанести сопернику удар.

Для Юлии Тимошенко таким оружием, прежде всего, являются выборы и голоса избирателей, ведь именно они способны изменить судьбу Украины и как следствие мировую политику: *Выборы – это не просто сделать что-то хорошее политикам. **Выборы – это ваше право один раз иметь бюллетень как оружие, и этим оружием воспользоваться** для того, чтобы изменить власть и изменить политику* (23.10.15). Так же оружием, с помощью которого можно победить противника, является не только голос избирателя, но и голос в прямом смысле этого слова - речь, и речь именно украинская: *Почему первое условие, которое поставил Кремль как ультиматум, когда начали войну – это отмена единого государственного украинского языка? Почему сегодня, когда попадают в плен наши украиноязычные герои, наши бойцы, их пытаются гораздо сильнее? Почему те, кто говорят на украинском языке на оккупированных территориях, попадают в расстрельные списки? Потому что ук-*

раинский язык – это не только наше вдохновение, это не только наша защита, а это и наше тайное, но непобедимое оружие (26.05.15).

Кроме того, в качестве оружия могут концептуализироваться различные общественные движения: *Я думаю, что в мире будет распространяться это общественное движение, которое будет бить значительно сильнее, чем любое даже летальное оружие.*

4. Фрейм «Начало войны и ее итоги».

Политическая война, как и война настоящая имеет начало и свои итоги. И силы Ю. Тимошенко обязательно выходят из этой войны победителями: *Настаиваю, чтобы новое правительство было сформировано из представителей гражданского общества, которые одержали победу над кровавым режимом* (22.03.14); *Мы вместе с вами побеждали диктатуру в Украине, но сейчас опять не время для празднований* (6.03.14.).

Победа достается Юлии Тимошенко не случайным образом, это хорошо продуманная стратегия, большая работа, новые реформы: *Снижение норматива потребления газа для населения Украины на одного жителя, а также снижение вдвое норматива потребления тепла на 1 кв. метр приведет к тому, что люди будут платить, как минимум за газ, тепло и горячую воду вдвое меньше. Это уже определенный шаг к победе* (30.04.15)

Принятие политически невыгодных решений метафорически предстает как капитуляция, поражение в политическом конфликте: *Но если те условия, которые требует Россия, будут приняты Западом, они могут смертельно подорвать суверенитет Украины; или хуже, принимая условия России, мир ратифицирует идею, что сильные страны могут запугивать менее сильных соседей в выполнение их воли, находясь на грани капитуляции своей независимости* (08.04.2014).

В любой войне неизбежно взятие пленных и требования за них выкупа, политические столкновения, не являются исключениями: *Миллиарды заработали те, кто знали, как курс будет колебаться, когда он падал-поднимался. Народ Украины – заложники этой страшной и безграмотной политики* (6.07.15).

Таким образом, политический конфликт на Украине репрезентируется Юлией Тимошенко как сражение за будущее Украины. Что объясняется, во-первых, реальными военными конфликтами на территории страны, во вторых, тем, что в правительстве и в мире много идеологических врагов, которых необходимо победить любой ценой, так как борьба идет за будущее государства. Метафора с военной сферой–источником является наиболее частотной и структурированной в выступлениях Юлии Тимошенко, активно представлены фреймы «Война и ее разновидности», «Организация военной службы», «Военные действия и вооружение», «Начало войны и ее итоги». В подобных метафорах просматривается обеспокоенность судьбой страны и моровой политической ситуацией, желание бороться любой ценой с агрессорами за будущее Украины.

Посредством метафорического моделирования Юлия Тимошенко не только создает негативный образ политических противников, но и стремится сформировать в народном восприятии свой образ как бескомпромиссного, решительного, смелого, мужественного политика, готового бороться за будущее страны. Возможно, это поможет Тимошенко и ее партии одержать победу на очередных выборах в органы местного самоуправления на Украине, которые состоятся 25 октября 2015 года.

ИСТОЧНИКИ

1. Юлия Тимошенко: офиц. сайт. URL: <http://www.tymoshenko.ua/ru/>.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будаев Э. В. Военная метафорика в дискурсе СМИ // Acta Linguistica. Sofia. 2008. Vol.2. № 1. P. 29-36.
2. Каслова А. А. Развертывание военной метафоры в тексте // Языковая картина мира и ее метафорическое моделирование. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2002. С. 57-60.
3. Ковалева К. А. Военные метафоры как средство репрезентации политической действительности в идиостиле Юлии Тимошенко // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. 2013. № 4-2 (56). С. 121–124.

4. Кондратьева О. Н. Метафорическая репрезентация политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 101-112.
5. Кондратьева О. Н., Ковалева К. А. Национально-специфические метафорические модели в политическом дискурсе Восточной Европы (на примере анализа политического дискурса Украины) // Ain't misbehavin'? Implicit and explicit strategies in Eastern European political discourse. Zurich, 2014. P. 83-94.
6. Ряпосова А. Б. Милитарная метафора в современном агитационно-политическом дискурсе // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург: УрГПУ, 2001. Т. 6. С. 29-36
7. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001.

КОНДРАТЬЕВА О. Н.

Кемерово

МЕТАФОРЫ СТРОИТЕЛЬСТВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале официального сайта Юлии Тимошенко)¹

Аннотация. Статья посвящена анализу строительных метафор в политическом дискурсе Украины 2010-2015 годов. Сделан вывод, что сложная политическая ситуация в стране описывается метафорами разрушения, а политические преобразования регулярно представляются как строительные работы по созданию нового государства, построения будущего украинского народа

Ключевые слова: политическая коммуникация, концептуализация, концептуальная метафора, строительная метафора, Юлия Тимошенко.

KONDRATYEVA O. N.

Кемерово

METAPHORS OF CONSTRUCTION IN POLITICAL COMMUNICATION (based on the official site of Julia Timoshenko)

Abstract. The article is devoted to the analysis of building metaphors in political discourse of Ukraine of 2010-2015. The conclusion is made, that the complex political situation in the country is described by metaphors of destruction, and political transformations are on a regular basis represented as civil work on creation of the new state, construction of future Ukrainian people.

Keywords: political communication, conceptualization, conceptual metaphor, metaphor of construction, Yulia Timoshenko

К числу основных направлений политической лингвистики относится рассмотрение специфики функционирования метафор в политической коммуникации. Метафоры являются одним из способов формирования необходимого авторам восприятия политических событий и формирования определенного эмоционального отношения к ним, поэтому изучение метафорического репертуара конкретного политика и анализ метафор, репрезентирующих определенные политические события, позволяют зачастую установить подсознательные механизмы деятельности политиков, их истинное отношение к той или иной проблеме, дают возможность проследить смену идеологических установок и приоритетов.

Метафоры с исходными сферами «дом» и «строительство» являются достаточно традиционными для политической коммуникации (см. Арутюнова 1990; Гаврилова 2011; Кондратьева 2010; Шипицына, Свистельникова 2011; Чудинов 2001 и др.). Тем не менее, в каждую эпоху они обладают определенной спецификой. Например, это метафоры полного раз-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РГНФ, проект 15-04-00311 «Лингвокогнитивный анализ конфликтов в сфере обыденной политической коммуникации».

рушения старого мира и строительства на его месте нового мира в эпоху октябрьской революции, строительство коммунизма в советский период, перестройка в 90-ых и т.д.

Задача настоящей статьи – определить специфику строительных метафор в современном политическом дискурсе Украины, в качестве материала исследования использованы материалы русской версии официального сайта за 2010-2015 гг. одного из видных украинских политиков – Юлии Тимошенко.

Сложная политическая ситуация в стране регулярно представляется украинскими политиками, в том числе и Юлией Тимошенко, как разрушение существующего миропорядка, разрушение украинского дома, постулируется необходимость его восстановления, но это должна быть не реконструкция, т.е. воссоздание существовавшего ранее, а полная перестройка, результатом которой будет построение нового дома для украинского народа.

В процессе анализа строительных метафор, представленных на официальном сайте Юлии Тимошенко, были выделены следующие фреймы и слоты.

1. Фрейм «Дом/здание и его состояние». Метафорическое представление политических реалий и процессов как дома (в том числе его строительства, ремонта и разрушения) – один из наиболее традиционных для политической речи образов. Как отмечает А. П. Чудинов, «когда политики хотят внушить человеку мысль о необходимости каких-то действий, они или стремятся включить соответствующие реалии в сферу его “дома”, или внушают мысль об опасности для его “дома”» [Чудинов 2001: 155].

Слот 1. «Дом/Здание». Украина в выступлениях Юлии Тимошенко периода ее пребывания на посту премьера регулярно представлялась как дом, населенный гражданами страны, являющимися его полноправными хозяевами: *Дорогие соотечественники! Искренне поздравляю вас с Днем Независимости Украины! Сегодняшний праздник символизирует победу украинского народа в тысячелетней борьбе за право жить в собственном государстве и быть хозяином в своем доме* (24.08. 2010). Также Юлия Тимошенко подчеркивала, что она как руководитель правительства стойко защищает национальные интересы Украины: *Никто не имеет права учить нас и указывать, что нам делать в собственном доме* (14.01. 2010). Тем самым актуализировались положительные эмоциональные смыслы, сопряженные с самостоятельностью и независимостью Украины, безопасностью, защищенностью каждого ее жителя.

Слот 2. «Дом, требующий ремонта». Параллельно украинский премьер в своих выступлениях и интервью изредка использовала противоположный образ, образ уродливого дома, связанного с проводимыми идеологическими противниками политическими реформами: *Но не возьмутся они лишь до тех пор, пока не будет отменена эта уродливая политреформа. Она настолько уродлива, что даже эпитет подобрать сложно. Нечто вроде панельной пятиэтажки на курьих ножках с картонным стеклопакетом* (Фокус). Такое здание не соответствует современным стандартам, а потому необходимо начать работы по его совершенствованию, а именно перестройке: *Я сделаю все для того, чтобы в команду пришли совершенно новые люди, которые готовы посвятить жизнь полной перестройке Украины, и чувствуют, что знают, как это сделать...* (05.04. 2010).

В более поздних выступлениях, периода нахождения в колонии и последующего освобождения, Юлия Тимошенко активно начинает использоваться образ дома, не просто не соответствующего эстетическим критериям и не вполне удобного для проживания, а дома, совершенно разрушенного за время ее отсутствия в украинской политике. Основная причина произошедших изменений – это коррупция, пронизывающая все сферы жизни украинского общества, всеобщая бездуховность: *Когда рушится страна от коррупции, когда у нас практически исчезает мораль и духовность, неужели нам нужно говорить о языке?* (29.03.2014. Выступление Юлии Тимошенко на XII съезде ВО “Батькивщина” по выдвижению кандидата в президенты). Соответственно, такая ситуация вызывает необходимость не просто в перестройке, а уже в строительстве принципиально нового здания, нового государства, абсолютно с нуля: *У нас есть возможность начать строить нашу жизнь, правила и порядки, Конституцию, наши законы с чистого листа. Мы должны сделать эту работу*

не только для Украины (27.03.2014). Метафоры разрушения позволяют Юлии Тимошенко обозначить несогласие с действующим правительством и его политикой, итогом которой, с ее точки зрения, и явилось полное разрушение страны.

2. **Фрейм «Строительные работы».** В репрезентации политических изменений Юлия Тимошенко использует метафоры, практически полностью охватывающие весь цикл строительных работ – от проектирования до сдачи готового объекта.

Слот 1. «Проектирование». Строительство нового здания Украины, нового государство должно быть тщательно продуманным, основанным на проектах, макетах, подготовленных архитекторами. Для репрезентации данного тезиса используются в метафорическом значении лексемы *проект, проектировать, конструировать, архитектура* и др.

На протяжении всей своей политической карьеры Юлия Тимошенко настоятельно подчеркивала необходимость четких, продуманных конструкторских действий: *У людей есть реальная возможность сконструировать такую страну, такую Конституцию, такие законы, которые не стыдно будет оставить детям* (19.10.2010).

Показательно, что предвыборное выступление Юлии Тимошенко в период избирательной кампании 2014 г. содержит призыв продемонстрировать миру новую архитектуру государственного домостроения: *Мы должны создать большую команду вместе с украинцами, которые подарят Украине и миру новую архитектуру общественных отношений, страну, которая будет более гармоничной, более справедливой, более преданной своим гражданам, чем любая другая страна в мире* (29.03.2014). Выступление Юлии Тимошенко на XII съезде ВО "Батькивщина" по выдвижению кандидата в президенты).

Слот 2. «Закладка фундамента». На всех стадиях политической карьеры Юлия Тимошенко подчеркивала также и необходимость для результативного строительства крепкого фундамента, на котором будет базироваться будущее Украины: *Я хочу, чтобы мы заложили фундамент на этих местных выборах и нашей командной работы, и нашего движения, и я точно знаю, что парламентские выборы будут выходом для людей после долгих лет мытарств от этой власти, и этот вывод будет в пользу нашей команды* (28.09. 2010); *В наших руках сейчас все, и я верю, что на этот раз новый путь Украины начинается. Мы с вами будем двигаться по этому пути не одно столетие, потому что наше поколение сейчас закладывает фундамент. Верьте в Украину, любите Украину, и тогда мы сможем ощутить с вами настоящие, коренные глубинные изменения. Удачи вам! Слава Украине!* (14.01. 2010).

Слот 3. «Строительные работы». Политические преобразования предстают как длительный процесс строительства, целью которого является построение новой жизни на Украине. В рамках данного фрейма метафорическое значение приобретает лексемы *строительство, строить, построить*: *Сегодня все имеют право принимать участие в строительстве нового сильного европейского настоящего государства* (22.02.2014); *Люди смогли создать на Майдане страну справедливости, страну гармонии. У них есть опыт, который следует перенести в сферу государственного строительства* (29.03.2014); *У нас сегодня открыт путь построить Украину такой, как вы захотите, но доверия у вас к политикам, чиновникам практически уже нет* (22.02.2014); *И я каждую минуту своей жизни посвящаю тому, чтобы мы построили мощную Украину, чтобы вы любили Украину, чтобы вы гордились Украиной, чтобы мы выполнили требования Майдана* (09.04. 2014).

Главным строительным объектом является Украина, в результате успешного строительства в этом сооружении все жители будут чувствовать себя свободными и защищенными: *Мы должны построить счастливое государство, чтобы каждый мог получить в нем то, что хочет* (Официальный сайт. 17.01. 2010); *Но я верю, что вместе мы преодолеем любые препятствия на пути укрепления независимости нашей Родины. Уверена, что мы обязательно победим, когда сплотимся вокруг единой цели – построения справедливого и богатого государства, где каждый гражданин чувствует себя свободным и защищенным, а закон – один для всех* (20.09. 2010).

Значимой особенностью строительных метафор в период предвыборной президентской гонки 2014 года является регулярное использование эпитетов *новый* и *другой*, указывающих на необходимость принципиальных изменений в украинской политике: *Я хочу, чтобы вы были неотъемлемой частью построения новой Украины, а ваши идеи, силы, способность работать, ваши патриотизм, нравственность и честь были залогом честности управления новой страной; Мы построим совершенно другое, новое государство* (06.03.2014); *Новую страну построить можно и нужно. Если мы и на этот раз не построим, то мы от мира отстанем еще лет на 50* (19.05.2014).

Построение нового украинского государства включает в себя строительные работы во всех сферах: в медицине, экономике, законотворчестве и т.д.: *Построение качественной медицины – это большой шаг для построения качественной жизни* (29.01. 2010); *Украина должна использовать опыт тех стран, которые выстроили мощную экономику* (19.05.2014); *У нас есть возможность начать строить нашу жизнь, правила и порядки, Конституцию, наши законы с чистого листа. Мы должны сделать эту работу не только для Украины* (27.03.2014).

Созидательная деятельность, направленная на благо Украины, политические реформы, регулярно концептуализируются как деятельность, направленная на построение будущего, благоприятного для всех жителей Украины: *Теперь у нас, украинцев, есть возможность и право свободно, самостоятельно строить свое европейское будущее* (06.03.2014).

Ключевой чертой политического строительства в выступлениях Юлии Тимошенко на всех этапах ее политической карьеры является ориентация на Европу. Построение нового государства должно идти строго по европейским правилам, а любые изменения предстают как некий «евроремонт»: *Я не оставляю эту борьбу, пока мы не сможем построить европейские порядки, правила, Европу в Украине* (10.01. 2010); *Первое – это построение Европы в Украине, это построение в Украине европейских четких порядков, норм, освоение ценностей, которыми живет сегодня Европа* (29.01. 2010); *Мы обязаны перед ними и их памятью покончить наконец с коррупцией и олигархией, мы обязаны построить новую сильную европейскую успешную Украину, стать едиными и сильными* (29.03.2014); *Теперь у нас, украинцев, есть возможность и право свободно, самостоятельно строить свое европейское будущее* (06.03.2014); *Сегодня все имеют право принимать участие в строительстве нового сильного европейского настоящего государства* (22.02 2014).

3. Фрейм «Строители». Украинские политики, реформаты предстают в выступлениях и интервью Юлии Тимошенко как специалисты разных строительных профессий.

Слот 1. «Генподрядчики строительства и строители». Политические оппоненты Юлии Тимошенко, президенты Виктор Янукович и Виктор Ющенко предстают как неумелые строители, не имеющие достаточного опыта и знаний для работы на своем посту: *Хотя столько шансов, сколько было у этого Президента (Ющенко – О.К.), не было ни у одного другого Президента нашей страны – чтобы построить сильную Украину* (23.06. 2010), а Янукович ... вообще не знает, как строить будущее Украины, или он просто не имеет интеллекта дискутировать на эту тему (14.01. 2010). Эти генподрядчики происходящих в стране изменений совершенно некомпетентны и их деятельность приносит вред Украине: *И мой протест, возможно, слабый и недостаточный против генподрядчика строительства такой страны и рабов, которые ему инициативно и преданно в этом помогают* (01.10. 2012).

Квалифицированным специалистом-строителем Юлия Тимошенко видит себя. В то же время она приглашает принять участие в строительстве всех жителей Украины, указывая, что их право и их долг: *Сегодня все имеют право принимать участие в строительстве нового сильного европейского настоящего государства* (22.02. 2014); *Я хочу, чтобы вы были неотъемлемой частью построения новой Украины, а ваши идеи, силы, способность работать, ваши патриотизм, нравственность и честь были залогом честности управления новой страной;* (06.03.2014).

Себе Юлия Тимошенко отводит роль не только строителя, но слесаря, поддерживающего в построенном здании комфортное существование жильцов: *Я убеждена, что люди вообще не должны знать фамилию премьер-министра, как не знают фамилию слесаря в доме, где всё в порядке с отоплением и трубами. При президенте Тимошенко жители страны не будут знать, как зовут премьера, – это главный признак того, что власть работает как положено* (Фокус).

Слот 2. «Приглашенные специалисты». Для построения новой страны необходимы политические и экономические реформы и приглашение опытных международных специалистов, которые способны дать консультации и сделать работу более эффективной: *У нас все еще есть шанс построить страну, опираясь на опыт других, потративших на это века, избегая их ошибок, используя их лучшие достижения. Вы будете удивлены, но я до сих пор верю, что это возможно. Я этой верой живу* (09.10. 2010); *Президент и новый Премьер-министр Украины должны войти в историю как люди, которые **выстроили реформированную страну**. И именно для этого мы будем приглашать и международных специалистов, и очень серьезные профессиональные круги, и будем прислушиваться к мировому опыту* (03.02. 2010); *Мы должны дать себе слово, что после падения авторитаризма пригласим в Украину лучших интеллектуалов мира, которые уже знают, как **построить страну XXI века*** (29.03.2014).

Проведенный анализ позволяет установить, что строительная метафора является значимым способом концептуализации политической жизни Украины на всех этапах политической карьеры Юлии Тимошенко. Продуктивность данной метафорической модели определяется ее возможностью акцентировать внимание на необходимости перемен в стране, на необходимости активных действий для улучшения ситуации на Украине, а также деятельностный характер строительной метафоры, ее ориентированность на конкретный результат.

Постоянным элементом в использовании строительной метафоры в выступлениях Юлии Тимошенко является, во-первых, указание на некомпетентность действующих генподрядчиков – ее политических оппонентов, и, во-вторых, указание на необходимость «евроремонта», проявляющегося как в использовании в процессе политических преобразований европейских технологий, так и в необходимости привлечения к этому процессу опытных европейских строителей государства.

В то же время в реализации строительной метафоры есть и специфические черты, свойственные определенным этапам политического пути Юлии Тимошенко. В частности, в метафорах 2010 года (период баллотирования в президенты), Украина предстает как дом, требующий лишь определенной перестройки, в 2014 году – как дом, полностью разрушенный, соответственно постулируется необходимость в построении страны с чистого листа, создании совершенно нового государства, поскольку страна полностью разрушена за время тюремного заключения экс-премьера. Строительство начинает трактоваться как главная задача, решение которой нужно производить всем миром – и самим украинцам, и привлеченным европейцам. В этот период значительно увеличивается количество строительных метафор в интервью и выступлениях Юлии Тимошенко.

В определенный момент лексемы из области строительной сферы утрачивают метафорическое значение, так как разрушения в стране из разряда метафорических переходят во вполне реальные, после Евромайдана и военных конфликтов как в столице Украины, так и на территории всего государства. Таким образом, в данный момент строительство новой Украины становится вполне конкретной задачей восстановления страны, а, к сожалению, не просто яркой и эффективной метафорой.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

Официальный сайт Юлии Тимошенко (архивная версия). Режим доступа: <http://www.tymoshenko.com.ua/ru/>

Официальный сайт Юлии Тимошенко. Режим доступа: <http://www2.tymoshenko.ua/ru/>

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990 С.14-15.
2. Гаврилова М.В. Анализ программ российских политических партий начала XX и XXI веков (лингвистический аспект). СПб.: Из-во Невского института языка и культуры, 2011. 244 с.
3. Кондратьева О. Н. Метафорическая репрезентация политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко // Политическая лингвистика. Урал. гос. пед. ун-т, 2010. № 4 (34). С. 101–112.
4. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.
5. Шипицына Г. М., Свистельникова С. А. Метафоры строительства и движения в коммунистическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 2(36). С 59-64

КОПЦЕВА В. А.

Павлодар

ЖАНР АНЕКДОТА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Г. А. ЗЮГАНОВА

Аннотация. Анализируется языковая личность политика, репрезентированная в речевом жанре анекдота. Рассмотрены коммуникативная цель, образ автора/адресата, образ прошлого/будущего, диктум, языковая организация. Материалом для анализа послужил сборник «100 анекдотов от Зюганова». С точки зрения автора, речевой жанр анекдота в дискурсе Г. А. Зюганова можно рассматривать как одно из средств манипулирования сознанием слушателей. Своеобразие жанра анекдота у Зюганова заключается в тематическом и идеологическом подборе анекдотов. Все они направлены на высмеивание негативных сторон власти и главного оппонента – партии «Единая Россия».

Ключевые слова: политическая коммуникация; языковая личность; речевой жанр; жанрообразующие признаки; анекдот.

КОРТСЕВА V.A.

Pavlodar

ANECDOTE GENRE IN GENNADY ZYUGANOV'S POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The article provides linguistic analysis of Gennady Zyuganov's speech in the anecdote. The author analyzes communicative goal, the image of the author/addressee, images of the past and the future, dictum, and linguistic solutions. The anecdotes were retrieved from collection of “100 jokes from Zyuganov”. From the author's point of view a joke as a speech genre in the politician's discourse can be considered as one of the means of manipulating. The peculiarity of Zyuganov's jokes is thematic and ideological selection of anecdotes. All of them are aimed at ridiculing the negative aspects of the government and the main opponent – the party “United Russia”.

Keywords: political communication; language person; speech genre; genre characteristics; anecdote.

Проблема функционирования анекдота как жанра в речевой среде привлекало внимание многих ученых, таких как В. И. Карасика, Н. Д. Голева, О. С. Иссерс, Н. А. Кузьмину, Е. Я. Шмелеву, А. Д. Шмелева, В. В. Химика, Е. Курганова, Э. Лендваи, Н. Г. Бирюкова, М. В. Воробьеву и других [Карасик 1997; Голев 2000; Иссерс, Кузьмина 2000; Шмелева, Шмелев 2002; Химик 2002; Курганов 2003; Лендваи 2003; Бирюков 2005; Воробьева 2011]. Согласно теории речевых жанров современный анекдот можно рассматривать как речевой жанр (далее – РЖ), имеющий фольклорную основу и обладающий значительной продуктивностью. Е. Я. Шмелева определяет анекдот как «короткий устный смешной рассказ о вымышленном событии с неожиданной концовкой, в котором действуют постоянные персона-

жи, известные всем носителям языка» [Шмелева, Шмелев 2002: 20]. Он активно реализуется в речи и представляет собой сравнительно постоянное по структуре высказывание. Для анализа речевого жанра анекдота мы опирались на анкету, разработанную Т. В. Шмелевой [Шмелева 1990: 24-29]. Материалом исследования послужил сборник «100 анекдотов от Зюганова», который был представлен в 2007 году на пресс-конференции в Издательском Доме «Комсомольская правда», приуроченной ко Дню смеха.

Коммуникативная цель РЖ – шуточное представление и пародирование современного государственного управления, то есть «сознательное снижение норм, ценностей, идеалов, представление реалий в абсурдном нелепом виде» [Воробьева 2011: 103]. Кроме того, интенция анекдотов заключается в воздействии на адресата, особенно если учитывать тот фактор, что презентация сборника состоялась в преддверии выборов в Государственную Думу и носила агитационный характер. В результате широкого обсуждения политических анекдотов в СМИ появились скандалы, привлекая интерес общественности. В итоге прагматический эффект был достигнут: коммунистическая партия снова оказалась в центре внимания предвыборной аудитории.

По функциональной направленности анекдот относится к группе фатических речевых жанров: юмор настраивает на легкое общение коммуникантов и способствует завязыванию дружеского разговора. Жанровая реализация анекдота имеет две формы: первичную – устную и вторичную – письменную. Письменная форма сборника «100 анекдотов от Зюганова» не ограничивает адресата только чтением текстов. В природе самого жанра заложен потенциал устного бытования. Вследствие этого фольклорные корни позволяют анекдоту неоднократно воспроизводиться в речевой среде. При этом анекдот может быть включен в состав более сложных жанров, например, в застольную и дорожную беседу. Составляющие части анекдота, ставшие крылатыми фразами, также осваиваются в речевой коммуникации как прецедентные тексты, выполняя функции краткого и точного выражения мысли, снятия эмоционального напряжения и т.д.

Канон жанра не предусматривает категории авторства, поскольку его регулярное функционирование в дискурсе приводит к стиранию имени создателя текста. Вероятно, невозможно доказать и авторство анекдотов, поэтому в данной статье мы будем говорить о фигуре рассказчика. Рассказчик не видит необходимости афишировать себя при очередном рассказывании анекдота, однако традиция составления сборников «100 анекдотов от ...» предполагает сообщение его имени либо фамилии. Геннадий Андреевич Зюганов, проживший значительную часть жизни в СССР, хорошо знаком с юмористическим жанром, поскольку анекдот обретает настоящую популярность именно в советское время.

Адресатом речевого жанра «анекдот» является народ, потенциальный избиратель, обладающий общими знаниями в политической и общественной жизни. В связи с этим адресат обладает таким признаком, как обобщенность. Социальное положение, ранг и вес адресата не имеют значения. Дальнейшее коммуникативное поведение адресата предполагает наличие чувства юмора, общность культурных ассоциаций и последующую передачу анекдота. Однако необходимо отметить, что анекдоты рассчитаны на единомышленников Зюганова, вряд ли все эти анекдоты он рассказывал бы в кругу оппонентов.

В качестве основы для юмора использованы предваряющие появление анекдота политические тексты и события. В связи с этим по признаку «образ прошлого» речевой жанр относится к разряду реактивных, поскольку предшествующие факты являются базой для развития комического, как правило, вымышленного, сюжета.

Существенным фактором при построении модели речевого жанра «анекдот» является также образ коммуникативного будущего. Этот компонент предполагает создание и развитие последующих речевых жанров и явлений: цитата, крылатое выражение, неоднократное повторение самого анекдота, косвенные ссылки на его текст. Все перечисленное реализует интертекстуальный потенциал жанра: текст анекдота либо его фрагменты повторяются говорящим в будущем. В этом заключается воспроизводимость речевого жанра. При этом структу-

ра и речевые характеристики могут быть сохранены, а могут подвергнуться вариативности, т.е. частичному видоизменению.

Основой диктумного содержания анекдота является высмеивание недостатков политической сферы. С точки зрения временной перспективы анекдот как оценочный жанр включает в себя события прошлого и настоящего. Об этом свидетельствует использование глаголов в настоящем времени: *сидят, ползет, бежит, обнародована* и др. Лингвисты связывают эту особенность с «близостью анекдота народному театру: используя так называемое «настоящее изобразительное», рассказчик представляет действие как бы разворачивающимся в данный момент перед глазами зрителей» [Шмелева, Шмелев 2002: 32]. Кроме того, употребляется прошедшее время глаголов совершенного вида в результативном значении: *столкнулись, пошли, заблудился, была принята*. В количественном аспекте диктума анекдот предполагает монособытийность речевого жанра: в одном тексте заключено одно событие, одно действие (выборы, митинг, встреча). Многие события являются обобщенными (переговоры Путина с «семеркой», предвыборный митинг и др.), некоторые конкретизируются темпоральными маркерами (*На прошедшем в субботу съезде партии «Единая Россия» была принята новая идеологическая программа – «Сувенирная Демократия»*). Отдельно следует выделить события, которые перенесены в мир персонажей-животных, являющихся символами современных партий. Например, **медведь**, являющийся символом партии «Единая Россия» встречается с избирателями, ходит на партсобрания, митинги, лесные теледебаты, в лесной избирком на регистрацию. В анекдотах, не касающихся политической ситуации, медведь показан негативно: высмеивается его жадность (завидует пасти бегемота), кровожадность (гоняется за охотниками, угрожает мужику), хитрость (не хочет служить в армии).

В итоге тип диктумного содержания связан с политическим характером событий, указывает на внеречевую действительность.

Сфера функционирования анекдота, его характер определяют реализацию элемента жанра «языковое воплощение». Анализ языковых средств, организующих текст речевого жанра, позволяет говорить об их разностилевой принадлежности.

Речь персонажей разворачивается, как правило, в диалоге, отражая особенности разговорного стиля:

1) на лексическом уровне: разговорная и просторечная лексика и фразеологизмы (*ихний, обалдело, втихаря, взбаламутил, дурь, дурак, вылутила, вбухали, кубарем, на какие шиши, хвосты накручу*), жаргон (*откосить, шуткует, охренел*);

2) на морфологическом уровне: глаголы (*собрал, пошел, предложил, напросился, вернулся*) и глагольные междометия (*бах, глядь, хрясть, хватъ, бац, ба-бах*);

3) на словообразовательном уровне: уменьшительно-ласкательные суффиксы (*головашкой, медку, по дорожке, старушка, сучок, бабушка, локоток, земелька, с усмешечкой, за сопочку, сынишка*), суффиксы субъективной оценки (*деньжищи, здоровенный*);

4) на синтаксическом уровне: простые предложения (*Столкнулись Лиса с Зайцем; В зоопарке в соседних клетках сидят Медведь и Бегемот; Купил Чукча «Камаз»*); неполные предложения (*– Постой, ты куда так несешься? – Да за любимой бабушкой...*), вопросительные и восклицательные предложения (*Спасите, хоть кто-нибудь придите! Ты что, дурак, орешь, весь лес взбаламутил?*), нечленимые предложения (*– Да! – Нормально. – Ладно. – НЕТ!!! – Да ну! – Вау! – Потрясающе! – Еще как!*).

Текст от рассказчика, как правило, выдержан в публицистическом стиле. В нем содержится:

1) на лексическом уровне: общественно-политическая лексика (*избирательная кампания, предвыборная программа, демократ, съезд партии*) и речевые клише (*в целях экономии средств, следствие ведется, казенное имущество*);

2) на словообразовательном уровне: слова с суффиксами *-и(я), -ци(я), -изаци(я), -ур(а)* (*Федерация, организация, парламентарии, кандидатура, прокуратура*), сложные и сложносокращенные слова (*военкомат, партсимвол, избирком, США, ЦИК, Госдума*);

3) на синтаксическом уровне: побудительные предложения (*Стреляй скорее, стреляй! Будьте культурны – плюйте в урны! Пора о народе подумать!!!*); обращения (*Сэр, г-н президент, мистер Брежнев, дядя Вася, Ворона*).

Реализуясь в бытовой и политической коммуникации, анекдот приобрел черты, свойственные как разговорному стилю, так и публицистическому.

Своеобразие жанра анекдота у Зюганова заключается в тематическом и идеологическом подборе анекдотов. Все они направлены на высмеивание негативных сторон власти и главного оппонента – партии «Единая Россия». А рассказчик, как известно, придерживается точки зрения, выраженной в анекдоте. Персонажи сборника имеют прямое или косвенное отношение к политической жизни. Это чиновники, «новые русские», олигархи, животные, ассоциирующиеся с политическими партиями, а также обычные люди, вступающие в отношения с представителями власти. Через высмеивание персонажей рассказчик показывает такие недостатки, как алчность, глупость, грубость, хамство, беспринципность и др. Самой многочисленной группой являются анекдоты о политиках, в число персонажей которой входят Путин, Ельцин, Буш, Никсон, Березовский, Чубайс, Гусинский и др. Здесь противостоят советская и американская политическая система (*Брежнев и Никсон*), представлены разные политические эпохи (*Брежнев, Ельцин, Буш, Путин*). Рассказчику важно изобразить своих политических противников в неприглядном виде. В итоге речевой жанр анекдота в дискурсе Г. А. Зюганова можно рассматривать как одно из средств манипулирования сознанием слушателей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. – М. : Языки славянской культуры, 2002.
2. Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. Berlin, 1990. № 2. С. 20–32.
3. Голев Н. Д. Русский анекдот как игровой текст: внутренняя форма и содержание // Человек – коммуникация – текст. – Барнаул, 2000. Вып. 4. С. 50–63.
4. Воробьева М. В. Анекдот в контексте смеховой культуры (на примере анекдотов советской эпохи) // Studia culturae. Альманах кафедры культурологии и Центра изучения культуры философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2011. Вып. 12. С. 96-106.
5. Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. Вып. 1. С. 144-153.
6. Химик В. В. Анекдот как уникальное явление русской речевой культуры // Анекдот как феномен культуры : материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. – СПб., 2002. С.17-31. URL: <http://www.philology.ru/literature2/khimik-02.htm> (дата обращения: 12.10.2015).
7. Бирюков Н. Г. Феномен русского грамматического анекдота : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2005.
8. Лендвай Э. Прагмалингвистическая концепция русского анекдота // Русское слово в мировой культуре : материалы X Конгресса МАПРЯЛ. – СПб. : Политехника, 2003.
9. Иссерс О. С., Кузьмина Н. А. Анекдот и когнитивные операции рефреймирования: лингводидактические аспекты // Miscellanea : Памяти А.Б. Мордвинова. – Омск : Омский гос. ун-т, 2000. С.143.
10. Курганов Е. Анекдот как жанр. – М. : Академический проект, 2003.

КОШКАРОВА Н. Н., ТОМБЕРГ О. В.

Челябинск, Екатеринбург

**ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЙ РОССИИ И США
В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПРЕЗИДЕНТОВ С ТРИБУНЫ ГЕНАССАМБЛЕИ ООН**

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу выступлений российского и американского лидеров на Генеральной Ассамблее ООН. В результате анализа речей с точки зрения содержания и номенклатуры речевых средств авторы приходят к выводу, что речи двух президентов являются диаметрально противоположными с прагматической и риторической точек зрения.

Ключевые слова: речевые стратегии и тактики, публичная речь, обращение президента, Генеральная Ассамблея ООН

KOSHKAROVA N. N., TOMBERG O. V.

Chelyabinsk, Ekaterinburg

**REPRESENTATION
OF RUSSIAN AND AMERICAN PRESIDENTS' POLITICAL POSITIONS
IN THEIR ADDRESSES TO THE UNITED NATIONS GENERAL ASSEMBLY**

Abstract. The paper is devoted to the comparative analysis of the Russian and American leaders' addresses to the UN General Assembly. As a result of this analysis the authors come to the conclusion that both presidents' addresses are evidently controversial from the pragmatic and rhetorical points of view.

Keywords: speech strategies and tactics, public speech, President's address, UN General Assembly

Целью настоящего исследования является анализ речей президента США Б. Обамы и российского президента В. В. Путина с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН 28 сентября 2015 г. Анализ при этом проводится по следующим параметрам: содержание речи, номенклатура речевых и языковых средств, прагматический эффект в плане воздействия на целевую аудиторию.

С содержательной точки зрения речь Барака Обамы представляет собой развернутую позицию США по отношению к ситуации в мире и способам урегулирования мировых конфликтов. Данный содержательный посыл получает развитие посредством когнитивного сценария противопоставления, в рамках которого реализуется оппозиционная диада «свой – чужой». Как известно, данная диада является когнитивным инвариантом человеческого мышления, начиная с мифопоэтического периода развития культуры. В речи Обамы диада получает следующее концептуальное наполнение: «свой» – это демократия “democracy”, развитие “development”, личная свобода “individual liberty”, спасенные жизни “lives saved”, победа над болезнями “diseases conquered”, победа над голодом “mouths fed”, международный порядок “international order”.

Мир «чужих» получает концептуальное наполнение резко противоположной тональности: это темный мир хаоса “darker, disordered world”, с разрушенными демократическими принципами и несоблюдением прав человека “erosion of the democratic principles and human rights”, мир терроризма, сектантства, межнациональной вражды, расизма и анти-семитизма “terrorism, appeals to sectarianism or tribalism or racism or anti-Semitism”. Агенты мира «чужих» также эксплицированы в речи – это “a rising China or a resurgent Russia, a revolutionary Iran or an Islam” («приобретающий значение Китай, возрождающаяся Россия, революционный Иран или Ислам»).

Наиболее иллюстративным экспонентом данного противопоставления и несовместимости двух миров является, на наш взгляд, фраза Б. Обамы «A politics of us versus them». Грамматическая местоименная оппозиция в этой фразе “us versus them” является вербальным

выражением феномена внеязыкового характера – различных, несовместимых (“incompatible”) политических сценариев: США, с одной стороны, и старых врагов – противников (“old enemies, perceived adversaries”), с другой.

Используя тактику непрямого обвинения, Барак Обама характеризует каждого из заявленного им агента мира «чужих». Так, образ России раскрывается через топонимические концепты «Крым», «Украина», «Восточная Украина», концепты «аннексия», «холодная война», «санкция». В результате, по мысли Б. Обамы, в социально-политическом пространстве России разворачивается деструктивный для страны сценарий: отток капитала “capital flight”, ухудшение экономики “a contracting economy”, снижение курса рубля “a fallen ruble”, отъезд из страны образованных россиян “the emigration of more educated Russians”.

Принадлежность Китая к оппозиционному миру вербализуется через понятия территориальных притязаний “claim on territory”, невозможности договориться по сложным политическим вопросам “stuck together in complex negotiations”.

«Чужесть» Ирана объективируется через политическую несамостоятельность, подверженность деструктивным влияниям “violent proxies to advance its interests”, конфликт религиозных группировок “sectarian conflict”.

Переход в мир «своих», по мнению Б. Обамы, возможен для каждого из заявленных оппонентов, при этом основным репрезентантом условия разворачивания иного политического сценария является концепт “cooperation” («сотрудничество»). Данный концепт вербализуется в речи президента лексемами “together”, “compromise”, “collective”, “equal”. Квинт-эссенцией тактики призыва к сотрудничеству может служить следующая фраза “But we will be stronger when we act together”. Любопытно, что лексема “strong” корреспондирует с лексемой “powerful”, при этом обе лексемы разворачиваются в парадигматическом контексте с одним из концептов американской политики – “democracy”. Таким образом, Барак Обама призывает страны к сотрудничеству к построению американской модели демократии – «инклюзивной демократии»: “inclusive democracy makes countries stronger”. Используя тактику апеллирования к авторитетам и положительному опыту Америки, Барак Обама доказывает силу и эффективность данной модели демократии, одобрение основных демократических ценностей Папой Франциском “His Holiness Pope Francis”, опытом великих мировых лидеров “...our strongest leaders from George Washington to Nelson Mandela”.

Выступление политика с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН – это возможность озвучить позицию представляемого государства по ситуации в мире. Речь российского президента стала своеобразным контраргументом выступлению его американского коллеги как по содержанию, так и с точки зрения риторических средств для воздействия на целевую аудиторию. Как видно из приведенного выше анализа, основным лейтмотивом выступления Б. Обамы явилась мысль об исключительности внешней политики США.

Представление Б. Обамой своего стратегического плана по решению мировых проблем носит скорее лозунговый характер, что в конечном итоге выражается в смещении смысловых акцентов, насаждении желаемых характеристик и установок. В отличие от речи американского президента российский лидер выстроил свое выступление на четкой легитимной основе. Концепт «легитимность» объективируется в речи В. В. Путина в следующих аспектах:

1. Роль единой международной организации, способной поддерживать и укреплять международный мир и безопасность, и следование правовым актам органов, входящих в ООН: *Организация Объединённых Наций – структура, которой нет равных по легитимности, представительности и универсальности. <...> Поставщиком рекрутов является и Ливия, чья государственность была разрушена в результате грубого нарушения Резолюции № 1973 Совбеза ООН. <...> Разумеется, любая помощь суверенным государствам может и должна не навязываться, а предлагаться и исключительно в соответствии с Уставом ООН. <...>*

2. Законный способ руководства и управления обществом (государственная власть): *Кстати говоря, уважаемые коллеги, в это же ряду и вопрос о так называемой легитимности государственной власти.*

3. Отношение участников международного сотрудничества на основе соответствующих нормативных актов (международное право): *В международном праве, в международных делах каждый термин должен быть понятен, прозрачен, должен иметь единообразное понимание и единообразно понимаемые критерии. <...> В действительности же мы предлагаем руководствоваться не амбициями, общими ценностями и общими интересами на основе международного права, объединить усилия для решения стоящих перед нами новых проблем и создать по-настоящему широкую международную антитеррористическую коалицию.*

4. Протоколы по итогам консультаций, направленных на имплементацию мирных планов и инициатив лидеров государств: *Мы убеждены: остановить кровопролитие, найти выход из тупика можно только при полном добросовестном выполнении Минских соглашений от 12 февраля текущего года.*

5. Система международных товарно-денежных отношений: *В противоположность политике эксклюзивности Россия предлагает гармонизацию региональных экономических проектов, так называемую интеграцию интеграций, основанную на универсальных прозрачных принципах международной торговли.*

Таким образом, в центре выступления В. В. Путина находятся не амбиции отдельного взятого государства (России), а следование букве и духу закона. Основным принцип, на основе которого следует выстраивать деятельность в межкультурном политическом пространстве, – это «добрая воля, презрение к интригам и хитростям, дух сотрудничества». Российский президент еще раз подчеркнул мысль о том, что мир перестает быть однополярным, а вмешательство в дела суверенных стран может иметь непредсказуемые последствия.

Другой характерной особенностью выступления В. В. Путина было то, что субъект-объектная референция в тексте не была четко эксплицирована, он не назвал конкретные страны, но все поняли, о каких государствах идет речь: *Тем, кто действительно так поступает и так думает, хотел бы сказать: уважаемые господа, вы имеете дело, конечно, с очень жестокими людьми, но вовсе не с глупыми и не с примитивными, они не глупее вас, и ещё неизвестно, кто кого использует в своих целях. <...> Вынужден заметить, что в последнее время наш такой честный и прямой подход используется как предлог, чтобы обвинить Россию в растущих амбициях. Как будто у тех, кто говорит об этом, нет вообще никаких амбиций.*

Одновременно с этим российский президент привел достаточно убедительные доводы в пользу объединения с сирийским правительством и сотрудничества с президентом Сирии: *Считаем огромной ошибкой отказ от сотрудничества с сирийскими властями, правительственной армией, с теми, кто мужественно, лицом к лицу сражается с террором. Надо наконец признать, что кроме правительственных войск Президента Асада, а также курдского ополчения в Сирии с «Исламским государством» и другими террористическими организациями реально никто не борется. Мы знаем все проблемы региона, все противоречия, но нужно всё-таки исходить из реалий.*

Как видно из приведенного лапидарного анализа выступлений двух президентов, речи как Б. Обамы, так и В. В. Путина являются диаметрально противоположными не только по содержанию, но и с точки зрения следования риторическому канону и системы функционально-прагматических средств для реализации жанровой интенции текста выступления.

ИСТОЧНИКИ МАТЕРИАЛА

Remarks by President Obama to the United Nations General Assembly URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/09/28/remarks-president-obama-united-nations-general-assembly> (дата обращения: 29.10.2015).

70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/50385> (дата обращения: 29.10.2015).

КРАСОВСКАЯ О. В.

Луганск

**О «ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИГЛОССИИ»
СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ВОЙН**

Аннотация. Рассматриваются особенности «политической диглоссии» в дискурсе информационной войны между Россией и Украиной. Выделяются способы создания «своих языков» участниками информационного противостояния, а также некоторые приемы их введения в текст.

Ключевые слова: информационная война, «политическая диглоссия», языковой код, прагмема.

KRASOVSKAYA O. V.

Lugansk

ABOUT “POLITICAL DIGLOSSIA” OF MODERN INFORMATION WARFARE

Abstract. The features of “political diglossia” in the discourse of information warfare between Russia and Ukraine are considered. The ways of creating “their own language” by the participants of the informational confrontation, as well as some methods of their introduction into the text are emphasized.

Keywords: information warfare, “political diglossia”, language code, pragmema.

1. Социолингвистический термин «диглоссия», под которым, как известно, понимают владение разными подсистемами языка [Словарь социолингвистических терминов: 2006, 59 - 60], с недавних пор стал появляться в работах, посвященных политической коммуникации тоталитарного общества (см., например: [Вежбицка: 1993; Демьянков, 2002; Китайгородская, Розанова: 2003, 161 – 165]). При этом ученые обращают внимание на условность использования этого термина: «Говоря о так называемом тоталитарном языке..., исследователи имеют в виду прежде всего сублексикон: набор определенных номинаций, принятых для обозначения некоторых идеологических понятий и институтов власти» [Китайгородская, Розанова: 2003, 161 – 162].

Создание «своего» автономного кода также актуально для оппозиционной прессы, противопоставляющей себя официальным изданиям [Какорина: 1996, 421].

2. С приведенными оговорками этот термин может быть применим и для характеристики языка информационных войн (ИВ).

Под «политической диглоссией» в дискурсе ИВ мы – вслед за Г.Г. Почепцовым - будем иметь в виду кодировку оппонентами одного и того же события в разных номинациях. Использование противоборствующими силами «разных языков» неизбежно, поскольку стороны конфликта создают тексты, в которых конструируются противоположные картины действительности, т.е. «позитивное или негативное событие из одного списка, принадлежащего модели мира-1, заменяется позитивным или негативным событием из другого списка, принадлежащего модели мира-2» [Почепцов: 1996, 26 - 27]. Ср. рассуждения журналистки «Эха Москвы» М. Королевой: *Скажи «ополченцы» и ты увидишь едва ли не благородных рыцарей, добровольцев, бессребреников. Скажи «боевики» - и это другая картинка: люди в военной форме без опознавательных знаков, с оружием, которое непонятно откуда взялось* (www.the-village.ru).

Приведем примеры высказываний, которые, называя одно и то же событие, сообщают им противоположные оценки. Так, заголовок *Оборона Славянска: ополченцы покинули город, переместив свой штаб в Краматорск* (istina.com.ua, 05.07.2014) может быть сопоставлен с прагматически ориентированными заголовками *Игорь Стрелков ушел из Славянска, как Кутузов* (www.mk.ru, 06.07.2014) и *Главарь террористов «ДНР» Гиркин сбежал из Славянска* (www.unian.net, 05.07.2014).

Ср. еще один пример: *Иосиф Кобзон прилетел в Донбасс на гастроли* (chelovek-online.ru, 27.10.2014) / *Настойчивый Кобзон прилетел к боевикам "ДНР" и "ЛНР" несмотря на запрет СБУ* (ru.tsn.ua, 27.10.2014) и *Кобзон грубо нарушил закон Украины, нелегально припершись на концерт к террористам* (sensog.net.ua, 27.10.2014).

Приведенные примеры, на наш взгляд, являются показательной иллюстрацией того вывода, к которому приходит Г.Г. Почепцов в широко известной монографии об информационных войнах: «Получается не перевод в прямом значении этого слова, а установление эквивалентностей» [там же: 1996, 421].

3. Представленные в докладе наблюдения основаны на интернет-публикациях, которые освещают информационное противостояние между Россией и Украиной, длящееся примерно с ноября 2013 г. – начала массовой многомесячной акции протеста в Киеве (так называемого Евромайдана) – по настоящее время.

Общеизвестно, что в ходе этой акции Украина разделилась на две части, в результате чего возникли Донецкая и Луганская Народные Республики (ДНР и ЛНР), которые в этой войне солидаризуются с Россией.

4. В конкурентной борьбе за интерпретацию событий в «военно-информационном» дискурсе главную роль играют номинации, которые являются «социальными индикаторами» [Словарь социолингвистических терминов: 2006, 211 - 212] (в иной терминологии – «яркими диагностирующими показателями» [Китайгородская, Розанова: 2003, 232]) политических пристрастий говорящего. Присвоение тому или иному явлению в дискурсе ИВ противоположной оценки означает переход из одного политического лагеря в другой и/или изменение политических симпатий. Ср. показательный пример: *Финская гостелерадиокомпания опубликовала интервью премьера ДНР Александра Захарченко* (заголовок). *Это первый подобный пример выступления одного из лидеров Новороссии в западных СМИ. В самом начале интервью Захарченко был представлен финским слушателям и читателям как ополченец, а не «сепаратист», как до сих пор все западные СМИ его называли; Такая подача интервью Захарченко на «Юле» может трактоваться как смена финской риторики, терминологии и трактовки событий, происходящих на Донбассе* (rusvesna.su, 31.10.2014).

Еще один пример. «Превращение» мэра Харькова Г. Кернеса из противника Майдана в его сторонника вызывает в его речевом поведении переход с одного политического сублексона на другой. В частности, киевский Евромайдан во время его кульминации политик квалифицировал как «силовой захват власти» (см., например, его интервью украинскому журналисту М. Найему; 29.01.2014 г.). А в 2015 г. Г. Кернес в своих интервью уже пользуется метафорой *революция достоинства* (см., например, интервью политика украинской журналистке С. Кошкиной; 29.09.2015).

Приведем еще примеры соответствующих друг другу номинаций в политических сублексонах оппонентов:

<i>Объект номинации</i>	<i>Пророссийские СМИ</i>	<i>Проукраинские СМИ</i>
События на Майдане осенью 2013 г.	Еврошабаш	Революция достоинства
Присоединение Крыма к России	Возвращение Крыма домой Путь на родину Воссоединение с Россией	Аннексия Оккупация Нарушение международного права
Летний выход ополченцев из Славянска	Консолидация сил ополчения	Бегство
Поведение украинской армии под Дебальцево (2014 г.)	Паническое бегство с поля брани	Плановый вывод войск
Арсен Павлов (позывной «Моторола»)	Герой Новороссии	Убийца украинских солдат Террорист

Надежда Савченко	Украинская военная преступница	Героиня современности Героическая украинка
Первый руководитель ДНР / ЛНР	Глава	Главарь Вожак

Содержащиеся в таблице номинации находятся в отношениях прагматической конверсии (см.: [Эпштейн: 1991]).

Прагмемы, как правило, именуют наиболее значимые для конфликта фигуры и действия. Поэтому в собранном нами материале мы можем наблюдать усилия, направленные на разрушение имиджа, навязываемого оппонентом: *Небольшая демифологизация, или Почему на Украине нет хунты* (glavnoe.ua, 25.05.2014). Ср. еще один пример – фрагмент выступления одного из руководителей ЛНР, построенного на опровержении формируемого для них Киевом имиджа террористов, террористических организаций: *Мы стремимся к миру, мы прикладываем все усилия для того, чтобы решить вопрос мирным путем. Украина, наоборот, стягивает войска и делает такие заявления [имеется в виду заявление Арсена Авакова о том, что Киев сделал ошибку, не взорвав весной 2014 г. административные здания в Донецке и Луганске вместе с находившимися там протестующими]. Поэтому призываем мировую общественность открыть глаза и увидеть, кто реальный террорист* (nasha-gazeta.net, 27.03.2014).

Отметим, что очень часто в тексте происходит столкновение, а точнее «оттолкновение» одной идеологически заряженной номинации от другой, что составляет основу приема коррекции (Е.И. Шейгал), в иной терминологии – контрастивного отрицания, при котором за отрицанием, отводом «чужой» номинации следует утверждение «своей». Такое речевое поведение оппонентов согласуется с одной из главных задач профессионального участника информационного противоборства, - отмечает И.Н. Панарин, - «вовремя «разглядеть» инфологемы [«ложная, искаженная или неполная информация». – О.К.] противника и своевременно отреагировать на них» [Панарин: 2006, 193]. Вот один из примеров: (из интервью полевого командира, главы Группы быстрого реагирования в Луганске) *Если в начале боевых действий / три месяца назад в начале про... э-э... проведения / так называемой / антитеррористической / а по сути карательной операции на юго-востоке / соотношение потерь э-э... ВСУ / и / ополчения составляло один к двадцати / один к двадцати пяти / сейчас эта цифра / вы видите / воз... возросла в разы /* (rusvesna.su, 28.02.2014).

Ср. также контекст, в котором происходит столкновение узуальных (дончане, донбасцы) и окказионального (донбасяне) оценочных конверсивов. Статья Ю. Луканова «За что мне любить донбасян?» появилась в самый пик оранжевой революции, но окказионализм был востребован и во время Евромайдана: *Я сознательно придумал слово «донбасяне». Это не столько принадлежность к территории, как соответствующий способ мышления, который сложился на этой территории. Я встречал там людей, которые разве что в страшном сне могли бы сфальсифицировать выборы. Я встречал людей, которые хорошо сознают весь ужас того, что у них происходит. Таких я называют однозначно – «донбасцы» или «дончане»* (www.pravda.com.ua, 23.12.2004). Любопытен метаязыковой комментарий автора к этому окказионализму спустя шесть лет: *Сразу подчеркну: определением «донбасяне» и тогда, и в настоящий момент я не определял исключительно обитателей известного региона, под этим словом я имел в виду не только сторонников известного политика.*

Донбасцы или дончане далеко не все есть донбасянами. Мало того, своих донбасян хватает на Галичине, в Киеве и вообще во всех областях Украины.

Среди сторонников любого политика достаточно представителей этой категории населения – в том числе и среди оранжевых лидеров. Поэтому идет речь о носителях определенных привычек, определенного мировоззрения, безотносительно к месту их обитания, безотносительно к тому, кого они поддерживают на выборах.

Хотя нужно признать, что наибольшее количество донбасян сконцентрировано именно на Донбассе (news.pn, 13.01.2010).

5. Еще один весьма распространенный способ создания «своего» словаря в нашем материале – это «полемические» / «условные» кавычки», которые фиксируют несогласие с использованием заключенного в них слова, общего для сублексиконов оппонентов, по отношению к миру противника.

Такие кавычки оказываются чрезвычайно востребованными в медиатекстах о непризнанных государствах – ДНР и ЛНР: *«Народный губернатор» ЛНР Болотов подал в отставку* (www.mk.ru, 14.08.2014); *Российскую «гуманитарку» для «ДНР» встречали боевики во главе со своим «фюрером» А. Захарченко* (crime.in.ua, 18.11.2014); *В «прокуратуре ЛНР» выплатили половину зарплаты за январь* (informatory.lg.ua, 04.06.2015); *Первый глава «минюста ЛНР» не может найти работу в «республике»* (informatory.lg.ua, 04.06.2015);

Этим же способом пользуется и противоположная сторона информационного конфликта, например: *Жители Семеновки говорят, что под обстрелом, но рядом с такими бойцами, как "Моторола", им куда спокойнее, чем когда рядом киевские "защитники"* (rusvesna.su, 25.06.2014).

Кавычки могут одновременно использоваться с такими средствами, как:

1) лексические показатели приблизительности номинаций: *Украина считает перенос самопровозглашенными республиками так называемых «выборов» на Донбассе на 2016 год отложенным шантажом* (lb.ua, 06.10.2015); *В Кремле приветствуют решение лидеров т.н. «ДНР» и «ЛНР» о переносе «выборов» на следующий год, заявил пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков* (www.segodnya.ua, 06.10.2015) и

2) оценочные эпитеты: *Наводчица Савченко прекратила карикатурную «голодовку» и перешла на куриный бульон* (rusvesna.su, 05.03.2015); *Фейковые республики «ЛНР» и «ДНР» попросились в Украину* (24tv.ua, 09.06.2015.); *Россия отказалась от банановых республик «ЛНР» и «ДНР», перекрыв границу с ними* (onpress.info, 05.04.2015).

6. Итак, политические оппоненты в дискурсе ИВ говорят на «разных языках», которые формируют прежде всего прагматические конверсивы, а также средства, выражающие несогласие с использованием «общего» для сторон информационного конфликта слова по отношению к миру оппонента.

В заключение отметим, что обостренное внимание сторон информационного противостояния к языку насыщает дискурс ИВ метаязыковыми рефлексивами.

ЛИТЕРАТУРА

Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4.

Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии [Электронный ресурс] // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., 2002. №3. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/demyankov-02.htm>

Зализняк Анна А. Семантика кавычек [Электронный ресурс] // Труды Международного семинара Диалог-2007 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. М., 2007. – Режим доступа: http://www.philology.ru/linguistics2/zaliznyak_anna-07.htm

Какорина Е. В. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.

Панарин И. Н. Информационная война, PR и мировая политика. М., 2003.

Почепцов Г. Г. Информационные войны. М., 2001.

Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальская. М., 2006.

Эпштейн М. Н. Идеология и язык (Построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. 1991. № 6.

КРАССА С. И.

Ставрополь

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ЭКСПЛИЦИРОВАНИЕ НЕИСКРЕННОСТИ

Аннотация. Предлагается процедура выявления неискренности как методика лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: неискренность, лингвистическая экспертиза

KRASSA S. I.

Stavropol

LINGUISTIC EXPLICATION OF INSINCERITY

Abstract: The procedure of the insincerity revealing as the linguistic examination technique is suggested.

Key words: insincerity, linguistic examination

Лингвистика лжи, берущая свое начало от работы Х. Вайнриха [Вайнрих 1987], получает развитие в исследованиях отечественных языковедов, например А.В. Ленец [Ленец 2010], Т.В. Чернышевой [Чернышева 2013], а также психологов – А.А. Вихман [Вихман 2011]. В то же время научные разработки не еще достигли уровня их применения в лингвистической экспертизе (см., например [Баранов 2007]). В настоящем исследовании предлагается опыт проведения подобного анализа на основе интеграции ряда теоретических и аналитических подходов.

Материалом исследования являются два телефонных диалога между мужчинами М1 и М2. В первом диалоге (текстовый блок 1) М1 сообщает М2, что он на месте и ждет М2, на что М2 отвечает, что его не пустил в офис какой-то знакомый М2 и пытается выяснить, кто это. М2 спрашивает о возможности встречи в другом месте, М1 отвечает отказом.

Второй диалог (текстовый блок 2) начинается с сообщения М1 по телефону о том, что он еще полчаса побудет в офисе, затем ему нужно уехать. М2 энергично возражает и меняет тему на просьбу о консультации для его знакомого о продаже фирмы и спрашивает, когда можно подъехать. М1 удивлен (он адвокат) и говорит о том, что это сфера деятельности риэлтора. М2 продолжает тему консультации, а затем резко переходит к вопросу о тех, кто его не пустил в офис М1. Не получив ответа, сообщает, что заезжал именно по поводу консультации его знакомого. Между диалогами проходит 40-45 минут.

Перед специалистом в исследовании ставится вопрос: есть ли в тексте стенограммы телефонных переговоров лингвистические указания на проявления неискренности в речи М2?

Для его решения на первом этапе проводится выявление интенций М2. Методика выявления интенций говорящего в тексте опирается на учет семантики однозначных слов при опущении второстепенных уточняющих выражений и характеристик. По возможности используется рабочий словарь названий интенций, поскольку применение «готовой терминологии к анализируемому материалу оказывается более простой работой, чем поиск экспертом характеристики интенции на основе своего чувства языка» [Слово в действии 2000: 94]. Для политического дискурса разработан словарь, который составляют 27 коммуникативных интенций; для бытового (делового) диалога такой словарь не разработан.

Для выявления интенций на первом этапе специалистом, осуществляющим исследование, проводится вчитывание в текст и внимательное оценивание каждого слова. Специалист определяет конкретное содержание каждого фрагмента и выявляет, очевидна ли интенция, лежащая в его основе. Следующий шаг – экспертная квалификация интенции, лежащей в основе анализируемого высказывания. Эта процедура (контрольной оценки) проводится с помощью респондентов, близких по образовательному уровню и сфере профессиональных занятий. Эта методика подробно описана в [Слово в действии 2000].

Проведенное методом интент-анализа исследование текста стенограммы позволило выявить следующие речевые намерения М2 (текстовый блок 1):

(1) САМООПРАВДАНИЕ / ОБЪЯСНЕНИЕ. Он пытается оправдаться, что не попал к М1, и объяснить, почему это произошло. Возможна интерпретация данной интенции как жалобы.

(2) КРИТИКА. Он подвергает критике действия того, кто его не впустил, делает это эмоционально, поэтому к критике добавляется возмущение.

(3) ЗАПРОС ИНФОРМАЦИИ. Он спрашивает у М1, может ли тот выехать, чтобы встретиться с ним. Возможно рассмотрение данной интенции как косвенной просьбы.

(4) КООПЕРАЦИЯ (уклончивое согласие)

(текстовый блок 2)

(1) ОСТОРОЖНОСТЬ / ПРОСЬБА. В данном фрагменте интенция сложная: М2 осторожно вводит новую тему. Имеет место размежевание: он отмежевывается от прежней ситуации несостоявшейся встречи и ее цели и просит о новой встрече с новой темой, которая им и вводится в этом эпизоде.

(2) ИНФОРМИРОВАНИЕ. Он разъясняет собеседнику существо просьбы.

(3) АНАЛИЗ.

(4) ИНФОРМАЦИЯ. Возможно – ИНФОРМИРОВАНИЕ.

(5) ОБЪЯСНЕНИЕ.

Далее на основе результатов исследования интенций выделяются фрагменты, в которых предположительно имеют место противоречия: между языковой формой и содержанием диалогов и их составляющих; между содержанием отдельных фрагментов диалогов; между содержанием диалогов и пресуппозицией.

Противоречие 1. Данное противоречие имеет место между содержанием диалогов и пресуппозицией, а также постулатами Грайса.

М1 в начале текстовых блоков 1 и 2 говорит о том, что он в офисе:

Текстовый блок 1

М1: *Алло! Я на месте, В... (имя собственное).*

Текстовый блок 2

М1: *В... (имя собственное), я еще с полчаса побуду у себя в офисе, потом мне нужно...*

Эти реплики позволяют выделить пресуппозицию: «Есть договоренность о встрече М1 и М2 в офисе М1». Иллокутивная сила данного косвенного речевого акта заключается в побуждении: «Приезжай».

Текстовый блок 1 заканчивается тем, что М2 реализует интенцию КООПЕРАЦИЯ, выражая готовность к встрече позже, в неопределенное время. В то же время текстовый блок 2 начинается интенция САМООПРАВДАНИЕ / ОБЪЯСНЕНИЕ. Происходит размежевание: он отмежевывается от прежней ситуации несостоявшейся встречи и ее цели и просит о новой встрече с новой темой, которая им и вводится в этом эпизоде:

М2: *Нет, нет! Я хотел спросить, Е.Д. (имя и отчество), да вот мне человеку нужно там проконсультироваться, по поводу продажи фирмы. Когда можно к нему подъехать? В понедельник или вторник?*

Такое соотношение пресуппозиции, иллокуции косвенного речевого акта, содержания и формы реплики М2 свидетельствует о его неискренности. Подобный вывод делается также и с опорой на принципы кооперации Грайса: М2 нарушает максимум полноты информации, вводя в высказывание больше информации, чем требуется, одновременно не предоставляя необходимого минимума требуемой информации.

Противоречие 2. Данное противоречие имеет место между объемом диалогов с определенным содержанием и содержанием конкретных реплик, а также постулатами Грайса.

В текстовом блоке 1 объем разговора о «клиентах» М1 составляет 51%, в текстовом блоке 2 – 34%, в целом 40% объема двух диалогов занимает разговор о «кентах», «непонятных», «клиентах» из «конторы», имеющих идентичную референцию. Разговор о «человеке, которому нужно «проконсультироваться по поводу продажи фирмы» занимает около 25%

общего объема текстовых блоков. Кроме того, отмечается наложение тем во фрагментах 2 и 3 текстового блока 2:

М2: *Не адвокатская? А то у меня спрашивает, а я говорю, я не знаю. Поэтому...*

М1: *Нет, это риэлторская сфера.*

М2: ***Ясно, что у вас там?!***

М1: *Если у него будут судебные тяжбы какие-то, тогда да...*

М2: *Нет, он хочет заключить договор и чтобы...*

М1.: *Нет, это риелтор.*

Граница между фрагментами 2 и 3.

М2: ***А что у вас там случилось? Какие-то ребята...?***

Тема «консультации» продолжается, вместе с тем вводится запрос относительно темы «клиентов», что говорит о подлинном интересе М2 – о «клиентах» из «конторы». Между тем он утверждает, что заезжал именно по вопросу консультации по поводу продажи фирмы. Такая эксплицитная презентация цели визита входит в противоречие со смысловым весом тем в диалогах, а также демонстрирует нарушение максимы релевантности, которая требует не отклоняться от темы.

Противоречие 3. Имеет место противоречие между интенциями. Интенции САМО-ОПРАВДАНИЕ (фрагмент 1 текстовый блок 1), ЗАПРОС ИНФОРМАЦИИ (фрагмент 3 текстовый блок 1), согласно которым М2 оправдывается, объясняя, почему он не смог попасть к М1, спрашивая, не может ли он выехать прямо сейчас, вступают в противоречие с интенциями текстового блока 2. Таким образом, речь идет о встрече, цель и необходимость которой понятны обоим собеседникам, причем еще до диалога, который зафиксирован в текстовом блоке 1. В то же время интенции ОСТОРОЖНОСТЬ / ПРОСЬБА (фрагмент 2 текстовый блок 1), ИНФОРМИРОВАНИЕ (фрагмент 3 текстовый блок 1) оставляют названные интенции блока как бы в подвешенном состоянии, что заставляет М2 эксплицитно оправдывать такое положение: *За это заезжал!*

Противоречие 4. Данное противоречие связано с тем, что перлокутивный эффект трех основных речевых актов не был достигнут. В анализируемых текстовых блоках выделяются три главные темы: встреча, информация о «конторе» и просьба (по делу знакомого).

Локутивные акты темы «Встреча», которые имеют в качестве иллокутивного намерения договор о встрече, не достигли перлокутивного эффекта: встреча не состоялась. Локутивные акты темы «Контора», которые имеют в качестве иллокутивного намерения получение информации о людях, бывших в офисе М1, не достигают перлокутивного эффекта: М2 не получает эксплицитного подтверждения этой информации. Локутивные акты темы «Просьба», которые имеют в качестве иллокутивного намерения получение консультации в продаже фирмы знакомого, не достигают перлокутивного эффекта: это оказывается не по профилю деятельности М1.

Коммуникативные неудачи, приведшие к тому, что перлокутивный эффект не был достигнут, с высокой долей вероятности имеют в качестве объяснения неискренность М2.

Таким образом, предлагаемый подход к выявлению неискренности основывается на результатах интент-анализа, проведении процедур анализа речевых актов, презуппозиций и постулатов Грайса. Выявление противоречий между данными названных видов анализа свидетельствует о неискренности говорящего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М. : Флинта: Наука, 2007.
2. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / общ. ред. В. В. Петрова. М. : Прогресс, 1987. С. 44-87.
3. Вихман А. А. Лживость в структуре интегральной индивидуальности : дис. ... канд. псих. наук. Пермь, 2011.

4. Ленец А. В. Коммуникативный феномен лжи : лингвистический и семиотический аспекты (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, 2010.

5. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. СПб.: Алетейя, 2000.

6. Чернышова Т. В. Вербальные маркеры неискренности в диалоге (по материалам спорных фонограмм, попавших в сферу судебного разбирательства) // Филология и человек. 2013. №3. С. 70-80.

КРИЖАНОВСКАЯ Е. М.

Пермь

**СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОПОЗИЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ
В ИНТЕРВЬЮ ИЗВЕСТНОГО ЖУРНАЛИСТА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОФИЦИАЛЬНОГО САЙТА РАДИОСТАНЦИИ
«ЭХО МОСКВЫ»)**

Аннотация: В статье характеризуются основные способы выражения оппозиционных политических взглядов, выявленные в процессе анализа текста интервью российского журналиста А. Невзорова. Текст был размещен на официальном сайте радиостанции «Эхо Москвы». В статье рассматриваются некоторые приемы организации радиоинтервью, а также определенные коммуникативные стратегии, тактики и речевые средства, которые позволяют журналисту обозначить свою политическую позицию. Статья содержит вывод о том, что данные приемы организации радиоинтервью способствуют достижению основной коммуникативной цели его участников – презентаций себя как личностей, а не обсуждения актуальных политических событий.

Ключевые слова: политический дискурс; жанр радиоинтервью, особенности речевого поведения журналиста, способы выражения оппозиционных взглядов участников интервью.

KRIZHANOVSKAYA YE. M.

Perm

**WAYS OF THE OPPOSITION POLITICAL VIEWS' EXPRESSION IN THE INTERVIEW
BY THE WELL-KNOWN JOURNALIST
(BASED ON THE RADIO'S WEBSITE «ECHO MOSCOW»)**

Abstract. The article describes the basic ways of the opposition political views expression, which were revealed through the analysis of the interview text by the journalist A. Nevzorov. The text has been published on the official web-site of the radio station «Echo Moscow». The article considers some methods of the radio interview arrangement, certain communicative strategies, tactics and speech means which allow the journalist to reveal his political position. The article contains a conclusion that this methods of the radio interview arrangement help to achieve the basic communicative purpose of its participants – presentations of themselves as individuals, instead of discussing actual political events.

Key words: political discourse; genre of radio interview, peculiarities of journalist's speech behaviour, ways of interview participants opposition views' expression.

Утверждение о том, что современный политический дискурс в России характеризуется высокой степенью агрессивности, стало уже общепринятым. Как отмечает А.П. Чудинов, «нам не хватает толерантности, терпимости к мнению оппонента, слишком много у наших политических лидеров и журналистов желания оскорбить и унижить инакомыслящих. ... Но в процессе подобной деятельности не все средства одинаково хороши с моральной точки зрения» [Чудинов 2008: 71]. В современной политической коммуникации в России особо резкое неприятие мнений других участников политического процесса свойственно представителям движений, придерживающихся взглядов, отличных от установок официальной российской власти. В этом отношении весьма показательны передачи радиостанции «Эхо Москвы», со-

держание и стилистика которых резко контрастируют с соответствующими характеристиками информационно-аналитических программ многих других российских радиостанций. Несмотря на то что редакция радиостанции «Эхо Москвы» в целом не признает открыто оппозиционной направленности своих передач, об этом свидетельствует круг обсуждаемых общественно-политических проблем, характер журналистских оценок событий, происходящих в нашей стране и за рубежом, и, безусловно, приглашение к их обсуждению гостей, которые известны в основном своей оппозицией официальной российской власти.

В настоящее время у многих популярных радиостанций имеются собственные официальные сайты в Интернете, которые позволяют охватить более значительную, чем раньше, часть целевой аудитории, в первую очередь – молодежную. Официальный сайт «Эха Москвы» появился в 1997 году и с тех пор постоянно совершенствуется. Так, например, в Википедии отмечается, что «для пользователей сайта доступны звуковые эфиры радиопередач за несколько лет, расшифровки интервью, поиск по материалам, RSS-подписка, возможность оставлять комментарии и задавать вопросы гостям и сотрудникам, принимать участие в опросах, формировать топ-7 материалов и персон» [Эхо Москвы, электронный ресурс].

Перечисленные возможности официального сайта этой радиостанции позволяют не только исследовать особенности речевого поведения отдельных журналистов и блоггеров, но и выявить особенности их политических взглядов. С целью выявления отдельных способов выражения политических взглядов нами был проанализирован текст интервью известного петербургского журналиста Александра Невзорова, которое было размещено на официальном сайте радио «Эхо Москвы» 26 октября 2015 года в рубрике «Персонально Ваш».

Как известно, Александр Глебович Невзоров – это российский журналист, репортёр, телеведущий, публицист, режиссёр, сценарист и продюсер нескольких документальных фильмов. А. Невзоров был депутатом Государственной думы РФ в период с 1993 по 2007 гг. Особую известность (нередко скандальную) журналист приобрел в конце 1980-х гг. как автор и ведущий программы Ленинградского телевидения «600 секунд». А. Г. Невзоров участвовал во многих локальных вооружённых конфликтах, освещению которых посвятил серию репортажей «Наши» о советских и российских солдатах в различных горячих точках, награжден орденом «За личное мужество», медалью «Защитнику Приднестровья» и нагрудным знаком «За оборону Приднестровья». Профессиональная деятельность А. Невзорова отличается стремлением к независимости суждений и оценок и нередко – к эпатажу.

Анализ текста интервью с А. Невзоровым, представленного на сайте «Эха Москвы» 26 октября 2015 года, показал, что основной коммуникативной стратегией журналиста становится стратегия самопрезентации себя как личности. По мнению ОН. Быковой, «самопрезентация – это эмоциональная «самоподача» оратора, косвенная демонстрация психических качеств его личности для формирования определенного впечатления о нем самом и его целях» [Быкова, цит. по Паршина 2007: 43]. Названной коммуникативной цели подчинены все используемые А. Невзоровым речевые тактики и средства организации дискуссии в прямом эфире.

Диалог в прямом эфире начинается с пересказа журналистом В. Бойко сообщения о том, как Президент РФ В.В. Путин на вопрос одного из членов Валдайского клуба на форуме 2015 года шутливо ответил, что он голубь, но с мощными железными крыльями. Это высказывание лидера России позволяет журналисту задать провокационный вопрос гостю студии о том, с каким животным или птицей ассоциируется у него российский президент. Заданный вопрос становится своеобразным пусковым механизмом не только начала дискуссии, но и развернутого ответа публициста А. Невзорова, в процессе которого автор долго и пространно рассуждает о том, что Россия отличается любовью к киношным спецэффектам, постановочным сценам (в том числе и в политике), приводит сведения из личного опыта изучения образа жизни голубей. При этом развернутый ответ на вопрос интервьюера содержит ярко выраженную негативную оценку, которую А. Невзоров не боится выразить публично (здесь и далее текст приводится в частичной пунктуационной правке автора статьи – Е.М):

«Но я бы вообще не рисковал кому бы то ни было сравнивать себя с голубем. Потому что мне с голубями приходилось много работать. ...я не знаю, сколько надо было выпить литров Фалернского, чтобы обозначить эту птицу символом миролюбия и вообще мира. Более склочных, гадливых, авантюрных и хамских птичек, чем голуби, представить себе невозможно. К тому же голубь такая, я бы сказал, пространный очень ассоциация. Есть же и городские голуби, отличающиеся особым изяществом. Которые населяют помойки».

Приведенный выше фрагмент интервью иллюстрирует отношение А. Невзорова не только к широко известному газетному штампу «голубь мира», но и демонстрирует явно критический настрой к высказываниям российского президента, что получит дальнейшее развитие в ходе беседы.

Характерно, что резко отрицательной оценке журналиста подвергаются как официальная российская политика в целом, так и личности отдельных политиков, государственных деятелей, депутатов Государственной думы РФ, лидеров общественных движений, действующих в настоящее время представителей русской православной церкви. По-видимому, негативные оценки А. Невзорова хорошо известных в России людей выступают в качестве средств реализации в речи тактики дистанцирования журналиста от их мнений и действий, одновременно журналист постоянно делает акцент на наличии у него собственной позиции по обсуждаемым вопросам. Так, комментируя высокий, по данным интернет-источников, рейтинг Президента РФ В.В. Путина, А. Невзоров отмечает:

*«Я думаю, что всех тех, кто не входит в число безоговорочных сторонников Владимира Владимировича, скоро уже будут знать пофамильно. И списки их будут вывешены. Их немного. Я думаю, что на самом деле мы должны говорить о 95%, но просто цифры немножко стыдливо занизили. И в этом нет ничего удивительного. Поскольку я не знаю, какими усилиями ему далась победа над Интернетом, он ведь, понимаешь-то, что называется, **Володин** – во всех смыслах этого слова. То есть можно говорить **Володин**, можно говорить – **Вовин**. Можно говорить как угодно. Тем не менее, он верен и удивительно ритмичен в своих победах. И это надо признать».*

В приведенном фрагменте интервью журналист А. Невзоров при помощи лексических повторов и парцелированных синтаксических конструкций акцентирует для слушателя свою позицию, прогнозирует дальнейшее развитие ситуации контролирования официальными российскими властями Интернета и выражает свое отношение к этому, обыгрывает имя Президента РФ В.В. Путина и фамилию первого заместителя руководителя Администрации Президента РФ В.В. Володина.

Как отмечается в одном из современных учебных пособий по радиожурналистике, каждое интервью имеет определенную композицию и сюжет, «их основу составляют вопросы журналиста. Именно они определяют качество материала и его внутреннюю структурную организацию» [Радиожурналистика, электронный документ]. Интересно, что другие журналисты-участники анализируемого интервью не только сами формируют при помощи предлагаемых гостю вопросов и своих ответных реплик определенные идеологические рамки и стилистические особенности беседы, но и с легкостью принимают своеобразные условия игры в радиостудии (в том числе языковой), которые навязывает им А. Невзоров, в результате общение превращается в процесс высмеивания высказываний и действий известных людей. Нередко такое высмеивание принимает форму откровенного стёба, ёрничанья, издёвки и даже прямых оскорблений, напоминая некоторое балаганное действо. Для поддержания беседы такого типа интервьюеры используют многочисленные реплики-подхваты высказываний А. Невзорова, демонстрируют согласие с высказанной им точкой зрения, задают уточняющие вопросы, помогающие развитию дискуссии.

В качестве иллюстрации приведем фрагменты интервью, в котором его участники обсуждают назначение депутата Е. Мизулиной сенатором и заместителем конституционного комитета ГД РФ:

«А. Невзоров: – Вот допустить Мизулину к Конституции – это все равно что, прошу прощения за сравнение, – крысу поставить сторожить крупу. Понятно, что она все изгрызет и изгадит, потому что ни один человек такого пренебрежения к Конституции, как чиновница Мизулина, за последнее время не продемонстрировал. Ну, может быть, только есть еще дитя ее гнезда, ее, может быть, дочь Яровая.

О. Бычкова: – Ваш любимый персонаж Милонов.

А. Невзоров: – Милонов уже по сравнению с этими дамами блекнет. Я надеюсь, что он что-нибудь отмочит в ближайшее время, чтобы снова о себе ярко напомнить. Причем я знаю, что с Мизулиной все было не так просто. Сперва она предполагалась в Совет Федерации, у нее была очень ответственная задача. Было нужно пересчитать огнетушители на этажах. Но интеллектуальная задача оказалась тяжеловата, и ее назначили на конституционное законодательство как все-таки на то, что больше соответствует возможностям. Тут я могу сказать, ты видишь, я всегда стараюсь говорить о людях что-нибудь хорошее. Я всегда сдержан и корректен. Но когда эта вот совершенно невежественная тетка вдруг на себя берет смелость определять и решать, как жить огромному количеству взрослых, состоявшихся, профессиональных и свободных людей. То вот эта наглость, притом, что я сторонний наблюдатель, меня не очень волнуют тут ваши эти все российские страсти, вот эта наглость даже меня пронирает. <...>

О. Бычкова: – А прицепились к одной бедной женщине.

А. Невзоров: – Но она понаглее прочих, конечно. Надо помнить, что за всем этим наблюдает бесстрастно око Валентины. Я не знаю, что она думает на самом деле. И что она чувствует. Но мы помним про то, что Валентина Ивановна – это такой специальный биоробот, изготовленный в секретных подвалах ЦК».

В приведенном фрагменте интервью А. Невзоров чрезвычайно категорично и пренебрегая этическими нормами оценивает деятельность, интеллектуальные способности и личные качества члена Совета Федерации Федерального Собрания РФ Е.Б. Мизулиной, одновременно он дает беглую нелестную характеристику депутату Законодательного Собрания Санкт-Петербурга В.В. Милонову и иронизирует по поводу личности Председателя Совета Федерации Федерального Собрания РФ В.И. Матвиенко. При этом о себе журналист говорит как об вполне этичном собеседнике, который не ущемляет чести и достоинства других личностей: *«...я всегда стараюсь говорить о людях что-нибудь хорошее. Я всегда сдержан и корректен; Я как раз воплощенная корректность».* Коммуникативное поведение А. Невзорова в радиостудии «Эха Москвы» строится в основном на тактике дистанцирования, о чем он сам нередко сообщает (*я сторонний наблюдатель, меня не очень волнуют тут ваши эти все российские страсти; мне все равно, честно говоря*), и тактике оскорбления.

Тактика оскорбления известных российских политиков, депутатов, общественных и религиозных деятелей проявляется в использовании речевых выражений с пейоративной окраской, развитии в тексте соответствующих негативных метафор, языковых единиц сниженного стиля, грубых и просторечных выражений, например: *«бедолаги милиционеры 90-х; бедолаги эфэсбэшники; бить по мордасам; нарисовался кандидат; нахлебаться РПЦиной бодяги; не надо всех собак вешать на эфэсбэшников; попов колбасит от всяких слов; танцы с костями (о погребении останков семьи Николая Второго – Е.М.); труп бедняжки Цорионова; хреново; черт возьми»* и др.

В качестве иллюстрации приведем фрагмент интервью, в котором его участники обсуждают возможную, по версии А. Невзорова, отставку Патриарха Московского и всея Руси Кирилла:

«А. Невзоров: – Очень бы не хотелось, чтобы так было. Кируша, конечно, еще тот фрукт. Но у него все-таки как много в нем нормального человеческого. Смазливая повариха, часики, квартирки...»

О. Бычкова: – Я вас умоляю. Остановитесь. Невзоров.

А. Невзоров: Я как раз хвалю человека, объясняю, что он мне симпатичен. А у того, кто его может заменить, там, похоже, вообще полная лиссэнцефальность и одна

извилины, и та крестиком. И понятно, что если, скажем так, вот эта ситуация назреет и каким-то образом будет решаться, вся та многочисленная гвардия, которую наплодил себе Гундяев, его не спасет. Потому что все его назначенцы так, нолики с крестиками, которые тут же откозыряют новому хозяину. В общем, как я выяснил только что, я гораздо лучше отношусь к Гундяеву, чем думал об этом».

В приведенных высказываниях А. Невзорова содержится фамильярное именование высшего иерарха РПЦ, сообщаются непроверенные факты из его личной жизни, негативно оценивается ближайшее окружение патриарха. Таким образом, позволяя себе в прямом эфире крупной российской радиостанции унижать и оскорблять известных российских деятелей, постоянно эпатируя окружающих подобного рода высказываниями, А. Невзоров, стремится выделиться свое мнение из ряда других и завоевать тем самым внимание слушателей.

В связи с тем что в беседе с А. Невзоровым принимают участие журналисты-женщины, в тексте интервью можно отметить реплики, которые можно квалифицировать как проявление женского кокетства, например: *«А кстати, вы слышали..; Вам же нравится Валентина Ивановна; Вы на что намекаете, Александр?; Да нет же, ну что вы; Не кидайте меня в розовый куст!; Ой, всем симпатичен. Он всем так симпатичен; Я вас умоляю. Останьтесь, Невзоров».*

Необходимо отметить, что, наряду с тактиками дистанцирования и оскорбления, А. Невзоров активно использует различные демагогические и манипулятивные приемы, увлечение которыми вводит его в некоторое подобие экзальтации. В результате этого присутствующие в радиостудии журналисты теряют основное направление беседы и вынуждены, находясь под воздействием эмоционального состояния публициста, торопливо восстанавливать прерванный ход разговора, зачастую хаотично «перескакивая» с одной микротемы на другую. Иллюстрацией сказанному может служить следующий текстовый фрагмент:

«О. Чиж: – Но есть варианты. Например, запрещайте толкиенистов, научите их ставить ролевые игры по «Слову о полке Игореве».

О. Бычкова: – Ничего себе. Чиж, ты загнула.

А. Невзоров: – Вот действительно чиж. Действительно чиж, а не голубь. Чувствуется, что не голубь. И чижки ведь они начинают такое стремительное движение и хаотически скоростные полеты перед большой грозой.

О. Чиж: – Вы на что намекаете, Александр?

О. Бычкова: – Я потеряла нить, если честно.

А. Невзоров: – Я намекаю на исторический вектор развития нашего государства».

Примечательно, что для придания значимости своим высказываниям и формирования необходимого настроения радиослушателей А. Невзоров нередко прибегает к ссылкам на авторитетные источники: высказывания всемирно известных ученых, отечественные и зарубежные научные исследования, интернет-ресурсы. Тем самым журналист демонстрирует свою широкую образованность и интеллектуальное превосходство не только над другими участниками дискуссии в радиостудии, но и отчасти над радиослушателями.

Обобщая результаты проведенного анализа текста интервью с журналистом А. Невзоровым в прямом эфире «Эха Москвы», еще раз подчеркнем, что выявленные нами приемы организации столичными журналистами радиointервью, использованные ими в ходе беседы коммуникативные стратегии, тактики и речевые средства позволяют сделать следующий вывод: открыто декларируемая участниками этого разговора оппозиционность, по сути, являет собой не попытку обсуждения и серьезного анализа актуальных политических событий в России и за рубежом, а способ презентации себя как личностей с целью понравиться значительной части радиослушателей.

ЛИТЕРАТУРА

Паршина О. Н. Российская политическая речь: Теория и практика / Под ред. О. Б. Сиротининой. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Издательство ЛКИ, 2007.

Радиожурналистика: учеб. пособие / Под ред. А. А. Шереля. Изд-во Московского ун-та. М., 2000 [электронный документ]. URL: <http://www.evardist.narod.ru/journ.htm> (дата обращения – 30.10.2015).

Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта : Наука, 2008.

Эхо Москвы. Википедия [электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения – 27.10.2015).

КУЗИНА Ю. В.

Екатеринбург

SCARECROBAMA – ОБРАЗ Б. ОБАМЫ В ГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ СЕТИ ИНТЕРНЕТ¹

Аннотация: Статья посвящена описанию бытующего в общественном сознании американского народа образа американского президента Б. Обамы на основе анализа графических материалов сети Интернет, где образ американского президента сливается с образом Страшила — персонажа культовой американской сказки Л. Ф. Баума «Удивительный Волшебник страны Оз» и одного из ярчайших воплощений лингвокультурного типажа Чудак.

Ключевые слова: общественное мнение, графические материалы сети Интернет, образ, Страшила, лингвокультурный типаж Чудак.

KUZINA Y.V.

Ekaterinburg

SCARECROBAMA — BARAK OBAMA'S IMAGE IN THE INTERNET GRAPHIC MATERIALS

Abstract: The image of Barack Obama existing in the Americans' public opinion is described. The article is based on the analysis of the Internet graphic materials where Barack Obama's image merges with the image of Scarecrow — the popular character of L. F. Baum's culturally significant fairy-tale "The Wonderful Wizard of Oz" and one of the brightest representations of the linguocultural type "Weirdo".

Keywords: public opinion, the Internet graphic materials, image, Scarecrow, the linguocultural type "Weirdo".

В современном мире глобальная сеть Интернет выступает как культурный феномен, значимость которого в жизни общества трудно переоценить. В силу технологических особенностей Интернета, таких, как глобальность, открытость, быстрое действие, гипертекстуальность, память большой емкости, интерактивность и сетевая структура, данная технология привлекает всё большее число пользователей, превратившись в масштабное социальное явление [Опарина 2005: 13]. Как средство глобальной коммуникации, сеть Интернет выступает в качестве широчайшего, всеобщего доступного пространства выражения общественного мнения по самым различным вопросам. Зачастую общественное мнение выражается не только в вербальной, текстовой, но и графической форме — в виде картинок, комиксов, графических мемов.

Наше внимание привлёк ряд изображений американского президента Барака Обамы, в на которых образ американского президента сливается с образом персонажа сказочной повести Л. Ф. Баума «Удивительный Волшебник страны Оз» Страшила (англ. *Scarecrow*) (рис. 1-4). Необходимо отметить, что данное произведение занимает особое положение в американской лингвокультуре и является средоточием её ключевых образов.

¹ Материалы подготовлены в рамках гранта РГНФ № 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

Так, Страшила сочетает в себе черты лингвокультурного типажа Чудак и образа американского фермера.

Согласно выводам, сделанным по итогам исследования Е. А. Ярмаховой, лингвокультурный типаж Чудак представляет собой обобщенный образ человека, ведущего себя странным образом. Конститутивными понятийными признаками рассматриваемого концепта являются следующие: 1) человек, 2) вызывающий недоумение и удивление, 3) своей необычностью (странностью), 4) неопасный 5) получающий оценку [Ярмахова 2005: 7].

Дефиниционный анализ лексемы *scarecrow* подтверждает, что данному персонажу присущи данные характеристики.

scarecrow

- anything set up in a field to scare birds away from crops, usually a figure of a man made with sticks, old clothes, etc. [CAED: <http://www>];
- an object made to look like a person, that is put in a field to frighten birds away [LDAE: <http://www>];
- an object usually suggesting a human figure that is set up to frighten birds away from crops [Merriam Webster's Dictionary: <http://www>].

Рис. 1

Согласно приведенным дефинициям, рассматриваемая лексема обозначает объект, воссоздающий человеческий облик, размещенный в поле, чтобы отпугивать птиц от посевов.

Существенной характеристикой чудака является признак «неопасный», который и определяет юмористическую тональность отношения к нему [Ярмахова 2005: 10]. Согласно приведенной ниже группе словарных дефиниций, этот признак присущ Страшиле:

- anything that frightens one but is actually not harmful [CAED: <http://www>];
- something frightening but harmless [Merriam Webster's Dictionary: <http://www>];
- anything frightening but not really dangerous [Random House Dictionary: <http://www>].

Как мы видим, общим для приведенных дефиниций является значение неопасности вопреки пугающему внешнему виду.

Согласно исследованию Е. А. Ярмаховой, чудаку свойственно эксцентричность, одним из проявлений которой является пренебрежение к социальным нормам в одежде, бросающаяся в глаза неопрятность либо экстравагантность [Там же: 9]. Словарные дефиниции, раскрывающие внешний облик the Scarecrow (Страшилы), таковы:

- an untidy-looking person [CAED: <http://www>];
- a skinny or ragged person [Merriam Webster's Dictionary: <http://www>];
- a person in ragged clothes [Random House Dictionary: <http://www>].

Данные дефиниции показывают, что Страшиле свойственна небрежность, неопрятность в одежде. Помимо этого, внешний облик Страшилы описывается, как «странный»:

«...While Dorothy was looking earnestly into the **queer**, painted face of the Scarecrow, **she was surprised** to see one of the eyes slowly wink at her...» [Baum 1900: <http://www>].

queer

- differing in some odd way from what is usual or normal [CAED: <http://www>];
- eccentric, unconventional: mildly insane : touched [Random House Dictionary: <http://www>].

Данные словарные дефиниции свидетельствуют об обладании персонажем таких качеств, как странность (odd, strange), эксцентричность (eccentric), необычность (unconventional) и даже легкая степень психической ненормальности (mildly insane, touched), что свойственно Чудаку.

Рис. 2

Известно, что Страшила отправился в Изумрудный город к Волшебнику страны Оз, чтобы попросить для себя мозги. Лексема *brain(s)*

«... "Do you think," he asked, "if I go to the Emerald City with you, that Oz would give me some **brains**?"...» [Baum 1900: <http://www>].

Помимо дефиниций, обозначающих соответствующий орган, в лексикографических источниках указаны определения данной лексемы, имеющие значения интеллекта, умственных способностей:

brain(s)

- (often pl.) intelligence; mental ability [CAED: <http://www>];
- (usually plural) the ability to think clearly and learn quickly [LDAE: <http://www>];
- intellect, mind, intellectual endowment [Merriam Webster's Dictionary: <http://www>];
- understanding; intellectual power; intelligence [Random House Dictionary: <http://www>].

Таким образом, до встречи с Волшебником Страшила не обладает разумом и именует сам себя дураком:

«... "I will go too," declared the Scarecrow; "but I shall not be of much help to you, I am such a **fool**."...» [Baum 1900: <http://www>].

В связи с этим необходимо рассмотреть типы дураков, выделенные Е. А. Ярмаховой в ходе определения границ понятия «чудак» [Ярмахова 2005: 12]:

1) *патологический дурак*, тупица, который не способен понять то, что должны понимать все; ему противопоставлен умный;

2) *психованный дурак*, который не контролирует себя и опасен окружающим; ему противопоставлен вменяемый человек;

3) *человек, который дурачится себе на потеху*, ведет себя нерационально, но в интеллектуальном отношении вполне состоятелен (фигляр, паяц), в определенных сообществах такая роль кристаллизуется как роль шута, которому позволено говорить правду только под видом дурачества; ему противопоставлен серьезный;

4) *фольклорный дурак*, над которым смеются умники – те, кто считает себя гораздо выше его по интеллекту, но в действительности они уступают ему; фольклорному дураку помогают волшебные существа, на его стороне удача; ему противопоставлен самонадеянный умник;

5) *дурак как жертва обмана*, как тот, кого легко провести; ему противопоставлен преступник, мошенник;

6) *дурак как чудак*, человек со странностями; ему противопоставлен обычный человек.

Среди толкований лексемы *fool*, представленных в толковых словарях американского английского языка, нами были выделены три группы, каждая из которых может быть соотнесена с рассматриваемым нами персонажем, а также типологией, представленной в исследовании Е. А. Ярмаховой.

Первая группа несет значение глупца, человека, который не обладает рассудительностью или благоразумием, обделенный умственными способностями.

- a person with little or no judgment, common sense, wisdom, etc.; silly or stupid person; simpleton [CAED: <http://www>];
- a stupid person [LDAE: <http://www>];
- a person lacking in judgment or prudence [Merriam Webster's Dictionary: <http://www>];
- a silly or stupid person; a person who lacks judgment or sense [Random House Dictionary: <http://www>].

Рис. 3

Вторая группа определений содержит значение человека умственно неполноценного, отсталого в умственном развитии:

- a mentally retarded person [CAED: <http://www>];
- a harmlessly deranged person or one lacking in common powers of understanding [Merriam Webster's Dictionary: <http://www>];
- a weak-minded or idiotic person [Random House Dictionary: <http://www>].

Опираясь на приведённые группы дефиниций Страшила — патологический дурак по типологии Е. А. Ярмаховой.

Поведение Страшила описано следующим образом:

«...*he stood stupidly in one spot, just within the doorway, to wait till morning...*» [Baum 1900: <http://www>].

stupid(ly)

- a) in a state of stupor; dazed; stunned; stupefied; b) lacking normal intelligence or understanding; slow-witted; dull; c) showing or resulting from a lack of normal intelligence; foolish; irrational [CAED: <http://www>];
- showing bad judgment or a lack of intelligence [LDAE: <http://www>];
- a) not intelligent : having or showing a lack of ability to learn and understand things; b) not sensible or logical; c) not able to think normally because you are drunk, tired, etc. [Merriam Webster's Dictionary: <http://www>];
- a) lacking ordinary quickness and keenness of mind; dull; b) characterized by or proceeding from mental dullness; foolish; senseless: a stupid question; c) in a state of stupor; stupefied: stupid from fatigue [Random House Dictionary: <http://www>].

Все приведенные дефиниции связаны с недостатком интеллектуальных способностей и заторможенностью мышления.

Согласно тексту повести, мозги, данные Страшале Волшебником, состоят из отрубей, булавок и иголок: «...*Then he (the Wizard) entered the back room and took up a measure of **bran**, which he mixed with a great many pins and needles...*» [Baum 1900: <http://www>].

Одно из значений лексемы *pin* — «нечто малозначительное, ерунда, пустяк»:

pin

- something worthless or insignificant; trifle [CAED: <http://www>];
- little, trifle [Merriam Webster's Dictionary: <http://www>];
- a very small amount; a trifle [Random House Dictionary: <http://www>].

Таким образом, можно сказать, что голова Страшила забита ерундой, пустяками.

Сходное метафорическое значение (нечто малозначительное, пустяк, ерунда) имеет лексема *straw* — солома, материал, которым набит Страшила:

straw

- something of little or no value; worthless trifle [CAED: <http://www>];
- something of small worth or significance [Merriam Webster's Dictionary: <http://www>];
- the negligible value of one such stalk; trifle; least bit [Random House Dictionary: <http://www>]

Фактически, Страшила является соломенным человеком. В толковых словарях приведены различные значения словосочетания *straw man*. С одной стороны, это малозначимый человек:

straw man

- a person of little importance; nonentity [CAED: <http://www>].

С другой стороны, это человек, которого используют для прикрытия неких неблагоприятных дел, то есть тот, кого легко обмануть и использовать с целью обмана других:

Рис. 4

- a person used to disguise another's intentions, activities, etc.; blind [CAED: <http://www>];
- a person set up to serve as a cover for a usually questionable transaction [Merriam Webster's Dictionary: <http://www>];
- a person whose importance or function is only nominal, as to cover another's activities; front [Random House Dictionary: <http://www>].

Таким образом, мы можем утверждать, что, соединяя воедино облик американского президента и Страшилы, Интернет-пользователи приписывают Бараку Обаме ряд весьма нелестных характеристик — он позиционируется, как странный, нелепый человек, обделённый умственными способностями и здравым смыслом, под вопрос ставится и его психическая нормальность. Подобные изображения демонстрируют, что американского президента воспринимают, как персонажа фактически безопасного и даже комично жалкого. Такой человек неспособен адекватно воспринимать окружающий мир и принимать здравые решения, поскольку его голова «забита ерундой». Представая в образе «соломенного человека», тряпичной куклы, сходной по своей сути с марионеткой, он не обладает реальной властью, а является только «подставным лицом» во главе государства, призванным прикрывать неблагоприятную деятельность тех, кто на самом деле решает судьбы Америки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Опарина И. Г. Интернет в современном обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук.: 09.00.11. — Красноярск, 2005.
2. Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чужак»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Волгоград, 2005.
3. Baum L. F. The Wonderful Wizard of Oz [Электронный ресурс]. URL: http://lib.aldebaran.ru/author/baum_l/baum_l_the_wonderful_wizard_of_oz/ (дата обращения 10.01.2013)
4. Collins American English Dictionary online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/american> (дата обращения 15.03.2014)
5. Longman Dictionary of American English online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.longmandictionariesusa.com> (дата обращения 04.02.2012)
6. Merriam Webster's Dictionary online [Электронный ресурс]. URL: <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения 04.02.2012)
7. Random House Dictionary [Электронный ресурс] URL: <http://dictionary.reference.com> (дата обращения 15.02.2014)

Источники графического материала

8. URL: <http://woodsternangotwood.blogspot.ru/p/funny-political-photos.html> (дата обращения 25.10.2015)
9. URL: <http://chuckslowe.com/category/fairness/> (дата обращения 25.10.2015)
10. URL: <http://mychal-massie.com/premium/were-off-to-see-the-wizard/> (дата обращения 25.10.2015)

КУЛТЫШЕВА И. В.

Нижний Тагил

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В ПОЗДРАВЛЕНИЯХ ГУБЕРНАТОРОВ

(НА ПРИМЕРЕ ПОЗДРАВИТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ С 20-ЛЕТИЕМ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые приемы речевого воздействия на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях в поздравительных текстах губернаторов Ленинградской, Свердловской Саратовской и Тюменской областей.

Ключевые слова: поздравление, PR-текст, речевое воздействие.

KULTYSHEVA I. V.

Nizhny Tagil

THE FEATURES OF VERBAL MANIPULATION

IN THE GOVERNORS' CONGRATULATIONS

(BASED ON THE CONGRATULATION ADDRESS ON THE 20TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN CONSTITUTION)

Abstract. The article presents the analysis of verbal persuasion on the lexical, morphological and syntactical levels found in congratulation addresses of the Governors of Leningrad, Sverdlovsk, Saratov and Tyumen Regions.

Keywords: congratulations, PR-text, verbal persuasion.

Поздравление является одним из важнейших жанров PR-текстов. Именно с его помощью главы городов, регионов и стран уделяют внимание гражданам. Несмотря на то, что обращения делаются от субъекта PR, они имеют скрытое авторство: написание данных текстов является прямой обязанностью специалиста по связям с общественностью или работника пресс-службы. Каждый пресс-секретарь должен подобрать именно те приемы речевого воздействия, которые не будут расходиться с имиджем субъекта PR в целом.

Существуют 3 уровня речевого воздействия: лексический, морфологический, синтаксический.

Лексический уровень включает в себя оценочную лексику, фразеологизмы, разговорную и профессиональную лексику и помогает превратить текст из простой подачи фактов в эмоциональное повествование. С помощью выразительных средств составитель текста выражает отношение к адресату и к содержанию своей речи.

Речевое воздействие на **морфологическом уровне** представлено разного вида глаголами: модальными, глаголами в повелительном наклонении; числителями, местоимениями.

Синтаксические средства речевого воздействия в поздравительных текстах разнообразны. В их число входят обращения, вводные конструкции, а также фигуры речи.

12 декабря 2013 года исполнилось 20 лет с принятия Конституции Российской Федерации. Губернаторы областей поздравили жителей регионов с Днем Конституции. Нами были проанализированы поздравления главы города федерального значения и четырех глав областей: Георгия Сергеевича Полтавченко (Санкт-Петербург), Александра Юрьевича Дрозденко (Ленинградская область), Евгения Владимировича Куйвашева (Свердловская область), Валерия Васильевича Радаева (Саратовская область), Владимира Владимировича Якушева (Тюменская область). Тексты были взяты с официальных сайтов губернаторов. На их примере мы выяснили, какие средства речевого воздействия подобрали пресс-секретари для обращений, написанных от лица губернаторов.

В поздравлениях губернаторов к одной праздничной дате можно найти общие черты. Например, из лексического уровня речевого воздействия все политики использовали оценочные выражения, которые указывают на важность Конституции в жизни граждан страны. Больше всего о значимости Главного документа государства высказался губернатор Свердловской области Е.В. Куйвашев – 37% от общего числа использованной оценочной лексики, губернатор Тюменской области В.В. Якушев – 27%, у Полтавченко (Санкт-Петербург) и Радаева (Саратовская область) по 18%. Стоит отметить, что только в поздравлении губернатора Ленинградской области А. Ю. Дрозденко речевое воздействие на лексическом уровне выявлено не было:

Полтавченко: *«Этот важнейший документ заложил фундамент развития государства и гражданского общества, гармонизации социальных отношений, упрочения мира и согласия».*

Куйвашев: *«С большим уважением относясь к Основному Закону нашей страны, уральцы готовы и впредь подтверждать своим трудом высокое звание «Опорного края державы», работая на благо великой России и родной Свердловской области».*

Якушев: *«Правильность сделанного россиянами выбора и действенность принятого Основного закона подтвердило время.»*

Также каждый Глава региона счёл важным упомянуть о деятельности Конституции как самого главного документа страны – это речевое воздействие относится к морфологическому уровню. Были использованы такие глаголы как: *гарантировать, обеспечивать, формировать, создавать, развивать, совершенствовать*. Все они несут положительную окраску относительно настоящего и будущего страны.

Полтавченко: *«Конституция Российской Федерации гарантирует каждому из нас равные права и свободы, обеспечивает все возможности для их полной реализации».*

Дрозденко: *«Впервые за всю историю нашей страны Конституция ставит на первое место личность человека.»*

Якушев: *«Большим достижением для российского общества стало то, что Конституция заявила о государственных гарантиях соблюдения прав человека и гражданина.»*

На синтаксическом уровне речевого воздействия имеются определенные шаблоны обращений, к которым чаще всего прибегают губернаторы: *«Дорогие земляки!», «Земляки!», «Дорогие уральцы!», «Дорогие друзья!»*.

Полтавченко: *«Дорогие петербуржцы!»*

Дрозденко: *«Уважаемые сограждане»*

Куйвашев: *«Уважаемые жители Свердловской области! Дорогие уральцы!»*

Радаев: *«Дорогие друзья, земляки, саратовцы!», «Дорогие друзья!»*

Якушев: *«Дорогие земляки!»*

Анализ показал и характерные различия в использовании средств речевого воздействия у глав регионов.

Особенностью поздравления губернатора Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко стало использование лексического уровня речевого воздействия, а в частности – метафор. В.В. Радаев (Саратовская область) также пользуется данным инструментом речевого воздействия.

Полтавченко: *«Этот важнейший документ заложил фундамент развития государства и гражданского общества, гармонизации социальных отношений, упрочения мира и согласия».*

Радаев: *«Не десять, не пятнадцать, а именно двадцать лет – та веха, которая позволяет адекватно оценить, насколько прочен стержень, скрепляющий в единое целое интересы государства и каждого отдельного человека.»*

Выявлено, что у главы Петербурга, в отличие от других губернаторов, на морфологическом уровне речевого воздействия отсутствуют местоимения первого лица единственного числа «Я», но зато в большем количестве употребляются местоимения первого лица множественного числа «Мы»: *«Наш гражданский долг – чтить главный закон, соблюдать конституционные обязанности, хорошо знать свои права и уважать права других людей».*

В. В. Радаев, губернатор Саратовской области, единственный кто использовал фразеологизмы, относящиеся к лексическому уровню речевого воздействия, в своём поздравлении:

«В сумятице голосов и политических волеизъявлений, в двухлетнем правовом вакууме, куда скатилась страна после распада СССР, именно принятие Конституции стало рубиконом – переходом от хаоса к стабильности и демократии.»

Также только Валерий Васильевич Радаев использовал такое средство речевого воздействия, как риторический вопрос в текстах поздравлений: *«Почему именно двадцать лет дают наиболее объективную оценку жизнеспособности Конституции и потенциальным возможностям, заложенным в документе?»*

Губернатор Свердловской области Е. В. Куйвашев чаще других средств речевого воздействия использует приёмы на морфологическом уровне. Его поздравления не отличаются ни метафоричностью, ни обилием вводных слов и конструкций, но в них присутствуют глаголы, которые олицетворяют движение и экспрессию (29% использованных глаголов относительно других губернаторов): *«На протяжении двух последних десятилетий именно Кон-*

ституция формирует основы российской государственности, определяет приоритеты экономической, социальной и межнациональной политики, создает предпосылки для развития человеческого потенциала и повышения качества жизни людей».

Каких-то ярких отличительных особенностей в поздравления губернаторов Тюменской и Ленинградской области выявлено не было. Они наравне с другими главами регионов использовали глаголы и местоимения первого лица множественного числа «МЫ». Без их внимания остались фразеологизмы, метафоры и вводные и вставные конструкции, то есть средства речевого воздействия на лексическом и синтаксическом уровнях.

Якушев (Тюменская область): «Сегодня тюменцы плодотворно трудятся и учатся, реализуют свои способности, используя данные Конституцией права и свободы во благо региона и всей страны».

Якушев: «Мы привыкли к определенной стабильности в социальной обстановке, в политической жизни России».

Дрозденко (Ленинградская область): «(Конституция) Укрепляет государственность, развивает экономику, совершенствует социальную сферу, мы используем, в первую очередь, предоставленные ею права и свободы».

Проанализированные нами поздравления выявили схожие черты и особенности в текстах губернаторов. Все главы регионов пользовались средствами речевого воздействия на лексическом уровне для того, чтобы описать важности Конституции как в жизни страны, так и для каждого гражданина в частности, и напомнить о её функциях. Так как это государственный праздник, его не отмечают в тёплом семейном кругу, то поздравления носят более официальный характер, поэтому использование средств речевого воздействия на лексическом уровне, а также синтаксических средств сведены к минимуму. Большое значение уделяется морфологическому уровню, который включает в себя использование глаголов и местоимений. Относительно местоимений предпочтение отдается местоимению 3 лица множественного лица «МЫ», так как с его помощью делается призыв к объединению усилий граждан на благо страны. Богатым на средства речевого воздействия на лексическом уровне стало поздравление главы Саратовской области В. В. Радаева, он использовал и метафоры, и фразеологизмы, также был единственным, кто употребил риторический вопрос, относящийся к синтаксическому уровню речевого воздействия. Губернатор Санкт-Петербурга Г. С. Полтавченко, в отличие от своих коллег, на морфологическом уровне не использовал местоимения 1 лица единственного числа «Я», а личное местоимение множественного числа «Мы». Поздравление с Днем Конституции РФ Е. В. Куйвышева, губернатора Свердловской области, выделяется на фоне других поздравлений, использованием средств речевого воздействия на морфологическом уровне, в особенности – глаголов. Средства речевого воздействия на лексическом и синтаксическом уровне были проигнорированы А. Ю. Дрозденко, главой Ленинградской области. Каких-либо ярких черт, выделяющих поздравление губернатора Тюменской области В. В. Якушева, выделено не было.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт губернатора города Санкт-Петербурга Полтавченко Г. С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gov.spb.ru/governor/>
2. Официальный сайт губернатора Ленинградской области Дрозденко А. Ю. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lenobl.ru/governor>
3. Официальный сайт губернатора Саратовской области Радаева В. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.saratov.gov.ru/governor/>
4. Официальный сайт губернатора Свердловской области Куйвашева Е. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gubernator96.ru/>
5. Официальный сайт губернатора Тюменской области Якушева В. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gubernator.admtymen.ru>

МАНАЕНКО Г. Н.

Ставрополь

ПРОБЛЕМА ФАКТА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. На основе интерпретации факта как дискурсивного явления и применения дискурсивных слов в аналитических текстах политического дискурса рассматриваются языковые приемы информационной войны.

Ключевые слова: политический дискурс; событие; факт; дискурсивные слов; интенция.

MANAENKO G. N.

Stavropol

THE PROBLEM OF FACT IN THE CONTEMPORARY POLITICAL DISCOURSE OF MASS MEDIA

Abstract. Based on the interpretation of the facts as a discursive phenomenon and the use of words in discourse analytical political texts, the linguistic techniques of information warfare are studied.

Keywords: political discourse; event; fact; discursive words; intention.

В своих размышлениях о проблемах современной отечественной журналистики Л. Л. Реснянская отмечает: «Развитие диалогической коммуникации и организация общественного диалога базируются на приоритете функций артикуляции интересов различных групп и социальной интеграции, ибо именно эти функции непосредственно ориентированы на достижение общественного согласия. Для каждой редакции реализация данных функций требует признания партнерства с аудиторией, то есть равных с журналистами прав присутствия аудитории в публичной сфере. А вот осуществление прав аудитории – дело, прежде всего, журналистов, их прямая обязанность и профессиональная забота. Техника ведения диалога включает разнообразные формы и методы. Можно выделить методы, имеющие отношение к формированию содержания, подаче информации, организационные и исследовательские методы» [Реснянская 2000: 21]. В этой связи корреляция *событие – факт*, как и их составляющие, которые всегда были в фокусе внимания представителей разных областей гуманитарного знания, приобретают особую значимость для современного дискурса масс-медиа. Не менее существенной предстает и проблема объективности, безусловности и достоверности факта по отношению к событию и оценке в информационном пространстве, генерируемом СМИ. Так, в частности, Г. М. Соловьев отмечает: «Если бы новостной факт был однолинейно хрестоматийным видением, то это не было бы событием и знанием (в публицистическом плане)» [Соловьев 2000: 12].

В то же время, разделяя тезис о противопоставленности журналистики факта и журналистики мнения (а значит и оценки), многие практики и теоретики дискурсивной деятельности в сфере массовой коммуникации интуитивно полагают, что категория факта, в отличие от категории оценки, лишена условности и субъективизма. «Однако, – замечает Е. П. Прохоров, – следует помнить, что интуиция возникает не на пустом месте, в ее основе лежит система знаний, накопленная информация (информация – мать интуиции). Поэтому тот, кто хочет быть свободным, обязательно должен владеть максимумом знаний, максимально глубоко (в зависимости от способностей и воли) проникать в сферу необходимостей природы и общества и никакое знание закономерностей действительности не может быть лишним – ведь журналистика дает целостную ориентацию в мире действительности» [Прохоров 2000: 22]. При этом осознание «необходимостей» языка и дискурса не только дает основания для рефлексии над сущностью, целями и способами деятельности в журналистике, но и спецификой гуманитарного познания в целом. М. М. Бахтин отмечал, что сознание и мышление человека, его «дух» предстают перед исследователями в форме текстов, опосре-

дованных языково-знаковым выражением. Мысли о мыслях, высказывания о высказываниях составляют суть социального познания, так как человек проявляет себя в тексте, которому присущи значение, смысл и ценность: «Дух (и свой, и чужой) не может быть дан ведь как прямой объект естественных наук, а только в знаковом выражении, реализации в текстах и для себя самого, и для другого» [Бахтин 1979: 294].

Концепт *факт* «в разной связи обсуждался в философских, логических и лингвистических работах. В философии – это проблема реальности факта, то есть его отнесенности к онтологии или эпистемологии. В логике – это, прежде всего, вопрос о структуре атомарного факта и способах его представления. В лингвистику проблема факта вошла вместе с концепцией пресуппозиций – той информации, которая в составе высказывания принимается за истинную» [Арутюнова 1999: 503]. Поскольку же многие аргументы в обосновании той или иной трактовки факта в различных науках опираются на языковое употребление, есть возможность обратиться к решению данной проблемы в лингвофилософских исследованиях, тем более что интерпретация факта языковедами осуществлялась на основе синтеза постановки вопроса о природе факта и его свойствах в смежных гуманитарных дисциплинах. События, произошедшие в недавнем времени на Украине и в Сирии, а точнее, их представление и закрепление в информационном пространстве, также побуждают к теоретическому осмыслению данной корреляции. К сожалению, в зарубежном дискурсе масс-медиа актуализированы и превалируют в качестве номинации «факта действительности» выражения «аннексия / оккупация Крыма», «агрессия России в отношении Украины», «российское вторжение на Донбасс», «бомбардировки мирного населения в Сирии» и т.п.

Почему же принципиально важно учитывать особенности языкового воплощения происходящих событий и почему, к примеру, стала возможной антироссийская пропагандистская кампания, а в информационном пространстве Европы и Америки реанимировался образ России – «империи зла»? Чтобы ответить на данные вопросы, следует прежде всего отказаться от понимания *факта* как явления действительности.

В первую очередь обратимся к словарной дефиниции: «*Факт* (лат. *factum* – сделанное) – действительное, невымышленное происшествие, событие, явление; твердо установленное знание, данное в опыте, служащее для какого-л. заключения вывода [Современный словарь 1993: 635]. Из второй части лексического значения слова *факт*, следует, что факты *знают*, поскольку факты чаще всего принадлежат прошлому, что следует из первой части словарной дефиниции. «Отнесенность фактов к логическому пространству была отмечена, в частности, З. Вендлером ... Подчеркивая, что факты не локализованы в мире, они – «о мире», З. Вендлер все же включает их наряду с другими типами сущностей – предметами и событиями – в онтологию. Видя в фактах причины происходящего, т.е. ставя факты в каузальные отношения к событиям и считая в то же время каузальные контексты прозрачными, З. Вендлер пришел к мысли о необходимости расширения онтологии за пределы пространственно-временной области и включения в нее «замершей области всего того, что есть»» [Арутюнова 1999: 506]. И в развитие этой идеи З. Вендлер отмечал: «Что же касается самих фактов, а также родственных им причин, результатов и т.п., то они, так сказать, сделаны совсем из другого материала. Во-первых, они не являются созданиями человека в том смысле, что они не относятся к результатам речевой или интеллектуальной деятельности. То, что некто сказал или подумал нечто, может быть фактом, но этот факт никоим образом не тождествен принятому мнению или сделанному утверждению. <...> ... то, что является объектом мнения или утверждения, не относится к фактам как таковым; в лучшем случае оно может соответствовать или удовлетворять фактам» [Вендлер 1987: 304].

Как утверждает Н. Д. Арутюнова, во многом смещение фактов и событий, отмеченное для теории познания и в еще большей степени характерное для обыденной речи, обусловлено смещением значения имени *факт* в сторону действительности: «Акцент на объективной стороне факта побудил Рассела, как и ряд других исследователей, определить «факт» как «то, что делает наши утверждения истинными или ложными» [Рассел 1957: 177]. Согласно этой дефиниции, факты выступают в качестве первичных, заранее данных сущностей, а ис-

тинные суждения, их констатирующие, – в качестве вторичных. Факты считаются независимыми от наших утверждений. Однако Н. Д. Арутюнова убедительно аргументировала и доказала обратное: «Представление о том, что факты первичны, а суждения, о них сделанные, вторичны, ошибочно» [Арутюнова 1999: 491]. Иными словами, события наполняют собой действительность, говоря о них, человек превращает их в факты. Действительно, трагедия Эдипа заключалась не в том факте, что он женат на Иокасте, и этот факт был достоянием его внутреннего мира и дискурса, а в другом факте, который стал его достоянием, вошел в мир его дискурса позже – факте, что он женат на своей матери. Эти факты не исключают друг друга, но, в отличие от З. Вендлера, дают основания считать, что два суждения соотносятся не с одним фактом «действительности», а с разными ситуациями одного события (*события*). «Отличаясь от других категорий событийного мира, концепт события соприкасается с рассмотренным выше концептом факта, хотя они и локализованы в принципиально разных пространствах. События наполняют собой действительность, волнуя ее «как море-окиян». Перед летописцем проносятся события, но, повествуя о них, он превращает их в сказанья (т.е. факты). «Земли родной минувшая судьба» (события прошлого) в летописи распадается на факты, образующие «застывшую вечность» истории» [Арутюнова 1999: 508].

При этом необходимо учитывать, что окружающий мир представляется человеку не в хаотическом континууме, а как последовательная смена своеобразных комплексов ситуаций. В связи с чем В.А. Звегинцев писал: «К ситуации следует отнести и все то, что вокруг человека, и все то, что находится в его сознании, «внутри» человека... Короче говоря, ситуация – это все, что может быть содержанием коммуникативного процесса. Именно в этом смысле ситуация глобальна. Однако только в этом смысле. Но мир действительности – не ситуация. Это мир действительности, не прошедший через человеческое сознание» [Звегинцев 1996: 188]. Следовательно, в корреляции *факт – событие* появляется среднее звено – *ситуация*. Ситуация – это взгляд человека на событие, ракурс представления в сознании человека «действительного, невымышленного происшествия, события, явления». Для того чтобы ситуация приобрела другие свойства факта, данные в его дефиниции, она должна получить языковое воплощение, которое, войдя в мир дискурса, позволит ситуации, выделенной в событии, стать «твердо установленным знанием, данным в опыте» и разделенным другим.

Репрезентация ситуации как ментальной презентации возможна на основе *пропозиции*. Справедливо утверждается, что мы видим мир в модальности субъекта, поэтому пропозиция – это отнюдь не «положение дел» в действительности, а «взгляд» говорящего на действительность, так как именно он создает ситуацию, выбирая глубинный предикат. Таким образом, пропозиция есть результат номинации и является семантической структурой, обозначающей ситуацию, т.е. событие (*со-бытие*) в представлении говорящего. Следовательно, корреляция *событие – ситуация – факт* неизбежно трансформируется в корреляцию *событие – ситуация – пропозиция – факт*.

Мир дискурса – это онтология языка и фактов, именно здесь и вычленяются «денотативные» («реальные») ситуации, соотносительные с языковыми высказываниями, и сущности связываются определенными отношениями лишь благодаря предметно-практическому опыту человека [см.: Манаенко Г. Н.]. Именно поэтому одной ситуации соответствует одна и та же пропозиция, а то, что находится вне человека, действительно, представляет фрагмент континуума внешнего мира во всем многообразии объектов, их свойств и отношений между ними – то или иное *событие*. Из чего следует, что онтология события – действительность (внешний мир), онтология факта – истинные суждения о действительности (внутренний мир). Но не просто истинные суждения, а суждения, истинные для определенного национального лингвокультурного сообщества. Объективируются факты в различных типах дискурса, вследствие чего также можно утверждать, что онтология фактов – это мир дискурса.

Таким образом в массовой коммуникации становится возможным «переименование» событий, или, по существу, замена одних фактов другими. Дискурсивная природа факта объясняет и феномен актуализации тех или иных фактов в информационном пространстве, а также либо соотнесенность фактов с разными ситуациями (соответственно, при неразличе-

нии *ситуации и со-бытия* – разными «событиями»), либо вообще возможность исключения факта, а значит, и события из информационной картины мира. Следовательно, можно утверждать о проблеме *выбора* факта и его закреплении в информационных потоках, что и придает факту характер предварительной *оценки*, обусловленной интенциями и социальными позициями «создателя» факта.

Из реального события «извлекаются» только такие факты, которые выгодны инициатору информационной войны. По мнению С. Г. Кара-Мурзы, «ложь через умолчание является сегодня в общественной жизни явлением постоянным и обладает высокой интенсивностью [Кара-Мурза 2001: 562]. Именно поэтому события на Украине чаще номинируются словами *российско-украинская война, агрессия России*, предполагающими двух и более участников и переводящими данные события из внутреннего конфликта (по сути, гражданской войны) в двусторонний (так Россия предстает *агрессивной* стороной в вооруженном противостоянии) и оставляющим за пределами информации о данном событии *факты* военной агрессии и политики геноцида своего народа, осуществленного режимом Порошенко, который был идентифицирован в информационном пространстве стран Северной Америки и Европы в качестве подлинного демократического политического деятеля, законно выбранного президента Украины.

Между тем, как отмечает Г. Г. Почепцов, «Вбрасываемая в массовое сознание сконструированная информация формирует схемы восприятия иных последующих сообщений. Им уже труднее пробиться, поскольку сформированы определенного рода информационные фильтры» [Почепцов 2000: 137]. Инерционность массового сознания – условие, позволяющее в целях пропаганды апеллировать к прошлым символам, к которым массовое сознание относится уже как базовым, маркирующим определенную картину мира. В этой связи У. Матурана совершенно справедливо писал, что «никого и никогда нельзя убедить рациональными доводами в истинности того, что в конечном счете уже не присутствует в неявной форме в комплексе верований этого человека» [Матурана 1996: 140].

Именно поэтому с укорененной точки зрения любого европейского или американского обывателя, не может «демократическое» правительство Украины, попирая гражданские свободы, физически уничтожать несогласных и уничтожать инфраструктуру территорий, «занятых сепаратистами и российскими наемниками», – вот почему из реального события выделяются другие ситуации, языковое выражение пропозиционального содержания которых позволяет совершенно иначе не только сформировать и подобрать факты, соотнесенные с данным событием, но и «фактически» (прошу простить за игру слов – *Г.М.*) дать ему оценку, которая неявным способом поддерживается благодаря использованию в контекстах соответствующей дискурсивной лексики [см.: Манаенко С. А. 2004; Манаенко С. А. 2006].

В результате подобного подбора и языковой репрезентации фактов создается основа для более циничных манипуляций массовым сознанием и откровенной лжи, которая превращается в безусловные факты, формирующие не только «сиюминутную» картину мира, но и историю. Представляется очевидным, что когнитивно-дискурсивный анализ политической коммуникации является мощнейшим механизмом противостояния информационной агрессии и навязыванию как спекулятивной «политической картины мира» в частности, так и деформированного «образа мира» в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979.
3. Вендлер З. Факты в языке // Философия, логика, язык. – М.: Прогресс, 1987.
4. Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. – М.: Изд-во МГУ, 1996.
5. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
6. Манаенко Г. Н. Онтология мира дискурса (к проблеме соотношения сознания и идеального) // Язык. Текст. Дискурс. 2004. № 2. С. 14 – 38.

7. Манаенко Г. Н. Специфика дискурса масс-медиа в современном информационном пространстве // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 1. С. 87-97.
8. Манаенко С. А. Достоверность аналитического текста публицистики: языковой аспект // Русский язык: исторические судьбы и современность II Международный конгресс исследователей русского языка. – М., 2004. С. 436 – 437.
9. Манаенко С. А. Языковое выражение коммуникативных интенций автора в аналитическом тексте публицистики // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2006. № 1. С. 108 – 113.
10. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. С. 95 – 142.
11. Почепцов Г. Г. Информационно-психологическая война. – М.: СИНТЕГ, 2000.
12. Прохоров Е. П. Свобода СМИ и журналистской деятельности на демократических принципах. – М.: Пульс, 2000.
13. Рассел Б. Человеческое познание. – М., 1957.
14. Реснянская Л. Л. Двусторонняя коммуникация: методика организации общественного диалога. – М.: Пульс, 2000.
15. Современный словарь иностранных слов. – М.: Русский язык, 1993.
16. Соловьев Г. М. Лингвопублицистическая корреляция «факт – оценка»: Автореф. дисс. ... д. филол. н. – Краснодар, 2000.

МИХАЙЛЕНКО В. В.

Ивано-Франковск

О СТРАТЕГИИ ГОВОРЯЩЕГО В РАМКАХ МОДУСОВ АРИСТОТЕЛЯ

Аннотация. Многогранность политического дискурса привлекает внимание многих учёных в области дискурс-анализа и когнитивистики. В фокусе данной статьи – два направления: анализ политического дискурса с его дифференциальными чертами и стратегии говорящего по убеждению слушателей в необходимости его избрания президентом и созданию своего позитивного образа благодаря взаимодействию со слушателями присутствующими и оппонентами отсутствующими.

Ключевые слова: политический дискурс, говорящий, слушающий, оппонент, ценности, взаимодействие, модус, манипуляция.

MYKHAYLENKO V. V.

Ivano-Frankivsk

THE SPEAKER'S STRATEGY IN THE FRAMEWORK OF ARISTOTLE'S MODE

Abstract: The multidimensionality of political discourse has attracted a great deal of attention from discourse analysis and cognitive linguistics scholars. The present paper is aimed at two dimensions to investigate: political discourse analysis with its differential features and the speaker's strategies of persuasion and creation a positive self-image through interaction with his hearers' present and opponents absent.

Keywords: political political discourse, speaker, hearer, opponent, values, strategy, interaction, mode, persuasion.

INTRODUCTION. The present paper provides a theoretical background for the political discourse analysis – Donad Trump's Annoucement speech (Trump Tower, June 16, 2015). There are two areas of linguistics to investigate: discourse analysis and interactional sociolinguistics as a basis to persuade hearers, potential voters that he is the best candidate for presidency. The concept of persuasion in the frame of interaction is very broad in scope, and it can be considered as a category of interactional sociolinguistics and discourse analysis [cf.: 5: 279]. The main representative of interactional sociolinguistics is the linguistic anthropologist John Gumperz [13; 14; 15], who at-

tempted to merge some facts of linguistics, anthropology, pragmatics, and conversation analysis and describe interactional sociolinguistics as “an approach to discourse that accounts for interlocutors’ ability to interpret participants’ intended meaning in everyday communication” [15: 215]. He underlines that “once involved in a conversation, both interlocutors must actively respond to direct or indirect messages and the response relates to the speaker’s intended meaning, rather than to the literal meaning of his verbal speech [13:1; see also: Mykhaylenko “speaker’s intended meaning and hearer’s inferential meaning [17].

The multidimensionality of political discourse has also attracted attention from the scholars in discourse analysis and cognitive linguistics. The role of social interaction in political talk Harris [2; 8; 12] political broadcasts and interviews [4], the relationship between politics, the government, and the media [12; 19], ideology and political discourse [1; 13; 20], political phraseology [8; 23] are all under heat discussion especially during election campaigns. The common interpretation of the Political Discourse Analysis is that it focuses on the analysis of ‘political discourse’, although, Teun van Dijk [21: 12] says that, first, it is necessary to determine which discourse is political and which is not. A political discourse expresses power or domination including various forms of resistance or counter-power against it [19: 249-283]. The term is suggestive of at least two interpretations: first, a discourse which is itself political; and second, an analysis of political discourse as an example of discourse type.

In the focus of the present investigation is Donald Trump’s Announcement, as a sample of a true political discourse: topics and semantic domains of home and foreign policy of the USA, Administration’s failures, peace and war, etc.; the interlocutors: the speaker – a presidential candidate, the hearers, potential voters; mode of a meeting: interactional speech; time: the beginning of candidate nominations; place: Trump’s building [see Stoliarov’s study of on-line and off-line communicative strategies: 1: 8].

DISCUSSION. The discourse studies go back to Rhetoric (from the Greek *rhetorikós*, "oratorical", "public speaker"), one of the arts of using language as a means of persuasion. From ancient Greece to the late 19th century, it was the main discipline of Western education to train public speakers and writers to move audiences to action with arguments. In its broadest sense, rhetoric concerns human discourse. In medieval universities, the trivium comprised the three subjects taught first: grammar, logic, and rhetoric followed by the quadrivium. This system of educational disciplines can show how Aristotle's Three Modes of Persuasion in Rhetoric fit into the bigger world view.

From Cicero [9] to Aristotle [3] the concern was basically with particular methods of social and political competence in achieving specific objectives. The general principle of articulating information on policies and actions for the public good remains constant, though Aristotle initiated a more formal turn to these overall aims. Discourse, as such, is a broad term with many a definition, which “integrates a whole palette of meanings” ranging from linguistics, through sociology, philosophy and other disciplines [22]. For the purposes of this paper we apply the definition of discourse, based on van Dijk’s [19: 3], and his general concept of discourse as text in context, seen as “data that is liable for empiric analysis”, with focus being put on discourse as action and process. From this it follows that “discourse” is a wider term than “text”. Thus, the term discourse will be used to refer to the whole process of social interaction of which a text is a verbal part [11: 24]. The most interesting aspect of any discourse is its context, the processes that make its construction possible, and the participants that turn it into real-life action to achieve social objectives. So far it is difficult to find a single framework that will give a complete and comprehensive analysis of all kinds of discourses [18].

A classification of types of political discourse depends on the definition of what is meant by the political sphere. One could take the limited view that political discourse is simply the words and text produced by politicians, but there are many other participants in a democracy. It may be more accurate to look at the political activities of electors, pressure groups, media, political parties and other players in the political process and examine the types of discourse in which they engage. Al-

though discourse is primarily in the spoken and written word, the definition may be widened to include communication by actions, as in political demonstrations and sit-ins [23].

This potentially confusing situation arises, in the main, from definitions of the political in terms of general issues such as *power*, *conflict*, *control*, or *domination*, see: Fairclough [11;12]; van Dijk [19]; Chilton [8], since any of these concepts may be employed in almost any form of discourse. Recently, for example, in a study of a psychotherapeutic training institution, refers to a study of the discourse of staff meetings as “political,” simply because issues of power and control are being worked out. They are being worked out at different levels, however: at interpersonal, personal, institutional, and educational levels for example, and in different strategic ways [8; 22]. By treating all types of discourse as *political*, in its most general sense, discourse analysts may be in danger of significantly overgeneralizing the concept of *political discourse*. Perhaps we might avoid these difficulties if we simply delimited our subject matter as being concerned with formal/informal political contexts and political actors with, that is, *inter alia*, politicians, political institutions, governments, political media, and political supporters operating in political environments to achieve political goals. This first approximation makes clearer the kinds of limits we might place on thinking about political discourse, but it may also allow for development.

The study of political discourse has been around for as long as politics itself. The emphasis the Greeks placed on rhetoric is a case in point.

INVESTIGATION. What exactly is 'political discourse'? The easiest, and not altogether misguided, answer is that political discourse is identified by its actors or authors, politicians. Indeed, the vast bulk of studies of political discourse is about the text and talk of professional politicians or political institutions, such as presidents and prime ministers and other members of government, parliament or political parties, both at the local, national and international levels [21: 12]. Once we locate politics and its discourses in the public sphere, many more participants in political communication appear on the stage [19: 249-283].

We shall attempt to investigate D. Trump's speech in the framework of Aristotle's Three Modes of Persuasion to reveal the system of modes which makes the speech very effective to manipulate hearers' cognition [cf.: 7: 7-36; 16: 77-117]. First, we'll pay attention to the mode of ethos, a Greek word originally meaning "accustomed place", "custom, habit", equivalent to Latin *mores*; ethos forms the root of *ethikos*, meaning "moral, showing moral character" which shows how the speaker convinces the audience that he is qualified to speak on the particular subject. In our case the speaker shows his deep knowledge in internal and external affairs of the USA, war and peace, success and failure in economy, poverty and prosperity, the ways of making people rich and happy, i.e. Donald Trump appeals to a hearer's ethics or character, for instance:

1. “*You know, we're building on Pennsylvania Avenue, the Old Post Office, we're converting it into one of the world's great hotels. It's gonna be the best hotel in Washington, D.C. Well, I got it for two reasons. Number one, we're really good. Number two, we had a really good plan. And I'll add in the third, we had a great financial statement*”.

2. “*They [Maxicans] are sending people that have lots of problems, and they're bringing those problems with us. They're bringing drugs. They're bringing crime. They're rapists.*”

3. “*Ask Boeing. They [Chinese] wanted Boeing's secrets. They wanted their patents and all their secrets before they agreed to buy planes from Boeing*”.

Claiming common ground with the hearers the speaker stresses that they [they + he] share the same wants, goals, and values. According to Brown and Levinson, there are three methods of making the claim: (a) the speaker presents some of the 'hearers' wants as being of interest to him as well, (b) the speaker stresses that he and the hearers are members of the same group, and (c) the speaker claims a shared perspective with them [6:101, 129-130], e.g.:

4. *By the way, speaking of my family, Melania, Barron, Kai, Donnie, Don, Vanessa, Tiffany, Ivanka did a great job. ... I'm very proud of my family. They're a great family. [family is the basic value of Americans]*

5. *I started off in a small office with my father in Brooklyn and Queens, and my father said — and I love my father. I learned so much. He was a great negotiator. I learned so much just sitting at his feet playing with blocks listening to him negotiate with subcontractors. But I learned a lot.*

Family is considered to be the basic value of American people; they are also proud of starting a career from a scratch. And they always try to show respect to their elders, veterans.

Second, the mode of pathos is used as one of the three modes of persuasion in rhetoric (along with ethos and logos): it appeals to the hearers' emotions. The emotional appeal must be employed with the help of cases from the speaker's life. Here pathos is an appeal to the audience's ethical judgment in the form of a simple claim that a matter is unjust, for example:

6. *“Our country is in serious trouble. We don't have victories anymore. We used to have victories, but we don't have them.”*

7. *“Now they're going militarily. They're building a military island in the middle of the South China sea. A military island. Now, our country could never do that because we'd have to get environmental clearance, and the environmentalist wouldn't let our country— we would never build in an ocean. They built it in about one year, this massive military port”.*

8. *“Mexico takes a company, a car company [Ford] that was going to build in Tennessee, rips it out. [...] Everybody thought it was a done deal. It's going in and that's going to be it, going into Tennessee. All of a sudden, at the last moment, this big car manufacturer, foreign, announces they're not going to Tennessee. They're gonna spend their \$1 billion in Mexico instead”.*

Pathos is most effective when the author touches on an underlying value of the hearers: the people are concerned with the position of their country in the world, they got accustomed to its leading status; the threat (ecological or military) may come to them from the east; jobs still are redirected to the countries with low payments.

Third, the mode of logos is used as an important term in philosophy, analytical psychology, rhetoric and religion. Heraclitus (ca. 535–475 BCE) established the term in Western philosophy as meaning both the source and fundamental order of the cosmos. Logos is a logical appeal. It is frequently used by the speaker to describe facts and figures to support his topic, for instance:

9. *“Think of it. Iran is taking over Iraq, and they're taking it over big league. We spent \$2 trillion in Iraq, \$2 trillion. We lost thousands of lives, thousands in Iraq”.*

“And our real unemployment is anywhere from 18 to 20 percent. Don't believe the 5.6.”

10. *“Right now, think of this: We owe China \$1.3 trillion. We owe Japan more than that”.*

11. *“And they [Americans]'re tired of being ripped off by everybody in the world. And they're tired of spending more money on education than any nation in the world per capita, than any nation in the world, and we are 26th in the world, 25 countries are better than us in education”.*

The sense of an utterance and its interactional force is dependent on its relations with prior and following turns. The retrospective-prospective nature of interpretation, whereby the present is understood in relation to an unfolding horizon of past and future, is a major contribution to the public political discourse [c.f.: 4:451]. The speaker in detail dwells upon positive and negative consequence of the Ford' deal for Americans, if they don't elect him president, e.g.:

12. *So Mexico takes a company, a car company that was going to build in Tennessee, rips it out. Everybody thought the deal was dead. (Present time plane)*

13. *Reported it in the Wall Street Journal recently. Everybody thought it was a done deal. It's going in and that's going to be it, going into Tennessee. Great state, great people. (Past time plane)*

14. *All of a sudden, at the last moment, this big car manufacturer, foreign, announces they're not going to Tennessee. (Present time plane)*

15. *They're gonna spend their \$1 billion in Mexico instead. Not good. (Nearest future time plane)*

Donald Trump goes on pointing out other consequences in case the USA will not see him in the White House after the election:

16. *If it's not me in the position, it's one of these politicians that we're running against, you know, the 400 people that we're (inaudible). And here's what's going to happen. They're not so*

stupid. They know it's not a good thing, and they may even be upset by it. But then they're going to get a call from the donors or probably from the lobbyist for Ford and say, "You can't do that to Ford, because Ford takes care of me and I take care of you, and you can't do that to Ford." (Future time plane after November, 2016 in case he will not be elected).

But if they elect president the situation will drastically change:

17. *"I'll get a call the next day from the head of Ford. He'll say, "Mr. President, we've decided to move the plant back to the United States, and we're not going to build it in Mexico. That's it. They have no choice. They have no choice."* (Future time plane after November, 2016 in case he will be elected)

The approach is reminiscent of literary theories such as reception theory (e.g. Iser 1978) which also stresses that the meaning of any text is to be found not in the words, but in the interactive process between text and reader [4:455].

Olga Dontcheva-Navratilova underlines that the purpose of any political speech is "primarily persuasion rather than information" [10], can be seen as a purposeful interaction between the speaker and the audience, in which the communicative intention of the speaker is to manipulate the audience to accept the speaker's views and support his/her suggestions. The other objective of Donald Trump's speech is to build up his image of a new, unquestionably better leader [see: 17].

CONCLUSIONS: The proposed presentation is a result of a cross-disciplinary research that utilized elements of political linguistics, frame semantics and pragmatics. The nature of political discourse, a manipulative type of communication, determines that the „construct“ that the speakers present to the audience might or might not reflect their true understanding of the concept. In order to achieve his/her communicative purpose, the speaker uses the referred modes and discourse strategies and a variety of related linguistic resources aimed at creating a credible representation of him/herself, aligning him/herself with the views of others, claiming solidarity with the audience, modulating power relations and legitimising the proposed ideology and course of action.

REFERENCES:

1. Столяров А. А. Коммуникативные стратегии в политическом дискурсе (на материале предвыборных кампаний в России 2011 –2012 гг.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 10. 01. 10. –Журналистика / А. А. Столяров. – Москва: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2015. – 25с
2. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: монография / Е. И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 2000. –368 с.
3. Aristotle. On Rhetoric: A Theory of Civil Discourse Hardcover / Aristotle (author); George A.Kennedy (translator). – Oxford: OUP, 1991. – 352 p.
4. Atkinson Paul. Ethnomethodology: a Critical Review / Paul Atkinson // Annual Reviews of Sociology. – 1988. – Vol.14. – Pp.441-446.
5. Besnier Niko. Involvement in Linguistic Practice: An Ethnographic Appraisal. // Journal of Pragmatics. – 1994. – Vol.22. – Pp.279-299.
6. Brown Penelope, Levinson Stephen C. Politeness: Some Universals in Language Usage (Studies in Interactional Sociolinguistics 4) / Penelope Brown and Stephen C. Levinson. Cambridge: CPU, 1987. – 345 p.
7. Cap P. Language and Legitimization: Developments on the Proximity Model of Political Discourse Analysis / P.Cap // Lodz Papers in Pragmatics I. – 2005. – Pp.7-36.
8. Chilton Paul Anthony. Analysing Political Discourse: Theory and Practice / P. A. Chilton. – London: Routledge, 2004. – 227 p.
9. Cicero Marcus Tullius. On Moral Ends / Cicero (author); Raphael Woolfe (translator).- Cambridge: CUP, 1971. – 161p.
10. Dontcheva-Navratilova Olga. Persuasive strategies in political discourse / Olga Dontcheva-Navratilova. –Brno: Masaryk University. <http://wa.amu.edu.pl/wa/files/>
11. Fairclough Norman. Language and Power / Norman Fairclough.– Edinburgh Gate, Harlow: Longman, 1989. –259 p.

12. Fairclough Norman. Political Discourse in the Media: An Analytical Framework / N. Fairclough // A. Bell and P. Garret (eds.). Approaches to Media Discourse. – Oxford: Blackwell Publishing, 1998. – Pp. 142–162.
13. Gumperz John J. Discourse Strategies / J. Gumperz. – Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 240p.
14. Gumperz John J. Contextualization and Understanding / J. Gumperz // A. Duranti and C. Goodwin (eds.). Rethinking Context: Language as an Interactive Phenomenon. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – Pp. 229–252.
15. Gumperz John J. Interactional Sociolinguistics: A Personal Perspective / J. Gumperz // D. Schiffrin, D. Tannen and H. E. Hamilton (eds.). The Handbook of Discourse Analysis. – Oxford: Blackwell Publishing, 2001. – Pp. 215–228.
16. Lyons J. Deixis and Modality / J. Lyons // Sophia Linguistica. – 1983. – Vol. 12. – Pp. 77–117.
17. Mykhaylenko Valery V. Negation Operators in Creating the Opponent's Image / Valery V. Mykhaylenko // MHU Naukovy Visnyk. – 2015. – Vol. 18. (in print).
18. Schiffrin D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Oxford: Blackwell Publishing, 1994. – 482 p.
19. van Dijk Teun A. Principles of Critical Discourse Analysis / Teun A. Dijk van // Discourse and Society. – 1993. – Vol. 4. – Issue 2. – Pp. 249–283.
20. van Dijk Teun A. Discourse and Manipulation / T. A. Dijk van // Discourse and Society. – 2006. – Vol. 17. – Issue 2. – Pp. 359–383.
21. van Dijk Teun A. What is Political Discourse Analysis? / Teun A. Dijk van // Belgian Journal of Linguistics. – 2009. – Vol. 11. – Pp. 12–52.
22. Wiczorek Anna Ewa. Critical Approaches to Discourse Analysis across Disciplines / Anna Ewa Wiczorek // adaad.org/ejournal. – 2008. – Vol. 2. – Issue 1. – Pp. 31–48.
23. Wilson J. Politically Speaking. The Pragmatic Analysis of Political Language / J. Wilson. – Cambridge: Basil Blackwell, 1990. – 256 p.

МУХОРТОВ Д. С.

Москва

МЕТАФОРА ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩНОСТИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ УСТАНОВОК

АНГЛО-САКСОНСКИХ ПОЛИТИКОВ

(НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ Б. ОБАМЫ, Д. КЭМЕРОНА, Т. ЭББОТТА И С. ХАРПЕРА В 2014-2015 ГГ.)

Аннотация. 2014 год, без преувеличения, можно назвать переломным моментом в геополитике начала XXI века. Государственный переворот на Украине, эскалация гражданской войны в Сирии, усиление и распространение ИГИЛ, активизация споров вокруг иранской ядерной программы стали лишь частью вопросов, которые внесли серьезные коррективы в повестку дня лидеров развитых и развивающихся стран. Эти катаклизмы отразились и на языке политиков. Пристальное внимание к происходящим событиям в мире позволило нам прийти к выводу о том, что США начали новый виток холодной войны, и как в прежние десятилетия, без особых усилий привлекли на свою сторону своих верных партнеров по НАТО. В данной статье доказывается тезис о том, что идеологические установки на внешнеполитическом уровне исходили от США и Великобритании, и, не говоря о речи канцлера Германии и президента Франции, эхом отзывались в риторике лидеров Австралии и Канады. Основным свидетельством существования подобной общности взглядов стал набор метафор, который в том или ином объеме встречался в высказываниях названных политиков на протяжении всего 2014 и 2015 года. Анализ опубликованных на официальных сайтах выступлений Барака Обамы, Дэвида Кэмерона, Тони Эбботта и Стивена Харпера позволил определить кластер метафор, которые стали эффективным средством мегаманипуляций массовым созна-

нием и, как следствие, действенным оружием в информационной войне против инакомыслящих стран.

Ключевые слова: метафора, концептуальная метафора, внешнеполитический дискурс, манипуляции массовым сознанием, президентский дискурс, языковая личность президента страны, нарратив, лингвокогнитивная общность англоязычных политиков

MUKHORTOV D. S.

Moscow

METAPHOR IN FOREIGN POLICY DISCOURSE AS A MARKER OF ANGLO-SAXON POLITICIANS' SHARED IDEOLOGICAL BELIEFS: A STUDY OF THE RHETORIC OF BARAK OBAMA, DAVID CAMERON, TONY ABBOTT, AND STEVEN HARPER IN 2014-2015

Abstract: The year 2014 has become a geopolitical turning point in the early 21st century. The world has witnessed the escalation of the Syrian conflict, the Ukrainian revolution, the rapid emergence of ISIS, the crisis over Iran's nuclear program, to mention just a few. Each time the world was convulsed, one could notice a surprising unanimity of the Anglo-Saxon countries in their strife for supremacy and infallibility. This very fact has made us ponder over the current status of the Anglo-Saxon world by scrutinizing the metaphorical language of the heads of states on foreign policy issues. Our investigation largely relies on cognitive research of the conceptual metaphors used by the leading Anglo-Saxon politicians (Britain's David Cameron, USA's Barack Obama, Canada's Steven Harper, and Australia's Tony Abbott). We closely investigate political metaphor, as it remains one of the most effective ways of manipulating human consciousness. The metaphors have been analyzed and thematically grouped.

Keywords: metaphor, conceptual metaphor, foreign policy discourse, manipulation of mass consciousness, presidential discourse, a politician's linguistic identity, linguocognitive unanimity of Anglo-Saxon politicians

Начало нового тысячелетия знаменовалось появлением новых очагов напряженности. Произошедшие в 2014 году катаклизмы на долгое время изменили подходы разных стран друг к другу. Политический английский язык стал средством глобального объединения злостных сил против славянских народов. Такой лингвокогнитивной общности руководителей США, Великобритании, Австралии и Канады не наблюдалось со времен падения Советского Союза и окончания «Холодной войны». Одним из наиболее заметных признаков формирования новой языковой картины мира стала метафора. В результате анализа выступлений Обамы, Кэмерона, Эбботта и Харпера, размещенных на официальных сайтах – <http://www.whitehouse.gov/>, <https://www.gov.uk/>, <http://pm.gc.ca/eng>, <http://www.pm.gov.au/>, нам¹ удалось выделить ряд концептуальных метафор, которые стали надежным оружием в информационной войне Запада против России.

The path metaphor

Одним из наиболее часто используемых образов в речи названных политиков является метафора пути (*path, road*). Суть всех выражений сводится к тому, что залог благополучия какой-то страны лежит в том, чтобы она следовала путем, который определяется англосаксонским миропорядком. В терминах когнитивной лингвистики, это может звучать так: THE ANGLO-SAXON WAY OF LIFE IS THE ROAD TO PROSPERITY. Как известно, концепты “PROSPERITY”, “SUCCESS” и “PATH/WAY” являются основополагающими для языковой картины мира указанного этноса. Англосаксонский мир предлагает универсальный пример пути, который должен привести к успеху каждого, кто пожелает им воспользоваться, и таким образом, позиционирует себя как проводник в царство демократических ценностей, как опытный штурман, готовый вести за собой.

¹ Материалом для данной статьи послужили результаты обсуждений, проходящих в рамках специального семинара «Прагмасемантическое исследование политического дискурса» (на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова) и успешно отраженные в курсовой работе бакалавра 2 курса романо-германского отделения Виктории Пинчук.

Главным образом метафора пути употребляется по отношению к Украине:

- “We urge President Yanukovich [...] to *put his country back on the path* to a more stable and secure European future.” – Кэмерон

- “Today’s agreement (21 февраля – в Украине сформированы новые исполнительные органы власти) is a chance [...] to *put the country on the path* to peace and stability.” – Обама

- “We urge them (правительство во главе с Януковичем) to take all the steps necessary to *put Ukraine back on the democratic and Euro-Atlantic path*, that Ukrainian people desire.” – Харпер

- “We are willing to *help return Ukraine to the path* to stability, democracy and prosperity.” – Эбботт

- “I welcome today’s agreement which offers real chance to *stop the downward spiral* into the nightmare that is facing Ukraine and her people.” – Кэмерон

Дэвид Кэмерон описывает только два пути: “the path to democracy” и “the downward spiral into the nightmare”. Другими словами, если вы не выбираете путь к демократии, то это ваш путь – «вниз», это «свободное падение», которое грозит всем лишившимся их поддержки. Метафора единственно правильного пути является не столько намеком, сколько безапелляционным утверждением о том, что других альтернатив развития жизни нет и быть не может. Обама, замечая, что “America’s and Europe’s path is not the only way to reach freedom and justice” тут же добавляет “but”: “on the fundamental principle that is at stake there – the ability of nations and people to make their own choices – there can be no going back”. Из этого следует, что Обама тоже выделяет два пути: 1) дорога Америки/Европы как путь к свободе и справедливости и 2) дорога, выбираемая другими, как движение назад, деградация и упадок. Альтернатив нет, потому что, например, спасение Украины от «кошмара» (“nightmare”) – встать на путь западной демократии. Помехой для Украины на этом пути представляется Россия:

- “What we can see now is Russia’s unwillingness to recognize that *Ukraine can chart its own path*.” – Обама

Возможность Украины встать на правильный путь не вызывает сомнений, однако это вовсе не «собственный» путь (“its own path”), а путь, определенный кем-то извне:

- “We can [...] *show them a path*, but they’ve got to want it.” – Обама

- “Russia should realize that [...] the Ukrainian people will continue to aspire courageously to the Western ideals of freedom and democracy and they will do so *no matter what barriers are placed in their path*.” – Харпер

Подобным образом выстраивается модель “*The right path is the aspiration for the Western ideals*”, а вместо “ideals” можно подставить любую из идеологий типа “democracy”, “freedom”, “justice”, “European future”, “peace”, “stability”, “prosperity”.

В отношении России метафора пути раскрывается несколько иначе. Представляя Россию застрявшей «на распутье», запад ей советует сделать единственно правильный выбор.

- “President Putin can see that *he is at a crossroads* and there is still a different path that he could take.” – Эбботт

- “There’re really *two paths that Russia can take* at this point.” – Обама

Один из способов развития – дорога к демократии:

- “We should all work together to persuade President Putin to *choose this diplomatic path* out of the crisis.” – Кэмерон

Путь, который Россия должна избрать, обязательно предполагает приверженность идеалам запада:

- “I made clear to President Putin that *our preferred path is* to resolve this diplomatically.” – Обама

- “We urge Russia to *join us in committing to that path*.” – Харпер

К марту 2014 (18 марта был подписан договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии Республики Крым в состав России) появляется новая принципиальная деталь: проход к этому пути может закрыться. России настойчиво предлагается выбрать другой путь развития:

- “Russia still has a different path available.” – Обама

Появляется мотив «все еще открытой двери», который выражается концептами ‘open door’ и ‘open avenues’ и является ярким примером упрощения действительности за счет использования избитой, но эффективной образности:

- “We will combine our substantial pressure on Russia with *an open door for diplomacy.*”

– Обама

- “We encourage them to *take that door while it is still open.*” – Эбботт
- “Diplomatic *avenues remain open.*” – Кэмерон

С помощью подобных метафор англосаксонские политики конструируют миф, согласно которому для достижения благополучия не нужно искать новых путей – достаточно воспользоваться таким «универсальным проходом»: открываешь дверь, и ты на верном пути.

Путь представляется как нечто имеющее четкие границы: здесь появляется новый концепт – ‘lane’. Россия перешла грань дозволенного, но еще есть шанс сделать шаг в обратную сторону:

- “We are at a point where Mr. Putin *has the chance to get back into a lane.*” – Обама

Из некоторых высказываний англоязычных лидеров становится понятным, что путь, которым Россия шла с момента распада Советского Союза, был «правильным», поскольку страна действовала в рамках дозволенного старейшинами демократии:

- “If Russia takes *that path* – a path that stretched from the post-Cold War period and resulted in prosperity for the Russian people – then we will lift our sanctions and welcome Russia’s role in addressing common challenges.” – Обама

Далее России указывают, как можно вернуться на «путь демократии» – оставить в покое Украину:

- “We want Russia to take the path that would result in peace in Ukraine, *but so far at least, Russia has failed to take that path.*” – Обама

Харпер

- “If he [Putin] *continues* down the path that he is on [...] then the isolation that Russia is currently experiencing will continue.” – Обама

- “I hope that, *even at this late stage*, Russia takes a different path.” – Кэмерон

Обратим внимание на следующее замечание:

- “A *different path is available* – the path of diplomacy and peace, the path of proper relationship between the United States and Europe on the one hand and Russia on the other.” – Обама

Как видится, даже если Россия пойдет «другим путем», она все равно останется по другую сторону баррикад, никто не собирается брататься с Россией, никто не планирует соседствовать с ней.

К концу 2014 года в англосаксонском внешнеполитическом дискурсе в рамках обсуждаемой метафорической модели появляются новые концепты: “brink” и “razor-edge”, введение которых в активный речевой оборот западных политиков звучит для России предупреждением о том, что ее положение хрупкое и неустойчивое, а избранный путь является тупиковым:

- “I hope very much that Russia will *step back from the brink.*” – Эбботт
- “We urge Russia to *pull back from the brink* and find a political solution to this crisis.” –

Обама

- “He [Putin] and the Russian government *are on the razor-edge*.” – Кэмерон

Важно отметить и тот факт, что образ дороги используется по отношению любых сбившихся с «верного» пути стран, в число которых входит не только Россия. Это лишний раз доказывает мысль о том, что англосаксонские политики уверенно выступают в придуманной и хорошо знакомой для себя роли хранителя и блюстителя демократических идей и ценностных ориентиров. При ближайшем рассмотрении – учитывая масштаб бомбардировок «неверных» стран, молниеносное введение жестких санкций и милитаристскую риторику, – эта роль обретает совсем иные краски, и перед нами предстает беспринципный жестокий цербер, не имеющий ничего общего с идеалами демократии. Вот несколько примеров того, как англосаксонские политики реагируют на внешнеполитический или внутреннеполитический курс политика стран, которые «посмели» идти другим путем:

- “This year, we’ve demonstrated that with clear-eyed, principled diplomacy, we can *pursue new paths to a world that’s more secure...*” – Обама

- “We do want Iran to *choose the better path...*” – Кэмерон

- “Iran *should demonstrate* that it is not taking *the military nuclear path*” – Эбботт

Принимая во внимание все вышесказанное, следует отметить, что происходит социальная мегаманипуляция глобального масштаба. Навязываемый лидерами англоязычных государств шаблон правильного пути невольно формирует в сознании масс единственно правильное представление о развитии мира, без учета права страны на самоопределение, права на сохранение своих культурных и религиозных ценностей, и права на свободомыслие. Таким образом происходит формирование мифа о правильных людях, идущих правильным путем к горизонтам счастья и благополучия, которые должны рассказать об этом правильном пути всем на свете, причем если человек не поймет разъяснений, то всегда существуют орудия устрашения и корректировки его поведения.

The building metaphor, the light metaphor, and the gardening metaphor

Метафора демократического пути развития государства естественным образом связана с образностью, раскрывающей метафорическую модель DEMOCRACY IS A BUILDING. В англосаксонском внешнеполитическом дискурсе образ строительства «светлого будущего» подается как строительство нового дома или даже группы зданий, между которыми существуют определенные связи.

Народом, смотрящим в светлое будущее и готовым к строительству демократии, представляются украинцы, но их надежды «крушатся» кем-то извне:

- “*The aspirations* of the Ukrainian people – to live in a free country, which can chart its own future – *are being crushed*.” – Кэмерон

Тем самым утверждается мысль о том, что самостоятельные попытки Украины «построить демократию» оборачиваются неудачей, и потому она нуждается в сторонней помощи. Поддерживая эти стремления, англосаксонский мир выступает как прораб, следящий за тем, чтобы процесс строительства шел правильным образом и тщательным образом контролировался на всех этапы строительства:

- “We’re supporting those who are willing to do *the hard work of building democracy*.” – Эбботт

- “We will encourage Ukraine in *building a vibrant democracy and new prosperity*.” – Обама

- “We’re strongly supporting Ukrainian people in their desire to *build a bridge towards the new future*”. – Обама

- “Today’s elections represent an important step in the process of strengthening democracy in Ukraine, and its people continue to show resilience, courage and commitment to *building a more peaceful and prosperous country* for themselves.” – Харпер

- “Together with our European allies, we encouraged Ukrainians to [...] *forge a broad-based government.*” – Кэмерон

Обращает на себя внимание тот факт, что глагол ‘help’ («помогать») употребляется лишь однажды – канадским премьер-министром Стивенем Харпером в его обращении по случаю годовщины украинской независимости (“Canada will continue to stand by Ukraine in this time of need and remains committed to *helping its people and government build a democratic, independent and prosperous country*”). Из уст политиков чаще звучат не вполне синонимичные ему “support” и “encourage”, которые лишены семы «непосредственного участия в процессе». То есть англосаксонский мир занимает положение наблюдателя, со стороны оценивающего попытки украинского народа построить процветающее государство. Важно, что оцениваются именно попытки (*efforts*), а не ход строительства, потому что строительство демократии представляется как непростой процесс, секреты которого известны только самому «прорабу»:

- “...support of their efforts to *build an inclusive government*” (Эбботт)
- “We fully support his efforts to *build a peaceful and stable Ukraine*” (Кэмерон)

Особый интерес в примерах употребления строительных метафор также вызывают прилагательные ‘broad-based’ (wide-ranging; general) и ‘inclusive’ (not excluding any section of society or any party involved in something), выступающие в англосаксонском внешнеполитическом дискурсе как синонимы понятия ‘free’: свободный, всеобъемлющий, без дискриминации. Такое понимание прилагательных формирует ядро понятия идеального демократического правительства.

В то время как «здание демократии» строится с нуля, экономика подлежит «ремонту»:

- “They [the new Ukrainian government] need to carry out far-reaching reform to stabilize and *repair their economy.*” – Харпер

Процесс «ремонта» опять же контролируется знатоками строительного дела:

- “Ukraine also needs support to *repair its economy.*” – Обама

К концу 2014 года концепт ‘build’ трансформируется в ‘rebuild’, подчеркивающий необходимость дальнейших усилий и указывающий на незавершенность тех действий со стороны правительства и народа, которые уже были предприняты:

- “We remain steadfast in our support for the people of Ukraine and are committed to helping the Government *rebuild itself into a democratic, independent, and prosperous European country, free from aggressors.*” – Харпер

- “President Poroshenko and the new government, with the support of the international community, must now undertake the political, economic and governance reforms that are *vital to rebuilding Ukraine.*” – Кэмерон

- “We continue to encourage Ukraine in its *rebuilding into a democratic and prosperous country.*” – Эбботт

В заявлениях политиков относительно ближневосточных стран звучат заверения в том, что «огнем и мечем» можно создать общество, в котором все будет стабильно и безмятежно:

- “We want to make sure that we’re vindicating the enormous effort and sacrifice that was made by our troops in giving them an opportunity to *build a stable, inclusive society* that can prosper and deliver for the basic needs and aspirations of the Iraqi people.” – Обама

Подобным образом оправдывается введение военной силы. Для строительства нужно «очистить» пространство, а значит проводится мысль о том, что война (или, говоря более эвфемистично, военные действия, военные кампании) не разрушает, а созидает. Подобная метафора обладает мощной аргументативной силой, несмотря на логическое и семантическое противоречие (troops – building, war – creation).

В рамках концептуальной метафоры DEMOCRACY IS A BUILDING утверждается то, что американская и английская демократия являются краеугольными камнями свободы ('rocks of freedom', 'blocks of democracy'):

- "...our countries stood like *two rocks of freedom*..." – Кэмерон
- "Britain and America will always remain *two unmovable rocks of freedom*..." – Обама
- "Together we must support *the building blocks of democracy* – the rule of law, the independence of the judiciary, the rights of minorities, free media and association and a proper place in society for the army." – Кэмерон

Тот же миф укрепляется с помощью метафорической модели DEMOCRACY IS A LIGHT:

- "In the course of that century, its great evils – militarism, fascism and communism – *snuffed out the lights* of freedom, democracy and justice. But just as stars shine more brightly as darkness claims the sky at night, so I believe Canada, *the North Star*, stood out as these shadows fell across the globe." – Харпер

Западная демократия рисуется как нечто недостижимое – образец для подражания, непреходящая ценность, вечный источник света. Канада ("The North Star"), естественным образом, является одним из таких энергогенераторов.

Помимо прочего, демократия представляется как сад и значит, ее верные хранители – «садовники». Таким образом появляется метафора, основывающаяся на образе сада (*gardening metaphor*), и выделяется концептуальная метафора ANGLO-SAXONS ARE GARDENERS. В качестве примера приведем высказывание Стивена Харпера.

- "[Freedom, democracy and the rule of law] They're things that [...] have proven to be over and over again *the only ground* in which human rights, political stability and economic prosperity *may flourish*. [...] The wider they are *spread*, the stronger they *grow*."

С. Харпер имплицитно воздействует на субъективное восприятие понятия демократии, убеждая массы в том, что это уже не образ далекой звезды, а более близкий, легко осязаемый образ.

Англосаксонские политики представляют свои отношения как родственные, семейные, дружеские, их общий дом стоит на крепком фундаменте. Эти высказывания можно сгруппировать в метафорическую модель ANGLO-SAXON COUNTRIES ARE A FAMILY.

- "Our friendship is *built on a solid foundation*: our common love of liberty, justice and democracy." – Харпер

- "Together we'll stand for principles and ideals that helped *build our countries* and helped create the kind of growing prosperity around the world." – Обама

Абстрактные понятия свободы, справедливости и демократии являются «крепким фундаментом» дружбы:

- "Shared values [...] *built strong bridges* between us [between Canada and Europe]." – Харпер

Любопытно и то, что Украина осмысляется как такого рода мост между Россией и Европой:

- "Ukraine should *act as a bridge* between Russia and Europe." – Кэмерон

В заключение следует сказать, что метафора остается одним из наиболее эффективных способов манипуляции общественным сознанием, и политики продолжают им пользоваться для достижения своих корыстных интересов. Однако масштабы манипуляций бывают разные. Анализ многочисленного корпуса метафорических единиц, которыми оперируют в своей речи англоязычные политики, лишний раз доказывает истину, которая гласит: «По плодам их узнаете их». Иначе говоря, слово неразрывно с делом. И если целая группа политиков говорит на одном языке, то, очевидно, им будут свойственны схожие поступки. Используя аналитические приемы работы с нарративом «Внешняя политика англосаксонского

мира в 2014-2015 гг.», мы приходим к неутешительному выводу о том, что за весь период своего существования человечество так и не научилось избегать проблем и исправлять свои ошибки. Язык вбивает клин между целыми народами, а это верный признак того, что нынешнее столетие ждут новые потрясения.

НЕСТЕРЕНКО К. В.

Харьков

**ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ПРЕСТУПЛЕНИЕ»
В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА**

Аннотация. В статье представлен анализ некоторых рассказов А. П. Чехова, в которых репрезентирован концепт «преступление». Анализ формирующих концепт художественно-изобразительных средств в творчестве одного автора, выяснение расстановки оценочных компонентов в произведениях вносит вклад в воссоздание картины мира как самого автора, так и целостной картины мира народа и времени. Особенностью репрезентации концепта «преступление» в рассказах А.П. Чехова является акцентирование социальных условий, ведущих к преступлению, и показ человеческих обывательских, лишенных морали типов, склонных к подобным действиям.

Ключевые слова: концепт, преступление, художественно-изобразительные средства, картина мира автора, целостная картина мира.

NESTERENKO K. V.

Kharkiv

**PECULIARITIES OF CONCEPT 'CRIME' REPRESENTATION
IN A. CHEKHOV'S SHORT STORIES**

Abstract. The article gives the analysis of A. Chekhov's short stories which represent the concept 'crime'. The analysis of the artistic means that form the concept in the author's works, revealing the evaluative components of his works can contribute to the author's worldview reconstruction as well as the reconstruction of holistic worldview of the nation and the time. Stressing social conditions which lead to the crime, depiction of philistine, immoral human types who are inclined to such actions are defined as peculiarities of the concept 'crime' representation in Chekhov's short stories.

Keywords: concept, crime, artistic means, author's worldview, holistic worldview.

Анализ реализации основных культурных и мировоззренческих концептов в произведениях художественной литературы набирает все большую популярность в филологических работах последнего времени. Ведь именно художественная литература с ее функциями хранения, передачи и формирования культурно значимых смыслов представляет неиссякаемый источник материала для исследователя. Изучение отдельных концептов в произведениях литературы приведет к возможности описания целостной картины мира народа в определенное время или позволит увидеть истоки определенного мировоззрения. Академик Д. С. Лихачев, который ввел понятие концептосферы в теорию изучения концептов, интегрирующую многие дисциплины от лингвистики до логики и культурологии, писал: «Концептосфера языка – это в сущности концептосфера русской культуры». Д. С. Лихачев [2, с.157].

Культурную значимость концепта выделили в свое время авторы монографии из серии «Логический анализ языка»: «Человек живет в контексте культуры... Ее познание рефлексивно. Чтобы в нем разобраться, нужно анализировать метаязык культуры, и прежде всего ее ключевые термины, такие как «истина» и «творчество», «долг», «судьба», «добро» и «зло», «закон» и «порядок», «красота», и «свобода». Эти понятия существуют в любом языке и актуальны для каждого человека... Мировоззренческие понятия личностны и социальные, национально специфичны и общечеловечны. Они живут в контекстах разных типов сознания – обыденном, художественном и научном» [3, с. 3].

Предмет настоящего исследования – концепт «преступление» (понятие, представление в совокупности с эмоционально-оценочными характеристиками) и его реализация в рассказах А. П. Чехова. Данная работа является частью общего исследования отражения правовой картины мира в произведениях русской литературы. Анализ репрезентации определенного концепта способствует воссозданию картины мира и отдельного автора, и определенного периода времени, а также, может стать частью целостной картины мира народа вследствие воздействующей функции произведений литературы.

Русская литература второй половины XIX – начала XX веков, та когорта писателей и поэтов, чье творчество относится к этому периоду, представляет прекрасные образцы отражения общественно-народного мирозерцания и формирования общественного сознания и не только выделенного периода. Произведения Достоевского, Толстого, Чехова, Бунина, Куприна и других авторов оказали значительное влияние на общую картину мира русского народа.

Понятие преступления присуще и обыденному сознанию, и профессиональному. В профессиональном смысле преступление – это юридический термин. Юридическое определение понятия «преступление» содержится в Уголовном кодексе. Предусмотренный законом комплекс основных признаков конкретных преступлений образует состав преступления. Главным в юридическом понимании данного термина является его общественная опасность.

Кроме того, возможны различные объяснения сути данного явления с точки зрения разных наук, и об этом пишет В. А. Бачинин в своей работе «Философия преступления»: «В юридическом смысле преступление – это деяние, относительно которого в уголовном законодательстве содержится прямой запрет на его учинение. С позиций этики преступление – это зло, исходящее от человека и направленное против человека. Для социолога преступление выступает как следствие неспособности социальных субъектов найти цивилизованные формы разрешения жизненных противоречий. Рассмотренное в антропологическом ключе, преступление является превратной, разрушительной формой самореализации, самообнаружения отдельных граней человеческой природы, а также таких свойств человека, как интеллект, воля, страсти и т. д.». [1, с.3]. Как видим, отдельные науки изучают разные стороны преступления в соответствии со своим предметом и инструментарием. В литературном произведении же все эти составляющие понятия могут интересовать автора комплексно, с точки зрения человеческой природы и вытекающего из нее и социальных условий поведения преступившего человека. С точки зрения воплощения концепта «преступление» в художественном тексте интерес представляют, прежде всего, описание личности преступника и его мотивов, условий, целей и обстоятельств совершения преступления. Все эти элементы акцентируются в художественных произведениях по-разному, в зависимости от интенции автора. Автор реализует свой замысел с помощью имеющегося у него арсенала средств, среди которых может быть жанр, сюжет и мотив, расстановка акцентов, композиция и система образов и др. Особенно четко эти средства можно увидеть в художественных произведениях малых форм, например, в рассказах. В рассказах, в отличие от романов и повестей, можно вычленив ведущее изобразительно-выразительное средство, группирующее другие для выражения содержания понятия и, прежде всего, его эмоциональной оценки.

Слово *преступление* (*преступный*), помимо своей предметной семантики в обыденной речи зачастую выполняет оценочную функцию. С его помощью человек называет неудобное для себя или для окружения деяние. С юридической точки зрения преступление также является оценочной категорией, с помощью которой оцениваются отношения между гражданином и государством. Данная категория имеет историко-социальный характер.

Природа преступления как социального явления всегда интересовала человека. Например, в уже цитируемой книге В. А. Бачинина [1] дается описание исторических взглядов на данный феномен. Как предполагает В. А. Бачинин, исследование онтологии преступления может быть осуществлено с помощью метафизического подхода, поскольку именно «метафизический взгляд способен сообщить преступлению совершенно особые черты и масштабы. Оно начинает выглядеть не как эмпирический факт, но как попираание фундаментальных

первооснов бытия, как оскорбление всего миропорядка в целом». [1]. Следовательно, концепт «преступление» можно еще рассматривать с позиций причинности, судьбы и свободы. Исследователь считает (и это подтверждается наличием в литературе значительного количества сюжетов, в основе которых лежит преступление), что «преступление, как это, может быть, ни кощунственно звучит, благодатный материал для человековедения, для изучения человеческой природы, для психологических, социологических, философских, этических штудий. Будучи исключительной, экстремальной, «пороговой» ситуацией, преступление имеет свойство испытывать человека, заставляет его проявиться и раскрыться полностью, обнаружить те качества, которые при иных обстоятельствах оставались бы скрытыми, невыявленными. Этим оно, в основном, и привлекало внимание «человековедческих» дисциплин». [1]. Обратимся непосредственно к анализу рассказов А. П. Чехова. Отметим, что криминальные сюжеты в рассказах писателя немногочисленны и относятся в большинстве своем к раннему творчеству.

В тех рассказах А. П. Чехова, в которых описана криминальная история, она либо является основой сюжета рассказа, его идеи и коллизии, либо на ее основе показаны различные человеческие типы и необычные житейские ситуации.

Рассказ «Шведская спичка» (1884) имеет подзаголовок «уголовный рассказ». Соответственно настраивается и читатель. Все речевые средства (грамматические формы, синтаксис, подчеркивающий причинно-следственные связи, лексические клише, юридическая терминология), создают в рассказе соответствующую обстановку криминальной истории. Для ее создания подключена и композиция: начало рассказа максимально конкретно – предположили, что убит отставной корнет Кляузов, и начали следственные действия. Следственные действия описаны в рассказе в форме, напоминающей настоящий криминалистический отчет: осмотр места происшествия, сбор улик, выстраивание версий, допросы подозреваемых, задержание подозреваемых: *явился молодой человек; становой и понятые, прибывшие на место происшествия; дверь в спальню была найдена запертой; особых примет, могущих служить каким-либо указаниям найдено не было; эта спичка может послужить уликой; общий вид постели дает право думать, что на ней происходила борьба; убийство совершено не с корыстными целями; убийство из ревности, алиби; Псеков и Николашка были арестованы и отправлены под конвоем и посажены под замок; реальных улик нет; спрашиваю вас именем закона и пр.* Таким образом, в начале рассказа все художественно-речевые средства акцентированы именно на криминальную историю.

При этом в рассказе также появляется мотив пьянства и распутства. Он формируется с помощью фразы одного из героев, которую тот произнес в начале рассказа в адрес предполагаемой жертвы *«Распутство до добра не доведет»*, и далее проходит по всему рассказу. И когда оба мотива – криминальный и пьянства и распутства – начинают совмещаться в ходе рассказа, возникает комично-ироничная ситуация. Так, например, комично выглядит допрос пьяного Николашки о том, что тот знает об исчезновении своего хозяина. *«- Где ты был в ту ночь, когда убили барина? – Не могу знать, ваше высородие, ...- Был выпимши и не понмю. – Alibi»*. Пьяные и распутничающие герои рассказа, вовлеченные в криминальную историю, а также всерьез воспринимаемая всеми героями ситуация с Кляузовым создает комично-ироничный тон рассказа. Иронично выглядят и предполагаемые героями мотивы описанного в рассказе преступления. Это оскорбленное самолюбие и неудовлетворенная страсть (подозреваемый Псеков), из чувства религиозного фанатизма (подозреваемая Марья Ивановна, староверка). Во второй части рассказа с помощью контраста между ожидаемым триумфом по поводу раскрытия дела (*«Дело ведь какое! Дело-то! Роман, а не дело! На всю Россию слава пойдет! Следователем по особо важным делам вас сделают!»*) и его незначительностью усиливается ироничный эффект. Читательское восприятие теперь больше переключается на комизм ситуации. Ироничный мотив становится доминирующим во второй части рассказа, когда Кляузов благополучно обнаруживается пьяным в бане у чужой жены (*в бане живу, питаюсь*). Рассказ, имеющий круговую речевую композицию, заканчивается словами *«Распутство не доводит до добра»*.

Таким образом, криминальная история, описанная в рассказе «Шведская спичка», оказывается лишь средством создания комического на основе антитезы между предположения героев о таком серьезном преступлении, как убийство и реальным комическим положением дел. При этом ярко показан активный интерес обывателей к разного рода происшествиям.

В заглавии более позднего рассказа А. П. Чехова «Спать хочется» (1888) нет указания на криминальный сюжет. Пространственно-временные указания – ночь, комната, плачущий ребенок, не дающий главной героине рассказа, тринадцатилетней девочке Варьке уснуть, еще не дают намеков на дальнейшее криминальное развитие ситуации. В рассказе формируются и постоянно подкрепляются различными речевыми средствами несколько мотивов: тяжелые условия жизни девочки, отданной в услужение; мучительное, доходящее до физической пытки желание сна; видения, галлюцинации и «*в наполовину уснувшем мозгу... туманные грезы*» ребенка, не имеющего возможности уснуть. Описание реальной ситуации перемежается с описаниями видений смерти отца, покойной матери, просящей милостыню: «*Варька идет в лес и плачет там, (видение – К.Н.) но вдруг кто-то бьет ее по затылку с такой силой, (реальность – К.Н.) что Варька стучается лбом о березу (видение). Она поднимает глаза (видение? реальность?) и видит перед собой хозяина-сапожника (реальность).* – Ты что же это, паршивая? – говорит он. – Дите плачет, а ты спишь?» Совмещение реального мира и мира видений передано в рассказе и с помощью диалогов:

- *Подайте милостынки, Христа ради! – просит мать у встречных...* (видение покойной матери) и тут же следующая фраза, имеющая синтаксическую параллель:

- *Подай сюда ребенка! – отвечает ей чей-то знакомый голос... - Спишь, подлая?*

Множественные императивные фразы, вложенные в уста хозяев девочки, показывают, насколько тяжела и беспросветна ее жизнь:

- *Подай сюда ребенка!*

- *Возьми!*

- *Варька, затопи печку!*

- *Варька, поставь самовар!*

- *Варька, почисти хозяйну калоши!*

- *Варька, помой снаружи лестницу!*

- *Варька, сбегай, купи три бутылки пива!*

- *Варька, сбегай за водкой!*

- *Варька, где штопор?*

- *Варька, почисти селедку!*

Но главная трудность в жизни девочки – это не постоянный изнурительный труд, а ее мучительное желание спать, акцентируемое в рассказе: «*Она рада. Когда бегаешь и ходишь, спать уже не так хочется, как в сидячем положении*». Лейтмотивом в рассказе проходят слова колыбельной – баю-баюшки-баю.

Пытка без сна толкает Варьку на поиск причины: «*Она не может только никак понять той силы, которая сковывает ее по рукам и ногам, давит ее и мешает ей жить. Она оглядывается, ищет эту силу, чтобы избавиться от нее, но не находит*». В конце концов, Варька находит причину своих мучений – это постоянно плачущий ребенок, которого надо укачивать всю ночь после тяжелого дня. «*Убить ребенка, а потом спать, спать, спать...*». «*Смеясь, подмигивая и грозя зеленому пятну пальцами, Варька подкрадывается к колыбели и наклоняется к ребенку. Задушив его, она быстро ложится на пол, смеется от радости, что ей можно спать, и через минуту спит уде крепко, как мертвая*». Так заканчивается рассказ, в котором автор описывает и мотивы и причины деяния ребенка, доведенного до преступления социальными условиями. В рассказе «Спать хочется» можно увидеть и еще одну сторону совершенного Варькой преступления. Говоря юридическим языком, это называется «жестокое обращение с ребенком» и «доведение до преступления», ведь ее хозяева относятся к девочке не как к человеческому существу, личности, а как к вещи, к механизму.

Социальные условия и уклад жизни акцентированы как причина преступлений в еще одном криминальном рассказе А. П. Чехова «Бабы» (1891), хотя само название еще не дает

понятие об этом. Данный рассказ имеет более сложную композицию, которая называется «рассказ в рассказе». Именно с помощью «рассказа в рассказе» повествуется о преступлении. Вначале читатель знакомится с семьей Филиппа Кашина по прозвищу Дюдя, а после с Дюдей заводят разговор приезжий Матвей Савич, который и ведет рассказ. Это его жизненная история, в результате которой мальчик лет 7 - 8, ехавший вместе с ним, остался сиротой. История была банальной – жена изменила мужу, пока тот был в армии, и когда муж вернулся, жена по-прежнему желала продолжать отношения вне брака. Спустя время муж был найден дома мертвым и похоронен. А далее, как рассказал Матвей Савич, *«вскорости пошли по мещанству разговоры, что Вася помер не своей смертью, что извела его Машенька. Дошло до начальства. Васю вскрыли, распотрошили и нашли у него в животе мышьяк. Дело было ясное, как пить дать; пришла полиция и забрала Машеньку, а с ней и Кузьму – бессеребренника. Посадили в острог. Допрыгалась баба, наказал бог... Месяцев через восемь судили»*. Рассказ Матвея предельно прост, и его изложение событий перемежается с его собственной оценкой ситуации, в которой он был заинтересованным лицом. На основе текстовых ассоциаций у читателя может возникнуть мысль о том, что Машенькин муж вполне мог и сам отравиться. Однако дальнейшее развитие ситуации в рассказе, да и само его название («Бабы») демонстрирует новый идейный акцент: женщины похотливы, и, вследствие этого, готовы даже на преступление. Так, после отъезда Матвея Савича жена Дюди и его невестка Варвара ведут разговоры о том, что они вполне могли бы *«извести»* своих мужей:

«- Я бы своего Алешку отравила, - (говорит Варвара, невестка).

- Давай Дюдю и Алешку изведем!

- Люди узнают!

- Страшно... Бог убьет.

- А пускай...».

Единственное, что может их остановить – страх Божьей кары, но он оказывается не настолько сильным, чтобы усмирить преступные наклонности. Герои рассказа Чехова не чувствуют моральную ответственность в том, что они преступают общественные, божеские, нравственные нормы. Их интересует не установление истины по факту преступления и заслуженное наказание виновных, а сам факт убийства как житейский случай. Они и сами склонны к преступлениям, и их сознание не обременено нравственными терзаниями и страхом наказания. В рассказе Чехова показан обывательский, местечковый подход к преступлениям – они лишь часть «общественной» жизни и повод для разговоров. Обывателей интересует лишь факт и последовательность событий.

Подобный мотив обывательского подхода к преступлению сформирован и в рассказе «Убийство» (1895), в котором Чехов изобразил нравы людей российской глубинки, чьими единственными жизненными интересами являются религиозность и стяжательство. Концепт «преступление» здесь репрезентирован уже в самом названии рассказа. Как и большинство других рассказов Чехова, этот рассказ начинается с четкого указания на место и время действия, и уже в самом начале формируются мотивы «жизнь в провинции» и религиозный. О провинциальности и обыденности жизни свидетельствуют описания обстановки, описания героев и их речи. Так, например, в речи героя рассказа и будущей жертвы преступления, Матвея Терехова употреблены просторечные слова *грызь* (вместо грыжа – К.Н.), *леригия* (вместо религия), и пр. В эпизоде, когда он подписывает книгу, видно, как неграмотно он ее подписывает. Большую часть времени данный герой проводит в трактире, а разговоры его сводятся либо к деньгам, либо к религии. Другими героями рассказа являются Яков Иваныч, брат Матвея, Аглая, его жена, и их дочь Дашутка. В результате бытовой ссоры на основе накопившейся между ними ненависти Аглая ударяет Матвея бутылкой, и они вместе с Яковом добивают Матвея. При описании сцены убийства напрямую и в качестве обобщающих использованы слова *злоба* и *ненависть*. Прежде всего, они выполняют оценочную функцию, однако вполне могут характеризовать мотив убийства, сцена которого описана в рассказе с точки зрения убиц: Аглая *«схватила бутылку с постным маслом и изо всей силы ударила ею ненавистного брата прямо по темени»*; *«Яков, тяжело дыша, возбужденный и испыты-*

вая удовольствие оттого, что бутылка, ударившись о голову, крикнула, как живая, не давая ему упасть и несколько раз (это он помнил очень хорошо) указал Аглае пальцем на утюг, и только когда полилась по его рукам кровь, и послышался громкий плач Дашутки, и когда с шумом упала гладильная доска, и на нее грузно повалился Матвей, Яков перестал чувствовать злобу и понял, что произошло».

Дальнейшее развитие криминальной ситуации читатель может проследить с помощью отдельных реплик героев.

- Пусть подышает, заводской жеребец! – с отвращением проговорила Аглая, не выпуская из рук утюга, белый, забрызганный кровью платочек сполз у нее на плечи, и седые волосы распустились. – Туда ему и дорога.

Яков, заметивший, что Сергей Никанорыч стал свидетелем убийства, говорит, пытаясь подкупить свидетеля:

- Я вам могу одолжить тысячу рублей.

Сергей Никанорыч уходит и вскоре возвращается:

- Пожалуйста полторы тысячи, Яков Иваныч, я согласен. Подкуп состоялся.

Яков Иваныч собирает деньги.

- Так это у вас, из пустяков, бог его знает как... – сказал буфетчик дрожа. – Сижусь я, считаю себе и вдруг, шум... гляжу в дверь, а вы из-за постного масла. Где он теперь?

- Лежит там в кухне (о трупе)

- Вы бы его свезли куда... Чего ждать?

- Это ты, Яков Иваныч? – сказал он (сторож на переезде – К.Н.).

Последствия убийства и выявление виновных в рассказе описаны кратко. Следовательно, не свершение правосудия стоит в центре данной ситуации, а условия совершения преступления, облик человека, способного его совершить. Чем закончилось преступление, узнаем с помощью схожих с юридическим отчетом последовательных реплик: «Через два дня приехали становой пристав и следователь и сделали обыск...»; «Жандарм на допросе показал»; «Со слов Аглаи стало известно» и пр. Также описан и результат суда: «Все четверо были признаны виновными в убийстве с корыстной целью. Яков Иванович был приговорен к каторжным работам на двадцать лет, Аглая – на тринадцать, Сергей Никанорыч – на десять, Дашутка – на шесть».

Обывательское отношение к уголовному делу видно и в описаниях того, как, на суде люди интересуются внешностью героев, а не выяснением его обстоятельств: «У Сергея Никанорыча на месте бакенов выросла борода, на суде он потел, краснел и видимо стыдился серого халата и того, что его посадили на одну скамью с простыми мужиками»; «Дашутка, пока была в тюрьме, пополнела; на суде она не понимала вопросов, которые задавали ей, и сказала только, что когда дядю Матвея убивали, то она очень испугалась, а потом ничего».

Таким образом, А.П. Чехова важно показать те социальные условия, в которых существует такой тип человека, который далек от какой-либо нравственности и рефлексии по отношению к себе. Для такого чеховского героя нет страха ни божьей кары, ни наказания со стороны государства. Они существуют в своем собственном мире обывательских интересов и представлений о жизни, будучи окруженными подобными себе людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачинин В. А. Философия преступления: конспект лекций. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2000. – 64с.

2. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. Под ред. В. П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 156 – 165.

3. Логический анализ языка. Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – 204с.

ПЕНТИНА А. Ю., ЧЕРНЯК В. Д.

Санкт-Петербург

**АГНОНИМИЧНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА
В ТЕЗАУРУСЕ МОЛОДЕЖИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДИАЛОГА**

Аннотация. В статье рассматривается проблема агнонимии политической лексики. На основании проведенного в студенческой аудитории опроса делаются выводы о возможных коммуникативных сбоях, которые затрудняют диалог власти и молодежи.

Ключевые слова: агноним, значение слова, тезаурус, коммуникативная неудача, эффективность общения, диалог

PENTINA A. Y, CHERNYAK V. D.

St. Petersburg

**POLITICAL VOCABULARY BASED ON AGNONIMATION
IN THE YOUTH THESAURUS: DIALOGUE PROSPECTS**

Abstract. The article is devoted to an agnonimation problem of political vocabulary. Conclusions of communicative errors that cause troubles in the dialogue between the authorities and the youth are made on the basis of students' opinion.

Key words: agnonim, lexical meaning, thesaurus, communicative error, dialogue.

Многообразные вызовы современного мира обуславливают все возрастающую значимость проблемы понимания, без которого невозможен столь важный для современного общества диалог различных социальных групп. Для достижения эффективности такого диалога необходимо, чтобы коммуниканты находились в едином когнитивном пространстве и пользовались общим кодом, иначе говоря, обладали необходимой общностью лексикона и тезауруса. Проблема отсутствия такого общего кода сегодня является актуальной не только применительно к межкультурной коммуникации, но и к взаимопониманию в рамках одной культуры.

Диалог с молодежью относится к числу приоритетных задач, которую сегодня пытаются решать властные структуры, предлагая различные проекты в сфере политики, экономики, идеологии. При этом лингвистическая составляющая предлагаемых текстов часто остается за пределами внимания авторов. Приведем лишь один фрагмент проекта, посвященного формированию молодежных элит: «Молодежь является высокоадаптивной группой, но в то же время далеко не всегда реализует свои социально-инновационные ресурсы. Молодёжь в своём большинстве не принимает гражданского участия в общественно-политических отношениях региональных социумов. Это, с одной стороны, обусловлено объективными обстоятельствами, а с другой стороны, выступает как негативное явление особенно в условиях политического демократического транзита российского общества. Данный транзит предполагает осознанное участие в общественно-политических процессах не только людей среднего возраста, но и молодёжи. <...> Закономерно, что взаимодействие политических партий и молодёжи приобретает особое содержание в периоды внутренних и межгосударственных конфликтов, социально-экономических кризисов. Здесь выделяется несколько аспектов партийной тактики. Во-первых, политические партии стремятся популяризировать свою идеологическую и идейную позицию среди молодёжи в отношении конкретных реалий и фактов общественных отношений. Во-вторых, политические партии способствуют разоблачению и дезавуированию во мнении молодёжи позиций своих политических конкурентов. В-третьих, политические партии используют неординарные общественно-политические ситуации для стимулирования и интереса молодёжи к политике, в целом и для организации конкретных и адресных акций молодёжи, в частности» (<http://www.mirprognozov.ru/prognosis/politics/strategii-i-taktiki-politicheskikh-partiy-v-formirovanii-sovremennyih-molodejnyih-elit/ru>).

Наш преподавательский опыт позволяет утверждать, что значительной частью студентов

этот текст не будет воспринят полностью, а попытки его включения в реальную коммуникацию обречены на полный или частичный провал.

Активно эксплуатируемая средствами массовой информации общественно-политическая лексика очень часто сегодня оказывается агнонимичной, в первую очередь, для молодого поколения. Термин *агнонимы*, введенный в научный обиход в последние два десятилетия, отражает индивидуально-личностный характер незаполненных ячеек в лексиконе носителей языка [Морковкин, Морковкина 1997; Черняк 2003], уровень «когнитивной компетенции» [Гурьева 2003], предполагающей способность человека вербально описывать положение дел в той или иной предметной области. Этот термин позволяет не только интерпретировать лакуны в лексиконе конкретной языковой личности, но и определять типичные зоны агнонимической активности. К таким зонам, как позволяет судить проводимая нами на протяжении многих лет работа по качественной и количественной оценке лексикона студентов педагогического вуза, относится политическая и экономическая лексика, активно используемая в СМИ, а также представленная в базовых программах учебных дисциплин социально-экономического профиля.

Представим результаты письменного опроса, проведенного в 2015 г. и направленного на выявление уровня агнонимичности лексем, часто употребляемых в средствах массовой информации. В опросе участвовали студенты 1 – 2 курсов различных факультетов РГПУ им. А. И. Герцена (всего 105 человек).

Студентам было предложено письменно объяснить значение следующих слов: *толерантность, омбудсмен, федерация, дефолт, транспарентность, диаспора, лоббировать, криминогенный, референдум, легитимный, лояльность, суверенитет, экстремизм, мигрант, эмигрант, превентивный, шовинизм, санкционировать, инвестор* (слова записывались под диктовку).

Значение слова *транспарентность* оказалось неизвестным 92 студентам; *омбудсмен* – 88; *превентивный* – 82; *лоббировать* – 67; *шовинизм* – 59; *диаспора* – 54; *криминогенный* – 49; *легитимный* – 34; *экстремизм* – 30; *дефолт* – 26; *инвестор* – 23; *санкционировать* – 21; *суверенитет* – 18; *мигрант* – 17; *федерация* – 14; *эмигрант* – 14; *лояльность* – 11; *референдум* – 11. Даже слово *толерантность* оказалось незнакомым для 7 из опрошенных студентов (многочисленные программы, проекты, гранты, направленные на формирование толерантности с очевидностью прошли мимо их сознания). В связи с агнонимичностью последнего слова поделимся случайно услышанным диалогом двух молодых людей. Один говорит, что в обсуждаемой ситуации надо быть толерантным. Второй резко возражает: «Терпеть не могу это слово. Ты знаешь, откуда оно произошло? Во Франции был такой богач, Толеран. Много земли наворовал. Зачем нам это слово». Курьезность этой наивной этимологизации свидетельствует не только об ущербном тезаурусе молодого человека, но и об очевидном неумении слушать и слышать, поскольку трудно себе представить, что это слово ни разу не встречалось студенту в учебной коммуникации.

Агнонимичность приведенных слов подтверждается и многочисленными ошибками в написании (речь идет не только о грубых орфографических ошибках): вместо *лоббировать* встречаем *лавировать*, вместо *превентивный* – *приментивный*, вместо *шовинизм* – *шофинизм*, вместо *легитимный* – *лигетичный*; в 6 ошибочных вариантах было представлено написание слова *омбудсмен* (студентам педагогического вуза это слово, казалось бы, должно быть хорошо известно, ср.: *детский омбудсмен*). Вызывает тревогу и очевидное неумение многих студентов соотносить семантику заимствованного слова со значениями слов изучаемых иностранных языков.

Как известно, во многих случаях полное незнание слова является опаснее его квазизнания: в первом случае остается надежда, что человек захочет узнать значение неизвестного слова, во втором он удовлетворяется кажущимся знанием, что с неизбежностью влечет коммуникативные сбои.

Приведем некоторые из полученных в ходе опроса ответов.

Толерантность – вежливость, аккуратность, грамотность, пунктуальность, талантливый, честный. Типичной ошибкой стало смешение паронимов *терпимость* и *терпеливость*.

Омбудсмен – мужчина, связанный как-то с обувью (перед нами характерная для живного языкового сознания попытка связать форму слова и его значение); человек, владеющий капиталом, акциями. Часто встречаются обтекаемые ответы, свидетельствующие о псевдопонимании: **омбудсмен** – человек из общества, человек, занимающийся каким-то занятием; гражданское лицо или политическое лицо (по всей видимости, для отвечающего политическое лицо не является гражданским); *какая-то должность в судебных органах*.

Федерация – президентское государство; многонациональное государство; государственный режим; масштабность; государство, имеющее на своей территории самостоятельные страны; большая история; добровольное объединение стран и государств (представленные ответы свидетельствуют о том, что респондентам знакомы отдельные семантические компоненты слова, входящего в состав номинации их страны).

Дефолт – восстание; изменение; сбой; поражение; пропуск. Часто следствия того или иного явления в общественно-политической жизни смешиваются с объяснением значения слова: **дефолт** – это падение экономики, обесценивание денег, падение курса рубля, задолженность, резкий скачок цен.

Транспарентность – транспорт; транспортировка; транспортные особенности (здесь снова наблюдается попытка связать незнакомое слово с известным, близким по форме); *какое-то личное качество человека; взаимодействие; что-то имеющее возможность быть передвинутым*. Встречаем и толкование, прямо противоположное реальному значению, – *секретность*.

Диаспора – определенная нация; семья; представительство религии; племя; высший слой общества; *что-то из математики или геометрии; семейное древо*. Толкование часто подменяется сложившимися в общественной коммуникации ассоциациями: **диаспора** – разборки; разногласие; спор. Иногда толкование оказывается очень приблизительным: **диаспора** – *что-то сообщество; группа людей; клан; объединение; группа родственных людей*. Часто наблюдается нарушение лексических связей и грамматических норм русского языка: **диаспора** – общество людей определенной позиции в другой стране.

Лоббировать – плыть; перемещаться; избираться в политическое лобби; зазывать; занимать; фильтровать; голосовать; успевать и то, и то; острых тем; превосходить; встать на противоположную кому-то позицию.

Криминогенный – ситуация, вышедшая из-под контроля властей; криминальный общественный сектор; криминальная личность (в этом случае общее значение активно используемого слова осознается, однако не различаются особенности функционирования паронимов **криминогенный** ‘порождающий криминальную ситуацию, способствующий усилению преступности’ и **криминальный** ‘уголовный, преступный; предназначенный для борьбы с уголовной преступностью’).

Референдум – собрание; в правительстве собирают; собрание представителей государств; собрание очень важных государственных лиц; перевыборы; политическая конференция; выборное заседание; отчет; обсуждение политических лиц; консилиум; переизбрание президента, губернаторов; собрание властей, ответы на их различные вопросы; форма избрания; законодательное собрание; съезд; форум; ответы на вопросы жителей (отвечает президент); общественная палата; мероприятие, проводящееся с целью обмена мнения с представителями власти. Встречаются и ответы, в которых респонденты пытаются продемонстрировать свое владение общественно-политической лексикой, фиксируя лишь поверхностные представления о сущности одного из важных понятий, связанных с демократическим устройством государства: **референдум** – это политическое явление; институт демократии.

Легитимный – постоянная власть; временный; пассивный; равнодушный; выходящий; способный. Толкование этого слова во многих случаях подменяется общими оценочными характеристиками – *открытый; общий; правильный; общедоступный; проявление*

свободы в чем-либо; спокойный; личный; согласие народа с властью; гибкий; государственный; легальный; нормальный.

Лояльность – краткость; несерьезный подход к делу; безалаберное отношение; влиятельность; безразличие; увилвание; раскрепощенный; смелый, вольный человек; быстрое адаптирование к чему-либо; склонность; средне справедливый; верность, упрощенность для чего-либо; благонадежное отношение к чему-либо; авторитет. Пестрота ответов свидетельствует о полной семантической опустошенности слова для многих респондентов. Показателен следующий ответ: **лояльность** – «относиться с нисхождением» (по всей видимости, для респондента агнонимичным является и слово *нисхождение*).

Суверенитет – государственное лицо; единство; здание; уважение; отношение в зависимости от положения в обществе; вывод; нейтральность; содружеские страны. Часто толкования, как и во многих приведенных случаях, подменяются устойчивыми ассоциациями: **суверенитет** – это свобода; отдельное государство; конституция; наличие определенной культуры, принадлежащей какой-либо стране; вмешательство в дела другого государства; неприкосновенность; неприкасаемость. Попытка приблизиться к правильному толкованию предпринята в следующих случаях: **суверенитет** – это свои собственные права, неподвластные другим; качество государства на самостоятельность; права страны, которые другие страны не могут нарушить; возможность самоопределения государства.

Экстремизм – необходимость; желание что-либо быстро сделать; вид искусства (по-видимому, по созвучию со словами *импрессионизм, авангардизм, классицизм* и т. д.); неполадки; быстро. Помимо толкований, в которых смешиваются понятие экстремизма и отражение его проявления (*неприятнь к людям другой национальности; дискриминация по расовому признаку; пропаганда национализма, нелегальный и насильный захват власти*), вновь встречаются не толкования, а цепочки ассоциаций: **экстремизм** – нетерпимость; варварство; высшая мера чего-либо; резкое выражение недовольства (в грубой форме). Типичным оказалось и смешение паронимов *экстремальный* и *экстремистский*: *желание получить адреналин; экстрим; чувство рисковать собой; делать что-либо на эмоциях; активность; смелый; отчаянный*. Самый частотный ответ: **экстремизм** – это терроризм.

Большое количество опрошиваемых не осознает различий между словами **мигрант** и **эмигрант**, особо подчеркивая нелегальность и вынужденность процессов и миграции, и эмиграции.

Мигрант – нелегальный эмигрант; человек, проживающий незаконно в другой стране; беженец; человек, который бежит из своей страны; человек, сменивший страну по серьезным причинам; путешественник.

Эмигрант – переезжающий человек из одного города в другой внутри государства; то же, что мигрант; человек, живущий в стране нелегально.

Превентивный – привинченный, собственнический; скромный; привилегированный; застенчивый; предвзятый; загадочный; нахальный; особенный. Определение слова **превентивный** как *простой, обыденный*, по всей видимости, объясняется смешением его со словом *примитивный*.

Шовинизм – ранняя форма религии; шопинг; фетишизм; принципиальность; сильное увлечение чем-либо. Самыми частотными оказались определения **шовинизма** как политики неравноправия (равноправия) мужчин и женщин: *пренебрежительное отношение одного пола к другому; женское направление за равноправие с мужчинами; направление, противопоставляющееся феминизму; равноправие мужчин и женщин*. Иногда толкование подменяется общими фразами, эмоциональным откликом или ассоциациями: *шовинизм – судить человека по его предкам; привитие войны; борьба за общественные права; политика определенных действий; неправильное поведение людей; жизненная позиция*.

Санкционировать. Предсказуемо самым частотным оказалось прямо противоположное реальному значению толкование слова: не «давать разрешение», а «накладывать запрет». Встречаем и следующие определения: **санкционировать** – ограничивать в чем-либо; наложение каких-то бойкотов (экономических, продуктовых); запрещать; вводить ограничения;

привлекать; действовать; собрать митинг; привлекать; провоцировать; сделать; вызвать; спровоцировать; наложить запрет; штрафовать; применять карательные меры; препятствовать; сагитировать; реклама; записывать; составить документ.

Инвестор – *что-то новое; инвестировать (то есть информировать) кого-либо; главный; директор; человек, который что-то отбирает.* Понимание того, что инвестор как-то связан с денежными средствами отражается в следующих толкованиях: *предприниматель; закупщик; поставщик; работник государственного банка (банковской системы).*

Анализ приведенных ответов позволяет сделать ряд выводов.

Лексика, активно используемая в современных средствах массовой информации и связанная с важнейшими характеристиками политической (*федерация, суверенитет, лигитимный, шовинизм, экстремизм* и др.), экономической (*дефолт, инвестор*) жизни, с различными аспектами взаимодействия социальных групп (*мигрант, эмигрант, шовинизм, толерантность, лояльность*), представляет зону агнонимической активности. Для значительного числа молодых людей эти слова являются или абсолютно неизвестными, или квазиизвестными (их частая повторяемость, внешняя узнаваемость создают иллюзию знания, чреватую коммуникативными неудачами). При семантизации полных или частичных агнонимов студенты нередко опираются или на отдельные правильно уловленные семантические признаки, или на внешнюю форму слова, представляя образцы народной этимологии, характерной для городского просторечия.

Представленные результаты опроса свидетельствуют об очевидных коммуникативных рисках, а во многих случаях – о невозможности полноценного диалога с молодежью в социально-политической сфере, в частности диалога власти с молодежью. За, казалось бы, частыми характеристиками индивидуального лексикона современного студента стоят глубокие когнитивные проблемы, имеющие серьезные социальные последствия. Совершенно очевидно, что лексикон и тезаурус языковой личности должны стать объектом продуманного междисциплинарного взаимодействия всех, кто заинтересован в социальной ответственности и активности молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьева З. И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: лингвопрагматический аспект. Краснодар: Кубанский гос. ун-т., 2003.
2. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М.: АО «Астра семь», 1997.
3. Черняк В. Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей / РАН. М.: Азбуковник, 2003.

ПЕТРОВ М. В.

Екатеринбург

КОМПЛЕКСНАЯ ПОШАГОВАЯ МЕТОДИКА ИДЕНТИФИКАЦИИ И АНАЛИЗА МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУРСА ПУБЛИЧНЫХ ОБРАЩЕНИЙ Б. ОБАМЬ)¹

Аннотация. В данной статье описывается особая пошаговая методика, которая позволяет идентифицировать метафору и метафорическую модель в дискурсе и подвергнуть их детальному анализу. В конце статьи автор делает выводы, говорит о преимуществах и недостатках данной методики.

Ключевые слова: метафорическая модель, дискурс, фреймо-слотовый анализ, пропозиции.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

PETROV M.V.

Ekaterinburg

COMPLEX STEP-BY-STEP METHODOLOGY OF IDENTIFYING AND ANALYZING METAPHORICAL MODELS

(BASED ON THE MATERIAL OF B. OBAMA'S DISCOURSE OF PUBLIC SPEECHES)

Abstract. The aim of the article under consideration is to describe a special step-by-step methodology of identifying and analyzing metaphors and metaphorical models. At the end of the article the author draws some conclusions and talks about the advantages and disadvantages of the methodology.

Keywords: metaphorical model, discourse, frame-slot analysis, propositions.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы продемонстрировать применение комплексной методики выделения и анализа метафорической модели, которая объединяет в себе процедуру идентификации метафоры (metaphor identification procedure), разработанную Г. Стееном [Steen 1999] и группой ученых Прагглез [Pragglejaz 2007], аналитическую пятишаговую процедуру Г. Стеена [Steen 1999], методику компонентного анализа семантики лексической единицы [Шустрова 2007] и методику метафорического моделирования А. П. Чудинова [Чудинов 2001].

Данная методика включает в себя 8 шагов:

Шаг 1:

На данном этапе необходимо детально изучить текст, разбивая его по лексическим единицам.

Шаг 2:

Пользуясь различными лексикографическими источниками, установить для КАЖДОЙ лексической единицы контекстуальное значение (contextual meaning) и основное (базовое) значение (basic meaning) [Pragglejaz 2007: 3], которое:

- a) является более конкретным (т.е. его легче представить, увидеть, услышать, почувствовать и даже попробовать);
- b) связано с движением тела;
- c) является более определенным (точным);
- d) сформировалось раньше с диахронической точки зрения [Там же: 3].

Чтобы выделить основное значение, необходимо использовать дефиниционный и компонентный анализ лексической единицы, в котором нужно выделить следующие элементы: классемы и дифференциальные семы, при помощи которых предоставляется возможным сравнить основное значение с контекстуальным на наличие контраста.

Шаг 3:

Цель данного этапа заключается в том, чтобы определить наличие контраста между двумя значениями, если такой присутствует. Если – да, то:

3.1. установить возможность понимания контекстуального значения в сравнении с основным значением;

3.2. выявить, какие семы стали основанием для метафорического переноса.

Таким образом, лексическую единицу можно считать относящейся к метафоре.

Шаг 4:

Определить модель и дать название сфере-источнику и сфере-мишени. На данном этапе в качестве верификации следует руководствоваться предложенной Г. Стееном пятишаговой процедурой. Следовательно, данный шаг подразделяется на пять подпунктов:

4.1. Определение фокуса. Здесь указывается слово, которое употребляется метафорически.

4.2. Определение метафорической идеи. На данном этапе осуществляется пропозиционный анализ.

4.3. Определение переносного сравнения. Выделяются пропозиции, содержащие концепты в прямом и переносном значении. На данном этапе анализа представляется необходи-

мым реконструировать *концептуальную основу сравнения* с определением незаполненных смысловых слотов.

4.4. Заполнение пустых слотов предполагаемыми концептами.

4.5. Определение переносного отображения, верификация данных, полученных в процессе определения переносной аналогии и список всех выявленных соотношений, представленных в виде логических следствий, отражающих проекцию сферы-источника на сферу-мишень.

Шаг 5:

На данном этапе требуется установить наличие фреймов у метафорической модели. По возможности могут быть выделены и описаны слоты.

Шаг 6:

Определить дискурсивные характеристики модели, указывая на ее различные функции и ее взаимосвязь с реальностью.

Шаг 7:

Описать продуктивность метафорической модели, указывая на частотность и сопоставляя ее с частотностью в дискурсе другого индивида.

Шаг 8:

При сопоставлении фреймово-слотовой структуры метафорических моделей следует применять метод, предложенный Н. Г. Шехтман, согласно которому следует рассматривать фрейм отдельной метафорической модели в одном языке, затем – в другом, а на заключительном этапе исследования сопоставлять полученный материал [Шехтман 2005: 41].

Продемонстрируем данную методику, пока без сопоставления, на примере дискурса президента США Б. Обамы:

We came to build a future [Obama health care speech, 2010].

Шаг 1:

Прочитать текст и разбить его на следующие лексические единицы:

We / came / to / build / a / future

Шаг 2:

Определить контекстуальное и основное значение к каждому слову. Приведем пример только того слова, где было установлено метафорическое употребление.

<build>:

Контекстуальное значение – в данном контексте «*build*» подразумевает создание и формирование жизни для людей, чего-то нового и т.д.

Основное значение является более конкретным:

<i>Дефиниционный анализ</i>	
➤	to form by ordering and uniting materials by gradual means into a composite whole [Merriam-Webster];
➤	to make a structure or something else by putting materials together in a particular way [Cambridge American English Dictionary];
➤	to construct (something, typically something large) by putting parts or material together over a period of time [ABBY LINGVO, 2011].

<i>Компонентный анализ</i>	
<i>Семы</i>	<i>Лексическая реализация</i>
КЛС конструирование	конструировать
ДС1 объект	что-то большое (здание, дом)
ДС2 образ действия	соединение частей или материала
ДС3 темпоральная характеристика	в течение периода времени
КК1	нет
КК2	нет

Наличие контраста: да

Шаг 3:

3.1. Контекстуальное значение контрастирует с основным значением. Мы можем понять формирование жизни для людей, чего-то нового по средством конструирования здания (дома).

3.2. КЛС «конструирование» и ДС 1 «объект» являются основанием для метафорического транспонированного переноса, и можно говорить о частичном участии ДС 2 «образ действия», благодаря которому абстрактное понятие будущего приобретает конкретный характер.

Шаг 4:

Определить модель со сферой-источником и сферой-мишенью.

FUTURE IS A BUILDING (БУДУЩЕЕ – ЭТО ЗДАНИЕ)

Можно проверить правильность данной модели, используя пятишаговую процедуру:

Шаг 4.1	«build»→ метафорический фокус
Шаг 4.2	$P^1 1 (BUILD s^2 FUTURE t^3)$
Шаг 4.3	$(BUILD s FUTURE t) \rightarrow SIM^4 \{ \exists F^5 \exists y^6 [F(FUTURE)] t [BUILD (y)] s \}$
Шаг 4.4	$(BUILD s FUTURE t) \rightarrow SIM \{ [CREATE (FUTURE)] t [BUILD (BUILDING/CONSTRUCTION)] s \}$
Шаг 4.5	два варианта: 1) CREATING FUTURE IS BUILDING A CONSTRUCTION; 2) FUTURE IS A BUILDING.

Шаг 5:

Выявить фреймы и слоты.

У данной модели можно выделить такие фреймы, как «Внешняя и внутренняя конструкция здания» (со слотами «Основная конструкция здания», «Внутренняя организация здания» и т.д.), «Строительство и ремонт» (со слотами «Строительство», «Ремонт и реставрация») и т.д. Количество фреймов будет зависеть от выбранного материала и от способности метафоры к развертыванию.

Шаг 6:

Отметим следующие дискурсивные характеристики:

Метафоры данного типа помогают Б. Обама описать ситуацию в стране и говорить о необходимости в создании определенных политических структур, которые помогут в осуществлении планов и достижении намеченных целей. В целом данные метафоры характеризуются положительной коннотацией, поскольку в метафорическом смысле «строятся» вещи и понятия, которые являются необходимыми для процветания и благосостояния страны и народа.

Среди функций можно выделить: популяризаторскую и прагматическую.

Шаг 7:

Продуктивность модели:

Как видно из шага 5, модель можно считать способной к развертыванию, так как она включает два фрейма, которые в свою очередь состоят из типовых слотов. Говоря о частот-

¹ «P» (proposition) - пропозиция.

² «s» (source domain) – сфера-источник.

³ «t» (target domain) – сфера-мишень.

⁴ «SIM» (similarity) – сходство.

⁵ «F» - некое действие в сфере-мишени.

⁶ «y» - некая сущность в сфере-источнике.

ности, следует отметить фрейм «Строительство и ремонт здания», так как в слоте «Постройка здания» встречается большинство метафор.

Разработанная комплексная методика позволяет обнаруживать метафоры в дискурсе, доказывать их концептуальную природу, классифицировать по фреймово-слововому принципу, говорить о функциях и сопоставлять данные с другим языком. Однако следует упомянуть, что такая методика является довольно затратной по времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000) [Текст] / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
2. Шехтман Н. Г. Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе: дис. ... кандидата филологических наук [Текст] / Н. Г. Шехтман. – Екатеринбург, 2005. – 219 с.
3. Шустрова Е. В. Афроамериканский английский : лексика и текст [Текст] / Е. В. Шустрова. – М. : Флинта : Наука, 2007. — 640 с
4. АBBYY Lingvo : электр. программа.
5. Pragglejazz Group. (2007). MIP: A method for identifying metaphorically used words in discourse. *Metaphor and Symbol*, 22(1), 1-39.
6. Steen, G.J. (1999). From Linguistic to Conceptual Metaphor in Five Steps. In Gibbs, R.W. jr, & Steen, G.J. (eds), *Metaphor in Cognitive Linguistics* (pp. 55-77) Amsterdam: John Benjamins The American Heritage Dictionary. Copyright 2011 Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, <http://ahdictionary.com/>

ПЛАХОТНАЯ Ю.И.

Челябинск

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ ПОЛИТИКОВ РОССИИ И США В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ

Аннотация: В статье анализируются стратегии и тактики, применяемые политическими деятелями России и Америки в ходе информационной войны.

Ключевые слова: информационная война, пропаганда, язык войны, тактики

PLAKHOTNAYA Y.I.

Chelyabinsk

STRATEGIES AND TACTICS OF RUSSIAN AND AMERICAN POLITICIANS IN INFORMATIONAL WARS

Abstract: The article analyses the strategies and tactics that are used by politicians of Russia and America in the informational war.

Key words: informational war, propaganda, language of war, tactic

В ситуации мирового кризиса некоторые страны прибегают к развязыванию информационных войн для решения своих экономических и геополитических проблем. Ещё со времён «холодной войны» США старалось утвердить своё превосходство в мире и использовало различные тактики ведения информационной войны, в которой Россия всегда была главной мишенью.

В последнее время Америка усилила свои нападки на Россию, прибегая к информационному воздействию на общественное мнение многих государств. Своими провокационными действиями Америка при поддержке некоторых европейских стран воздействует на массовое сознание народов своих стран и России с целью вызвать недовольство, панические настроения, беспорядки, которые могут перерасти из гражданской войны в реальный международный военный конфликт.

Политики США пытаются обвинить Россию в сложившейся ситуации на Украине, выставив ее как «военного агрессора», угрожающего безопасности странам Европы и самой Америки. С целью «наказать» Россию Америка вводит экономические санкции на индивидуальном уровне против отдельных российских граждан, на экономическом уровне блокируя деятельность банков и некоторых крупных предприятий. На общественно-политическом уровне США пытается изолировать Россию от участия в работе Большой двадцатки, Большой восьмерки и других мировых институтах. В геополитическом плане Америка, стараясь расширить свои сферы политического и экономического влияния на страны Западной и Восточной Европы, пытается вывести Россию как крупного игрока с политической арены. На психологическом уровне политики Америки воздействуют на массовое сознание не только России, но и других стран мира. Для этого они используют средства массовой информации как инструмент в информационной войне, а также выступления на широких политических площадках.

Мы рассмотрим речи американских и российских политиков, имеющих влияние на ход конфликта. В ситуации противоборства политические деятели России и Америки используют различные стратегии и тактики ведения информационной войны. Америка следует в основном конфронтационным тактикам, которые нацелены на дискредитацию России в лице мирового сообщества. К таким тактикам относятся тактики обвинения, преуменьшения значимости того или иного события, молчания или не реагирования на те или иные требования, выдвигаемые Российской стороной.

Как отмечает Д. О. Рогозин, в ходе информационного конфликта стороны используют «язык войны» как «способ манипуляции общественным сознанием, при котором применяются камуфлирующие реальные события термины (эвфемизмы) или выражения, наоборот, придающие негативные значения изначально нейтральным понятиям (дисфемизмы)» [Рогозин]. Так, например, представитель Госдепартамента США Джен Псаки в ходе очередного брифинга оправдала нецензурные высказывания исполняющего обязанности министра иностранных дел Украины, Андрея Дешицы, который оскорбил президента РФ Владимира Путина. По её мнению, глава украинского МИД «старался стабилизировать ситуацию» у здания посольства России в Киеве. «Он пошел к российскому посольству лично, чтобы успокоить протестующих, и сделал это», — так прокомментировала инцидент представитель Госдепа США. В другом случае, поясняя слова и.о. премьер-министра Украины Арсения Яценюка, который в своём сообщении назвал жителей юго-востока страны «недочеловеками» (*subhumans*), представитель Госдепа Джен Псаки сказала, что «поведение премьер-министра было очень последовательно направлено на мирное разрешение ситуации на местах, защиту людей, включая русских на Восточной Украине» [Daily Press Briefing of Jen Psaki].

В тех случаях, когда российские политики описывают реальные события или факты, западные представители стараются придать им негативный смысл. Например, тех, кого российские политики называют «ополченцы», «повстанцы», американские ораторы прозвали «*terrorists*», «*provocateurs*», «*Russian separatists*» (*русские сепаратисты*), «*illegal separatist groups*» (*незаконные группы сепаратистов*), «*armed, violent separatists*» (*вооруженные, жестоткие сепаратисты*).

Событие, которое российские политики называют «присоединением Крыма», Саманта Пауэр считает «*Russia's purported annexation*» (намеренной российской аннексией) и «*Russia's unlawful intervention in Crimea*» (*российским незаконным вторжением в Крым*) [Remarks by Ambassador Samantha Power].

Представитель госдепа США Мари Харф прокомментировала действия П. Порошенко о возобновлении огня на юго-востоке Украины так: «*He has a right to defend his country*» («Он имеет право защищать свою страну»). По её мнению, «*украинцы показывают удивительную сдержанность в своих действиях на востоке*» («...*the Ukrainians are showing admirable restraint in their actions in the east*») [Daily Press Briefing of Marie Harf].

Все подобные заявления американских представителей власти, использующих эвфемизмы и дисфемизмы, можно расценить как приукрашивание отрицательных фактов в одних случаях и намеренное «очернение» политически невыгодных событий.

Американские политики используют **тактику обвинения**, а также ложного обвинения, не основанного на фактах или каких-либо доказательствах. В этом случае можно говорить о пропаганде, которая используется как «инструмент управления психологией» масс. Д. О. Рогозин выделяет три вида пропаганды: белую (источник достоверно известен), серую (источник известен недостоверно или неизвестен) и черную пропаганду (источник заменен иным) [Рогозин].

По нашему мнению, в большинстве случаев со стороны западных политиков исходит «серая» или «чёрная» пропаганда, которая звучит как откровенная ложь, неподкреплённая какими-либо доказательствами. Так, например, Секретарь США Дж. Керри на своей встрече с министром иностранных дел С. Лавровым заявил, что *«the United States still considers the Russian actions to be illegal and illegitimate»* [Press Availability John Kerry]. Представитель Госдепа С. Пауэр обвинила Россию в *«обширной поддержке насилия и террора сепаратистов. Это включает жестокий захват и оккупацию общественных и правительственных зданий; неспровоцированные и смертельные атаки украинских представителей безопасности; необоснованные аресты, пытки, драки, смертельные угрозы, похищения, убийства, и другие серьезные нападения, проводимые российскими военными и про-российскими сепаратистами»* [Remarks by Ambassador Samantha Power]. С. Пауэр с иронией заявила, что русские *«falsely have cast themselves as the defender of rights and vindicator of the vulnerable; and the Russian army and its operatives as a humanitarian aid agency. But this Russian “aid” operation sends soldiers, not doctors; it mans armored personnel carriers, not relief tents; it provides surface-to-air missiles, not meals-ready-to-eat»* [там же].

Политики США используют тактику дезинформации против России для того, чтобы манипулировать общественным сознанием населения различных стран. С. Пауэр обвиняет Россию в *«разжигательной пропаганде» («inflammatory propaganda»)* в то время как американское правительство ведет пропаганду русофобии, навязывание «демократических» режимов и свержение существующих в разных странах.

В информационной войне США использует тактику дискредитации политического руководства, в частности президента РФ. В интервью Помощника Секретаря В. Нуланд прозвучало обвинение в адрес В. Путина в том, что он *«the main culprit in all this, particularly in the destabilization of eastern Ukraine, the snatching up of Crimea»* [Interview of Victoria Nuland].

США применяет **тактику угрозы** «наказанием», чтобы устранить Россию как главного политического и экономического конкурента в отношениях с Европой. По словам С. Пауэр, *«должны также последовать наказания за постоянные нарушения Россией фундаментальных принципов Соглашения Объединенных Наций и за ее продолжающуюся неспособность соблюдать обязательства, которые она приняла. Должны быть наказания за широко распространенные преступления и нападения, совершенные вооруженными сепаратистами, которых поддерживает Россия» («There also must be continued consequences for Russia’s consistent violations of the fundamental principles of the UN Charter and for its ongoing failure to meet the commitments it has made. And there must be consequences for the widespread crimes and abuses committed by the armed separatists Russia supports»* [Remarks by Ambassador Samantha Power]. В этом же докладе С. Пауэр заявляет: *«Если она (о России) будет настаивать на тех же тактиках эскалации, она должна заплатить дополнительную цену» («But if it persists with the same escalatory tactics – it must face additional costs»)*. По словам С. Пауэр, *«если Россия не почувствует давление провести де-эскалацию, она будет продолжать выбирать эскалацию кризиса» («unless Russia feels effective pressure to de-escalate, it will continue to choose to escalate this crisis»)* [Remarks by Ambassador Samantha Power].

Нередки случаи, когда представители политической власти Америки используют тактику угрозы против России. Так, в ходе очередного брифинга, комментируя беседу

Дж. Керри и П. Порошено, Мари Харф сказала: «*We are continually preparing more costs for Russia if it does not take further steps*» [Daily Press Briefing of Marie Harf].

Американскими представителями власти в некоторых случаях применяется **тактика ухода от ответа**. Отдельные представители Госдепа США избегают давать ответы на провокационные вопросы журналистов на брифинге. Например:

QUESTION: What's your response to President Putin's comments today? He said Russia is involved in a historic effort to defend itself. He compared Ukraine to Iraq, Syria, and Libya.

MS. HARF: I don't know what to do with that second part – comparing it to Iraq, Syria, and Libya – so I'm probably not even going to touch it [<http://www.state.gov/media/>].

Обвиняя Россию в военной интервенции, поддержке «террористов» и насилии над гражданским населением, американские представители власти используют **тактику восхваления** своей политики. Секретарь США Дж. Керри заявил: «*President Obama and the United States believe firmly that diplomacy has a critical role to play in helping the people of Ukraine to achieve their goal of living in dignity and in a stable, peaceful, and unified democracy*» [Press Availability John Kerry].

Политики Америки восхваляют свои действия как направленные на деэскалацию конфликта и поддержание мирного плана о прекращении огня: «*we're so supportive of the ceasefire effort*» [Daily Press Briefing of Marie Harf].

В ответ на обвинения и угрозы запада российские политики прибегают к **тактикам защиты**. В ответ на обвинения со стороны американского правительства в том, что Россия якобы размещает свои войска на границе с Украиной, С.В. Лавров заявил, что «*Президент России настойчиво и неоднократно ставил вопрос о возвращении ситуации под контроль и обеспечении транспарентности - чтобы все могли убедиться, что через эти пункты пропуска не проходят вооруженные люди, боевая техника, другие запрещенные грузы*» [<http://www.mid.ru>].

В случаях ложного обвинения России в каких-либо преступлениях С.В. Лавров считает, что «*возникающая неловкость должна быть обязательно на кого-то «свалена», чтобы отвлечь внимание*» [<http://www.mid.ru>].

Российские политики осторожно стараются называть тех, кто открыто обвиняет Россию в преступлениях. Так, например, С.В. Лавров называет американских политиков, как «*другие крупные внешние игроки*», и осторожно предполагает о причастности американских политиков к кризису на Украине: «*Есть еще партнеры за океаном – наши американские коллеги – которые, судя по многочисленным свидетельствам, все-таки предпочитают подталкивать украинское руководство по конфронтационному пути*» [<http://www.mid.ru>]. Выступая в Совбезе ООН, В. Чуркин также избежал упоминания конкретных политических сил, сказав, что «*некоторые наши партнёры взяли курс на поддержку антиправительственных выступлений*».

Представители России пытаются призывать к необходимости «*деэскалации ситуации*», «*вести конструктивный диалог*», «*по-человечески относиться ко всем участникам конфликта*», и др. [<http://www.mid.ru>]. Российские политики привлекают внимание международных организаций – Совета Европы, ОБСЕ, ООН, к проблеме безопасности, требуя от них воздействовать на украинские власти. В частности, В. Чуркин заявил: «*Западные спонсоры майданищиков, особенно те, кто засвидетельствовал упомянутое Соглашение, а также стоящие за ними США, обязаны обуздать вышедших из-под контроля подопечных*» [Выступления Постпреда РФ В. Чуркина в Совбезе ООН]. Постпред РФ В. Чуркин в своих выступлениях в Совбезе ООН активно призывает западных политиков к прекращению обвинений и оскорблений в адрес России: «*Хватит распространять небылицы о том, что мы скопили армады военных на границе с этой страной, готовых вот-вот за несколько часов дойти чуть ли не до Ламанша, что мы послали полчища агентов, координирующих действия протестующих жителей Украины*» [Выступления Постпреда РФ В. Чуркина в Совбезе ООН]. В ситуации информационной конфронтации Россия пытается доказать всему миру свою невиновность, а это оказывается очень тяжело в условиях обвинения и давления со стороны за-

падных политиков. На этом фоне тактические защитные ходы России выглядят как оправдания на «нападения». Но, как в любой войне, нападение с одной стороны должны сменяться защитой с другой. В данном конфликте Россия вынуждена постоянно защищаться, что ставит её в более слабую позицию. Но даже в таком положении российские политики не прибегают к ответным тактикам нападения (угрозы или обвинения).

Конечной целью информационного противоборства России и Америки является расширение сфер влияния в мире: со стороны Америки – это агрессивное навязывание своей политики для подчинения целых стран своей воле, в то время как для России это влияние заключается в расширении сотрудничества между странами в различных сферах общественно-политической и экономической жизни. Но пока ещё рано говорить о победе какой-либо из сторон конфликта.

ИСТОЧНИКИ

1. Выступления Постпреда РФ В. Чуркина в Совбезе ООН. URL: <http://www.youtube.com/watch> (дата обращения: 14.07.2014).

2. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Италии Ф. Могерини, Москва, 9 июля 2014 года. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 11.07.2014).

3. Заявление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам четырехстороннего телефонного разговора Президента России, Канцлера ФРГ, президентов Франции и Украины, Москва, 30 июня 2014 года. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 11.07.2014).

4. Зубкова, А. Тактика ведения информационных войн. URL: <http://www.advlab.ru/articles/article551.htm> (дата обращения: 10.07.2014).

5. Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова программе «Вести в субботу с Сергеем Брилевым», Москва, 28 июня 2014 года. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 11.07.2014).

6. Информационная война / Политический словарь. URL: <http://enc-dic.com/politic/Informacionnaja-Vojna-2322.html> (дата обращения: 10.07.2014).

7. Рогозин, Д.О. Война и мир в терминах и определениях. Военно-политический словарь. URL: <http://www.voina-i-mir.ru>article/106> (дата обращения: 10.07.2014).

8. Daily Press Briefing of Marie Harf, Deputy Spokesperson, Washington, DC, July 1, 2014/ URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb> (дата обращения: 17.07.2014).

9. Daily Press Briefing of Jen Psaki, Spokesperson, Washington, DC, July 8, 2014. URL: <http://www.state.gov/secretary/> (дата обращения: 18.07.2014).

10. Interview of Victoria Nuland, Assistant Secretary, Bureau of European and Eurasian Affairs, Washington, DC, May 27, 2014. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb> (дата обращения: 18.07.2014).

11. Press Availability John Kerry, Secretary of State, Chief of Mission Residence, Paris, France, March 30, 2014. URL: <http://www.state.gov/secretary/> (дата обращения: 18.07.2014).

12. Remarks by Ambassador Samantha Power, U.S. Permanent Representative to the United Nations, at a Security Council Meeting on the Situation in Ukraine, New York, June 24, 2014. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb> (дата обращения: 18.07.2014).

ПЛОТНИКОВА А. М.

Екатеринбург

ПРОПАГАНДА:

КОЛЛИЗИИ ЮРИДИЧЕСКОГО И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ¹

Аннотация: В статье рассматривается несовпадение терминологического и общеязыкового значения слова «пропаганда» и связанные с этим фактом трудности, возникающие в лингвистической экспертизе текста. В лингвистическом смысле пропаганда связана с коммуникативной целью «убеждение», которое реализуется при помощи различных языковых приёмов. В юридическом смысле (например, в делах о пропаганде гомосексуализма) отражено более узкое понимание пропаганды, ограничивающееся определенными и сформулированными в законе способами информирования адресата.

Ключевые слова: пропаганда, лингвистическая экспертиза, коммуникативная цель.

PLOTNIKOVA A. M.

Ekaterinburg

PROPAGANDA: COLLISIONS OF LEGAL AND LINGUISTIC INTERPRETATION

Abstract: The article considers the discrepancies of the terminological and linguistic meanings of the word *propaganda* as well as the interpretation-related difficulties which arise in linguistic expertise of the text. According to the linguistic definition, propaganda is connected with the communicative aim ‘persuasion’, which is achieved by various means of linguistic manipulation. The legal definition of the word *propaganda* (e.g. *the case of homosexual propaganda*) reflects a narrower scope of meaning restricted to the ways of informing the recipient which are found in the law.

Keywords: propaganda, forensic linguistics, linguistic expertise of the text, communicative aim.

Понятие «пропаганда» используется в ряде статей закона, согласно которым запрещены пропаганда наркотических средств и психотропных веществ (195-ФЗ), пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии (162-ФЗ); пропаганда идей терроризма (35-ФЗ); пропаганда религиозного превосходства (125-ФЗ) и оскорбление религиозных убеждений и чувств граждан (136-ФЗ), пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики (N 112-ФЗ), пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних (135-ФЗ).

Юридическое понимание пропаганды не вполне тождественно языковому значению, зафиксированному в толковых словарях русского языка. Это несовпадение терминологического и общеязыкового значения отмечает И. Б. Левонтина, рассматривая в качестве примера закон о пропаганде наркотических средств: законодатель понимает пропаганду только как распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения средств, в то время как языковое значение пропаганды оказывается более широким [Левонтина 2005].

Согласно данным толкового словаря, «пропаганда» реализует следующее значение:

Пропаганда. 1. Распространение и углубленное разъяснение каких-л. идей, учения, знаний среди широких масс населения или круга специалистов. *Научная, научно-техническая пропаганда.* 2. Политическое или идеологическое воздействие на широкие массы; органы и средства такого воздействия. *Коммунистическая п. Буржуазная п.* [БТС].

Словарное толкование отражает два вида пропаганды: просветительскую, предполагающую распространение каких-либо учений и идеологическую, политическую, которая мо-

¹ Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013-2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

жет иметь общественно значимые функции либо быть манипулятивной по своей сути и принципам. В любом случае пропаганда предполагает некоторое воздействие (убеждение, внушение) на аудиторию с целью изменения её взглядов в нужном, желательном направлении. Пропаганда осуществляется с помощью самых разных по коммуникативным целям высказываний и приемов. Согласно изложенным в [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2011, 2014] позициям, при пропаганде у автора всегда есть установка на убеждение. Высказывания с коммуникативной установкой «убедить» выделяются в особый речевой акт и оказывают на адресата особый тип ментального воздействия. Целью пропаганды, как указывают авторы методики, является именно убеждение, а последнее можно рассматривать как особый тип побудительной коммуникативной цели. Убеждение далеко не всегда осуществляется в виде прямого побуждения, то есть обращения к адресату с тем, чтобы он признал правоту автора (*Люди! Пора задуматься!!!, Согласитесь с тем что..., Вы должны признать*, и др.). Чаще обнаруживаются не прямые формы убеждения, которые следует выявить в процессе лингвистического исследования текста [Кукушкина, Сафонова. Секераж, 2014, 52-54].

Такие не прямые формы убеждения используются даже в пропагандистских и агитационных жанрах, где отсутствует прямое побуждение к изменению мнения либо побуждение к действиям. Например, в плакате, содержащем текст *«Любишь родины гордиться – полюби лежать в земле»* использован прием трансформации прецедентной пословичной модели (*«Любишь кататься – люби и саночки возить»*), в которой между частями бессоюзного предложения выражены отношения условия, осложненные причинным значением, и следствия. В тексте отсутствует аргументация этой связи, однако автор информирует читателя о том, какими опасными последствиями грозит любовь к родине.

Убеждающим воздействием обладает и другое высказывание, основанное на имитативном принципе: *«Шахидом можешь ты не быть, но экстремистом быть обязан»*. Сопоставление с известной строчкой некрасовского стихотворения *«Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»* направлено на убеждение читателя в том, что экстремизм оценивается говорящим как проявление гражданской позиции. Именно использование прецедентного знака становится маркером убеждающей, а не просто информирующей функции данного высказывания. Следует отметить, что приведенные примеры относятся к жанру политического плаката, то есть жанра, по своей сути пропагандистского. Как указывает Т.С. Магера, *«отношения между политическим плакатом и действительностью являются важнейшим условием «жизни» политического плаката. Политический плакат стремится изменить действительность. Это стремление заложено внутри самой структуры плаката. Отношения политического плаката как текста и действительности представляет собой отношения между текстовыми мирами говорящего, слушающего и ситуацией»* [Магера 2005].

Разграничение информирования и убеждения представляет трудность в тех случаях, когда в качестве материала выступают краткие высказывания. Например, высказывание *«Согласен с Максом, террор должен стать модой в самых широких слоях населения»*, представляющее собой комментарий к размещенному демотиватору, на котором под изображением патронов содержится следующий текст *«Единственный аргумент, который готова слышать власть. Для всего остального есть либеральные митинги»*. В метонимическом употреблении «патроны» выступают как символ оружия и насильственных действий и рассматриваются в качестве того довода, *«который готова слышать власть»*. При этом в тексте содержится указание на то, что такой аргумент является *«единственным»*, и он сопоставляется с другими – *«для всего остального есть либеральные митинги»*. Следовательно, значение текста с учётом его отсылки к визуальному ряду таково: власть может замечать только насилие. Комментатор соглашается с «Максом», то есть выражает одобрение того, что власть готова замечать только насильственные методы, и полагает, что террор должен получить широкое распространение. Значение долженствования (модальность долженствования) с точки зрения теории модальных значений предложения не входит в значение волеизъявления, предполагающее волевою направленность субъекта к совершению действия» и выражаемое при помощи глаголов *хотеть, желать, решиться, намереваться* и т.д. Волеизъявление тре-

бует обязательного наличия субъекта волеизъявления. В рассматриваемом нами контексте речь идет о необходимости, обязательности определенного положения дел в будущем, говорящий уверен в том, что описываемое им положение дел будет иметь место, при этом он не сообщает о том, что читатель обязан приложить какие-то усилия к осуществлению действий. Следовательно, при отсутствии побуждения к аудитории в данном тексте выражена позитивная оценка насильственных действий и содержится оправдание идеологии насилия и разрушительных действий, совершаемых в целях оказания воздействия на органы власти, и, следовательно, убеждение аудитории в правильности таких действий.

Установление признаков пропаганды исключительности и неполноценности, важное для квалификации «экстремистских» действий, представляет сложность в тех случаях, когда в текстах отсутствует противопоставление групп лиц и автор обнаруживает гиперидентичное отношение лишь к своей группе. Например, один из авторов газеты «Русская правда», утверждая особую историческую миссию русских, пишет, что русские представляют собой особый генотип, который исторически населял Центральную, Южную Россию, Урал, Сибирь и другие территории: «*Если так можно выразиться, мы тут живем от сотворения мира*», «*Русские – один из самых чистокровных народов в Евразии*», «*Кровь наша огромной святостью обладает. Имеет свойство восстанавливаться, даже при двух-трех разах кровосмешения, удерживать свой потенциал Света*»). Пропаганда исключительности той или иной религии, а не людей, её исповедующих, встречается в религиозном дискурсе разных конфессий, посвященном превосходству той или иной веры над неверием либо другими религиозными учениями (например, в исламском символе веры «Свидетельствую, что нет иного Бога, кроме Аллаха...»). Однако для правильной квалификации высказываний, содержащих лингвистические признаки убеждения в исключительности либо неполноценности, необходимо, чтобы предметом речи выступали не религиозные концепции, а группы лиц по их религиозной принадлежности.

Пропаганда неполноценности групп лиц осуществляется при помощи приёма сверхобобщения, при котором стереотипные признаки переносятся на всю группу в целом. Например, в листовке «*В наш район будут переселены цыгане. А это значит пропаша наших детей, кража квартир и другого имущества, угон автомашин, продажа наркотиков. Будут проявлять свои способности гипноза*» негативные характеристики отдельных цыган возводятся в ранг постоянно присущих им свойств поведения, угрожающих спокойствию жителей того района, в котором они будут жить. По Т. Ван Дейку, это схема расистской репрезентации «мы – они», в которой «они несут угрозу» [ван Дейк, 2013]. Усиливают убеждающий потенциал сказанного ссылки на авторитетные источники информации, какие-то якобы научные данные, например, в одной из книг, обозначенных автором как учебное пособие, говорится со ссылкой на Ч. Ломброзо то, что представители одной из национальностей склонны к помешательству в уме, легко внушаемы. С целью убеждения в правильности той или иной точки зрения авторы могут использовать, помимо рациональных, эмоциональную аргументацию, например, автор апеллирует к вечным ценностям, ссылаясь на то, что адресат должен выполнять волю Аллаха, а участники джихада попадут в рай: «*В раю нам почесть воздадут*», «*шахид небесною тропой придет к обители Аллаха*».

Если в так называемых «экстремистских» статьях пропаганда предполагает реализацию коммуникативной цели убеждения в исключительности и неполноценности групп лиц либо убеждения в необходимости насильственных действий, следовательно, юридическому пониманию пропаганды можно найти лингвистические соответствия в высказываниях убеждающего типа, то в других категориях дел, по которым проводится лингвистическая экспертиза, понятие «пропаганды» оказывается более размытым.

К таким категориям, в первую очередь, следует отнести пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений, которая, например, в ст. 6.21 КоАП определяется следующим образом: «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, развившаяся в распространении информации, направленной на формирование у несовершеннолетних нетрадиционных сексуальных установок, привлекательности нетрадиционных сек-

суальных отношений, искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений, либо навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях, вызывающей интерес к таким отношениям, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, – влечет наложение административного штрафа...». При расширительном понимании пропаганды под данную статью подводится и открытое признание человеком своей гомосексуальной ориентации, и распространение современных научных данных о гомосексуальности, включая учебные пособия по половому просвещению подростков, и отнесение гомосексуализма к нормальным явлениям, и демонстрирование символики ЛГБТ-движения. Несмотря на некоторую юридическую и лингвистическую неопределенность словосочетания «пропаганда гомосексуализма», в январе 2015 году суд Нижнего Тагила признал наличие пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних в интернет-сообщество «Дети-404».

Группа в социальной сети обозначена как «общественный проект», а её основное название «Дети-404» образовано при помощи нумерализации, то есть такого средства создания искусственной номинации, при котором к слову естественного языка присоединяется числительное, носящее прецедентный характер. В данном случае это числительное «404» отсылающее к ситуации компьютерного поиска, при котором сервер выдаёт ошибку и надпись «Not Found» (не найдено). Такого рода цифровое обозначение, присоединённое к слову «дети», образует символическое обозначение – «дети, которых как будто бы нет в обществе». Автор тем самым стремится привлечь внимание читателей к существующей общественной проблеме – отношению общества к людям нетрадиционной сексуальной ориентации. Тексты включают анонимную переписку подростков и комментарии и ответы психологов и участников сообщества. В этих ответах содержится лишь обоснование того, что нетрадиционная сексуальная ориентация не есть свидетельство извращения, это тот вариант нормы, которую окружающие могут принять. Во всех комментариях психолога содержится лишь приёмы убеждения в необходимости толерантного отношения к людям, которые физиологически и психически отличаются чем-либо от других. В текстах содержатся также обращения к родителям (например, «Примите и поддержите своего сына или свою дочь. От того, что ваш ребенок гей или лесбиянка, он не стал чужим, он остался таким же, как и был. И ему как никому другому нужна ваша поддержка»), направленные на то, чтобы взрослые поддерживали подростков, ощущающих себя чужими в гетеросексуальном обществе.

Ещё более сложным материалом для установления признаков пропаганды являются художественные тексты, в которых коммуникативная установка автора не декларируется прямо. Например, перед лингвистом-экспертом, анализирующим книгу переведенных на русский язык японских комиксов с названием «Тетради смерти», был поставлен вопрос о пропаганде суицида. Главный герой книги Лайт вершит правосудие с помощью тетради смерти, которую подбросил на землю бог смерти. В текстах комиксов рассматривается проблема возможности применения насилия ради достижения справедливости, ставится вопрос о том, можно ли убивать одних людей, чтобы жизнь других стала лучше, оправдывает ли благородная цель убийства, однако однозначные ответы на эти вопросы в книге не даны.

В высказываниях и текстах с речевой целью «убеждение», по мнению О.В. Кукушкиной и Ю.А. Сафоновой, обязательно должны присутствовать три семантических компонента:

- (1) изложение мнения автора (*как нужно думать; как относиться к предмету речи; что нужно с ним делать*);
- (2) указание на заинтересованность адресата, на то, что это нужно ему, в его интересах (*это нужно вам*). Чаще всего автор включает в число тех, кому нужно, и себя (*нам нужно*);
- (3) выражение заинтересованности автора в том, чтобы адресат принял высказанную им точку зрения (*я хочу, чтобы ты принял это во внимание, сделал так, как я говорю и т.п.*). Выраженность третьего компонента («Я хочу») очень важна. Именно этот компонент «личная заинтересованность автора» отличает убеждение от простого изложения мнения о том, что нужно делать адресату [Кукушкина, Сафонова, Секераж 2011].

В отличие от лингвистического понимания, связывающую пропаганду с убеждением и побуждением к изменению мнения, юридический смысл пропаганды в некоторых категориях дел (например, делах о пропаганде гомосексуализма) предполагает лишь информирование о допустимости определенного положения дел. В этом смысле понимание пропаганды гомосексуализма сближается с пропагандой наркотиков, так как в обоих случаях законодатель определяет пропаганду как «распространение» («распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения средств наркотических средств» и «распространение информации», «навязывание информации о нетрадиционных сексуальных отношениях»). Такой закон по сути делает социально и юридически приемлемой гомофобию как некую идеологическую установку. Юридическое понимание пропаганды и публичного демонстрирования нацистской атрибутики или символики также не предполагает такого воздействия на адресата, которое должно изменить его мнение. Хотя Роскомнадзор указал на то, что наказанию подлежит только использование нацистской символики для популяризации идей нацизма, теории расового превосходства, оправдания военных действий фашистов, однако употребление слов «пропаганда» и «демонстрирование» в сочинительном ряду позволяет правоприменителю понимать «пропаганду» в значении информирования. Такого рода коллизии между языковым и юридическим толкованием пропаганды могут стать причиной негативных прецедентов.

ЛИТЕРАТУРА

БТС – Большой толковый словарь русского языка /Под ред. С. А. Кузнецова. СПб, 2000.

ван Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. – М.: URSS, 2013.

Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011.

Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. – М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.

Левонтина И. Буква и закон. Судебная лингвистическая экспертиза //Отечественные записки, 2005. № 2.

Магера Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование. Автореф. дисс. ...канд. филол. н. – Барнаул, 2005.

САДУОВ Р. Т.

Уфа

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ

В ВЫСТУПЛЕНИЯХ ПОСТОЯННЫХ ЧЛЕНОВ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ООН

Аннотация. Автор данной статьи исходит из посылки, что выступления постоянных членов Совета Безопасности ООН в год ее 70-ей годовщины, в силу исключительности данного события, способны предопределить международную повестку дня. На основании анализа выступлений политических лидеров выделяются ключевые для Совбеза ООН темы повестки дня и то, каким образом они раскрываются в речах. Выступления Б. Обамы и В.В. Путина подвергаются сравнительному анализу.

Ключевые слова: ООН, повестка дня, Путин, Обама, Совет безопасности, дискурс-анализ, политическая коммуникация

SADUOV R. T.

Ufa

INTERNATIONAL AGENDA SET

BY THE UN SECURITY COUNCIL PERMANENT MEMBERS

Abstract. This research is based on the assumption that the exclusive nature of the 70th UN anniversary puts the statements of the UN Security Council Permanent Members into the international agenda. The author codes the said statements and reveals key Security Council topics. Obama and Putin's statements are also compared.

Key words: UN, agenda setting, Putin, Obama, Security Council, discourse analysis, political communication

Введение

70-я годовщина ООН

Семьдесят лет назад была основана крупнейшая международная организация – Организация объединенных наций. По этому случаю в этом году в период между 28 сентября и 3 октября лидеры стран имели возможность выступить с высокой трибуны ООН. Безусловно, такое событие не могло не привлечь всеобщее внимание общественности и СМИ по всему миру. Телерадиовещательные компании обеспечили прямое включение из зала Генеральной ассамблеи ООН, чтобы их зрительская аудитория имела возможность слушать выступления мировых лидеров. По следам события было написано большое количество статей и заметок как в России, так и за рубежом. Без сомнения, юбилей ООН стал одним из важнейших событий мировой политики уходящего года.

Установление повестки дня

Предпосылки теории установления повестки дня можно найти в классических трудах Гарольда Лассуэлла. Тем не менее, свое окончательное выражение теория получила в работах Максвелла МакКоумба и Дональда Шоу. Процесс установления повестки дня – это «непрерывное соревнование между теми, кто старается привлечь внимание СМИ, общественности и политических элит» (*здесь и далее перевод наш – Р.Т.*) [Dearing, Rogers 1996: 2]. Согласно авторам теории, процесс установления повестки дня приводит к тому, что определенный набор тем становится предметом обсуждения общественности, СМИ и политической элиты. Каждая из этих трех сил способна стать источником установления повестки дня и повлиять на две другие. При этом к факторам, которые имеют ключевое влияние на определение повестки дня, причисляют также исключительность самого события, которое в силу своей природы привлекает внимание всех трех сил.

Установление повестки дня протекает параллельно с другим процессом, получившим название фрейминга. Последний определяется как «выбор нескольких аспектов реальной действительности и выделение их характерных черт в коммуникативном тексте таким образом, чтобы дать определение, причинную интерпретацию, моральную оценку проблемы и/или рекомендации к ее решению» [Entman 1993: 52]. Процесс фрейминга, таким образом, позволяет нам готовить о наличии двух уровней установления повестки дня. На первом уровне происходит выделение определенного объекта действительности и его «передача в эфир», в то время как на втором уровне передаются отдельные характеристики объекта. Понятно, что набор этих характеристик будет зависеть от того, кто конструирует повестку дня. Следовательно, тот, кто определяет повестку дня, определяет не только то, о чем будет думать общественность, но и транслирует свое мнение о том, как общественность должна думать об основных темах повестки дня.

Цель исследования

Настоящее исследование исходит из посылки, что 70-я годовщина ООН – это выдающееся политическое событие, способное привлечь всеобщее внимание СМИ и общественности. Природа данного события позволяет ему внести значительный вклад в формирование повестки дня в мировом масштабе и повлиять на повестку дня в странах, чьи лидеры имели возможность выступить в ООН. Более того, представляется возможным на основании выступлений политиков с трибуны ООН определить международную повестку дня – наиболее важные вопросы мировой политики на сегодняшний день.

Таким образом, цель настоящего исследования состоит в определении международной повестки дня в выступлениях политических лидеров стран постоянных членов Совета

безопасности ООН. В качестве дополнительной цели выступает намерение проанализировать второй уровень повестки дня.

Процедура анализа

Для целей анализа были отобраны пять речей лидеров стран постоянных членов Совета безопасности ООН (Россия, США, Великобритания, Франция и Китай). Будучи ведущими мировыми державами, обладающими правом вето в рамках Совбеза ООН, именно они во многом определяют текущую повестку дня. Кроме того, в этих странах проживает значительная часть населения мира, что также является важным фактором. Всего было проанализировано пять речей суммарным объемом 13 503 слова.

Речи были проанализированы дважды методом сплошной выборки. Были выделены темы, которым политики уделили внимание в выступлении, после чего было подсчитано, каким темам было уделено наибольшее внимание. По результатам анализа была составлена таблица основных тем, поднимавшихся в выступлениях политических деятелей. Выделенные темы, как представляется, образуют международную повестку дня на сегодняшний день.

Особый интерес представляют выступления лидеров США и России. Их сравнительной характеристике посвящен отдельный раздел. Также анализу подвергается второй уровень повестки дня, выявленной на предыдущих этапах исследования.

Результаты

Международная повестка дня

В результате анализа выступлений лидеров стран постоянных членов Совбеза ООН было выделено несколько основных тем, на которых останавливались все или большинство политиков. Приведенная ниже таблица перечисляет указанные темы и лидеров стран, которые останавливались на них. Помимо этого, в таблицу внесены данные о том, сколько процентов от общего объема речи политика приходится на каждую тему. Так, например, Президент РФ Владимир Владимирович Путин уделил теме Сирии/ИГИЛ/Сирийского правительства почти 30% своей речи, в то время как Председатель КНР не упомянул эту тему вообще. Представляется, что именно перечисленные темы являются основой международной повестки дня на сегодняшний день. Темы указаны в порядке убывания их значимости. Ниже таблицы приведены темы, которые не вошли в список ключевых для международной повестки дня, но так или иначе были значимыми в речах отдельных лидеров:

Таблица 1. Международная повестка дня (в порядке убывания)

Наименование темы	Б. Обама (США)	В.В. Путин (Россия)	Си Цзиньпин (КНР)	Ф. Олланд (Франция)	Ф. Хэммонд (Великобр.)	Средневзвеш.
Сирия/ИГИЛ/Прав-во Сирии	9,1	29,5	-	21	9	17,15
Экология	2,1	7,6	6,9	41,6	9,1	8,49
Беженцы	6,5	5,5	-	20	9,6	8,48
Россия/Украина	6,3	5,7	-	-	4	6
Торговля/экономика	1,2	6,6	-	-	-	4
Ливия/Ирак	2,9	2,7	-	-	-	2,8

Таким образом, самыми актуальными в порядке убывания оказались следующие тематики: Сирия/ИГИЛ/Правительство Сирии, Экология, Беженцы, Россия/Украина, Торговля/экономика, Ливия/Ирак. Следует обратить внимание, что при вычислении значимости каждой темы применялось средневзвешенное значение, а не среднеарифметическое, поскольку для некоторых политиков отдельные темы были ключевыми, в то время как эти же темы были менее значимыми для других членов Совбеза ООН (например, проблемы экологии в речи французского лидера).

Кроме того, для отдельных лидеров важными были вопросы безопасности, партнерского равноправия и развития (Китай), демократии (США), приверженности принципам ООН (Великобритания).

Уточним, что каждый из лидеров начинал и/или заканчивал свое выступление со слов благодарности и поддержки ООН. Тем не менее, мы не считали данные темы первостепенными, поскольку очевидно, что они были включены в речь в силу природы самого события.

Второй уровень повестки дня

Повестка дня предопределяет не только то, что должно обсуждаться СМИ и общественностью, но и то, как данные тематики необходимо обсуждать. Другими словами, политик, затрагивая определенную тему, передает собственное отношение к ней. Если сравнить то, каким образом политические лидеры раскрывают основные темы свои выступлений, то можно обнаружить разногласия в оценках. Ниже будут перечислены тематики и соответствующие оценки политиков по ним.

- Сирия/ИГИЛ/Правительство Сирии. По данной тематике каждый из политиков (кроме Председателя КНР) выразил собственную оценку. Все политики высказались негативно по поводу ИГИЛ и согласились по поводу того, что Сирия должна получить международную помощь. Тем не менее, все кроме В.В. Путина резко осудили официальное правительство Сирии. Президент РФ, в свою очередь, выразил мнение, что реальная борьба с ИГИЛ возможна только при сотрудничестве с легитимным правительством Сирии.

- Беженцы. Тема беженцев была также затронута всеми политиками кроме Председателя КНР. Здесь политики были относительно единодушны, высказывая мнение о том, что беженцы, безусловно, нуждаются в помощи и защите.

- Россия/Украина. По вопросу России и Украины высказались только три политика: президенты США и России, а также министр иностранных дел Великобритании. Позиция Великобритании и США была резко отрицательной по отношению к роли России в данном конфликте, в то время как глава России подчеркнул необходимость соблюдения мирных Минских соглашений, чтобы остановить кровопролитие.

- По вопросу о Ливии и Ираке были высказаны только две точки зрения: Президент России выразил осуждение по отношению к действиям некоторых из его коллег в этом регионе, в то время как Президент США подчеркнул положительную роль, которую сыграла его страна в решении проблем в Ливии.

- Вопросы торговли и экономики также были интересны только двум странам – США и России. Для США это, прежде всего, вопросы торговых отношений и санкций как эффективного инструмента воздействия на Иран и Россию, а то время как для России это проблемы односторонних санкций как политического инструмента и способа устранения конкурентов.

- По вопросу о климатических изменениях высказались все политики. Позиция Франции, тем не менее, представляется наиболее полной, последовательной и эмоциональной. Французский лидер посвятил этому вопросу 41,6% своей речи.

Очевидно, таким образом, что, несмотря на довольно единообразную повестку, политики по-разному оценивают происходящее и часто дают трактовку, кардинально отличающуюся от мнения коллег.

Сравнительный анализ выступлений Б. Обамы и В.В. Путина

Из Таблицы 1 очевидно, что повестки дня, формируемые президентами США и России, во многом совпадают (по крайней мере, на первом уровне). Сравнительный анализ показывает, что 75,2% речи В.В. Путина и 28,1% речи Б. Обамы посвящены одним и тем же вопросам. При этом, как видно из предыдущего раздела, политики выразили сходное мнение только по вопросам экологии и беженцев. Из этого можно сделать вывод, что президенты США и России являются наиболее явно выраженными полярностями в вопросах трактовки основных тем международной повестки дня.

Выводы

Данное исследование было направлено на выявление повестки дня, которую устанавливают ведущие мировые лидеры в рамках своих выступлений по случаю 70-ей годовщины ООН. Представляется, что данный анализ позволяет понять, какова международная повестка дня на данный момент. При этом, без сомнения, требуется продолжение исследования. В первую очередь, можно было бы распространить данный анализ на большее число выступлений лидеров стран-членов ООН и выявить наиболее актуальную повестку для каждого региона. Во-вторых, представляется интересным проследить зависимость повестки СМИ от

повестки, устанавливаемой политиками. Наконец, интересно было бы проследить, каким образом трактовка (второй уровень) основных тем международной повестки дня отражается в текстах СМИ.

ЛИТЕРАТУРА

Dearing, J., Rogers, E. Agenda-Setting. Communication Concepts 6. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc, 1996. – 131 p.

Entman, R. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. – Vol. 43. – No. 3, 1993. – P. 51-58.

МАТЕРИАЛЫ

General Debate of the 70th Session // General Assembly of the United Nations // <http://gadebate.un.org>.

СЕГАЛ Н. А.

Симферополь

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА В ТЕКСТАХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СМИ

Аннотация: Статья посвящена исследованию метафорического образа автомобильного транспорта в текстах русскоязычных политических СМИ. Охарактеризованы лексические и фразеологические единицы, эксплицирующие транспортную метафору.

Ключевые слова: политический текст, политический дискурс, политическая коммуникация, метафора.

SEGAL N. A.

Simferopol

THE METAPHORICAL IMAGE OF THE MOTOR TRANSPORT IN THE TEXTS OF THE RUSSIAN POLITICAL MEDIA.

Abstract: The article is devoted to the research of a metaphorical image of the motor transport in the texts of the Russian-speaking political mass media. Lexical and phraseological units that explicate a transport metaphor are characterized.

Keywords: political text, political discourse, political communication, metaphor.

Описание механизмов создания политических текстов, семантики и прагматики текстовых конструкций включает глубокое исследование политической метафорики, которая представляется ценным фрагментом политической картины мира, позволяющим представить политический текст на уровне адресантно-адресатных отношений. В современной лингвистике наблюдается активизация научных исследований, которые опираются на новые теории в сфере семантики текста и функционирования языковых единиц в коммуникативно-прагматическом и лингвокогнитивном аспектах (А. Н. Баранов, Л. Е. Бессонова, Ф. С. Бацевич, Р. Водак, В. З. Демьянков, М. Джонсон, О. П. Ермакова, М. В. Ильин, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Н. А. Купина, А. А. Романов, Т. Г. Скребцова, Л. А. Ставицкая, Т. В. Радзиевская, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, Г. М. Яворская). Значимость систематизации когнитивных механизмов при структурировании метафорических полей политического дискурса определила необходимость описания метафорических значений, актуализирующих в политическом тексте специфику метафорических переносов неполитических значений в пространство политического языка. По мнению В. Г. Костомарова, «весь «арсенал» метафор используется прежде всего для изображения негативных сторон политики, экономики, социальной обстановки в целом для «разоблачения», точнее – образного обругивания политического противника» [Костомаров 1971: 124].

Эмоциональная напряжённость современной политической коммуникации, широкий коннотативный фон и необходимость тонкого воздействия на адресата определяют высокую активность метафоры в политическом дискурсе, её ключевую роль в политических текстах

разных жанров. Так, особенностью метафоры в политическом дискурсе является не её эстетическая функция, а актуализация эвристической и аргументативной функций, поскольку, как замечает И.В. Кобозева, в политической речи метафора выполняет «интерактивную функцию сглаживания наиболее опасных политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом» [Кобозева 2001: 59]. Другой особенностью метафоры в политическом тексте является её сходство с образным сравнением. Среди основных сходств Н. Д. Арутюнова выделяет слияние образа и смысла; контраст с тривиальной таксономией объектов; категориальный сдвиг; актуализацию «случайных связей». При этом исследователь подчёркивает, что сформулированные в одном тексте метафоры в другом тексте могут быть переданы в виде сравнения или перифраза [Арутюнова 1990: 20]. А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич считают, что когнитивная сила метафоры делает её незаменимым инструментом при поиске решений проблемных ситуаций: «Метафорическое мышление в политике является признаком кризисного мышления, мышления в сложной проблемной ситуации, разрешение которой требует значительных усилий от когнитивной системы человека по усвоению новых знаний и переработке их для построения множества вариантов действий и выбора правильной альтернативы» [Баранов, Казакевич 1991: 17].

Обзор научной литературы, посвящённой исследованию политической метафоры, позволяет интерпретировать её как инструмент для осознания, моделирования и оценки политических процессов, средство воздействия на социальное сознание. Бесспорным является факт, что именно метафора способна апеллировать к любой целевой аудитории, прямо или косвенно воздействуя на адресата. Исследователи утверждают, что политическая метафора представляет собой одно из наиболее эффективных средств, обеспечивающих прагматический потенциал политической коммуникации. А. П. Чудинов подчёркивает, что «метафорический характер имеет большинство ключевых слов и фраз, определяющих ту или иную парадигму политического мышления. Опытный политик стремится предстать перед избирателями в роли источника ярких политических метафор, образующих смысловую и эмоциональный фон его социальной концепции» [Чудинов 2013: 123].

«Языковые вкусы» современного общества регламентируют наиболее ценные области метафоризации, актуальные сферы-доноры и сферы-мишени. Как показывает анализ политических текстов, активной сферой-донором метафор для политического дискурса является транспортный дискурс. Подобная активность, безусловно, объясняется значимостью транспорта во всех сферах жизнедеятельности современного человека, высокой скоростью транспорта, коррелирующей с высоким темпом развития общества. Исследователи подчёркивают, что «транспортный дискурс» как сложное коммуникативное явление включает в себя определённый текст транспортной тематики и отражает его зависимость от экстралингвистических обстоятельств [Бородулина, Звягина 2010: 13–15]. Обзор политических текстов показал, что в контекстах наиболее активно реализуются три вида транспорта – железнодорожный (см. Сегал 2015), водный и автомобильный.

Цель данной статьи – определить содержание и структуру метафоры **автомобильный транспорт** через систему средств её вербальной репрезентации в политических текстах.

Тематическая группа «автомобильный транспорт» вербализована в политических текстах не столько номинациями транспортных средств (их количество значительно уступает количеству номинаций железнодорожного и водного транспорта), сколько сопутствующей лексикой (автодорожными артефактами). Такие контексты представлены развёрнутыми метафорами и образными сравнениями. Наиболее типичным для политических текстов является сравнение государства с автомобилем, движение которого затруднено вследствие несогласованности действий его водителей: *В подавляющем большинстве предыдущих лет своей независимости Украина напоминала мощный автомобиль, который не мог тронуться с места, так как слишком много политиков считали себя водителем и по-разному видели направление движения. Сегодня водитель один. И направление движения одно – на политический прагматизм и экономическую модернизацию* (Факты и комментарии, 7.09.2012); **Россия**

– это мощный автомобиль, который пока едет на первой передаче [...]. А «тормозят» его движение вперед – неэффективная и непрозрачная система государственного управления, а также особое положение бизнес-структур с государственным участием (КП, № 164, 3.09.2012).

Устойчивое словосочетание «подушка безопасности» в политическом тексте проходит трехступенчатый процесс метафоризации. В автотранспортной терминологии «подушка безопасности» определяется как «эластичная оболочка, которая наполняется воздухом либо другим газом для смягчения удара в случае столкновения». Семантические компоненты 'смягчение' 'удара' становятся ядерными при переносе данной номинации в сферу экономики и реализуются в контекстах как с позитивной, так и с негативной коннотацией. Так, в экономических текстах под *подушкой безопасности* понимаются **золотовалютные резервы Банка России** (*У экономики Российской Федерации существует «подушка безопасности» в виде золотовалютных резервов, которую необходимо сохранять* (Финансы, 19.08.2012)); **теневая экономика** (*бюджет Украины имеет сегодня серьёзную «подушку безопасности» в виде теневой экономики* (Обозреватель, 10.02.2013)); **нефтяные и газовые резервы** (*нефтяной фонд России может стать большим подспорьем, «подушкой безопасности» государства* (vestifinance.ru, 01.10.2012)); **инвестиции** (*Инвестиции стали для нас подушкой безопасности в условиях новой экономической реальности* (regnum.ru, 10.05.2011)).

В последние годы из сферы экономики конструкция «подушка безопасности» переходит и в политическую сферу, сохраняя при этом интегральные компоненты 'смягчение' 'удара': ...в условиях кризиса, политических обострений, появляется **подушка безопасности** для губернатора (news.ircity.ru, 23.01.2014); UNASUR как **политическая «подушка безопасности»** Южной Америки (ЗН, 23.12.2013); *Определяется следующая повестка дня для России для ответственных власти, бизнеса, общественных и политических движений: готовить «социально-политическую подушку безопасности» для смягчения и встречи общенационального системного кризиса* (nsu.ru, 11.04.2012). Реализуясь в политических контекстах, конструкция «подушка безопасности» сочетается с адъективами «политический» и «социально-политический», что приводит к изменению семантики конструкции.

Для конструктивного решения политических проблем необходима **автомобильная дорога с двусторонним движением**, причём возможности, открываемые этой дорогой, должны быть одинаковыми для всех, независимо от статуса или политических позиций: **Объединительный процесс, который начат Президентом и изложен в Универсале, не только не закончен, а лишь начинается. Это дорога с двусторонним движением, и она остается открытой для всех...** (Корреспондент.net, 17.10.2008); **Зленко подчеркнул, что сотрудничество между Киевом и Брюсселем должно быть дорогой с двусторонним движением** (Д, № 216, 24.11.2010). Значимым является тот факт, что правила дорожного движения должны быть закреплёнными. Несоблюдение правил дорожного движения чревато опасностями и аварийными ситуациями, что ярко выражается в сравнительных оборотах: **Это как на дорогах. Есть страны с правосторонним движением транспорта, и есть – с левосторонним. А у нас получается, что все едут по правой стороне, а представители Секретариата Президента – по левой, и каждый их выезд сопровождается авариями** (М.Чечетов, forua.com/comments, 11.07.2008).

Дорога с односторонним движением оценивается резко негативно, поскольку предполагает не взаимодействие, а однонаправленные отношения, при которых одна из сторон диктует свои установки другой стороне. Семантика однонаправленности, как правило, реализуется через конструкции с отрицательной частицей **не**: **Все вопросы с Россией – это ведь не дорога с односторонним движением** (МН, 18.02.2006); **А. Лукашенко: Сотрудничество Беларуси с НАТО не должно быть дорогой с односторонним движением** (lenta.ru, 19.04.2009); **Интеграция – это не дорога с односторонним движением** (ЗН, 10.09.2012).

Активными для политического текста являются языковые единицы **набирать скорость** и **тормозить**. Отметим, что в политическом тексте «набирать скорость» всегда оценивается положительно, в то время как «тормозить» оценивается отрицательно. Данный

факт, на наш взгляд, связан с тем, что в политическом тексте увеличение скорости автомобиля ассоциируется с оптимизацией политических действий, в то время как торможение автотранспорта определяется замедлением или остановкой в политическом развитии: *Украина набрала скорость на пути в ЕС* (Forbes, 25.08.2013); *Украина набрала оптимальную скорость евроинтеграции* (Д, № 42, 13.03.2012); *Осторожная позиция не дает набрать скорость в реформах* (Сегодня.ua, 27.06.2011); *Украина тормозит упрощение визового режима с ЕС* (Zn.ua, 5.02.2013); *Конституционная нестабильность тормозит Украину* (pravda.com.ua, 12.05.2008).

В политическом тексте актуализируется метафорический образ *шлагбаума*, представленный прежде всего через фрейм «установка шлагбаума». Данный фрейм реализуется слотами «поставить шлагбаум» («опустить шлагбаум»), «открыть шлагбаум» («поднять шлагбаум»), «убрать шлагбаум»). Слот «поставить шлагбаум» включает интегральные компоненты ‘наличие’ ‘дополнительного’ ‘препятствия’: *Когда мы начали выплачивать тысячу гривен вкладчикам [Сбербанка СССР], действующие чиновники поставили нам шлагбаум через запрет постановлений правительства, запрет изменений в закон о госбюджете; Польский шлагбаум перед белорусскими чиновниками уже опущен* (ТСН.ua, 11.09.2011); *Черновецкий опускает шлагбаум...* (КП, № 38, 19.02.2012); *Оппозиция ставит шлагбаум на пути Лукашенко в Прагу* (rus.newsru.ua, 23.04.2009); *Кремль грозит Ющенко шлагбаумом* (НГ, 12.07.2010); *Администрация Тверской области опустила информационный шлагбаум* (eTver.ru, 31.05.2013). Двойственная коннотация возможна при реализации в политическом тексте слота «открыть шлагбаум». Так, с одной стороны, *открытый шлагбаум* даёт возможность проникновения нежелательным перспективам: *Голосование «против всех» или «принципиальное» неучастие в выборах автоматически открывает шлагбаум для прохождения на властный Олимп именно Януковича* (podrobnosti.ua, 3.02.2010). С другой стороны, *ликвидация шлагбаума* рассматривается как устранение препятствия, желательное для обеих сторон: *Сергей Тигипко: Уберём «шлагбаумы» на пути развития экономики* (Сегодня.ua, 6.07.2010); *ЕС вновь открывает шлагбаум Лукашенко* (Obzrevatel.com, 4.01.2011).

Метафорическому образу закрытого шлагбаума противопоставлен метафорический образ *моста*, направленный на возможность проведения диалога, сотрудничество между политическими субъектами: *...если американцы будут не против, Украина наконец станет тем мостом между Востоком и Западом, о котором всегда говорил наш лидер, – отметила Анна Герман* (Коммерсант, 16.03.2010); *по мере того, как новый президент Украины разрабатывает свою внешнюю политику, его план сделать Украину «мостом между Россией и Западом» столкнется с массой проблем* (news.ru, 16.03.2012); *Украина является мостом между Европой и Россией. Как правило, хороший мост – это дорога с двусторонним движением* (Д, №164, 28.09.2012).

Особенность реализации метафорического образа *светофора* в политическом тексте заключается в том, что его световой сигнал остается неизменным, что затрудняет движение субъектов дороги. Отметим также, что в большинстве контекстов *светофор* светит оранжевым светом. На наш взгляд, для ряда контекстов это можно объяснить политизированным отношением к оранжевому цвету на определенном этапе украинской политики (*Светофор революции светит, но не оранжевым*). С другой стороны, оранжевый свет в светофоре означает ожидание. Именно ожидание, отсутствие каких-либо активных действий и определяет гиперболизированное описание только оранжевого света светофора: *Политика Ирана похожа на светофор с тремя оранжевыми сигналами* (ЗН, № 22, 21.04.2013).

При описании метафоры *транспорт* важным представляется образ *лошади с телегой*, метафорически раскрывающий ситуацию с экономикой и рабочими местами в Украине. Развёртывание образа можно условно разделить на два этапа: реальное положение дел и желательные стратегии. Описывая политические реалии, автор текста обращает внимание на конструктивные шаги, которые предпринимаются современными политиками. Ироничный отклик развернутой метафоры реализуется посредством использования сравнений, алогизмов, градации, сниженной лексики: *Во-первых, в телегу положат очень много камней в виде*

налогов, в виде различного регуляторного давления. Во-вторых, сама дорога будет очень извилистой и очень плохой по качеству. Вместо ремонта будут спорить, кому она должна принадлежать. Потом сделают квадратные колеса, увеличив резко кредиты. И наконец, поставят шлагбаум, потому что когда есть шлагбаум в виде регуляторных барьеров, чиновники могут брать взятки. А потом у лошади будут отбирать часть еды – ей не отдадут НДС. А потом лошади скажут: «Ну ты же иди вперед, беги быстро!». Лошадь посмотрит и сдохнет. И никого она за собой не повезет, ни одного рабочего места не будет (Шустер Live, программа за 22.01.2010). Возможность конструктивного результата видится автору ПТ в изменении стратегий и тактик, принятии новых политических решений: Чтобы лошадь была здоровой, ей нужно еды докладывать. Нужно возвращать то, что положено государству. Во-вторых, не нужно делать квадратные колёса. Пусть они будут круглыми, пусть нормально работает финансовый сектор и бизнес будет брать в кредиты. И давайте вместо спора «кому будет принадлежать дорога» просто регулярно её ремонтировать. Давайте уберем шлагбаум в виде коррупций, в виде регуляторного и налогового давления, тогда в телеге будут не камни. Лошадь будет здоровая, а в телеге будут люди, у которых будет высокая заработная плата (там же). Данный образ раскрывается в системе метафорических сценариев, включающих специфику ухода за лошадью, специфику телеги, сложность дороги. Несоответствие реальных и желательных параметров приводят к невозможности движения лошади, её полной остановке.

Таким образом, установление особенностей автотранспортной метафоры предполагает исследование языковых единиц на уровне вторичной номинации с выявлением позитивной и негативной коннотации, закреплённой в значениях лексем и фразем. Комплексный анализ не только позволяет установить особенности языка политики, но и выделить центральные ассоциативные образы, реализованные ключевыми единицами тематической группы «автомобильный транспорт».

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
2. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новаторство. М., 1991.
3. Бородулина Н. Ю., Звягина А. И. Метафора в аспекте проблемы интердискурсивности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика»: науч. журн. М. № 2. 2010.
4. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической // Вестник МГУ. – Серия 9. Филология. № 6. 2001.
5. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М., 1971.
6. Сегал Н. А. Метафорический образ железнодорожного транспорта в текстах русскоязычных политических СМИ // Русский язык в поликультурном мире: IX Международная научно-практическая конференция (8-11 июня 2015 г.). Сб. научн. статей. В 2-х частях. Часть 1., 2015. – 500 с.
7. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург, 2013.

СЕРГЕЕВА Е.В.

Санкт-Петербург

ИНФЛЮЭНС-ПОТЕНЦИАЛ НЕОЛОГИЗМОВ

В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме воздействующего потенциала неологизмов в современном политическом дискурсе. В центре внимания автора находится специфика ин-

флюэнс-потенциала неологизмов «путинизм» и «кремлядь» в политическом интернет-дискурсе.

Ключевые слова: инфлюэнс-потенциал, неологизм, речевое воздействие, политический дискурс.

SERGEEVA E.V.

St. Petersburg

THE INFLUENCING POTENTIAL OF NEOLOGISMS IN THE MODERN POLITICAL INTERNET-DIS COURSE

Abstract. The article deals with the influencing potential of neologisms in the modern political discourse. The author in the article focuses on the specificity of the words “putinism” and “kreml’ad” in the political internet-discourse.

Keywords: influencing potential, neologism, speech effect, political discourse.

Исследование политического дискурса в последнее десятилетие становится одним из наиболее интересных направлений не только собственно политической лингвистики, но и дискурс-анализа в целом, стилистики текста в самом широком значении этого термина, а также теории речевого воздействия. В начале XXI в. все более актуальным становится анализ политического интернет-дискурса, постепенно становящегося все более значимым источником информации для носителей русского языка, особенно для молодежи. Воздействие политического дискурса во многом определяется воздействующим потенциалом языковых средств, которые в нем используются. Положение о том, что «в некотором смысле нейтральное использование языка в принципе невозможно» [Политический дискурс 2004: 5] особенно актуально для политического дискурса. Не случайно Тён ван Дейк утверждает, что именно язык во многом обеспечивает доминирование в социуме [ван Дейк 2014].

Воздействующий потенциал языковой единицы может быть назван ее инфлюэнс-потенциалом (ИП). Инфлюэнс-потенциал – обусловленная семантически способность лексической или грамматической единицы оказывать интеллектуальное и/или эмоциональное воздействие на адресата речевого произведения. В отличие от прагматического потенциала (способности производить коммуникативный эффект вообще, вызывать какое-либо отношение к представленной информации, интерпретировать ее – например, воспринимать как совет или вопрос), ИП связан с возможностью влияния на сознание языковой личности в сфере оценки экстралингвистических аспектов действительности.

Инфлюэнс-потенциал, связанный как с денотативной, так и с коннотативной семантикой языковой единицы, может различаться у объединенных тематически или парадигматически групп лексики достаточно заметно. Например, слова с оценочной семой, входящей в денотативное значение (аморальный, негодяй, патриот, фашизм и др.), в целом обладают более высоким ИП, чем слова, такой семы не имеющие; у слов, имеющих коннотативные элементы семантики (борзопивец, вознестись, воинство, недобиток, хибара и др.), ИП выше, чем у единиц, не имеющих коннотации. Слова, относящиеся к тематической группе «Война», имеют больший ИП, чем слова, входящие в тематическую группу «Предметы домашнего обихода». Слова, употребляемые в переносном значении, которое еще осознается языковой личностью, также обладают высоким ИП.

Среди лексических единиц с высоким инфлюэнс-потенциалом можно назвать неологизмы, обладающие экспрессивностью прежде всего за счет эффекта новизны восприятия. Именно поэтому неологизмы часто привлекают внимание читателя или слушателя, разрушая определенную стандартизированность процесса получения информации, в том числе и при восприятии политического дискурса.

Определяя тематику политического дискурса на материале публикаций 2003 г., авторы коллективной монографии «Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафоричности» [Политический дискурс 2004] в свое время пришли к выводам, которые могли бы быть спрогнозированы с высокой степенью вероятности, в том числе и по отношению к публикациям другого периода: тематика политического дискурса связана прежде всего с деятельностью законодательной и исполнительной власти. Поэтому исследование лексем, входящих в тематическую группу «Власть», представля-

ется наиболее интересным и показательным при обращении к проблемам специфики политического дискурса.

В качестве предмета исследования были избраны обладающие высоким ИП неологизмы *путинизм* и *кремлядь* как единицы, различно стилистически окрашенные, но характерные прежде всего для одного типа политического дискурса – оппозиционных интернет-СМИ – и обладающие в основном (первое) и безусловно (второе) отрицательной коннотацией. Показательным объектом исследования в аспекте темы статьи эти лексемы делает то, что ИП первого соотносится прежде всего с его денотативным содержанием, второй – с содержанием коннотативным.

Существительное *путинизм*, впервые появившееся в публикациях первых лет XXI в, было зафиксировано в «Толковом словаре русского языка начала XXI века» (в «Толковом словаре русского языка конца 20 в.» и «Большом толковом словаре русского языка» 2000 г. издания эта лексема не зафиксирована), дефинируется в этом словаре как «(публ.) политика, проводимая президентом Путиным, характерная для него» [Толковый словарь русского языка начала XXI века]. Сходное, столь же нейтральное, толкование представлено в «Викисловаре», обращение к которому в данном случае оправдывается тем, что пользователи интернета в равной мере являются читателями интернет-СМИ и интернет-словарей и энциклопедий: «1. публиц. политика и идеология, стиль руководства В. В. Путина. 2. мн. ч. публиц. наиболее цитируемые или ставшие крылатыми фразы из выступлений В. В. Путина.

Представляется также, что, несмотря на часто отмечаемую безусловность данных, приводимых в Википедии, именно этот ресурс наиболее объективно в данном случае демонстрирует специфику употребления лексемы *путинизм*, в том числе связанную с указанием на то, кто именно ее употребляет: «По мнению критиков... режима Путина, путинизм... (то есть политическая система, идеология, приоритеты и политика режима Путина) характеризуется элементами культа личности (с 2002 года), формирующегося путём героизации в СМИ, созданием образа «национального героя» и «вежливыми» внешнеполитическими успехами». Действительно, в нейтральной по семантике и коннотации лексеме, начавшей употребляться на грани веков, почти сразу, в связи с частотностью употребления именно в оппозиционных СМИ, стала актуализироваться отрицательная оценочная сема. Употребление этого слова прежде всего в значении «политическая система, характеризующаяся элементами культа личности, а также политическими и экономическими неудачами» определяет его высокий ИП, связанный с возможностью заставить читателя воспринять «политику Путина» как заслуживающую отрицательного отношения.

Лексема *путинизм* широко употребительна в интернет-СМИ (поисковая система google дает тысячи результатов на запрос). Можно отметить при этом как парадоксальный факт, что в основном корпусе Национального корпуса русского языка отмечено единственное вхождение этого слова, в газетном подкорпусе – всего 9 (частично – в сугубо нейтральном значении). В интернет-СМИ инфлюэнс-потенциал рассматриваемой лексической единицы, как уже было сказано, чаще всего ориентирован на резко отрицательное восприятие феноменов, связанных с «политикой, проводимой президентом Путиным»; этот ИП формировался начиная с первых публикаций 2000-х гг., где употреблялся этот неологизм, само значение которого толковалось прежде всего как номинирующее целый комплекс отрицательных экономических и политических явлений, часто именно в виде дефиниции, как это можно видеть, например, в публикации 2000 г.: «Путинизм – это высшая и заключительная стадия бандитского капитализма в России. Та стадия, на которой, как говаривал один полузабытый классик, буржуазия выбрасывает за борт знамя демократических свобод и прав человека. Путинизм – это война, это «консолидация» нации на почве ненависти к какой-то этнической группе, это – наступление на свободу слова и информационное зомбирование, это изоляция от внешнего мира и дальнейшая экономическая деградация. Путинизм – это (воспользуемся излюбленной лексикой г-на и.о. президента) контрольный выстрел в голову России» [Андрей Пионтковский].

Если пользователь интернета изначально получает информацию, ориентированную на постоянную, интенсивную и однозначно отрицательную оценку упоминаемого феномена, то слово становится единицей с большим и однонаправленным инфлюэнс-потенциалом.

Отрицательный семантический воздействующий потенциал неологизма создается с помощью нескольких способов.

1. Непосредственная дефиниция (чаще всего с употреблением слов это или как):

Путинизм, которому посвящен этот текст – это псевдорелигиозный и квазиполитический культ, сложившийся в России в последние месяцы, смыслом которого является консолидация общества вокруг Путина [Кашин];

Путинизм – это политическая эвтаназия для России [Наталья Гулевская];

Путинизм – как последняя стадия постсоветского минимпериализма [Кямран Агаев];

Путинизм – это государственная религия, тормозящая развитие громадной страны и делающая жизнь в ней все менее пригодной для людей. [Игорь Яковенко];

Путинизм – это последний «маниакальный подъем буйно-помешанного» [Роман Иванченко];

2. вопросительные конструкции (причем подобные конструкции также воспринимаются как определения значения):

Путинизм – разновидность фашизма? [Игорь Эйдман];

Путинизм – уже не сталинизм-light? [Радио Свобода];

3. сочетаемость, связанная с семантикой обозначения негативных черт или необходимости избавления от данного феномена (*покончить с путинизмом, воинствующий путинизм, фашизации путинизма, пережить путинизм, подвести черту под путинизмом*);

4. микроконтекст:

В последнее время важнейшей и наиболее опасной частью практики путинизма стал агрессивный аннексионистский внешнеполитический курс [Игорь Эйдман];

Путинизм приближается к фашизму каждый день. [Евгений Ихлов];

Когда Запад победил в холодной войне и СССР смыло в канализацию, разве стало хуже? – Нет. Стало больше свободы и продуктов в магазинах. Так же будет и с путинизмом [ПутинКоррупция.РФ];

... Путинизм религия локальная, решающая вполне конкретную задачу – дать обоснование тому, чему нельзя дать рациональное обоснование, а именно: почему группа несказанно обогатившихся, публично изолгавшихся и проворовавшихся людей должна еще неопределенно долгое время оставаться у власти [Игорь Яковенко].

Если адресат начинает воспринимать путинизм как «культ», «тормоз развития», «эвтаназию», «маниакальный подъем», «аннексионистский курс» и т.д, то инфлюэнс-потенциал лексемы реализуется в полной мере. Морфемный состав, сходный с морфемной структурой «минус»-идеологем, чрезвычайно актуальных для российской политической жизни (фашизм и сталинизм), увеличивает ИП упомянутой лексической единицы.

Постоянное толкование слова как единицы, называющей негативное явление или целый комплекс негативных явлений, употребление его в контекстах, усиливающих отрицательный семантический потенциал, позволяет наращивать ИП лексемы, само наличие которой в тексте заставляет читателя воспринимать те факты, которые упоминаются, как ассоциирующиеся с худшими примерами политической жизни (исторической и современной), заслуживающие осуждения и требующие духовного противостояния.

Однако, помимо неологизмов, ИП которых формируется благодаря контекстам употребления достаточно быстро, но не сразу, можно говорить о новых словах, уже при возникновении имеющих большой ИП, связанный с особенностями их семантики. К подобным неологизмам принадлежит лексема *кремлядь*. В свое время предметом рассмотрения автора работы стали сниженные лексические единицы, употребляемые на «экстремистских» сайтах [Сергеева 2012]. Однако значительно более интересным может быть анализ лексических единиц с отрицательной коннотацией на общедоступных сайтах, которые являются предметом интереса значительно большего количества пользователей.

Сниженная лексема *кремлядь* не зафиксирована большинством современных толковых словарей, и ее семантика формулируется только в «Словаре сокращений и аббревиатур» и «Словаре современной лексики, жаргона и сленга» на сайте «Академик», а также в интернет-источниках, в

частности в «Викисловаре» и энциклопедии «Традиция»: «Уничижительное обозначение людей (политиков, деятелей искусства, чиновников), получающих доход от обслуживания высшей власти и готовых ради угождения этой власти на самые низменные, или вредные для окормляемого населения, или просто идиотские поступки и решения. (Кремль + блядь). Примечание. Слово пущено в мир колумнистом Дмитрием Ольшанским»; «Кремлядь – полит. жарг., презр., вульг., собир., неол. термин, обозначающий приближённую к Кремлю прослойку общества (политиков, деятелей искусства, чиновников), получающих доход от обслуживания высшей власти, осуществления пропагандистской поддержки партии власти, зачастую совершая вредные для населения или просто нелепые поступки и решения»; Крёмлядь — популярный термин, обозначающий приближённую к Кремлю прослойку политиков, общественных деятелей, деятелей литературы, кинематографии и искусства, осуществляющей пропагандистскую поддержку партии власти. Эти люди имеют прямую выгоду от подобной деятельности, так как получают от властей всяческие блага — деньги, награды, почести, должности». Следует отметить, что сразу несколько экспрессивных помет в дефиниции сразу программируют восприятие адресата и определяет весьма высокий ИП лексемы.

Считается, что данный неологизм изначально был употреблен как авторский окказионализм Д.Ольшанского (скорее всего, именно в статье 2006 г. «Гламурная кремлядь»), в значении «лжепатриотически настроенные, продажные и трусливые, бесчестные и лицемерные прокремлевские политтехнологи-пропагандисты, презираемые порядочными людьми»: «По убытию из бизнеса, но еще до нахлынувшего жаркого патриотизма — пройдена ими и краткая школа пятиалтынной политтехнологии... блестящие молодые люди, усаженные высшим начальством РФ на борьбу с чуждыми идеологиями и вредными тенденциями, ... окончательно делаются идеологами беспомощного по части словесных ухищрений, с головой зарывшегося в черное золото Кремля... Нечего и говорить, что блестящие молодые люди и дальше останутся с нами, занимаясь своим привычным делом — “не обманешь — не продашь!”, как резонно говорили в Замоскворечье столетием ранее» [Ольшанский]. Действительно, на сайте «АПН Северо-Запад», например, эта лексема употребляется с 2006 г.

Морфемный состав слова абсолютно прозрачен (Кремль + б...), поэтому эмоционально-оценочное и экспрессивно-стилистическое значение приведенной лексической единицы присущи ей с момента появления. Если неологизм *путинизм* в принципе может быть употреблен как единица нейтральная, не имеющая коннотации (и подобные примеры присутствуют в Национальном корпусе русского языка), то отрицательная оценка и сниженность значения неологизма *кремлядь* характерны для всех контекстов употребления, независимо от идеологического направления интернет-ресурса и точки зрения автора на какие-либо события, будь то сторонник правительственной политики и независимости Новороссии или оппозиционер. При это значение «прокремлевские идеологи-пропагандисты», как представляется, в современном политическом интернет-дискурсе основное:

Кремлядь ведет идеологическую войну против Новороссии. Предательство кремлядью Новороссии, похоже, становится необратимым. ... Это только подтверждает, что кремлядь договорилась с хунтой сдать Новороссию, раз шавки оказались с хунтой заодно. [Почему кремлядь сдает Новороссию];

"Кремлядь" как новая генерация суловых [Елена Рыковцева];

Кремлядь, или наследники Путина [Михаил Делягин];

А посему, у себя на службе власть держит целую свору «белых патриотов» - назовём это идеологическое спец-подразделение «белой кремлядью»... Это им - "голубой кремляди" - поручено зазывать обывателя «чисто отдохнуть и расслабиться», одурманить его похотью и лавинами пошлости... А КПРФ и Зю - это "не наши", это "красная кремлядь" [Павел Краснов].

Поскольку коннотативная составляющая значения лексемы преобладает над денотативной, значение слова может расширяться (фактически до предельно широкого, грубо-просторечного, бранного — «кремлевские б...»); в таком случае возможно, например, дефинировать *кремлядь* как «правительственные чиновники» (*Как кремлядь жрет санкционку за обе щеки. — Навальный*); «Путин и Кремль (т.е. властные структуры)» (*Украина растворит кремлядь, как серная кислота —*

Андрей Пионтковский); «представитель власти» (*Усатая кремлядь признала, что российская авиация наносит удары куда попало только не по позициям ИГИЛ – «Политическая кухня»*).

И, наконец, все чаще рассматриваемая лексема употребляется в широком значении «российская власть»: *Кремлядь готовится к капитуляции?* (Livejournal); *Остановит ли кремлядь наступление ополчения Новороссии?* (Livejournal); «Социалку» будут резать, но на «брэйнуошинг» кремлядь денег не жалеет (Livejournal); Кремлядь приступает к обещанному «закручиванию гаек» (Правый взгляд).

Неологизм употребителен в современных оппозиционных интернет-СМИ, причем употребляется он обычно вне рамок словосочетания, хотя словосочетания «богемная кремлядь», «преступная кремлядь» и др. можно найти в различных интернет-текстах. Однако подобные словосочетания не частотны, поскольку высокая степень экспрессивности лексической единицы позволяет оказать воздействие на адресата с помощью ее употребления даже вне рамок словосочетания с имеющим какое-либо отрицательное значение прилагательным.

Таким образом, можно говорить о том, что в современном политическом оппозиционном интернет-дискурсе неологизмы *путинизм* и *кремлядь* обладают высоким инфлюэнс-потенциалом и демонстрируют показательную для политического дискурса возможность «создания» слов, в процессе употребления или сразу при образовании приобретающих возможность «конструирования» политических взглядов и в целом идеологического сознания языковой личности и становящихся сильным средством речевого воздействия в самых различных контекстах.

ИСТОЧНИКИ (RESOURCERS)

1. Андрей Пионтковский. О «ЯБЛОКЕ». 11 января 2000 года. «Яблоко». URL: http://www.yabloko.ru/Publ/Book/Fire/fire_002.html.
2. Кашин. 24 ноября 2014. URL: <http://kashin.guru/2014/11/24/cult/>.
3. Наталья Гулевская. 13 сентября 2015. «Эхо Москвы», URL: <http://echo.msk.ru/blog/pravovojobereg/1621458-echo/>.
4. Кямран Агаев. «Каспаров.ру», 26.08.2015. URL: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=55DCDD4EC4AFA>.
5. Игорь Яковенко Медиафрения. Путинизм как телерелигия. 26 ноября 2013. «Ежедневный журнал». URL: <http://www.ej.ru/?a=note&id=23812>.
6. Роман Иванченко, Россия замерла в ожидании чего-то ужасного, «Биржевой лидер», 24 октября 2015 г. URL: <http://www.profi-forex.org/novosti-rossii/entry1008272274.html>.
7. Игорь Эйдман. 10 января 2015, facebook. URL: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=861394667256847&id=100001589654713.
8. Радио Свобода, 31.03.2015. URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/26930181.html>.
9. Игорь Эйдман. Что такое путинизм. 05.08.2014. «Каспаров.ру». URL: <http://www.kasparov.ru.3s3s.org/material.php?id=53E0B2745B538>.
10. Евгений Ихлов. О фашизации путинизма, или почему прав Каспаров. 19.12.2014. «Каспаров.ру». URL: <http://www.kasparov.ru/material.php?id=549457E6A9AAB>.
11. «ПутинКоррупция.РФ» 4 ноября 2014. URL: <http://путинкоррупция.рф/триумф-моли-15-лет-путинизма-в-рф/>.
12. Игорь Яковенко. Медиафрения. Путинизм как телерелигия. 26 ноября 2013. «Ежедневный журнал». URL: <http://www.ej.ru/?a=note&id=23812>.
13. Дмитрий Ольшанский. Гламурная кремлядь. «Журнальный зал». URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2006/129/olsh.html>.
14. Почему кремлядь сдает Новороссию. «За ответственную власть!» 06.07.2014. URL: http://igpr.ru/news/pochemu_kremljad_sdaet_novorossiju.
15. Елена Рыковцева, 04.07.2006, «Радио Свобода». URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/163277.html>.
16. Михаил Делягин. 29.11.2006. «Аналитический клуб». URL: <http://analysisclub.ru/index.php?page=putin1&art=2461>.

17. Павел Краснов, «Красная» кремлядь. 05/17/2011. URL: http://www.rusproject.org/act/rus/kransaja_kremljad.
18. Навальный. Как кремлядь жрет санкционку за обе щеки. Livejournal, Aug. 8th, 2015. URL: <http://ru-crazy-news.livejournal.com/518122.html>.
19. Андрей Пионтковский. Украина растворит кремлядь, как серная кислота. Livejournal, 27.01.2014. URL: <http://rusnazi8814.livejournal.com/1293711.html>.
20. Усатая кремлядь признала,.. «Политическая кухня», 1 октября 2015. URL: <http://politkuhnya.info/novosti/usataya-kremljad-priznala-chto-rossiiskaya-aviaciya-nanosit-udary-kuda-popalo-tolko-ne-po-poziciyam-igil.html>.
21. Кремлядь готовится к капитуляции? Livejournal, 8 ноября 2011. URL: http://pikabu.ru/view/kremljad_gotovitsya_k_kapitulyatsii_344024.
22. Остановит ли кремлядь наступление ополчения Новороссии? Livejournal, 19 января 2015. URL: <http://runo-lj.livejournal.com/1783953.html>.
23. «Социалку» будут резать, но на «брэйнуошинг» кремлядь денег не жалеет. Livejournal, 4 января 2015. URL: <http://pups-alik.livejournal.com/627814.html>.
24. Кремлядь приступает к обещанному «закручиванию гаек». Правый взгляд. Информационный портал русского имперского движения. 06 марта 2014. URL: <http://www.rusimperia.info/news/id19132.html>.

Период обращения: 22.09.2015-29.10.2015

The dates of access: 22.09.2015-29.10.2015

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Михайлова О. В., Сагаров Г. А., Шипова Е. А. Политический дискурс: методы анализа тематической структуры и метафорики. – М.: Фонд ИНДЕМ, 2004 (Политический дискурс 2004).
2. Сергеева Е. В. Сниженная лексика как средство речевого воздействия на «экстремистских» сайтах Интернета // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Материалы III Конгресса МАПРЯЛ. 10-13 сентября 2012 г. – Санкт-Петербург. Т. 1. СПб: Изд. дом МИРС, 2012. С. 247-250.
3. Тён А. ван Дейк Дискурс и власть. М.: «Либроком», 2014.

СЛОВАРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М.: «Эксмо», 2007.
- Викисловарь URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/путинизм>;
<https://ru.wiktionary.org/wiki/кремлядь>.
- Википедия URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Путинизм>.
- Сайт «Академик». URL: <http://argo.academic.ru/2449/кремлядь>.
- Энциклопедия «Традиция» URL: <http://traditio.wiki/Кремлядь>.

СМИРНОВА А. Г., МАРКИН А. Р.

Кемерово

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛЕКСИКО-КОМПОЗИЦИОННЫХ ПРИЁМОВ В ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕЧАХ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ ПОЛИТИКОВ

Аннотация. В политическом дискурсе исследованию политических речей справедливо уделяется особое внимание. Интерес представляет изучение приемов воздействия на слушателей, которые используют политики, чтобы достичь свои прагматических целей. В настоящей статье рассматриваются политические речи современных немецких политиков, в которых обнаруживаются особые приемы воздействия на слушателей, внедренные в композиционную структуру политической речи.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая речь, композиция, лексические приемы.

SMIRNOVA A. G., MARKIN A. R.

Kemerovo

THE SPECIFIC USE OF THE LEXICAL-COMPOSITIONAL TECHNIQUES IN POLITICAL SPEECHES OF MODERN GERMAN POLITICIANS.

Abstract. In political discourse the study of political speeches is justly devoted a special attention. Interest is the study of methods of influence on listeners who use politics to achieve their pragmatic goals. This article examines the modern political speeches of German politicians in which one can find special methods of influence on listeners, embedded in a composite structure of a political speech.

Keywords: political discourse, political speech, composition, lexical means.

Современное общество трудно представить без политической деятельности. Изучение политической коммуникации помогает понять и осознать политические процессы современного общества. Эта область исследования носит ярко выраженный междисциплинарный характер: в ней интегрируются достижения социолингвистики, лингвистики текста, политологии, стилистики и риторики, именно поэтому политическая лингвистика является интересной и перспективной областью исследования.

В рамках настоящей статьи исследуются политические речи. Материалом для исследования послужили немецкие политические речи конца 2014 и начала 2015 года. За основу исследований были взяты политические речи таких политиков как Ангела Меркель (Angela Merkel), Моника Грюттерс (Monika Grütters), Герхард Шрёдер (Gerhard Schröder), Хорст Зеехофер (Horst Seehofer), Йоахим Гаук (Joachim Gauck) и Грегор Гизи (Gregor Gysi).

Создание политических речей непростой процесс, в результате выступления политика слушатели не просто должны быть информированы о чем-либо, часто их нужно убедить, призвать к чему-либо, завоевать симпатию. Политический дискурс представляет собой явление, которое имеет частотное проявление и особое социальное значение в жизни общества. Вместе с тем феномен политического дискурса не поддается однозначному определению. По мнению Т.А. ван Дейка политический дискурс – это дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков. Ограничивая политический дискурс деятельностью политиков, т.е. профессиональными рамками, ученый подчеркивает его институциональный характер. [Дейк 1989: 26] Другое определение политического дискурса даёт Е.И. Шейгал, которая в широком смысле под этим термином понимает любые речевые образования, субъекта, адресата, содержание которых относятся к сфере политики. Стоит отметить, что содержание политического дискурса должно учитывать все присутствующие в сознании коммуникантов компоненты, которые могут влиять на порождение и восприятие речи. Это — и предыдущие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, с учетом целевых установок, политических взглядов, интенции и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми, существующий политический фон, и конкретная политическая ситуация, в которой текст создан. Также учитывается та роль, которую этот текст может играть в системе политических текстов и – шире – в политической жизни страны.

Целью политического дискурса является захват, удержание или перераспределение власти. [Водак 1997: 37] Для этого вида общения характерна высокая степень манипулирования; язык в политическом дискурсе является в первую очередь инструментом воздействия: убеждения и контроля. К основным функциям политического дискурса относят:

- 1) персуазивную (убеждение);
- 2) информативную;
- 3) аргументативную;
- 4) персуазивно-функциональную (создание убедительной картины лучшего устройства мира);
- 5) делимитативную (отличие от иного);

б) групповыделительную (содержательное и языковое обеспечение идентичности). [Водак 1997:23]

Также разные лингвисты выделяют наряду с информационной функцией также контролирующую функцию (манипуляция сознанием и мобилизация к действию), интерпретационную функцию (создание «языковой реальности» поля политики), функцию социальной идентификации (дифференциация и интеграция групповых агентов политики) и атональную функцию. Политическая деятельность есть деятельность речевая, а всякий политик не может не осознавать, что его практика соединена со словом. Слово – главное орудие политика. Побеждает тот, кто говорит или выражает мысли удачно, убедительно, увлекательно; и, напротив, проигрывает тот, кто что-то «не так сказал», «не так выразился». Устная политическая речь требует серьезной подготовки и опоры на значимые культурные контексты. [Аннушкин 2010:174]

Воздействие на широкие массы населения происходит в политических речах различным образом: на уровне выбора лексики-грамматических единиц, на уровне строения предложений и абзацев, а также на уровне строения текста, т.е. композиции.

Композиция – взаимная соотносённость и расположение единиц изображаемого и художественно-речевых средств в словесно-художественном произведении. Структура, план выражения литературного произведения. Обычно в композиции выделяют три составные части. [Тимофеев, Тураев 1974:153]

1. Вступление. Успех выступления в большей степени зависит от того, как оратор начал говорить, насколько ему удалось привлечь внимание аудитории, заинтересовать слушателей. Неудачное вступление снижает интерес слушателей к теме, рассеивает их внимание. Во вступлении подчеркивается актуальность темы, значение ее для данной аудитории, формулируется цель выступления, кратко излагается история вопроса. Перед вступлением ораторской речи стоит важная психологическая задача — подготовить слушателей к восприятию данной темы. Начать выступление можно с интересного примера, пословицы и поговорки, крылатого выражения или юмористического замечания. Во вступлении может быть использована цитата, которая заставляет слушателей задуматься над словами оратора, глубже осмыслить высказанное положение, пробуждает интерес к выступлению, а также помогает внимательно слушать и рассказ о каких-либо значительных событиях, имеющих отношение к данной аудитории, к теме выступления. Эффективное средство завоевания внимания слушателей – вопросы к аудитории. Они позволяют оратору втянуть аудиторию в активную умственную деятельность.

2. Главная часть. Хорошо продуманное вступление и необычное заключение еще не обеспечивают успеха выступления. Перед выступающим стоит очень важная задача не только привлечь внимание слушателей, но и сохранить его до конца речи. В главной части излагается основной материал, последовательно разъясняются выдвинутые положения, доказываются их правильность, слушатели подводятся к необходимым выводам. Материал необходимо расположить таким образом, чтобы он работал на главную идею речи, соответствовал намерениям оратора, помогал ему добиться своей цели. Причем выполнить свою задачу оратор должен наиболее простым, рациональным способом, с минимальной затратой усилий, времени, речевых средств. Продумывая структуру главной части речи, выступающий должен определить, каким методом он будет излагать материал, какие доводы возьмет для доказательства выдвинутого положения, какие ораторские приемы использует с целью привлечения внимания слушателей.

Какими бы методами в выступлении оратор ни пользовался, его речь должна быть доказательной, а суждения и положения убедительными. Оратору необходимо не только в чем-то убедить аудиторию, но и соответствующим образом повлиять на нее, вызвать ответную реакцию, желание действовать в определенном направлении. Поэтому при работе над композицией следует продумать систему логических и психологических доводов, используемых для подтверждения выдвинутых положений и воздействия на аудиторию. Располагая определенным образом доводы в своей речи, оратор не должен забывать о таком важном принци-

пе композиции, как принцип усиления. Его суть заключается в том, что значимость, вес, убедительность аргументов постепенно нарастают, а самые сильные доводы используются в конце рассуждения.

3. Заключение. Заключение – важная композиционная часть любого выступления. Убедительное и яркое заключение запоминается слушателям, оставляет хорошее впечатление о речи. Напротив, неудачное заключение губит порой неплохую речь. В заключении обычно повторяется основная мысль, ради которой произносится речь, суммируются наиболее важные положения. В заключении подводятся итоги сказанного, делаются выводы, ставятся конкретные задачи, которые вытекают из содержания выступления. Особое внимание уделяется последним словам выступления. Если первые слова оратора должны привлечь внимание слушателей, то последние призваны усилить эффект выступления. [Тимофеев, Тураев 1974:155]

В исследуемом массиве речей немецких политиков были обнаружены разные типы: речь-призыв, чествование, поздравление, проповедь, доклад перед парламентом, речь-предупреждение. В этих разных по форме текстах были использованы одинаковые или сходные приёмы.

Самым распространённым средством были формы приветствия и прощания. Со знакомыми и известными людьми политики использовали формы обращения по имени, фамилии, званию, должности и т. д. Например, в речи Ангелы Меркель было использовано такое обращение: “Sehr geehrter Herr Professor Impagliazzo, sehr geehrter Herr Professor Riccardi, Eminenzen, Exzellenzen, sehr geehrte Frau Botschafterin, liebe Annette, sehr geehrte Damen und Herren“. Или в выступлении перед президентом Грегора Гизи, он обращается к своей аудитории так: “Herr Präsident! Meine Damen und Herren!”. Такие обращения обусловлены вежливостью и желанием сократить дистанцию между некоторыми членами аудитории и оратором. Назвав человека по имени, политик старается расположить к себе человека. Также это обусловлено необходимостью показать и выделить присутствие конкретных персон в аудитории. Если политик выступает перед неизвестной ему аудиторией, он использует различные вежливые обращения. Например, в проповеди Герхарда Шрёдера в церкви в Ганновере он использует приветствие “Liebe Gemeinde, meine Damen und Herren”. Такое обращение продиктовано обыкновённой вежливостью, желание подчеркнуть равнодушие политика к слушателям, а также необходимостью привлечь всеобщее внимание.

В некоторых политических речах политики не обращались к своей аудитории, это было продиктовано неуместностью приветствия, например, в речи об ужасах войны. Также в некоторых случаях это обуславливалось желанием сразу перейти к главной теме своего выступления.

В конце своей речи оратор говорит слова прощания и радости, это необходимо и обуславливается ситуацией общения. В разных случаях были использованы различные формы прощания. Также как и при приветствии, прощаясь, политик знакомый с некоторыми членами аудитории, еще раз произносит их имена, например как в прощание Англы Меркель, “Deshalb, Professor Riccardi und werte Mitstreiter bei Sant'Egidio, vielen Dank dafür, dass wir hier sein können an einem Ort!”. Или как в прощании Моника Грюттерс с известным историком и директором музеев Нэйлом Мак-Грегором: “Dafür sind wir Ihnen dankbar! Herzlichen Glückwunsch zum Deutschen Nationalpreis – und die besten Wünsche zu Ihrem 69. Geburtstag! Mögen Freude, Glück, Erfolg und Leidenschaft, vor allem aber Kraft und Gesundheit, Ihre Arbeit weiterhin begleiten!“ Политики незнакомые со своей аудиторией прощаются так: “Und deshalb mit Begeisterung und aus vollem Herzen: danke!“, или вот как Герхард Шрёдер прощался в одной ганноверской церкви: “In diesem Sinne danke ich für die Möglichkeit einer Bürgerpredigt und wünsche Ihnen einen gesegneten Sonntag. Amen”. Хорошее прощание с аудиторией запоминается слушателям лучше всего, поэтому политики подбирают для него наиболее верные и подходящие фразы.

Важную роль в политической коммуникации играют выражения собственных чувств, таких как уверенность, неуверенность, радость и т. д. Выражение радости политик использу-

ет и во вступлении “ich freue mich, hier im Friedenssaal bei Sant'Egidio zu sein“, и в главной части „ich bin sehr froh, dass ich heute die Gelegenheit hatte, Papst Franziskus unsere Agenda für die G7-Präsidentschaft, die Deutschland in diesem Jahr innehat, darlegen zu können“, и в заключении “ich freue mich jetzt, dass wir heute Abend hier im Schloss Bellevue eine ganze Reihe dieser Artistinnen und Artisten haben“. Выражения радости дают понять слушателям, что политик говорит свою речь от чистого сердца, а не потому что он должен. Выражая свою радость, политик сокращает коммуникативную дистанцию, становится ближе к народу.

Использование выражений уверенности, такие как, “Ich weiß, dass hier seit Jahren intensiv gerungen wird“, “Sein Abschied, das weiß ich, ist ...“, “... da bin ich sicher“, “... ich bin aber davon überzeugt” говорит о решительности и непоколебимости немецких политиков.

Также в политических речах были обнаружены выражения незнания и неуверенности, например, “ich weiß nicht ...”, которые выражают неуверенность политика, а вместе с тем и неуверенность всей аудитории относительно каких-либо вопросов.

Выражения собственного мнения: “dann finde ich das einen sehr, sehr schönen Begriff für diese Arbeit”, “sehr berührt hat mich vor allem die Haltung”, “so verstehe ich es” и выражения рефлексии: “ich selbst stamme aus einfachsten Verhältnissen”, “ich persönlich habe die Rede des Papstes im Europäischen Parlament sehr geschätzt“ обращают внимание аудитории на политика. Они показывают, политика как части общества, это позволяет взглянуть на политика с другой стороны.

Выражения собственного состояния, такие как, “ich fühle mich frei, zu tun ...“, “was mich wirklich stört, ist etwas anderes“ позволяют увидеть настроение политика, его намерения и мотивы.

Выражения неприятия, например, “mehr will ich dazu nicht sagen” показывают отношение политика к сложившейся ситуации. Они используются очень редко и никогда не используются на публике, только на заседаниях, в кругу политиков.

Выражения нереальности и надежды: “ich hoffe, immer nur erleichtern und nicht erschweren”, “gerne möchte ich auf einige Aspekte eingehen“ показывают желаемость действий политика, также показывают предполагаемый результат своих речей.

Кроме вышеперечисленных приёмов политики активно используют наглядность как ораторское средство. В этом случае политик использует такие обороты как: “wie z.B. Sanktionen”, “zum Beispiel in so einer verdienstvollen Einrichtung”. Также, приёмы наглядности находят отражение в сравнениях. Например, Грегор Гизи сравнил сотрудничество мелких политических партий с крупными, а также последствия этого таким изречением: “... dass ein armer Neffe zu seiner reichen Tante zieht. Da gibt es zwei Möglichkeiten: Entweder beziehen sie gemeinsam eine neue Wohnung, dann hat auch der arme Neffe den einen oder anderen Vorschlag zu unterbreiten, oder aber er zieht in ihre Wohnung ein, dann hat er nichts zu verändern, sondern sich nur ein- und unterzuordnen.” Наглядность демонстрирует слушателям представленную информацию в другом, более легком виде, она облегчает понимание и придаёт официальной речи оттенок дружеской, беззаботной беседы.

Абсолютно все политики использовали в своих речах повтор и различные его разновидности, например, в речи Моника Грюттерс был использован довольно интересный варьируемый повтор: “dass aus Verstehen Verständnis und aus Verständnis Verständigung entsteht”. В своей речи Ангела Меркель часто употребляет слово “Zusammenleben” и т. д.

Употребление повторов даёт политикам возможность убедить слушателей удачно выбранной и повторённой фразой. Повторённое несколько раз слово запоминается слушателям и от него, как от точки опоры, идут дальнейшие размышления. Повторы используются для лучшей подачи информации.

Разъяснение, как расширенный повтор политики использовали намного реже, но примеров этого ораторского приёма в политической коммуникации можно найти довольно много. Например: “Sie haben sich nicht nur Kultstatus, sondern Kulturgutstatus erarbeitet” или “die Atmosphäre hier, also noch in Bonn, war zunächst schlimm, so schlimm, dass ein kritischer, bescheidener, charakterlich höchst angenehmer Abgeordneter wie Professor Gerhard Riege sich das Leben nahm”. Разъяснение помогает оратору лучше показать, объяснить или описать проблеме, с которой можно столкнуться в обществе. Слушателям разъяснения помогают лучше и

глубже понять смысл высказывания. Разъяснение уточняет, расширяет смысл высказывания и убирает двусмысленность слов.

Чтобы привлечь внимание слушателей, политик должен всё время акцентировать внимание слушателей. Одним из способов привлечения внимания аудитории является призыв или восклицание. Например, Хорст Зеehoфер призывал людей к миру и терпимости такими словами: “Geben wir diesem Tag des Gedenkens eine Zukunftsbotschaft: Freiheit und Demokratie brauchen Erinnerung. Freiheit und Demokratie brauchen Einsatz, Engagement, Zivilcourage und Mut. Zeigen wir den Feinden unserer Gesellschaftsordnung: Wir leben in einer wehrhaften Demokratie! Wir stehen zusammen! Alle Generationen. Alle Demokraten. Rechtsradikalismus und Antisemitismus haben in diesem Land und in Europa keinen Platz. Bauen wir weiter an einer gemeinsamen Zukunft – friedlich, freundschaftlich und mit gegenseitigem Respekt! Setzen wir uns ein für Frieden, Freiheit und Zusammenhalt in unserem Land!”. Кроме своей основной функции, призывы разряжают эмоциональную обстановку среди слушателей, подталкивают людей к определённым действиям. Призывы дают возможность слушателями понять насколько высоки их шансы сделать что-то одному и всем вместе.

Излюбленным приёмом политиков является цитаты, в которой смысл одного высказывания раскрывается через другое. Например, в речи Йоахима Гаука речь шла о теологии, затем он перешёл к знаменитой речи пророка Исайи и в конце он опять вернулся к теологии, которая раскрыла совершенно другие грани смысла: “kann ich es mir nicht verkneifen, auf eine kleine – wenn Sie so wollen – theologische Pointe im zitierten Faust-Monolog hinzuweisen ...” – “ich muss jetzt noch einmal zurück zur Theologie kommen”.

Кроме этого в политических речах политики задавали риторические вопросы: “Habe ich dabei Schuld auf mich geladen?”, “Und wie werden sie alle auf Deutsch geredet haben oder reden? Und in welchem Deutsch sollen sie reden, im heutigen oder in dem ihrer Zeit?”. Риторические вопросы нужны для того, чтобы слушатели задумались и обратили внимание на важные аспекты жизни. Риторические вопросы создают атмосферу задумчивости среди слушателей.

Интересно, что немецкие политики использовали вопросно-ответный метод только наполовину, они не задавали себе вопросы, а сразу переходили к делу: “Ja, ich bin Mitglied der Kirche. Nein, ich bin nicht fest im Glauben.” Такое отношение говорит о том, что немецкие политики не любят долгих речей, а предпочитают сразу переходить к главной теме.

Также в речах немецких политиков были обнаружены кажущиеся противоречия. Например, в речи Грегора Гизи, когда он говорил, о несправедливости выборов, он использовал фразу: “aber Sie brauchen nicht zu weinen”, такие противоречия вносят долю юмора в политическую речь и помогают разрядить обстановку.

Исследование политических речей выявило, что немецкие политики строят свои речи по определенным правилам. В своих речах они применяют приемы воздействия. С помощью особых языковых средств они привлекают слушателей, заставляют думать о важных проблемах. Также политики не забывают о вежливости и используют приветствия и комплименты в своих речах, используя фатический принцип коммуникации. Политики используя выражения радости политики сокращают дистанцию со своими слушателями.

Таким образом, немецкие политики в полной мере обладают всем спектром ораторских методов и приёмов, которые они используют в своих речах. И которые помогают им воздействовать и влиять на аудиторию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аннушкин, В. И. Язык и жизнь. М.: Русская школа, 2010. – 320 с.
2. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст]: Учебное пособие. / Баранов, А.Н. М.: Эдиториал, 2001. – 360 с.
3. Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса. От психолингвистики к лингвосинергетике [Текст] / Борботько, В.Г. – М.: Либроком, 2009. – 288 с.
4. Водак, Р. Язык. Дискурс. [Текст] / Водак, Р. Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
5. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989 – 294 с.

6. Ильясов, Ф. Н. Политический маркетинг. Искусство и наука побеждать на выборах. [Текст] / Ильясов, Ф.Н. М.:ИМА-пресс, 2000. – 200 с.
7. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. [Текст] / Макаров, М. Л. М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
8. Маслова, В. А. Политический дискурс: Языковые игры или игры в слова? / Политическая лингвистика. Маслова В. А. 2008. №24. С. 43-48
9. Марианне, В. Й. Дискурс-анализ. Теория и метод. [Текст] / Марианне В. Й., Луиза Дж. Ф. Харьков: Гуманитарный Центр 2008. – 352 с.
10. Тимофеев, Л. И., Тураев, С. В. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
11. Ухванова-Шмыгова, И. Ф. Методология исследований политического дискурса. Актуальные проблемы содержательного анализа обществ.-полит. текстов. Вып. 3 [Текст]/ Ухванова-Шмыгова, И. Ф. Маркович, А. А. Ухванов, В. Н.; Под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск: Технопринт, 2002. – 360 с.
12. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия [Текст]: Учебное пособие. / Чернявская, В. Е. М.: Флинта / Наука, 2006. – 136 с.

ЧУДАКОВА Н. М.

Нижний Тагил

СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – это ЗДАНИЕ НА ГРАНИ ОБРУШЕНИЯ

Аннотация. В статье в рамках метафоры дома рассматривается современное российское образование. Приводится анализ метафорической модели «СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – это ЗДАНИЕ НА ГРАНИ ОБРУШЕНИЯ».

Ключевые слова: метафорическая модель, метафора дома, современное российское образование.

N. M. CHUDAKOVA

Nizhny Tagil

CONTEMPORARY RUSSIAN EDUCATION IS A BUILDING ABOUT TO COLLAPSE

Abstract. The article is devoted to the study of the contemporary Russian education in the frames of metaphor of the house. The analysis of the metaphorical model "CONTEMPORARY RUSSIAN EDUCATION IS A BUILDING ABOUT TO COLLAPSE" is given.

Keywords: metaphorical model, metaphor for the house, contemporary Russian education.

Значительные изменения в сфере образования, происходящие в России последнее десятилетие, затронули философию образования, его глобальные цели и задачи, организационные структуры, содержание образования, подходы к разработке образовательных стандартов и учебных программ, формы и методы обеспечения качества образования, контроль за качеством обучения и деятельностью образовательных учреждений, финансирование и многие другие аспекты [О развитии образования в Российской Федерации, электр. ресурс].

Наиболее подходящим средством оценки результатов модернизации в системе образования, критики существующей ситуации и обоснования необходимости изменений становится метафора. Метафоры войны и болезни, активно функционирующие в дискурсе СМИ и комментариях интернет-пользователей в 2011–2015 годы, свидетельствуют о серьезных разногласиях между общественностью и властью во взглядах на цели, задачи, пути и методы реформирования российской системы образования [Чудакова 2013; Чудакова 2014 а, б].

Вместе с тем и в функционировании метафоры дома, традиционно связанной с позитивными прагматическими смыслами (дом – это укрытие от жизненных невзгод, се-

мейный очаг, символ фундаментальных нравственных ценностей; соответственно строительство – это динамика, планы на будущее, стремление сделать жизнь лучше [Чудинов 2001: 183]), наблюдается тенденция к актуализации негативных прагматических смыслов, в связи с чем частотной становится метафорическая модель «СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – это ЗДАНИЕ НА ГРАНИ ОБРУШЕНИЯ». В текстах СМИ и интернет-сообществ подчеркиваются существенные характеристики современной образовательной системы: по мнению журналистов и интернет-пользователей, это ненадежность, нестабильность и кризисность.

См.: *Отсутствие ясного понимания целей и смыслов реформирования образования крайне опасно, поскольку ошибки в целеполагании и проектировании неизбежно приводят к перекосам в возводимых конструкциях «нашей новой школы» (так именуется президентская инициатива). Перекосы, соответственно, порождают глубокие трещины и грозят скорым обрушением всему зданию. Трещины эти стремительно распространяются по всему сооружению – от фундамента до крыши. Следовательно, прежде чем отвечать на вопросы о целях и путях реформирования образования, необходимо оценить результаты ударной стройки, развернувшейся под девизом «модернизации» (НГ).*

Объективизация метафорической модели «СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – это ЗДАНИЕ НА ГРАНИ ОБРУШЕНИЯ» в дискурсе СМИ связана с описанием российского образования, его структуры с помощью метафор дома (таблица).

Таблица – Соотношение сферы-источника метафорической экспансии «Дом» и сферы-мишени «Система российского образования»

Сфера-источник	Сфера-мишень
Дом	Система российского образования
1. Дом как здание	
Дом, здание, времянка, архитектурное сооружение	Образование, школа
2. Конструктивные элементы дома	
2.1. Несущие конструкции	
Фундамент	Образование; финансирование, оплата труда педагогов; учительство
Несущие конструкции	Учителя
2.2. Ограждающие конструкции	
Стены, кладка, блоки	ФГОСы; ученики
Крыша	ЕГЭ; новейшие педагогические технологии
2.3. Помещения дома	
Коридор, чулан	Результаты образования – умения, навыки
3. Строительство и ремонт дома	
3.1. Строительство дома	
Стройка, архитектурный замысел, проектирование	Создание современной системы образования, трансформационные процессы в современной системе образования
3.2. Ремонт дома, его перестройка	
Ремонт, демонтаж, перепланировка	Способы устранения последствий реформирования
4. Разрушение дома	
Разрушение, обрушение, расшатывание, перекосы, трещины, руины	Разрушение системы образования

Рассмотрим основные фреймы и слоты, представляющие метафорическую модель «СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – это ЗДАНИЕ НА ГРАНИ ОБРУШЕНИЯ».

Фрейм 1. «Дом как здание»

В прессе и комментариях интернет-пользователей образ российского образования часто конструируется с помощью лексем *дом, здание, архитектурное сооружение, времянка* и др.

См.: *Школа в инженерном исполнении* (коммент.); *Что ж тут удивляться, что многие здания оказались в руинах, образование в том числе. И вместо прежнего здания придется наспех строить временки, иногда картонные или соломенные, подчас и из тех конструкторов, которые присылаются «в подарок» с Запада* (коммент.).

Денотативная область функционирования метафор данного фрейма достаточно ограничена – это в основном школа, реже образовательная система в целом. За счет активизации дополнительных языковых единиц концепт «образование» приобретает негативную оценку как со стороны журналистов, так и рядовых представителей общественности. В рассмотренных контекстах актуализируются ассоциативные семы «неустойчивость», «ненадежность» (*временки, картонные или соломенные, из тех конструкторов, которые присылаются ... с Запада*).

В качестве приема, усиливающего прагматический потенциал создаваемого образа, используется прецедентный феномен *Пизанская башня*.

См.: *...наклонившаяся Пизанская башня отечественной школы* (НГ).

Пизанская башня, как известно, получила прозвище «Падающая башня» и всемирную известность благодаря тому, что она сильно наклонена и как бы «падает».

Фрейм 2. «Конструктивные элементы дома»

Источниками метафор в названном фрейме становятся составляющие здания: *фундамент, фасад, несущие конструкции, кладка, стены, крыша* и др.

Слот 2.1. «Несущие конструкции»

Любое здание для того, чтобы выдерживать все нагрузки и полноценно функционировать, должно соответствовать требованиям. Так, ни одно здание не возводится без несущих конструкций и без фундамента, который несет на себе все возможные нагрузки, тем самым выполняя защитную функцию.

Метафорические словоупотребления *несущие конструкции, фундамент, сваи* номинируют знания, образование в целом, качественную систему обучения, учительство, финансирование школы.

См.: *К несущим конструкциям я отношу российское учительство, на плечах которого пока еще чудом держится наклонившаяся Пизанская башня отечественной школы* (НГ); *Фундамент модернизации образования* (РГ); *...Экономический фундамент реформирования российского образования, в основе которого железная прагматическая логика, перенесенная на школу из сферы бизнеса, где управление персоналом предполагает скрупулезный учет личного вклада каждого работника в повышение эффективности работы фирмы и рост ее доходов* (НГ).

В соответствии с нормами основная опора здания должна обладать прочностью и долговечностью – таковы прагматические смыслы, актуализированные в СМИ.

См.: *Но самое главное – школьное образование в СССР было фундаментальным. Для того чтобы построить хороший дом, нужно заложить крепкий фундамент – а уж стены, крыша, внутренняя отделка – дело второе. Не случайно советские люди становились профессионалами во всех без исключения сферах деятельности. Это заслуга и советской высшей школы, у которой долгое время не было конкурентов* (Накануне.Ру).

Однако метафорические употребления *расшатать фундамент, разрушается фундамент, выбивать кирпичик за кирпичиком* актуализируют негативные смыслы неустойчивости создаваемой образовательной системы, отсутствия прочности новых знаний.

См.: Сегодня же государство пытается всяческими способами расширить создававшийся на протяжении десятилетий образовательный фундамент, выбивая из него кирпичик за кирпичиком. Озабочившийся здоровьем школьников министр посчитал, что необходимо на 25 % сократить школьную нагрузку. Иначе говоря, урезать количество часов математики, физики, химии. Вместо них в школах повсеместно вводятся мало кому понятные дисциплины типа валеологии (Накануне.Ру); Ради физкультуры и ОБЖ и «России в мире» до основания разрушается сам фундамент российской школы (Школьные новости); Единый государственный экзамен «расширил» и так хрупкую систему образования в России. Необходимо ФУНДАМЕНТ в виде хорошей качественной системы обучения (коммент. <http://forum.ege.edu.ru/>).

Разрушительное воздействие различных, вброшенных «сверху» идей, таких, как «Управление качеством», «Компьютеризация...», «Приоритетный нацпроект», «Комплексный проект модернизации», «Наша новая школа» и др., усиливается использованием устойчивого выражения *вбить осиноый кол*, что значит «окончательно обезвреживать кого-л., избавляться от кого-л. От древнего суеверного обычая забивать осиноый кол в могилу умершего колдуна, знахаря...» [Мокиенко: 2007].

См.: Сваи, напоминающие по конструкции и материалам осиноый кол, вбиваются в педагогическое образование по сигналам сверху (НГ).

Слот 2.2. «Ограждающие конструкции»

Стены обеспечивают комфортные условия в помещениях, создают защитные барьеры. Высокая прочность, устойчивость, надежность – вот обязательные качества, которые должны характеризовать внутренние ограждающие конструкции. Именно такие требования предъявляются к образовательным стандартам, номинированным посредством метафорических употреблений лексем *стена, кладка и блоки*.

См.: Рассмотрев фундамент и несущие конструкции нашей новой школы, плавно перехожу к экспертизе ее стен. Их кладка должна выстраиваться из надежных унифицированных блоков, именуемых в нашей сфере государственными стандартами образования. Вокруг них уже десяток лет ведутся ожесточенные дискуссии: что убавить, а что добавить, кто важнее – папа или мама (естественнонаучный подход или гуманитарная компонента образования)? Я уже не говорю о мировоззренческой подоплеке этих споров, затрагивающей идеологические предпочтения авторов различных концепций. Словом, обсуждение стандартов всегда чревато скандалом. При этом за кадром остается субъект их восприятия – ребенок (НГ).

Крыша также является ограждающей конструкцией, поэтому при проектировании и монтаже крыш необходимо строго соблюдать строительные нормы. Тем более абсурдно возводить здание, начиная с крыши.

Посредством лексемы *крыша* метафорически представлен единый государственный экзамен, который, как известно, был установлен задолго до того, как были разработаны и введены в действие новые образовательные стандарты, рабочие программы и учебники и др.

См.: Наконец-то мы добрались до крыши школьного здания. Такой крышей сегодня, безусловно, является ЕГЭ (НГ); Очевидным парадоксом пореформенного строительства следует признать тот факт, что мы осуществили невиданный доселе архитектурный замысел, начав возводить все здание школы с крыши, упорно подводя под нее все остальные конструкции (НГ).

Слот 2.3. «Помещения дома»

Образному переосмыслению подвергаются лексемы, метафорически представляющие результаты образования: *коридор* – советского прошлого (*широкий коридор умений и навыков*) и *чулан* – сегодняшнего настоящего (*чулан, куда загоняют наших детей*), ассоциативно *узкий, темный, без окон, пыльный, заполненный всяким барахлом*.

См.: Нас с вами обработать немножко труднее. Мы еще слишком многое знаем, потому что школа в свое время провела нас по широкому коридору умений и навыков. Это был

не самый лучший коридор из возможных, но он был много шире и светлее того чулана, куда загоняют наших детей (коммент.).

Таким образом, в оценках, данных интернет-авторами, наблюдается переосмысление концептов, репрезентирующих данный фрейм, поскольку изначально они не наделены негативными смыслами. Закономерно, что объектами метафорической номинации становятся определенные реалии образовательной системы: реформы образования, система финансирования школ, государственные стандарты, ЕГЭ, а также непосредственные участники образовательного процесса – учителя. Исходя из прагматического потенциала метафор данной группы, элементы системы образования, подобно конструкциям дома, находятся в тесной функциональной зависимости. По мнению общественности, модернизация, во многом игнорирующая эти взаимосвязи, не в состоянии достигнуть своих глобальных целей, а только лишь усугубляет непростое положение в системе образования.

Фрейм 3. «Строительство и ремонт дома»

Слот 3.1. «Строительство дома»

В данном слоте задействована лексика, образно представляющая процесс строительства: *архитектурный замысел, проектирование, стройка; строить, возводить* и др.

См.: *Прежде чем отвечать на вопросы о целях и путях реформирования образования, необходимо оценить результаты ударной стройки, развернувшейся под девизом «модернизации (НГ)»; Очевидным парадоксом пореформенного строительства следует признать тот факт, что мы осуществили невиданный доселе архитектурный замысел, начав возводить все здание школы с крыши, упорно подводя под нее все остальные конструкции (НГ); Что ж тут удивляться, что многие здания оказались в руинах, образование в том числе. И вместо прежнего здания приходится наспех строить временки, иногда картонные или соломенные, подчас и из тех конструкторов, которые присылаются «в подарок» с Запада (коммент.).*

Строительство дома обычно метафорически обозначает создание каких-либо структур, развитие чего-либо и оценивается с положительной стороны. Однако в анализируемых нами тестах идея строительства оценивается преимущественно негативно: возведение здания происходит с нарушениями технических требований, недостаточно надежно, без должного планирования. Негативные прагматические смыслы данного слота развиваются в основном при помощи использования дополнительных языковых средств и развертывания метафоры в текстах. Объектами метафорической номинации в данном случае становятся образование в целом и его модернизация в частности. Строительство как создание современной системы образования, новой школы не оправдывает себя в глазах общественности.

Слот 3.2. «Ремонт дома, его перестройка»

В метафорах этой группы образно используются следующие номинативные единицы: *ремонт, косметический р., капитальный р., перестройка, демонтаж, перепланировка* и др.

См.: *Косметический ремонт уже не поможет, перспектив у системы российского образования никаких нет (коммент.); Меняются министры, но общий курс остается неизменным – демонтаж советской системы образования и «перереформативание» российской науки (коммент.); Капитальный ремонт – вот, что нужно нашему образованию, пока оно не развалилось окончательно (коммент.); Здание образования: ремонт продолжается, или Что несет нам новый закон о высшем образовании (gazeta.zn).*

Использование метафор данной понятийной сферы и их развертывание в анализируемых текстах отражает уже ставшую закономерной негативную оценочность. Денотативная сфера функционирования метафор этого слота охватывает последствия реформирования и способы их устранения. Формируемые прагматические смыслы в данном случае можно охарактеризовать следующим образом: ситуация в образовании достигла такого кризисного момента, что необходимы кардинальные меры для его дальнейшего полноценного существования.

Фрейм 4. «Разрушение дома»

Разнообразные действия реформаторов образования нередко метафорически номинируются как *разрушение, обрушение, расшатывание, перекосы, трещины, руины* и др. Мета-

форы данного фрейма перекрещиваются с метафорами фрейма «Конструктивные элементы дома» (слот «Несущие конструкции»).

См.: *Расшатали школьное здание* (коммент.); *Была работающая система советского образования, зачем ее было рушить, спрашивается?* (коммент.); *Умные реформы предполагают сначала опробование на 2–3 вузах и, если есть что-то положительное, распространение на остальные. А не так – разрушить до основания, а затем понять, что строить-то никто и не умеет* (коммент.); *Что ж тут удивляться, что многие здания оказались в руинах, образование в том числе* (коммент.); *Отсутствие ясного понимания целей и смыслов реформирования образования крайне опасно, поскольку ошибки в целеполагании и проектировании неизбежно приводят к перекосам в возводимых конструкциях «нашей новой школы». Перекосы, соответственно, порождают глубокие трещины и грозят скорым обрушением всему зданию* (НГ).

Реформы в системе образования ассоциируются с угрозой и опасностью, в связи с чем в анализируемых текстах реализуется агрессивный прагматический потенциал рассматриваемой метафорической модели. При метафоризации реалий системы образования актуализируются прежде всего семы «повреждение от чьего-либо воздействия», «разрушение», «угроза».

См.: *Вывод очевиден: экспертиза всего школьного здания – от фундамента до крыши – свидетельствует об ошибочности избранной стратегии развития образования. Отсутствие грамотной стратегии представляет реальную угрозу национальной безопасности* (НГ).

Таким образом, метафорическое представление образования как здания, находящегося на грани разрушения, характеризует реформы в области образования как ненужные и опасные, вследствие чего несет сильный эмоциональный потенциал и способно оказывать негативное воздействие на адресата провоцированием и поддержанием в нем тревожного состояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. – М. : Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.
2. О развитии образования в Российской Федерации: заседание Государственного совета от 24 марта 2006 г. [Электронная версия]. – Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/stcdocs/2006/03/104573.shtml>.
3. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
4. Чудакова Н. М. Производственные метафоры как репрезентанты проблем современного российского образования // Политическая коммуникация: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 24–26.09.2013) / Гл. ред. А.П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2013. – С. 372–377.
5. а. Чудакова Н. М. Метафорическое представление проблем современной школы в дискурсе СМИ // Система и среда: Язык. Человек. Общество: Материалы 5-й всеросс. науч. конф., Нижний Тагил 27 марта 2013 г. – Нижний Тагил / Отв. ред. В. П. Конева. – Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, 2014. – С. 46–50.
6. б. Чудакова Н. М. Современное российское образование в оценках морбиальной метафоры // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26–28.08.2014) / Гл. ред. А. П. Чудинов; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2014. – С. 265–268.

ШУСТРОВА Е. В.

Екатеринбург

ОТРАЖЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ДЕПРЕССИИ В АМЕРИКАНСКОЙ КАРИКАТУРЕ¹

Аннотация. Исследование посвящено анализу графических образов, появившихся в американской карикатуре в течение периода, начавшегося после биржевого краха на Уолл-стрит в «черный вторник» 29 октября 1929 г.

В исследовании использована методология, берущее начало из работ по метафорическому моделированию, мультимодальной метафоре, и доработанная нами с точки зрения возможности более точного анализа языковых данных.

В результате работы с архивными данными нами были описаны основные переносные значения и культурно обусловленные смыслы, участвующие в создании образов американской карикатуры этого периода. В частности, в группе метафор были выявлены зооморфные образы, оппозиции «вперед – назад», «верх – низ», « внешнее пространство – внутреннее пространство», гастрометафоры, метафоры игры. В качестве области переноса значения выступали образы рядовых граждан США; биржевых игроков, ставящих на повышение или понижение акций; двух президентов и их администраций; государственных проектов; американской экономики.

Метонимии выстраивались преимущественно через использование образа биржи, рук, одежды и обуви. В аллюзиях доминировали библеизмы и сказочные сюжеты. Отдельное направление исследования связано с описанием ведущих человеческих типов.

Параллельно приводится фрагментарное сопоставление с изображением экономического кризиса 2008 г.

Результаты работы вносят вклад в разработку проблем политической метафорологии. Отдельные итоги будут полезны ученым, занимающимся проблемами лингвокультурологического характера.

Ключевые слова: графическая метафора; политический дискурс; политическая карикатура; Великая Депрессия.

SHUSTROVA E.V.

Ekaterinburg

IMAGES OF THE GREAT DEPRESSION TIMES IN AMERICAN POLITICAL CARTOON

Abstract. We describe graphic (multimodal) metaphors that appeared in American editions in the time that is traditionally called the Great Depression. This period began when the Stock Market crashed on October 29, 1929. The methods of investigation are formed on the basis of conceptual metaphor theory, multimodal metaphor approach.

These methods of study have been further changed in the process of our own research so that linguistic data could be analyzed in a more detailed way.

As a result we've described transferred meanings, pun, decomposition of set-expressions and analyzed images that are deeply rooted in culture. All these form the basis for satire and irony in political cartoons of the given period. Graphic metaphors of the given period included animalistic images, oppositions "forward – vs. backwards", "up – vs. down", "outside – vs. inside", depictions of food and play. Americans of different social strata, brokers, H. Hoover, F. D. Roosevelt, the Congress, the Administration, state programs, and US economy formed the target metaphoric sphere.

Metonymies were formed by the images of stock market, hands, clothes and shoes. Dominating allusions included Biblical and fairy-tales bonds. Another sphere of interest is connected with the description of basic human types that frequented in the cartoon of the Great Depression.

¹ Материалы подготовлены в рамках государственного задания МинОиН № 2014/392 (проект № 1900 «Политическая лингвистика: метафоричность, прецедентность и креолистичность»).

We trace some features in common between the images of the Depression as seen by the American cartoonists of that period and those of the contemporary US cartoon as far as economic reduction is concerned.

The results of the research in question contribute to the investigations of political metaphors. Some results may also be of interest for scholars whose professional sphere is linked to cross-cultural and linguo-cultural studies.

Key words: graphic metaphor; political discourse; political cartoon; the Great Depression.

Данный материал посвящен анализу ключевых образов, доминировавших в американской карикатуре периода Великой Депрессии. Основное отличие карикатуры 1920–1930-х от дня сегодняшнего – это способ распространения информации. До вхождения электронных средств и сети Интернет в нашу повседневную жизнь карикатура в США создавалась по заказу определенного издательства и в 99% случаев подписывалась автором, что не могло не налагать ответственности. Сейчас Интернет-пространство наводнено графикой без авторства, а саму карикатуру может создать любой желающий, даже не имея специальных навыков. Этим объясняется значительный рост числа карикатур в целом и в том числе рисунков с гораздо более высокой долей агрессии и цинизма. Анонимность и безнаказанность провоцируют все более частое обращение к ранее табуизированным темам и образам, нередко несправедливую, предвзятую критику любых предпринимаемых правительством мер. То, что, напротив, отчасти роднит карикатуру этих двух периодов, обусловлено экономическим фоном. Начавшийся экономический кризис 2008 г. нередко сравнивали с периодом Великой Депрессии, сегодня мировая экономика тоже нестабильна. Мы предположили, что основные образы карикатуры США периода Великой Депрессии могут совпадать с изображением кризиса в современной американской карикатуре. Забегая вперед, скажем, что предположение оказалось верным, но, безусловно, есть и отличия. Для этого обзора было отобрано 100 наиболее показательных карикатур периода Великой Депрессии.

Итак, что касается основных *метафорических образов*, в американской карикатуре периода Великой Депрессии доминировали следующие: зооморфизмы, летательные аппараты, дорога, падение, еда, непогода. Немного уступали им по частотности образы ребенка, игры, растений (деревя), замкнутого пространства. Пожалуй, самым мало представленным, но тем не менее появляющимся стал образ мусора и урны.

Из *зооморфизмов* присутствуют быки и медведи как воплощение биржевых игроков, ставящих на повышение или понижение акций, овцы, лошади, коровы, свиньи, орлы, осел (только как символ демократов), индюшки и курицы со своим потомством или кладкой, крокодилы, белка (всего один пример). Образ лошади варьируется от резвого скакуна в то время, когда спад еще не произошел, до исхудавшей клячи в годы резкого спада (особенно 1930–1932 гг.). Причем резвый конь может символизировать не только экономический подъем, в 1929 г чаще это необузданный скакун, который готов разбить повозку или сбросить всадника.

Двойственность проводимых Ф. Д. Рузвельтом реформ отражена в образе орла. Чаще это не традиционный символ США, а т.н. «Синий Орел», ставший эмблемой Национальной администрации восстановления (National Recovery Administration (NRA) [далее – НАВ]. Это было одно из ключевых федеральных ведомств в рамках программы «Новый курс» (New Deal). Оно появилось в 1933 г. и осуществляло надзорные функции за соблюдением «кодексов честной конкуренции» (codes of fair competition). Разногласия по поводу справедливости действий этого ведомства начались практически сразу. В 1935 г. Верховный суд США признал деятельность НАВ неконституционной, а в декабре 1936 г. вышел указ Ф. Д. Рузвельта об упразднении этого ведомства. Тем не менее, правительство Ф. Д. Рузвельта, особенно первое время, делало ставку на деятельность этого ведомства, поэтому одновременно с критическим взглядом соседствовали рисунки, где НАВ выступает гарантом получения работы, регулятором производственных отношений, верным помощником Америки.

Индюшка как традиционный символ дня Благодарения появилась в карикатуре, когда реформы дали результат. Нужно вспомнить, что для американцев это не просто блюдо, а фактически ритуальная дичь, символизирующая преодоление трудностей, страшных испытаний, голода и болезней, Божью благодать, чудесное спасение и счастливое сытое завтра. Изображения индюшки или курицы на огромном яйце или с цыплятами стали символом надежды на окончание спада, регулярно появляясь в канун 1930, 1931, 1932 гг. Головки у птиц были задорно подняты вверх. К сожалению, январь не приносил ничего нового, и образ исчезал со страниц.

Крокодил, как правило, связывается в культуре США с югом, южными штатами. В период Великой Депрессии крокодил стал символом Флоридского «мыльного пузыря» в сфере недвижимости, который лопнул в 1925 г, став предвестником падения 1929 г. Немало американцев брало займы и покупало землю и дома во Флориде по крайне завышенным ценам. Флорида на протяжении многих лет была курортным штатом, поэтому люди надеялись не только вернуть вложенные деньги, но и получить баснословную прибыль. Когда цены резко упали, вкладчики не смогли ни вернуть свои вложения, ни отдать взятые кредиты. Кстати, кризис 2008 г. тоже начинался с обвала рынка недвижимости и ипотечного кредитования. Белка воплощала в себе «разумного» экономиста, который с удивлением взирал на среднестатистического разорившегося американца и давал нелепые советы. Критика в данном случае была направлена в адрес тех специалистов, которые были склонны обвинять граждан США в отсутствии здравого смысла и нежелании откладывать деньги, когда они были.

Ориентационные метафоры взлета и падения сопровождали карикатуру первых трех лет Великой Депрессии. Помимо образа самоубийцы, готового выпрыгнуть из окна, ориентационная метафора часто была связана с кривой показателей на диаграмме (что тоже типично для 2008 г.) и с летательными устройствами тех лет. Начало Великой депрессии и период президентства Г. Губера (1929–1933) дают многочисленные примеры парашютистов и воздушных шаров, терпящих крушение или снижающихся над руинами городской и сельской местности. А вот политика Ф. Д. Рузвельта еще в период избирательной кампании была устойчиво связана с уверенно летящим аэропланом. Образ самоубийцы, выбрасывающего из окна, стал своеобразной мифологемой периода Великой Депрессии. Самоубийств и смертей в результате шока этот крах принес, конечно, немало. Еще больше погибло потом от недоедания, болезней, депрессии. Тем не менее, именно прыжок из окна (который в реальности больше миф, чем массовый способ свести счеты с жизнью) стал символизировать совершенно отчаянное положение. Таких рисунков немного.

Образ дороги и транспортных средств тоже типичен для американской культуры в целом, входя в модель «Жизнь – это путь» и оформляя оппозицию «вперед – назад». В период кризиса 1930-х дорога в карикатуре стала ухабистой и тряской, поезда перестали ходить, но вот образа крушения поезда зафиксировано не было (в отличие от массово сошедших с рельсов поездов американской экономики карикатуры 2008 г.).

Что касается гастрометафор, то чаще всего это либо обобщенное изображение полного подноса как графической метафоры изобилия, либо яблоки. Очереди за хлебом или в благотворительную столовую тоже часть таких карикатур, но там акцент сделан на изображение людей, еда как таковая там не изображается, в отличие от фоторепортажей. Полный поднос – это неразумные траты, неправильные вложения, ничем не обеспеченные акции, фактически метафора неизбежной гибели из-за неумеренной, безрассудной алчности. Одна из примет времени – отказ от изображений каких-либо конкретных блюд, это просто стилизованные подносы, где виднеются горы тарелок с чем-то неидентифицируемым или с мотками лент тикера. Это было сделано исключительно для читателей – вряд ли недоедающим американцам хотелось бы видеть изображения гастрономических соблазнов. Яблоки тоже стали своеобразным символом Великой Депрессии, поскольку их продавали повсюду те, кто был в совершенно бедственном положении. Фактически это был легализованный способ просить милостыню.

Из игр в это время в карикатуре выбирают либо карточные (т.е. азартные, рискованные) игры, либо цирковые трюки, либо крайне рискованные детские шалости. Это было призвано отразить детское сознание общества, безрассудно ищущего новых удовольствий, не думая о цене. При этом расплата изображается здесь же. Это либо уже кто-то поплатившийся ранее, либо, судя по рисунку, аттракцион явно сейчас прекратится, а акробаты упадут на зрителей, некоторые из которых уже в ужасе закрывают голову руками. В отличие от современной американской карикатуры действия правительства не изображались как фокусы, а президент не предстал как иллюзионист. Это сегодняшние реалии. Помимо графической метафоры игр и изображений обобщенного образа детей, детский облик могли принимать законы, издаваемые Ф. Д. Рузвельтом. Это символизировало, с одной стороны, неустойчивость, слабость предпринимаемых мер, а с другой – начало, обновление, рост.

Довольно значительная часть карикатур содержит образы, оформляющие оппозицию «внешнее пространство – внутреннее пространство». Внешнее пространство – это в основном городской пейзаж, крайне мрачный, унылый, не вселяющий никаких надежд. Скорее, это отражение реальности. Из времен года неизменно выбираются осень и зима, на рисунках изображается много снега, голые ветви деревьев, скамьи полные закутавшихся в мятые пальто людей. Нередко появлялся образ стихии, водоворота, потопа. Внутреннее пространство обычно показывается через изгороди, заборы, за которыми находится запустевший сад или крохотный огород вместо прежних роскошных оранжерей. Второй типичный образ это городская квартира тоже в весьма жалком состоянии. Изображения обваливающихся, крошащихся стен, мусорных урн полных лент биржевых аппаратов (т.н. тикеров), мусорных баков, скрывающихся за занавесом, где написано «Прцветание», – еще одна из примет карикатуры этой поры.

Метонимические связи наиболее часто подавались через образы самой биржи, рук, одежды и обуви. **Аллюзии** этого периода включают античные сюжеты, в первую очередь образы Одиссея, Иллиады, библеизмы, редкие отсылки к художественной литературе, в частности М. Сервантеса, Л. Кэрролла, Г. Б. Стоу, параллели со сказками веками американской истории.

Безусловно, важны и персонажи, **человеческие типы** карикатуры. Исследуемый период характеризуется доминированием образа «маленького человека», обычного среднего американца, потерявшего слишком много. Как правило, карикатуристы относятся к такому персонажу очень трепетно. Одновременно есть блок карикатур, высмеивающих высшие слои, что, впрочем, зависит от политики издательства и социального статуса карикатуриста. К фермерам отношение варьируется, доминирует негативная прагматика. Порядка 95% карикатур изображают белого мужчину (все зависимости от социального статуса). Женщина как самостоятельный персонаж появляется крайне редко, практически никогда в роли наемного работника (исключение составляет рисунок с двумя уборщицами Белого дома). Обычно это хозяйка дома, жена, мать, сопровождающая образ мужчины. Никогда женщина не высказывает своего недовольства, не порицает и не высмеивает мужа. Она может быть слегка расстроена, озабочена, но это образ верной и любящей подруги, старающейся сэкономить, иногда достаточно экстравагантно. Кстати, в этом тоже одно из отличий карикатуры периода Великой Депрессии от женского карикатурного образа, доминировавшего ранее. Характерно изображение детей как персонажей, подчеркивающих роль родителей, в первую очередь отца.

ЭНС Е. С.

Кемерово

**ВЛИЯНИЕ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ
НА ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ АВТОРА В ИНАУГУРАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ
(НА ПРИМЕРЕ ИНАУГУРАЦИОННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ
П.А. ПОРОШЕНКО И В.В. ПУТИНА)**

Аннотация. В статье, выполненной на материале инаугурационных речей украинского президента П. А. Порошенко и российского президента В. В. Путина, рассматривается интенциональное содержание инаугурационного дискурса и модель образа автора в сопоставительном анализе. Исследуется влияние экстралингвистических факторов на композиционную организацию инаугурационной речи, проявление авторской модальности в зависимости от внешних факторов.

Ключевые слова: политическая лингвистика, инаугурационный дискурс, коммуникативная ситуация, интенциональное содержание.

ENS E.S

Kemerovo

**THE IMPACT OF EXTRALINGUISTIC FACTORS ON THE INTENTIONALITY
OF THE AUTHOR IN THE INAUGURAL DISCOURSE
(BASED ON THE INAUGURAL SPEECHES OF P.A. POROSHENKO AND V.V. PUTIN)**

Abstract. The paper, based on the material of the inaugural speech of the Ukrainian President P. Poroshenko and the Russian President Vladimir Putin, studies the intentional content of inaugural discourse and model image of the author with the help of comparative analysis. The influence of extralinguistic factors on the compositional organization of the inaugural speech and expression of the author's modality depending on external factors are discussed.

Keywords: political linguistics, inaugural discourse, communicative situation, intentional content.

Наше исследование находится в плоскости пересечения лингвополитологии, коммуникативной лингвистики и лингвоперсонологии и посвящено изучению текстов инаугурационной речи украинского президента П. А. Порошенко и инаугурационного выступления В.В.Путина 2012 года, характеристике языковых особенностей, а также выявлению авторской модальности и сопоставительному анализу данных текстов.

Обращение к инаугурационной речи позволит, с одной стороны, описать жанровые и лингвопрагматические особенности этого типа текстов, а с другой – выявить интенциональное содержание политического дискурса, обусловленное, с одной стороны, личностью президента, а с другой – конкретными социально-политическими условиями, в которых произносится инаугурационная речь, т.е. коммуникативной ситуацией. Текст инаугурационного обращения хотя и подчиняется канонам жанра, однако создается в конкретных социально-политических условиях и не может не отражать личность автора, его модальность и интенциональность, а также ориентацию на социальные ожидания адресата в конкретных социально-исторических условиях.

Лингвокогнитивный анализ инаугурационных выступлений российских президентов, выполненный отечественными лингвистами и лингвополитологами, позволяет заключить, что инаугурационная речь как один из основных идеологических инструментов политической коммуникации представляет собой строго функциональный текст и хотя и создается группой людей, однако личностное начало вступающего в должность президента ощущается достаточно сильно.

Целью нашего исследования является обоснование положения о том, что в инаугурационном дискурсе президента реализуется интенциональность автора, обусловленная его

личностью, коммуникативной ситуацией и социально-политическими условиями, в которых происходит процедура вступления в должность.

Рассмотрим инаугурационные выступления Порошенко П. А. и Путина В. В. с точки зрения жанроведческого аспекта. Композиционная организация данных инаугурационных обращений вариативна, то есть в речах президентов, с одной стороны, мы отмечаем соответствие каноническим требованиям, а с другой – некоторые нарушения канонических требований данного жанра. Так, и в речи В. В. Путина, и в речи П. А. Порошенко представлены следующие обусловленные каноном компоненты: приветствие, осознание важности своего долга, призыв к единству нации, благодарность электорату, прощение. Но их языковая реализация представлена по-разному, что обусловлено различием коммуникативных задач авторов выступлений. ТАК, речь В. В. Путина начинается со слов *Уважаемые граждане России! Дорогие друзья!*, что дает установку на сближение с адресатом, налаживание «дружеского диалога». Приветствие украинского президента представляет собой обращение, осложненное однородными несогласованными определениями, выполняющими уточняющую функцию (*Дорогие соотечественники, от Львова до Донецка, от Чернигова до Севастополя!*). В этом обращении содержатся географические наименования, в совокупности обозначающие крайние территориальные точки украинского государства, в том числе и спорные территории, являющиеся зоной военного конфликта. Намеренное включение этих наименований в начальную, сильную позицию текста, несомненно, обусловлено прагматическими целями – выразить геополитические намерения власти на восстановление границ государства, в том числе с претензией на присоединение Севастополя, и тем самым соответствовать политическим ожиданиям радикальной части электората, являющейся сторонниками антироссийской политики государства.

Инаугурационная речь украинского президента выражает такие его коммуникативные цели, как призыв к единству народа. В выступлении В. В. Путина эта интенция выражается следующим образом: сплотить народ в единстве цели, в единстве результатов для развития будущего страны. В тексте это выражается неоднократным употреблением таких лексем, как – *мы, наши, общее* (*Мы добьёмся наших целей, если будем единым, сплочённым народом, если будем дорожить нашим Отечеством, укреплять российскую демократию, конституционные права и свободы, расширять участие граждан в управлении страной, в формировании национальной повестки дня, чтобы стремление каждого к лучшей жизни было воплощено в совместной работе для процветания всей страны*).

В речи П. А. Порошенко главным является убедить украинский народ в его самобытности, уверить адресата в целесообразности намерений правительства, репрезентировать направленность на мирное урегулирование конфликта между западной и юго-восточными областями Украины, показать важность и необходимость сотрудничества с Европой. В странстве текста эта интенция реализуется следующим образом: употреблением лексем, подчеркивающих сокращение дистанции между адресантом и адресатом; наличием слов, возбуждающих чувства патриотизма, единства нации: *Сограждане, украинские патриоты, украинский народ, украинская политическая нация*. Президент отдельно обращается к *согражданам Донецкой и Луганской области*. Частотными в тексте инаугурационной речи являются лексемы, направленные на подчеркивание независимости и самобытности украинцев: *независимость, революция, революционеры, самостоятельность, свобода*. Выражая свои политические цели, П.А. Порошенко использует высказывания с отрицательной модальностью, подчеркивающие направленность нового правительства на мирное урегулирование конфликта: *Я не хочу войны. Я не хочу мести*. Содержащиеся в тексте подобные выражения, с нашей точки зрения, отражают, прежде всего, интенции президента – вызвать доверие жителей восточных областей Украины - и рассчитаны на соответствующий перлокутивный эффект.

В обоих случаях инаугурация происходила в нестабильное для страны время. Конечно, сложно сравнивать размах украинской революции со «Снежной революцией» 2012 года в России, но тем не менее настрой аудитории напрямую влияет на интенции адресанта и на то, как будет выстраиваться образ лидера в целом. В своей речи 2012 года В.В. Путин выступает

как лидер, выдвигающий на первый план свой народ, лидер, который сможет только с помощью народа добиться поставленных целей, главное – это быть в единстве, «президент и народ – единое целое». Адресант настроен демократически, это можно сформулировать как «я переживаю за каждого и только с вашей помощью я смогу». П. А. Порошенко предстает как решительно настроенный лидер, готовый доказывать правильность выбранного политического курса и вести за собой народ, главная интенция в данном случае – оправдать понесенные потери и уверить электорат, что это было на благо, что он именно тот лидер, который сможет вывести страну из сложного политического положения.

Таким образом, можно отметить, что инаугурационная речь как вид политического дискурса, с одной стороны, подчиняется общим канонам, свойственным данному типу текстов, и содержит типовые топосы и композиционные части. С другой стороны, реализуется в определенной коммуникативной ситуации, разворачивающейся в конкретных социально-политических условиях. Она обусловлена определенными коммуникативными задачами адресанта и зависит от конкретных социально-исторических условий, в которых создается текст.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Волкова, И. С. Слово Путина: Что показал психолингвистический анализ устных выступлений и.о. президента России / И. С. Волкова // Эксперт. 2000. № 6.
2. Гаврилова, М.В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса / М.В. Гаврилова: автореферат... д-ра филол. наук, 2005. – 48 с.
3. Шейгал, Е. И. Инаугурационное обращение как жанр политического дискурса / Е.И. Шейгал // Жанры речи – 3. – Саратов, 2002. – С. 205 – 214.
4. Campbell, K.K., Jamieson, K.H. Inaugurating the Presidency / K.K. Campbell, K.H. Jamieson // Form, Genre and the Study of Political Discourse. Columbia (S. Car.), 1986.
5. Joslyn, R. Keeping Politics in the Study of Political Discourse / R Joslyn // Columbia (S. Car.), 1986.
6. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал // М.: Гнозис, 2004. – 324 с.

ЯНУШ О. Б.

Казань

ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА И ГЛОБАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ИЕРАРХИЯ¹

Аннотация. Статья посвящена пространству языка: международному положению, географическому пространству, виртуальному пространству и пространству языка как родного. Автор предпринимает попытки объяснить сложившееся положение языков, называемое «глобальной языковой иерархией» или «глобальным языковым порядком». Анализируются такие понятия, как «политика языка», «языковая политика», «глоттополитика», «геостратегия языка».

Ключевые слова: пространство языка, глобальная языковая иерархия, языковая политика, политика языка, глоттополитика, геостратегия языка.

YANUSH O. B.

Kazan

LANGUAGE SPACE AND GLOBAL LANGUAGE HIERARCHY

Abstract. The article is devoted to the space of language: the international situation, geographical space, virtual space and the space as a native language. The author attempts to explain the current situation of languages called "the global language hierarchy" or "global linguistic order".

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект № 4097.2014.6.

Such concepts as "politics of language", "language policy", "glottopolitics", "geostrategy of language" are analyzed.

Key words: language space, global language hierarchy, language policy, politics of language, glottopolitics, geostrategy of language.

Глобализация, став одной из ведущих тенденций современного мира, и предполагающая прежде всего рост взаимозависимости и взаимодополняемости мира, охватила практически все сферы жизни. Наряду с экономическим, культурным, демографическим и многими другими измерениями не следует упускать и политическое измерение, предполагающее эрозию национально-государственного суверенитета в результате возрастающей «проницаемости» межгосударственных границ и ослабление традиционных функций государства. С развитием новых информационных технологий, транспортных средств, телевизионных сетей, мировой паутины возникают новые технологические преимущества для передвижения не только товаров, услуг, капиталов, но и людей. В современных условиях, когда мир и географические пространства легко преодолеваются, возникает потребность в прямой коммуникации. «Дипломаты, бизнесмены, ученые, туристы и обслуживающие их службы, пилоты авиалиний и авиадиспетчеры – все они нуждаются в каком-нибудь средстве эффективного общения друг с другом» [Хантингтон 2005: 83]. Они делают это преимущественно на английском языке. «В этом смысле английский является средством межкультурного общения, точно как христианский календарь стал всемирным инструментом измерения времени, арабские цифры – всемирным способом счета, а метрическая система, большей частью, всемирной системой измерения» [Там же: 83]. Таким образом, язык выступает тем средством, с помощью которого осуществляется коммуникация в сфере политики, торговли, обороны, науки, СМИ, в сети и в других важнейших сферах. Можно говорить о нескольких пространствах языка: международном положении, географическом пространстве, виртуальном пространстве и о пространстве языка как родного языка. Попытаемся объяснить каждое из этих положений.

Под международным положением языка «понимается степень его действительного использования для международной коммуникации, т.е. для коммуникации между различными акторами (главными образом, государствами и их индивидуальными членами)» [Аммон 2003: 231]. Для оценки международного положения языка мы будем придерживаться таких индикаторов, предложенных немецким профессором лингвистики У. Аммоном, которые свидетельствуют о «международности» языка и в то же время являются факторами, оказывающими влияние на такое положение: это «численная сила, экономическая сила, политическое влияние, число научных публикаций и такой показатель, как изучение языка» [Там же: 232].

Основным индикатором является так называемая численная сила, то есть число нативных говорящих на данном языке. Даже самое поверхностное рассмотрение говорит о том, что практически все международные языки обладают, а в случае с латинским языком – обладали, относительно широкими сообществами нативных говорящих. На сегодняшний момент китайский язык по численности нативных говорящих занимает лидирующее положение – 1 млрд. 123 млн. человек; далее идут английский язык – 322 млн. и русский – 288 млн. человек. Немецкий и французский языки занимают одно из последних мест: 98 млн. и 72 млн. соответственно. Однако данный показатель, несмотря на свою важность, носит ограниченный характер. Известно, например, что английский язык в международном плане гораздо важнее китайского языка, а французский – бенгальского. Более показательным число использующих тот или иной язык. Языковая обсерватория (www.linguasphere.org) составила каталог самых используемых языков мира, на каждом из которых говорят более 100 миллионов человек, включая нативных говорящих. Этими языками являются английский и мандаринский китайский (на каждом из которых говорят свыше 1 миллиарда человек); хинди/урду (900 млн.); испанский (450 млн.); русский (320 млн.); арабский и бенгали (по 250 млн. каждый); португальский (200 млн.); малайский-индонезийский (160 млн.); японский (130 млн.); французский и немецкий языки (по 125 млн. каждый) [Gunaratne 2003: 18].

Следующий показатель, который обращает на себя внимание – это экономическая сила языка. По мнению, У. Аммона, данный показатель обычно измеряется валовым национальным продуктом нативных говорящих на данном языке во всем мире, и его можно учесть в каждой стране, а в многоязычных странах учитывается процентное соотношение к численности соответствующего языкового сообщества [Ammon 2003: 235]. При прочих равных условиях экономически сильный язык распространен международно в большей степени, чем экономически слабый язык. В экономическом плане китайский язык занимает господствующее положение. В целом же, в сфере торговли известна мудрость, согласно которой «Вы производите на своем языке, но продаете на языке покупателя» [Languages 2000: 72]. К примеру, компании, не способные действовать на данном иностранном языке, не добиваются успеха на рынках, где этот язык необходим [Phillipson 2003: 70]. С другой же стороны, меняется традиционная роль национальных границ и языков в силу унификации глобального рынка, коммерческих операций, новых технологий, концентрации корпоративного влияния в нескольких крупных союзах. Английский язык наряду с арабским, китайским, хинди и японским языками, является языком глобального рынка. К примеру, «в Париже немецкий банк требует от своих служащих свободного владения английским, поскольку этот язык является корпоративным языком международного бизнеса» [Гронская 2004: 66].

Другим важным показателем международного положения языка является его статус в качестве официального или государственного языка стран или же официального и рабочего языка в международной организации или межгосударственном интеграционном объединении. Здесь требуется небольшое терминологическое уточнение.

Экспертами ЮНЕСКО в 1953 году было рекомендовано разграничивать понятия «national language» и «official language». Под «national language» - государственный язык – понимался язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной жизнедеятельности общества [Бенедиктов 2003]. Под «official language» понимался язык государственного управления, законодательства, судопроизводства [Там же]. «Если язык обладает официальным статусом в нескольких странах», пишет У. Аммон, «на национальном или региональном уровнях при прочих равных условиях вероятнее всего то, что он будет использоваться международно и будет изучаться в качестве иностранного языка в силу своего более значительного коммуникационного потенциала. К примеру, английский язык является официальным и рабочим языком в 181 международной организации, французский язык – в 165 организациях, а русский язык – в 35. «Английский язык является официальным языком Европейского центрального банка, несмотря на тот факт, что Соединенное Королевство не присоединилось к Европейскому валютному союзу, банк расположен во Франкфурте и лишь 10 % служащих банка – британцы» [Fishman]. Использование английского языка такими влиятельными международными организациями, как Всемирный Банк, Международный Валютный Фонд, Всемирная торговая организация служит усилению его корпоративного влияния и позиций. Английский язык занимает доминирующее положение в международном распространении печатных СМИ, в устных или визуальных СМИ: радио, телевидение, кинопродукция, популярная музыка. Помимо культуры, глобальных СМИ, глобального рынка очевидно доминирование английского языка и в сфере научных публикаций. Показателен пример существенного влияния английского языка в области международной науки. Без знания английского языка трудно получить свежую научную информацию – «объявления о международных научных форумах, сообщения о научных событиях, аннотации на новые книги и учебники появляются в основном на английском языке [Гронская 2004: 67]. Наконец, еще одной важной сферой, доминирование или лидирующее положение в которой говорит о международном положении языка и его престижности, является образование, а точнее присутствие и изучение языка в качестве иностранного или второго языка в учебных планах всех ступеней образования.

В сфере международных коммуникаций английский язык занимает доминирующее положение. Предпринимаются многочисленные попытки объяснить сложившееся положение языков, называемое иногда «мировой языковой системой», «глобальным языковым поряд-

ком», и, в частности, доминирующие позиции английского языка. Распространение и сокращение языков – это социальное явление, которое отражает положение влияния. Исчезновение языка всегда имеет лингвистические причины, являющиеся результатом баланса сил. Р. Филлипсон, объясняя относительное влияние соответствующих языков и иерархии языков, различает структурные факторы, предполагающие материальные источники, поддерживающие статус языков, и идеологические факторы, касающиеся отношения к языкам, представлений об их ценности, полезности, заслугах, подчеркивает роль национальных государств [Phillipson 2003: 47, 64]. Хотя «язык не является синонимом ни идеологии, ни национального интереса», он «врожденно выражает языковой, культурный и основанный на средствах массовой информации империализм, а распространение языка автоматически приводит к распространению идеологии, политической системы и культуры» [Phillipson 1997: 238-239]. Вместе с тем государства, чьи языки занимают главенствующее положение в лингвистической иерархии, желают сохранить это положение. Язык становится инструментом внешней политики государств, а саму внешнюю языковую политику можно обозначить как «глотополитику», определяемую португальским исследователем и дипломатом Дариу Мурейрой де Каштру Алвешом как «доктрина, *практика* (курсив наш) или дисциплина, которая бы включала в себя и систематически изучала отношения одного государства или нации с другими как в региональном, так и в многостороннем плане с точки зрения положения языка как инструмента присутствия в международном сообществе и места в нем» [Дариу Мурейра де Каштру Алвеш 2003: 276]. Однако термин «языковая политика» в силу различных контекстов способен внести концептуальную путаницу, а когда речь идет о политическом измерении вопросов языковой политики, концептуальная строгость и точность при анализе языковых вопросов крайне необходима.

В большинстве европейских языков используется одно слово – «politik» (немецкое), «politique» (французское), «политика» (русское), которому в английском языке соответствует как «policy», так и «politics». Соответственно можно говорить о политике языка и языковой политике.

Политика языка – это «определенный сегмент онтологического пространства, где концентрируются политико-языковые отношения» [Мухарямов 2006: 50]. Политико-языковые отношения можно определить как «обмен деятельностью и социально-волевыми установками между акторами по специфическому поводу, именно – по поводу взаимодействия языка и политики» [Мухарямова 2003: 54]. «Политика языка, несмотря на вызываемые этим концептом некоторые ассоциации по аналогии с концептами «политика идентичности», «политика различий», «политика признания», понимается шире... Политика языка – это язык как «politics», язык как одна из подсистем политического и в одном из вариантов международно-политического, язык как сегмент политической сферы или политического пространства. А языковая политика (policy) «в рассматриваемом контексте – внешней политики и другой деятельности на мировой арене, это не только планирование статуса, корпуса и т.п. Всякий акт властей или любых других политических (в том числе – международных) акторов, предпринимаемый по поводу языка – начиная от символических манипуляций и заканчивая изданием словарей и справочников, – все это входит в понятие «языковая политика» [Мухарямов 2003: 50-51]. Схожее по смыслу, но более широкое значение имеют такие термины, как «политикостратегия языка» и «геостратегия языка». М. Фетт, канадский профессор, разграничивает понятия «политикостратегия» и «геостратегия» по территориальному принципу, определяя «политикостратегию языка», доминирующую в области языковой политики и планирования, как «направленную на укрепление использования единого языка в общественной администрации и образовании как на всей территории государства, так и в пределах обозначенных внутренних границ, а «геостратегию языка» как «определение и защиту конкретной ниши в глобальной лингвистической экосистеме» [Fettes 2003: 37-38]. Геостратегии как стратегии распространения языка подразумевают лишь несколько языков и охватывают важнейшие сферы жизнедеятельности человека: торговлю, науку, культуру и образование. Представляется, что образование в силу того, что именно от политики в этой области зави-

сит, то, какие языки будут использоваться для получения доступа к международному фонду знаний, как будут использоваться языки для предоставления или лишения избирательных прав определенных групп населения и многое другое, может и должно стать частью стратегии распространения языка как материнского (родного) языка, второго языка и иностранного языка.

Первые институты по продвижению языка, что свидетельствует о распространении этого явления на международном уровне, начинают появляться с конца девятнадцатого века: к примеру, Французский Альянс – международная организация по обучению французскому языку с 1072 отделениями в 130 странах мира – с 1883 года, курсы французской культуры при Сорбонне – с 1919 года – ежегодно здесь приобретают знания около 9 тысяч человек из 130 стран мира, а продолжительность и стоимость курсов варьируются от 1-2 до 4-11 недель и от 200 до 870 евро соответственно [Машковцева 2006]; Израильский Альянс – с 1860 года. У немецкого языка есть Институт Гете, предлагающего как интенсивные, так и суперинтенсивные курсы от 750 до 3560 евро; у японского – Японское Общество, «Культурный центр Эдо», «Языковая школа Сибуйа», у английского – Британский Совет [Maurais 2003: 29].

Продвижение языка требует не только времени, но и значительных финансовых затрат. В частности, доля Франции в бюджете Международной организации франкофонии составляет 75 % (счет идет в миллиардах евро ежегодно) всех средств, идущих на поддержку деятельности множества государственных и общественных организаций (Межправительственное агентство франкофонии, Международная ассоциация мэров франкофонных городов, Французский Альянс, телевизионный спутниковый канал франкофонии (ТВ-5), Группа франкофонных послов, Франкофонный бизнес-форум, спортивно-оздоровительные летние лагеря-школы, проведение Олимпийских игр франкофонии) [Дударь; Семенов].

Региональная коммуникация, неформальное рыночное взаимодействие и миграция управляют распространением регионального языка по всему миру. К примеру, в Африке, где говорят приблизительно на 2 000 из 6 000 языков, и живет 13 % всего населения мира, английский язык является ни единственным, ни даже лучшим средством следования через языковую полосу препятствий. Во всей Восточной Африке суахили – обычно первый язык, на котором два иностранца пытаются заговорить при встрече. В Западной Африке приблизительно для 25 миллионов человек хауса является родным языком и, возможно, для 50 миллионов – вторым или третьим языком в значительной степени благодаря расцвету региональной торговли на местных рынках всего региона. Большинство же использующих хауса являются мусульманами, и многие из них посещают коранические школы, где изучают арабский язык – основной региональный язык в Северной Африке. Тем самым многие африканцы – трилингвы на функциональной основе: местные родные языки используются среди «своих», хауса – для торговли и светской грамотности, арабский язык – для молитвы и изучения Корана.

По всему Китаю и в некоторых южных соседних странах распространяется мандаринское наречие китайского языка (к примеру, в Сингапуре уже 19 лет реализуется национальная кампания «Говорим по-мандарински»); испанский язык распространяется в обеих Америках; хинди приобретает новых изучающих в мультязычной, мультиэтнической Индии; арабский язык распространяется в Северной Африке и Южной Азии и как язык ислама, и как важный язык региональной торговли [Fishman]. Русский язык, чьи позиции после распада СССР значительно ослабли, все еще остается языком, используемым на всем постсоветском пространстве. Таким образом, можно говорить о географическом пространстве языка: о франкофонии – зоне распространения французского языка, о лузофонии – португальского языка, русофонии, арабофонии и т.д.

«Каждый язык обладает собственными отличительными функциями. Характерно, что язык, используемый в семье и при общении с друзьями, язык, используемый при общении с коллегами или соседями, и язык, используемый при общении с боссами или правительствами, не нуждается в том, чтобы быть одним и тем же. Чтение технических или экономических материалов может потребовать владения иным языком, чем чтение колонки, посвященной

светской хронике» [Там же]. Когда же существует конкуренция между двумя языками за исключительное использование в имеющей отношение к влиянию области – например, в управлении или обучении, велика вероятность языкового конфликта, в том числе между мировыми языками.

Отношения между языками невозможно проанализировать только через призму географии. Появление новых типов средств массовой информации – Интернета, радио и телевизионных спутников – позволяет говорить о наличии виртуального пространства и обязывает принять этот факт во внимание.

Существование языков в Интернет-пространстве не лишено противоречивости. Вместе с тем, как отмечает Н.Э. Гронская, «новые каналы коммуникации не зависят от географического фактора (в том смысле, что не требуется пересечения границ) и коренным образом меняют саму суть вербального контакта. Происходящее с языками не является зеркальным отражением формирования мирового глобального рынка, единого глобального экономического пространства» [Гронская 2006: 62]. Она же различает три уровня виртуального пространства вербальной коммуникации: моноэтнический уровень, где происходит виртуальное общение представителей одного этноса – носителей единого языка; би/полиэтнический уровень, на котором осуществляются контакты представителей различных этносов, говорящих на разных языках; и, наконец, уровень глобального общения остается для реализации глобальных коммуникативных практик [Там же: 63]. Вместе с тем виртуальное пространство языка обладает рядом отличительных черт от пространства географического.

Во-первых, в виртуальном пространстве не требуется компактного проживания носителей языка, поскольку сами носители могут располагаться друг от друга на любом расстоянии, главное – иметь доступ в Интернет. Еще одной важной характеристикой является отсутствие необходимости в большом количестве носителей языка. Важно также подчеркнуть, что виртуальное пространство создает условия для устойчивого существования языков, обеспечивая реализацию их коммуникативного пространства. Чтобы язык полноценно воспроизводился в Сети, помимо сайтов чисто информационной направленности, создаются виртуальные библиотеки, учебные сайты, чаты, Интернет-магазины и т.д. [Там же: 64]. Вместе с тем в виртуальном пространстве язык может жить, не функционируя, т.е. не обслуживая коммуникацию, что противоречит самой природе языка. Для материализации языка в Сети достаточно его «физического» присутствия, другими словами лингвистического описания. Однако на данный момент «не более 5 % от всего объема языков (то есть около 350) более или менее полно описаны, с более или менее понятной грамматикой, словарями, учебниками и т.д. Не более 20 % из них имеют хоть какое-то описание, будь то частичное, устаревшее, непрофессиональное; совсем немногие были отмечены хоть каким-то образом» [Maurais 2003: 28]. Лингвистическое описание языка в Сети позволяет говорить о «виртуальном» существовании языков: «на языке никто не говорит, он практически перешел в разряд мертвых, однако, будучи зафиксирован в Интернете, он превращается в готовую к действию коммуникативную систему, ожидающую только участников коммуникации» [Гронская 2006: 66]. Интернет обладает важным достоинством, создавая условия для поддержания миноритарных языков и возрождения умирающих языков. Очевидно, что развитие корпуса любого языка, в том числе и миноритарного, требует временных и финансовых затрат, а чисто технические решения могут привести к исключению языка из мировой паутины. Если же вернуться к уровневому членению виртуального пространства, то наблюдаются связи между коммуникативным уровнем и соответствующим ему типом лингвистической ситуации: моноэтническое общение обеспечивается в пределах монолингвизма, би-/полиэтническое – реализуется через би-/полилингвизм, а «глобаллингвизм» возникает на уровне международных коммуникаций.

Помимо географического и виртуального пространств также можно говорить и о пространстве языка в качестве родного. Родной язык может быть представлен в виде «совокупности языковых объектов устной и письменной речи, который использовал, использует или может использовать конкретный человек» [Бенедиктов]. Понятие «родной язык» всегда свя-

зано с конкретным индивидуумом. Носителями «родного языка» могут быть только отдельные люди.

Мы являемся свидетелями сложившейся глобальной языковой иерархии, на вершине которой находится английский язык, и, как отмечает С. Хантингтон, опираясь на доступные ему данные за три десятилетия (1958-1992), «общее соотношение использования языков в мире кардинально не изменилось» [Хантингтон 2005: 80]. Однако делаются различные прогнозы в отношении дальнейшего развития языков, общим для которых является тезис о снижении влияния английского языка и о том, что ни один язык не займет того центрального места, которое занимал английский язык в конце двадцатого столетия.

Д. Грэддол отмечает, что в «двадцать первом столетии глобальную языковую иерархию ждет огромное потрясение» [Graddol 1997: 39]. Согласно его прогнозу, к 2050 году на вершине глобальной языковой иерархии будут находиться несколько «больших» языков: китайский, хинди/урду, английский, испанский, арабский. Вторую ступень иерархии будут занимать региональные языки (языки крупных торговых блоков): арабский, малайский, китайский, английский, русский, испанский. Наконец, третий и четвертый уровни иерархии составят национальные (порядка 90 языков) и местные (около 1000 языков с различной степенью официального признания) языки.

Дж. Фишман утверждает, что «нет основания полагать, что английский язык будет необходим всегда, как это происходит сегодня в сфере технологий, высшего образования и социальной мобильности», аргументируя свое мнение развитием региональных языков. Интересны примеры «падений» языков, приводимые этим ученым: «Падение французского языка с его пика влияния не нанесло непоправимого вреда искусству, музыке или дипломатии. Схожее падение немецкого языка не навредило точным наукам. Древнегреческий, арамейский, латинский и санскрит, являвшиеся когда-то языками, представлявшими военную мощь, изысканность, торговлю и одухотворенность, сегодня являются простыми реликтами [Fishman]... Снижение влияния английского языка во всем мире вовсе не означает, что связанные с его распространением ценности также снизятся. В конце концов, демократия, международная торговля и экономическое развитие могут процветать на любом языке.

ЛИТЕРАТУРА

Бенедиктов Н. А., Бердашкевич А.П. О правовых основах государственной языковой политики // Мир русского слова. – 2003. - №2. – <http://www.learning-russian.gramota.ru/journals.html?m=mirrs&n=2003-02&id=492>

Гронская Н. Э. Виртуальное пространство языковой политики: конфликтность лингвистического сосуществования // Полис. – 2004. - № 6.

Дариу Мурейра де Каштру Алвеш Лузофония и содружество стран португальского языка // Решение национально-языковых вопросов в современном мире / Под ред. акад. Е.П. Чельшева. – М. – СПб.: Златоуст, 2003.

Дударь А. Нация начинается с языка // <http://www.novopol.ru/material1532.html>.

Машковцева З. Зубрежка плюс каллиграфия // Независимая газета. – 2006. – 22 марта.

Мухарямов Н. М. Соотношение языка и политики в международных измерениях // Труды и материалы. Международная научно-практическая конференция «Сохранение и развитие языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы». – Казань: Изд-во Алма-Лит, 2006.

Мухарямова Л. М. Языковые отношения: политологический анализ. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2003.

Семенов С. Язык их – друг наш. Может ли русский язык по примеру французского объединить народы и государства // http://www.newtimes.ru/artical.asp?n=3081&art_id=6214

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2005.

Ammon U. The international standing of the German language // Maurais J. and Morris M. Languages in a Globalising World. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

- Fettes M. The geostrategies of interlingualism // Maurais J. and Morris M. Languages in a Globalising World. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Fishman J. The new linguistic order // <http://www.uoc.edu/humfil/articles/eng/fishman/fishman.html>
- Graddol D. The Future of English? – London: The British Council, 1997.
- Gunaratne S. Proto-Indo-European expansion, rise of English, and the international language order: a humanocentric analysis // International Journal of the Sociology of Language. – 2003. – 2003. - #164.
- Languages: the next generation. The final report and recommendations of the Nuffield Languages Inquiry. – London: The Nuffield Foundation, 2000.
- Maurais J. Towards a new linguistic world order // Maurais J. and Morris M. Languages in a Globalising World. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Phillipson R. Realities and Myths of Linguistic Imperialism // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 1997. – Vol. 18, No. 3.
- Phillipson R. English-Only Europe? Challenging Language Policy. – London: Routledge, 2003.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Алина Алексеевна – кандидат филологических наук; Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ), ассистент кафедры истории культуры гуманитарного факультета; e-mail: alina.alexeeva@gmail.com

Алексеева Лариса Михайловна – доктор филологических наук, профессор; Пермский государственный национальный исследовательский университет, профессор кафедры лингводидактики; e-mail: alm@psu.ru

Мишланова Светлана Леонидовна – доктор филологических наук, профессор; Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав.кафедрой лингводидактики; e-mail: mishlanovas@psu.ru

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный лингвистический университет; профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, директор Научно-исследовательского центра интеракционной лингвистики и институционально-правовой коммуникации; e-mail: alealfyogov@yandex.ru.

Кустова Елена Юрьевна – доктор филологических наук, профессор; Пятигорский государственный лингвистический университет, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации.

Червоний Александр Михайлович – доктор филологических наук; Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета; профессор, зав. кафедрой немецкого и французского языка.

Бабикова Марина Рашитовна – аспирант кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета; e-mail: marina-anvarova@yandex.ru

Бекасова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка ФГБОУ ВПО «Оренбургский государственный педагогический университет»; e-mail: bekasova@mail.ru

Бекоева Ирина Давидовна – Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, аспирант; e-mail: irina.beckoeva@yandex.ru.

Борисова Елена Георгиевна – доктор филологических наук, профессор; ГБОУ ВПО «Московский государственный лингвистический университет», кафедра связей с общественностью, профессор.

Будаев Эдуард Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Российского государственного профессионально-педагогического университета; e-mail: aedw@gambler.ru

Бушев Александр Борисович – доктор филологических наук; ФГБОУ «Тверской государственный университет», профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью; e-mail: alex.bouchev@list.ru

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор; Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, профессор кафедры общего языкознания; e-mail: vasileva@kspu.ru;

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры научно-технического перевода Кубанского государственного технологического университета; email: svork@mail.ru

Ворошилова Мария Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, Россия); e-mail: shinkari@mail.ru.

Дроздецкая Анастасия Георгиевна – студент Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, Россия); e-mail: nastia.drozdetskaya@yandex.ru

Горская Мария Дмитриевна – студентка 1 курса магистратуры Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного

педагогического университета, учитель английского языка в МАОУ СОШ №32; e-mail.ru: mari.etoile@mail.ru

Грибан Ирина Владимировна – кандидат исторических наук; Уральский государственный педагогический университет, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, директор музея истории УрГПУ; e-mail: gribanirina@gmail.com

Гурова Наталия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанистики и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Пятигорский лингвистический университет»; e-mail: nataliagurova@yandex.ru

Джигоева Варвильна Павловна – Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, аспирант; e-mail: jio.varvilina@mail.ru

Дзюба Елена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург, Россия); e-mail: elenacz@mail.ru

Енина Лидия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент; Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н.Ельцина, кафедра русского языка и стилистики; e-mail: enina.lidia@gmail.com

Грамматчикова Наталья Борисовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; e-mail: n.gramatchikova@gmail.com

Заварзина Галина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент; Воронежский государственный педагогический университет, доцент; e-mail: zga1311@mail.ru

Зотова Анна Сергеевна – аспирант 2 года обучения кафедры риторики и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «УрГПУ»; e-mail: zotova_nauka@mail.ru;

Иванова Светлана Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета; e-mail: svet_victoria@mail.ru

Ильина Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина; e-mail: ilina.usu@gmail.com

Комаров Дмитрий Алексеевич – корреспондент газеты «Коммерсантъ-Урал» (ЗАО «Коммерсантъ в Екатеринбурге»); mail: komarov.dmit@gmail.com

Каблуков Евгений Викторович - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина; e-mail: kablukov.usu@gmail.com

Александр Александрович Казаков – кандидат политических наук, доцент; доцент кафедры политических наук ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов; e-mail: aldr.kazakov@gmail.com

Калинин Степан Сергеевич – соискатель, Военный Институт железнодорожных войск и военных сообщений Военной Академии материально-технического обеспечения, г. Санкт-Петербург; e-mail: rage_of_gods@inbox.ru

Кишина Елена Валерьевна – кандидат филологических наук; Кемеровский государственный университет, доцент кафедры русского языка.

Климова Татьяна Николаевна – студент Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации Уральского государственного университета.

Ковалева Кристина Андреевна – студент 2-го курса магистратуры по направлению «Филология»; Кемеровский государственный университет; e-mail: verle.kristina@yandex.ru

Кондратьева Ольга Николаевна – доктор филологических наук, доцент; Кемеровский государственный университет, профессор кафедры русского языка; e-mail: Kondr25@rambler.ru

Копцева Валентина Александровна – Innovative University of Eurasia, Master of Russian language and literature, a senior lecturer at “Journalism and Russian Philology” chair; e-mail: 83_valentina@mail.ru

Кошкарова Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, доцент; Южно-Уральский государственный университет, доцент кафедры международных коммуникаций; e-mail: nkoshka@rambler.ru, 8-922-22-500-22

Томберг Ольга Витальевна – кандидат филологических наук, доцент; Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, доцент кафедры иностранных языков и перевода Института фундаментального образования; e-mail: olgatomberg@yandex.ru,

Красовская Оксана Владимировна – доктор филологических наук, доцент; Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко, профессор кафедры социальных коммуникации; e-mail: rusistika@rambler.ru

Красса Сергей Иванович – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и лингводидактики, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь; e-mail: skrassa@yandex.ru.

Крижановская Елена Мечиславовна – кандидат филологических наук, доцент; ФБГОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», кафедра журналистики и массовых коммуникаций, доцент; e-mail: emkrizh@gmail.com; krizh@psu.ru

Кузина Юлия Викторовна – ассистент кафедры английского языка, методики и переводоведения ФГБОУ ВПО «Уральского государственного педагогического университета»

Култышева Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент; филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета г. Нижний Тагил, кафедра филологического образования и массовых коммуникаций, доцент.

Манаенко Геннадий Николаевич – доктор филологических наук, профессор; Северо-Кавказский федеральный университет, профессор кафедры русского языка; e-mail: manaenko@list.ru.

Михайленко Валерий Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры перевода и филологии Ивано-Франковского университета права имени Короля Данила Галицкого (Киев)

Мухортов Денис Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: dennismoukhortov@mail.ru

Нестеренко К.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого, Харьков, Украина; e-mail: nksenia@rambler.ru

Черняк Валентина Даниловна – доктор филологических наук, профессор; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, профессор кафедры русского языка.

Пентина Анна Юрьевна – кандидат филологических наук; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, доцент кафедры русского языка.

Петров Максим Вадимович – Уральский государственный педагогический университет, ИИЯ, кафедра английского языка, методики и переводоведения, ассистент.

Плахотная Юлия Ивановна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета; e-mail: pl-julia@mail.ru

Плотникова Анна Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; e-mail: annamp@yandex.ru

Садуов Руслан Талгатович – кандидат филологических наук Доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета; e-mail: Ruslan.saduov@gmail.com

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журнали-

стики Таврической академии (структурного подразделения) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского; e-mail: natasha-segal@mail.ru

Сергеева Елена Владимировна – доктор филологических наук, профессор; РГПУ им. А. И. Герцена, филологический факультет, кафедра русского языка; e-mail: elena.v.sergeeva@gmail.com

Смирнова Анна Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент; Кемеровский государственный университет, доцент кафедры немецкой филологии; e-mail: amica_anna@mail.ru

Маркин Артем Рафаилович - Кемеровский государственный университет, магистрант; e-mail: markin.artem@yandex.ru

Чудакова Наиля Муллахметовна – кандидат филологических наук, доцент; Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) РГППУ, доцент; e-mail: chudakova_n@rambler.ru

Шустрова Елизавета Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, методики и переводоведения Уральского государственного педагогического университета; e-mail: shustrovaev@mail.ru.

Энс Елизавета Сергеевна – магистр Кемеровского Государственного университета; e-mail: lis.ens@yandex.ru.

Януш Ольга Борисовна – кандидат политических наук; ФГБОУ ВПО «Казанский государственный энергетический университет», доцент кафедры Социологии, политологии и права; e-mail: yanush_ob@yahoo.com